ЦѢНА 2 РУБЛ.

Книга эга одна изъ тѣхъ рѣдкихъ крайне важныхъ и полезныхъ книгъ, которую положены великіе трактаты жизненныхъ началъ глубокихъ истинъ и вопросовъ, съ которыми приходится всѣмъ и каждому сводить итоги и постоянно считаться съ ними въ отношеніи высшихъ нравственныхъ цѣлей.

Великіе Принципы

и

Трактаты о Важныхъ Вопросахъ

и о

Конечныхъ Истинахъ и Началахъ

Мудрости

или

Великій Путь

къ

Уму, Энергіи и Геніальности.

МЫСЛИ

ВЕЛИКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

Сильная Воля, Твердость Характера, Непоколебимость Долга, Высшая Справедливость, Даръ слова и Практическая Высокая Способность, Гражданскіе подвиги, Нравственныя Начала, Мудрые Совѣты отъ МУДРЫХЪ.

Соч. Тайлоръ, Смайльсъ, Спенсеръ, Вольтеръ, Руссо, Раблэ, д'Израэли, Бэконъ, Гладстонъ, Сидней-Смитъ, Карлэйль, Мишлэ, Паскаль, Миль, Бокль, Дарвинъ, Кэри, Прудонъ, Дреперъ и Льюисъ.

Собранная и изданная трудами **А. М. ЗЕМСКАГО**, подъ редакціею **Бострема.**

4-е изданіе съ большими дополненіями.

МОСКВА. 1892—1893.

Типографія И. Я. Полякова, Покровка, д. Азанчевской.

Великій Путь
Мудрости
и
Трактаты Геніальности
Ума и Энергіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Умъ, геній, энергія и характеръ.

(Смайльсъ, Карлэйль, Спенсеръ, Тайлоръ и Смитъ).

Великіе люди, всегда исключительные люди, и само величіе ихъ есть нѣчто относительное; въ дѣйствительности же положеніе большинства людей до того стѣснено, что весьма немногимъ представляется случай оказать себя великими. Но за то у каждаго есть возможность добросовѣстно, честно и наилучшимъ по мѣрѣ силъ образомъ, употреблять свои способности. Способности эти онъ можетъ стараться употребить на хорошее, а не на дурное: человѣкъ можетъ стараться сдѣлать все наилучшее изъ своей жизни; онъ можетъ быть вѣрнымъ, справедливымъ, честнымъ и добросовѣстнымъ даже и въ мелочахъ; словомъ, онъ можетъ исполнить свой долгъ въ той сферѣ, въ которой провидѣніе его поставило.

Какъ ни кажется обыкновеннымъ такое исполненіе каждымъ его долга, оно олицетворяетъ собою высшій идеалъ жизни.

Характеръ пріобрѣтаетъ человѣку всеобщую благосклонность и уваженіе людей. Люди съ характеромъ, хотя, быть-можетъ, они и не обогатяться земными благами, найдутъ себѣ вознагражденіе въ честно пріобрѣтенномъ уваженіи и вполнѣ заслуженной доброй славѣ.

Справедливость требуетъ, чтобы добрыя дѣла и качества цѣнились, чтобы трудолюбіе, и добродѣтель и доброта стояли выше всего — и чтобы настоящіе лучшіе люди были бы первыми.

Въ дѣлахъ житейскихъ имѣетъ значеніе не столько умъ, сколько характеръ, не столько мозгъ, сколько сердце, не столько даровитость, сколько самообладаніе, терпѣніе и дисциплина, установленная разсудкомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ долженъ прежде всего запастись, какъ для частной жизни, такъ и для общественной, хорошею долею простого и здраваго смысла, смысла, которымъ управляла бы правдивость.

Такъ здравый смыслъ, наученный опытомъ и внушаемый добротой сердечной, въ концѣ-концовъ тоже мудрость *). И дѣйствительно, доброта до нѣкоторой степени неразлучна съ умомъ, высшимъ умомъ;— это соединеніе духовнаго съ житейскимъ. Сродство доброты и ума проявляются во многомъ; что они идутъ неразлучно рука объ руку можно заключить не только изъ того, что умъ дѣлаетъ человѣка добрымъ, но еще изъ того, что доброта дѣлаетъ его умнымъ.

Одну изъ величайшихъ движущихъ силъ въ мірѣ составляетъ характеръ. Онъ заявляетъ въ своихъ благородн

*) Карлэйль.

нѣйшихъ проявленіяхъ человѣческую природу въ лучшемъ ея видѣ, потому что онъ показываетъ лучшую сторону человѣка.

Мы видимъ, продолжаетъ Смайльсъ, что люди истинно превосходные во всѣхъ положеніяхъ жизни, люди трудолюбивые, высоко-нравственные и строго честные — невольно вызываютъ уваженіе всѣхъ и каждаго. Вѣра въ такихъ людей, высокое довѣріе къ нимъ и желаніе подражать имъ очень естественно. Все хорошее и доброе въ мірѣ поддерживается только ими, и еслибъ не было ихъ, то не стоило бы жить.

Если геній, говоритъ Смайльсъ, всегда вызываетъ удивленіе, за то характеръ большею частію пріобрѣтаетъ уваженіе. Первое есть дѣло мозга, а второе—сердца; въ общемъ же ходѣ жизнью управляетъ сердце. Геніальные люди дѣйствуютъ на разумъ, люди съ характеромъ на совѣсть.

Если прочное, непоколебимое сознаніе долга поднимаетъ часто человѣка до высшихъ настроеній, то оно же и поддерживаетъ его въ совершеніи обыкновенныхъ дѣлъ обыденной жизни.

Изъ всѣхъ добродѣтелей наиболѣе вліятельны тѣ, которыя наиболѣе требуются въ обыкновенной жизни. Онѣ нужнѣе и прочнѣе всего для домашней жизни; утонченныя же добродѣтели, которыя стоятъ выше уровня обыкновенной жизни, могутъ быть лишь источниками опасностей и искушеній. И дѣйствительно, мы можемъ всегда лучше понять и оцѣнить настоящій характеръ человѣка, зная какъ онъ велъ себя съ людьми, близкими къ нему, и какъ онъ велъ себя въ простыхъ, мелкихъ дѣ-

лахъ домашней жизни, чѣмъ еслибъ мы стали изучать общественную дѣятельность его какъ оратора, автора или общественнаго дѣятеля.

Если долгъ, большей частію, прилагается къ веденію обыкновенныхъ дѣлъ житейскихъ обыкновенными людьми, то въ такомъ случаѣ онъ является силою, двигающею людей съ характеромъ высшаго закала. У подобныхъ людей можетъ не быть ни денегъ, ни собственности, ни знанія, ни власти, но они могутъ быть сильны сердцемъ и богаты духомъ. вѣрны, честны и исполненны сознаніемъ долга.

«Всякій, говоритъ Спенсеръ, кто старается добросовѣстно исполнять свой долгъ, выполняетъ то назначеніе для котораго онъ созданъ, и вырабатываетъ въ самомъ себѣ характеръ.»

Есть очень много людей, о которыхъ можно сказать, что у нихъ нѣтъ ничего на свѣтѣ, кромѣ характера и, тѣмъ не менѣе, люди эти сознаютъ себя сильными.

Умственныя способности иногда соединяются съ самой низкой нравственностію, человѣкъ можетъ достигнуть самой высшей степени совершенства въ искусствѣ, литературѣ и наукѣ, а между тѣмъ, по честности, добродѣтели и сознанію долга слѣдуетъ поставить его ниже даже безграмотныхъ крестьянъ.

Богатство еще менѣе составляетъ какое-либо необходимое условіе твердаго характера. Напротивъ, оно гораздо чаще бываетъ причиною его развращенія и униженія. Ничто такъ не тѣсно связано между собою, какъ богатство и развратъ, роскошь и пороки. Богатство въ рукахъ людей слабыхъ, лишенныхъ всякаго

самообладанія, съ дурно направленными страстями — искушеніе, западня, и быть можетъ, даже источникъ безконечныхъ золъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для другихъ.

Напротивъ, бѣдность совмѣстна съ характеромъ въ его лучшихъ проявленіяхъ, и не разъ мы видѣли, что у человѣка можетъ ничего не быть, кромѣ честности, трудолюбія и воздержанности, и все-таки онъ можетъ занимать почетное мѣсто, наряду съ лучшими людьми.

«Простая честность намѣреній, говоритъ Смайльсъ, въ человѣкѣ много дѣлаетъ въ жизни, если только эта честность основана на точной оцѣнкѣ самаго себя и повиновеніи тѣмъ законамъ, справедливость которыхъ она чувствуетъ и не сознаетъ.» Она поддерживаетъ человѣка въ исполненіи долга, даетъ ему силу и опору, и составляетъ главный источникъ здравой дѣятельности. Ни одинъ человѣкъ не обязанъ быть богатымъ, знаменитостью или ученымъ, но честнымъ человѣкомъ обязанъ быть каждый.

Не смотря на то, что намѣренія должны быть честны, онѣ еще должны быть внушаемы здравыми началами, и ихъ должно осуществлять придерживаясь строго истины, честности и правдивости. Человѣкъ безъ принциповъ похожъ на корабль, у котораго нѣтъ ни руля, ни компаса, и который мѣняетъ направленіе свое съ каждой перемѣной вѣтра. Для него нѣтъ ни законовъ, ни правилъ, ни порядка.

Какъ талантъ, такъ и геній не рѣдкость въ свѣтѣ. Но развѣ можно довѣриться даровитымъ людямъ? Можно ли довѣриться генію? Нѣтъ, если въ нихъ отсутствуетъ

добросовѣстность и правдивость. Качество это, болѣе всякаго другаго, вызываетъ уваженіе и пріобрѣтаетъ довѣріе другихъ. Правдивость основа всякаго превосходства; она проявляется въ поступкахъ. Прямота эта, правдивость въ поступкахъ, проглядываетъ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ дѣйствіи. Она внушаетъ довѣріе и люди могутъ положиться на нее. Если на человѣка можно положиться, то онъ не лишенъ еще довѣрія, и если онъ скажетъ, что знаетъ то или другое, то навѣрное знаетъ это. Такая вѣра въ него даетъ ему право на общее уваженіе всѣхъ и каждаго.

Вотъ именно вслѣдствіе такого сильнаго значенія характера въ жизни, намъ часто случается встрѣчать людей, оказывающихъ вліяніе, повидимому, вовсе не соразмѣрное съ ихъ умственными дарованіями и способностями. Они дѣйствуютъ какъ бы съ помощью какой-то имъ присущей власти, какой-то скрытой силы, которая дѣйствуетъ тайно, однимъ лишь своимъ присутствіемъ и какъ будто добродѣтели ихъ служатъ имъ средствами къ пріобрѣтенію власти. Повидимому, вся тайна подобнаго вліянія состоитъ въ томъ, что цѣли такихъ людей, всегда чистыя и благородныя, дѣйствуютъ на другихъ съ убѣждающею силой.

Хотя извѣстность людей, одаренныхъ правдивымъ характеромъ, растетъ и медленно, но настоящія ихъ качества не могутъ оставаться вполнѣ незамѣченными. Они могутъ быть представлены ложно одними и не такъ поняты другими; ихъ могутъ на время постичь несчастія и неудачи, но, проявляя при этомъ терпѣніе и устойчивость, они непремѣнно вызовутъ довѣріе и внушатъ къ

себѣ полнѣйшее уваженіе, которое и вполнѣ заслуживаютъ.

Обыкновенно характеръ вырабатывается при разныхъ незначительныхъ и мелкихъ обстоятельствахъ, болѣе или менѣе подъ руководствомъ или контролемъ самаго человѣка. Не проходитъ и дня безъ того, чтобы онъ не научился чему нибудь, будь это въ хорошую или дурную сторону. Какъ бы ничтожно не было дѣйствіе, но оно влечетъ за собою послѣдствія. «Никогда не слѣдуетъ поддаваться мелочамъ, справедливо замѣчаетъ Спенсеръ, иначе мелочи эти, какъ бы человѣкъ ихъ не презиралъ, на дѣлѣ будутъ управлять имъ.»

Каждая мысль, каждое дѣйствіе, каждое чувство вноситъ свою долю участія въ общее образованіе характера и неизбѣжно повліяетъ на дальнѣйшій образъ дѣйствій человѣка. Такимъ образомъ характеръ подлежитъ постояннымъ измѣненіямъ или къ лучшему, или къ худшему, возвышается или унижается. «Нѣтъ такой ошибки, нѣтъ такой глупости въ моей жизни, говоритъ одинъ извѣстный писатель, именно Тайлоръ, воспоминаніе которыхъ, вставая постоянно предо мною, не отнимало бы у меня радость и не уменьшало бы мою силу представленія, обладанія и пониманія; напротивъ, все, что было хорошаго и честнаго въ моей жизни, теперь со мною и помогаютъ мнѣ въ моей борьбѣ съ этимъ видѣніемъ.»

Вообще хорошіе поступки дѣйствуютъ на тѣхъ, кто ихъ совершаетъ и производятъ въ нихъ реакцію; подобное же дѣйствіе производятъ и дурные. Кромѣ того, силою примѣра они производятъ еще одинаковое дѣй-

ствіе на тѣхъ, на которыхъ обращены. Человѣкъ не созданіе обстоятельствъ, но скорѣе онъ самъ ихъ создаетъ. Располагая свободою воли, онъ можетъ руководить своими поступками такъ, чтобы они оказались производительными скорѣе въ хорошую, чѣмъ въ дурную сторону. Вмѣсто того, чтобы говорить, что человѣкъ созданіе обстоятельствъ, вѣрнѣе было бы сказать, что человѣкъ архитекторъ обстоятельствъ. Характеръ создаетъ человѣку существованіе внѣ обстоятельствъ; могущество же наше измѣряется силою творчества. Изъ однихъ и тѣхъ же матеріаловъ одинъ человѣкъ строитъ дворцы, другой хижины, одинъ избы, другой изящныя виллы. Кирпичъ и известка, известка и кирпичъ, пока архитекторъ не превратитъ ихъ во что нибудь другое. Вотъ вслѣдствіе чего въ одной и той же семьѣ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ—одинъ братъ воздвигаетъ великолѣпное зданіе, между тѣмъ какъ другой, колебаясь и шатаясь, вѣкъ свой живетъ въ полуразваленной хижинѣ: гранитный блокъ, ставшій препятствіемъ на дорогѣ слабаго, послужилъ ступенью для возвышенія сильнаго.

Но, говоритъ Смайльсъ, выработать себѣ характеръ безъ всякихъ усилій и трудовъ не можетъ даже самый лучшій, въ нравственномъ отношеніи, человѣкъ. Для этого требуется со стороны человѣка постоянное упражненіе въ самонаблюденіи, самообладаніи и въ строгости къ самому себѣ. Само собой разумѣется, что при этомъ могутъ быть частыя колебанія, отступленія и даже временныя неудачи и пораженія; могутъ встрѣчаться затрудненія, искушенія, съ которыми неизбѣжно надо будетъ бороться, стараясь побѣдить ихъ; но человѣкъ съ честною душою и крѣпкимъ духомъ, никогда не долженъ отчаяваться, а напротивъ, твердо надѣяться, что въ результатѣ явится успѣхъ. Самое это стремленіе идти впередъ, выработать себѣ нравственность выше той, до которой мы уже достигали, имѣетъ свойство одушевлять и укрѣплять, и еслибъ намъ даже и не удалось достигнуть этой цѣли, то и въ такомъ случаѣ необходимо произойдетъ въ насъ улучшеніе при каждомъ честномъ стремленіи поднять нашъ нравственный уровень.

Глядя на великихъ представителей человѣчества, каждый человѣкъ не только имѣетъ право, но и долженъ стремиться къ достиженію характера высшаго закона: онъ долженъ сдѣлаться самымъ богатымъ, не матеріальными средствами, но духомъ; быть высокопоставленнымъ не по общественному своему положенію, но по строгой честности и правдивости: не самымъ сильнымъ и вліятельнымъ, но и самымъ честнымъ.

Характеръ, какъ мы видимъ, проявляется въ образѣ дѣйствія, направляемомъ и внушаемомъ принципами, честностью и практическою мудростью. Въ высшемъ проявленіи своемъ это есть ничто иное, какъ личная воля, энергически дѣйствующая подъ вліяніемъ религіи, нравственности и разума. Человѣкъ, обладающій характеромъ сильнымъ, выбираетъ обдуманно свой путь и твердо идетъ по немъ. Для такого человѣка долгъ выше людскаго мнѣнія, а спокойствіе совѣсти выше похвалы всего міра. Уважая личность другихъ, онъ

охраняетъ въ то же время свою собственную личность; у него хватаетъ мужества быть высоконравственнымъ и чистымъ, хотя бы даже поступки его не пользовались популярностью; онъ ожидаетъ спокойно, что время и опытъ оправдаютъ его.

Не смотря на сильное вліяніе примѣра на образованіе характера, всегда будетъ главной его основой творческая и поддерживающая сила собственнаго духа. Только одна эта сила можетъ возвысить жизнь и даровать человѣку личную независимость и энергію. «Если человѣкъ не можетъ стать выше самого себя, говоритъ поэтъ *Даніэль*, какое ничтожество человѣкъ!»

Безъ извѣстной степени практически дѣйствующей силы, состоящей изъ воли, которая служитъ обыкновенно основой характера и благоразумія, дающаго направленіе, жизнь наша была бы лишена опредѣленности и цѣли; тогда она походила бы на стоячую воду, а не была бы полезнымъ потокомъ, приводящимъ въ дѣйствіе машины цѣлаго края.

Когда элементы характера приведены въ дѣйствіе опредѣленною волею подъ вліяніемъ высокой цѣли и человѣкъ вступаетъ на путь долга и мужественно остается на немъ, хотя бы, пожалуй, это стоило ему потери мірскихъ интересовъ, то о такомъ человѣкѣ можно сказать, что онъ приближается къ самой высшей степени своего бытія. Онъ въ такомъ случаѣ проявляетъ характеръ съ его самой смѣлой стороны и олицетворяетъ высшую идею мужества. Дѣла подобнаго человѣка повторяются въ жизни и дѣйствіяхъ другихъ, и самыя слова его живутъ и обращаются въ дѣйствіе. Между тѣмъ, какъ

съ другой стороны, энергія, безъ честности и неодушевляемая добродѣтелью, можетъ представлять собою только олицетворенное начало зла. «Для идеала нравственнаго совершенства, говоритъ Карлэйль, нѣтъ болѣе врага, какъ идеалъ высшей силы и самой энергической жизни, если еще прибавить къ этому нѣкоторую примѣсь гордости, честолюбія и эгоизма—тогда получится совершенный идеалъ діавола.» Къ числу такихъ людей принадлежатъ величайшіе бичи и опустошители міра и тѣ избранные негодяи, которымъ провидѣніе, въ своихъ неисповѣдимыхъ цѣляхъ, допускаетъ исполнять на землѣ ихъ призваніе къ разрушенію. Къ этой категоріи можно причислить и Наполеона I, человѣка громадной энергіи, но безъ принциповъ. О людяхъ онъ былъ самаго низкаго мнѣнія: «Люди, говорилъ онъ, свиньи, которыхъ кормятъ золотомъ. Я бросаю имъ золото и веду ихъ куда мнѣ угодно.»

Напротивъ, совсѣмъ другое представляетъ человѣкъ, энергія характера котораго внушена благороднымъ духомъ, поступками чьими управляетъ прямота и для котораго исполненіе долга составляетъ законъ жизни. Въ общественной своей дѣятельности онъ честенъ и справедливъ, точно также какъ и въ частныхъ своихъ дѣлахъ и въ семейной жизни, потому что справедливость одно изъ необходимѣйшихъ условій для управленія, какъ семьею, такъ и цѣлымъ народомъ. Онъ будетъ честенъ во всемъ—на словахъ и на дѣлѣ; онъ будетъ великодушенъ и снисходителенъ къ своимъ врагамъ, равно какъ и къ слабо-характернымъ людямъ.

По мнѣнію Смайльса, человѣкъ съ характеромъ почтителенъ. Качество это составляетъ отличительное свойство высшаго и благороднѣйшаго типа какъ мужчины, такъ и женщины: имъ обусловливается уваженіе къ чистымъ помысламъ, возвышеннымъ идеаламъ и благороднымъ цѣлямъ, къ великимъ людямъ прошлыхъ временъ и труженикамъ мысли нашего времени. Почтительность необходима какъ для счастья отдѣльнаго лица, такъ и для семьи и даже цѣлаго народа. Безъ уваженія не можетъ существовать ни вѣры, ни довѣрія, ни общественнаго спокойствія, ни прогресса.

Человѣкъ съ благородной душою пользуется каждымъ происшествіемъ для увеличенія своей опытности, между которой и его разсудкомъ существуетъ союзъ; плодами же этого союза являются его поступки. Если онъ дѣйствуетъ во имя любви, то не изъ желанія пріобрѣсть любовь; онъ любитъ славу, гнушается порокомъ; онъ повинуется и управляетъ съ одинакою охотою, потому что и то и другое основано на уваженіи. Считая разсудокъ даромъ природы, онъ дѣлается кормчимъ своей собственной судьбы.

Время не убѣгаетъ отъ него, но идетъ вмѣстѣ съ нимъ; старость проявляется въ немъ не только въ признакахъ слабости тѣлесной, сколько въ укрѣпленіи силъ душевныхъ. Такимъ образомъ болѣзнь не составляетъ для него источника страданій; онъ смотритъ на нее, какъ на друга, желающаго снять съ него оковы и содѣйствовать ему выйдти изъ заключенія.

Энергія воли эта самобытная сила и основа всякаго великаго характера. Тамъ гдѣ энергія,—тамъ и жизнь,

а гдѣ нѣтъ ея, тамъ слабость, индиферентность и безпомощность. Сильный человѣкъ и водопадъ сами прокладываютъ себѣ дорогу. Человѣкъ энергическій и съ благородною душою не только отыщетъ дорогу для себя, но поведетъ за собою и другихъ. Каждое дѣйствіе его есть выраженіе его внутренняго я; въ каждомъ изъ нихъ проявляется сила, независимость, довѣріе къ себѣ, а потому невольно вызываетъ общее уваженіе, удивленіе и почтеніе.

„Такъ великій вождь привлекаетъ къ себѣ людей сроднаго съ нимъ характера, подобно тому, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо *)“. Въ каждомъ энергическомъ поступкѣ есть нѣчто заразительное. Люди мужественные вдохновляютъ слабыхъ и побуждаютъ ихъ слѣдовать своему примѣру. Тоже самое бываетъ и въ жизни повседневной. Хорошіе и сильные люди ведутъ за собою и другихъ впередъ; они какъ бы освѣщаютъ и возвышаютъ тѣхъ, которые соприкасаются съ ними. Ихъ можно назвать живыми центрами благодарной дѣятельности. Пусть человѣкъ съ прямымъ и энергическимъ характеромъ займетъ положеніе, соединенное съ довѣріемъ и вліяніемъ—и всѣмъ служащимъ его покажется будто ихъ власть усилилась. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ личный характеръ имѣетъ какое-то чарующее вліяніе. „Мнѣ стоитъ ударить ногой по землѣ Италіи, сказалъ Помпей, и предо мною встанутъ легіоны“. Такъ услыхавъ голосъ Петра пустынника, Европа встала и грянула на Азію. Были люди, которые одерживали побѣды

*) Тайлоръ.

даже послѣ своей смерти. „Никогда, говоритъ Мишле, не былъ Цезарь болѣе живъ, болѣе могущественъ, не внушалъ болѣе страха своимъ врагамъ, какъ въ ту минуту, какъ его трупъ лежалъ пронзенный ударами; въ эту минуту онъ казался очищеннымъ, искупленнымъ, словомъ, тѣмъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ былъ всегда, не смотря на многочисленныя свои ошибки—человѣкомъ преданнымъ вполнѣ человѣчеству".

Тоже самое можно сказать, говоря объ исторіи и правахъ. Дѣятельность великихъ людей всегда останется прочнымъ памятникомъ человѣческой энергіи. Человѣкъ умираетъ и исчезаетъ; но его дѣла и мысли переживаютъ его и кладутъ неизгладимую печать на его народность. Такимъ образомъ духовная сторона его жизни продолжается и увѣковѣчивается, образуя мысль и волю, а съ этимъ вмѣстѣ и складъ характера послѣдующихъ генерацій. Люди, идущіе впередъ по лучшему и благороднѣйшему направленію, являются настоящими свѣтилами въ дѣлѣ человѣческаго прогресса. Подобно высокимъ маякамъ они освѣщаютъ окружающую ихъ нравственную атмосферу, и свѣтъ ихъ генія долго еще продолжаетъ освѣщать цѣлый рядъ послѣдующихъ поколѣній.

Благоговѣніе и уваженіе къ великимъ людямъ, замѣчаетъ Спенсеръ, очень естественны. Такіе люди освѣщаютъ націю, къ которой они принадлежатъ, и возвышаютъ не только своихъ современниковъ, но и людей живущихъ послѣ нихъ. Ихъ великіе примѣры дѣлаются общимъ достояніемъ ихъ поколѣнія; а ихъ благородныя мысли и великіе подвиги составляютъ самое прекрасное

наслѣдство человѣчеству. Они составляютъ связующее звѣно между настоящимъ и прошлымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ цѣлямъ и будущаго, держа высоко знамя нравственности, поддерживая достоинство человѣка и наполняя умъ его дорогими преданіями и влеченіемъ ко всему благородному и прекрасному въ мірѣ.

Характеръ, проявившійся въ мысляхъ и поступкахъ, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ безсмертіе. Одинокая мысль великаго мыслителя, говоритъ Смайльсъ, будетъ жить въ умахъ людей въ продолженіи многихъ вѣковъ, пока наконецъ не сдѣлается руководителемъ ихъ мельчайшихъ поступковъ въ повседневной жизни. Она проходитъ чрезъ цѣлый рядъ поколѣній, въ ней какъ будто слышится голосъ умершаго и она вліяетъ на умы людей живущихъ тысячу лѣтъ спустя. Такъ Моисей, Давидъ и Соломонъ, Платонъ, Сократъ, Сенека, Цицеронъ и Эпиктетъ до сихъ поръ бесѣдуютъ съ нами; словно изъ своихъ могилъ. Они до сихъ поръ останавливаютъ на себѣ наше вниманіе и вліяютъ на образованіе характера, не смотря на то, что мысли ихъ переложены на чужіе имъ языки, которые въ ихъ время даже были не извѣстны. Паркеръ справедливо замѣтилъ, что одинъ человѣкъ, подобный Сократу, имѣетъ болѣе значенія для страны, чѣмъ нѣсколько штатовъ, въ родѣ штата южной Каролины; что еслибъ этому штату привелось въ настоящее время прекратить навсегда свое существованіе, то онъ оставилъ бы по себѣ въ мірѣ менѣе слѣдовъ, чѣмъ Сократъ.

Великіе дѣятели и великіе мыслители создаютъ исторію, которая ничто иное, какъ безконечное развитіе

рода человѣческаго подъ вліяніемъ людей съ характеромъ великихъ вождей, королей, философовъ, государственныхъ дѣятелей патріотовъ, словомъ, всѣхъ тѣхъ, изъ которыхъ состоитъ настоящая аристократія человѣчества. Всеобщая Исторія, говоритъ *Карлэйль*, въ сущности ничто иное, какъ исторія великихъ людей; они отмѣчаютъ различныя эпохи народной жизни и кладутъ на нихъ свою печать. Великіе люди дѣйствуютъ, но также и производятъ реакцію. Хотя, въ нѣкоторой степени, складъ ихъ ума продуктъ времени, тѣмъ не менѣе настроеніе общества, во многихъ отношеніяхъ, ихъ твореніе. Въ нихъ рождаются великія мысли, они бросаютъ ихъ въ свѣтъ и мысли эти производятъ то или другое событіе. Такъ первые реформаторы положили начало реформаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденію новѣйшей мысли. Эмерсонъ сказалъ, что на каждое историческое явленіе слѣдуетъ смотрѣть не болѣе, какъ на удлиненную тѣнь какого-либо великаго человѣка: такъ исламизмъ—тѣнь Магомета, Пуританское ученіе—Кальвина, іезуиты—тѣнь Лойолы, приверженцы уничтоженія рабства—Клэрксона.

Великіе люди отмѣчаютъ печатью своего ума вѣкъ и націю, къ которымъ они принадлежатъ. Подобные люди—настоящая жизненная сила той страны, къ которой принадлежатъ. Они поддерживаютъ и возвышаютъ ее, укрѣпляютъ и облагороживаютъ и придаютъ ей извѣстность, завѣщая ей образецъ характера и образа жизни.

При каждомъ ускореніи пульса народной жизни—умершіе герои встаютъ въ памяти людей, и кажутся

имъ величавыми зрителями, которыхъ присутствіе выражаетъ одобреніе. Чувствуя на себѣ взглядъ такихъ знаменитостей ни одна страна не погибнетъ. Люди такіе—соль земли, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти. Что дѣлали они, то и послѣ нихъ во всякое время вправѣ дѣлать ихъ потомки; примѣръ этихъ людей живетъ въ странѣ и является постояннымъ поощреніемъ и одобреніемъ для тѣхъ, кто обладаетъ мужествомъ принять его за образецъ.

«Но не однихъ великихъ людей слѣдуетъ принимать въ соображеніе при оцѣнкѣ нравственныхъ достоинствъ цѣлой націи, но еще и тѣ черты характера, которыя являются преобладающими въ большинствѣ народа *).» Нельзя познакомиться съ характеромъ народа, изучая только его образованныхъ представителей; этихъ вы можете встрѣтить вездѣ и повсюду они одни и тѣ же. Между тѣмъ какъ государственные дѣятели, философы, представители мыслящей силы общества, люди, начинающіе промышленныя предпріятія и прокладывающіе новыя дороги промышленности, а также и рабочій классъ, изъ среды котораго отъ времени до времени пополняются національныя силы и духъ, необходимо должны быть источниками жизненныхъ силъ націи и служить ей главною опорою и фундаментомъ.

Націи, точно также какъ и отдѣльныя лица, должны заботиться о поддержаніи своего характера. Тѣ же самыя качества, которыя опредѣляютъ характеръ отдѣльнаго лица, опредѣляетъ и характеръ націи. Безъ правди-

---

*) Сидней Смитъ.

вости, честности, благородства, мужества и добродѣтели, нація не пріобрѣтаетъ уваженія другихъ націй и никогда не будетъ имѣть въ мірѣ вѣса. Нація, для пріобрѣтенія характера и высокой нравственности, необходимо должна развить въ себѣ уваженіе къ другимъ, привычку подчиняться дисциплинѣ, самообладаніе и строгое сознаніе долга. Нація, для которой высшее божество—удовольствіе, деньги и торговля, будетъ всегда находиться въ очень жалкомъ положеніи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вліяніе общества на характеръ.

(Бэконъ, Смайльсъ и Гербертъ).

Говорятъ, какъ это утверждаетъ Бэконъ, что люди познаются по тому обществу, въ которомъ они вращаются. Очень естественно, что трезвый человѣкъ не станетъ дружиться съ пьянымъ, изящный съ грубымъ, порядочный съ безпорядочнымъ. Товарищество съ людьми развратными служитъ доказательствомъ низкаго вкуса и порочныхъ наклонностей; посѣщеніе подобнаго общества неизбѣжно ведетъ къ униженію характера. Разговоръ съ такими людьми весьма вреденъ, ибо если онъ и не приноситъ немедленно вреда, то оставляетъ вредныя сѣмена въ умѣ и мысли, порожденныя имъ, не оставляютъ насъ и тогда, когда мы отошли отъ него; это такого рода зараза, которая непремѣнно должна отозваться въ будущемъ.

Естественное домашнее воспитаніе продолжается далеко въ жизнь, или, вѣрнѣе, оно никогда не прекращается совершенно.

Но съ годами наступаетъ время, когда вліяніе семьи перестаетъ быть исключительнымъ въ дѣлѣ образованія характера; мѣсто его заступаетъ болѣе искусственное воспитаніе школы и общество друзей и товарищей, которое продолжаетъ формировать характеръ сильнымъ вліяніемъ примѣра.

Люди какъ молодые, такъ и старые, но преимущественно первые,—не могутъ не подражать тѣмъ, съ которыми ведутъ дружбу и знакомство.

И въ самомъ дѣлѣ, немыслимо, чтобы сношенія съ окружающими насъ людьми не имѣли сильнаго вліянія на развитіе и образованіе нашего характера. Люди, какъ говоритъ Смайльсъ, склонны отъ природы къ подражанію и всѣ, болѣе или менѣе, поддаются впечатлѣнію, которое производитъ на нихъ рѣчь, манеры, осанка и даже образъ мысли ихъ товарищей. Примѣръ много значитъ; примѣръ все: онъ настоящая школа людей.

Подражаніе, большею частію бываетъ въ такой сильной степени безсознательно, что дѣйствіе его почти незамѣтно: но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вліяніе его было менѣе прочно.

Рѣдкая перемѣна въ характерѣ становится очевидною только въ такомъ случаѣ, если впечатлительная натура приходитъ въ соприкосновеніе съ сильною натурою, способною производить впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе даже и самыя слабыя натуры не лишены нѣкотораго

вліянія на тѣхъ, кто ихъ окружаетъ. Столкновеніе мыслей, чувствъ и привычекъ встрѣчается ежеминутно, и дѣйствіе примѣра не прекращается никогда.

Замѣчено, что старые супруги, или даже люди, бывшіе въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ квартирными товарищами, постепенно становились очень похожими другъ на друга; такъ что еслибъ имъ суждено было протянуть свою жизнь долѣе обыкновенной, то ихъ, по всей вѣроятности, только съ большимъ трудомъ можно было бы отличить другъ отъ друга. Если подобное замѣчаніе вѣрно, относительно пожилыхъ людей, то на сколько же оно должно быть болѣе вѣрнымъ относительно людей молодыхъ, воспріимчивая натура которыхъ гораздо мягче, податливѣе и впечатлительнѣе, и на которыхъ несравненно болѣе ложится печать жизни и образа дѣйствій, окружающихъ ихъ лицъ.

Естественно, что обстоятельства, способствующія образованію характера, оказываютъ наибольшее вліяніе въ періодѣ возрастанія. Подражаніе и примѣръ переходятъ съ годами въ обыкновеніе и скрѣпляются привычкою, сила которой могущественна, что прежде чѣмъ мы успѣемъ ее замѣтить, мы уже, до нѣкоторой степени, уступили ей свою личную свободу.

Дурныя привычки, говоритъ далѣе Смайльсъ, до того деспотично управляютъ человѣкомъ, что часто этотъ послѣдній, проклиная свой порокъ, все-таки упорно поддается своимъ порочнымъ наклонностямъ. Будучи не въ состояніи бороться и противостоять силѣ привычки, онъ дѣлается ея рабомъ. Пріобрѣтеніе и утвержденіе за собой такой силы ума, которая бы могла смѣло всту-

пить въ борьбу съ владычествомъ привычки, можетъ почитаться однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ нравственной дисциплины.

Хотя и многое въ воспитаніи характера примѣромъ совершается самопроизвольно и нечувствительно для насъ, тѣмъ не менѣе молодые люди ни въ какомъ случаѣ не должны быть послѣдователями и подражателями тѣхъ, кто ихъ окружаетъ. Ихъ собственный образъ дѣйствій, гораздо болѣе, чѣмъ образъ дѣйствій ихъ товарищей и друзей, способствуетъ къ опредѣленію цѣли и установленію принциповъ ихъ жизни. Каждый изъ нихъ находитъ въ самомъ себѣ силу воли и свободнаго дѣйствія. Эта сила даетъ ему возможность сдѣлать свой собственный выборъ друзей. Только по слабости воли многіе становятся рабами своихъ страстей или рабскими подражателями другихъ.

Если молодые люди находятся подъ хорошимъ вліяніемъ, и если они добросовѣстно пользуются своею свободою, то они будутъ искать общества людей, которые нравственно стоятъ выше ихъ, и стараться подражать ихъ примѣрамъ. Въ обществѣ хорошихъ людей молодость всегда найдетъ себѣ наилучшую и полезную пищу, тогда какъ дурное общество только разовьетъ въ ней пороки. Есть люди, говоритъ д'Израэли, знакомство съ которыми немедленно рождаютъ въ насъ любовь, уваженіе не удивленіе къ нимъ; другіе же, напротивъ, съ перваго же знакомства внушаютъ отвращеніе и презрѣніе. Живя съ людьми возвышеннаго и благороднаго характера, вы почувствуете себя возвышенными и освѣщенными ихъ свѣтомъ.

Даже частыя сношенія съ людьми эгоистическими и посредственными могутъ оказаться въ высшей степени вредными, ибо способныя наводить сухое, скучное, сдержанное и себялюбивое настроеніе ума, всегда болѣе или менѣе враждебное истинному мужеству и неустрашимости характера.

Умъ очень скоро привыкаетъ бродить по узкимъ тропинкамъ, сердце съуживается и дѣлается недоступнымъ и нравственная сторона человѣка слабѣетъ, дѣлается не твердою, колеблется, становится податливою, что очень гибельно для всякаго великодушнаго стремленія и для достиженія истиннаго превосходства.

Съ другой стороны общество болѣе умныхъ и опытныхъ людей, чѣмъ мы сами, всегда имѣетъ на насъ болѣе или менѣе вдохновляющее вліяніе. Они увеличиваютъ наше значеніе жизни. Слушая ихъ сужденія, мы исправляемъ наши сужденія и становимся какъ бы участниками въ ихъ мудрости. Съ помощью ихъ глазъ мы расширяемъ нашъ собственный кругъ наблюденій, пользуемся ихъ опытностію и поучаемся, знакомясь не только съ тѣмъ, что составляло счастье и радость ихъ жизни, но что еще гораздо поучительнѣе — и съ ихъ страданіями. Если они сильнѣе насъ, мы получаемъ долю въ ихъ силѣ. Вотъ почему дружба съ людьми умными и энергичными не можетъ не имѣть очень даже важнаго вліянія на образованіе характера. Такая дружба умножаетъ наши средства, подкрѣпляетъ насъ въ нашихъ намѣреніяхъ, возвышаетъ и облагораживаетъ наши цѣли и даетъ намъ возможность дѣйствовать съ большою способностію и умѣніемъ, какъ вь нашихъ соб-

ственныхъ дѣлахъ, такъ и съ большею пользою для другихъ.

Для человѣка нѣтъ хуже товарища, какъ его собственное я; живя въ одиночествѣ, человѣкъ становится не только вполнѣ неумѣлымъ въ средствахъ, какія должно употреблять, чтобы помочь ближнему, но даже теряетъ всякое пониманіе тѣхъ нуждъ, которыя болѣе всего требуютъ помощи. Сообщество людей, хотя и не въ такой степени, чтобы нѣсколько часовъ уединенія были бы вполнѣ невозможными, снабжаетъ человѣка богато умноженной опытностію; такимъ образомъ пробужденное сочувствіе, хотя оно и зарождается, на перекоръ общепринятому правилу о милосердіи — внѣ дома, никогда не приминетъ принести богатыя сокровища обратно въ семью. Общество людей полезно еще и въ томъ отношеніи, что оно укрѣпляетъ нашъ характеръ и даетъ намъ возможность умнаго и хорошаго выбора средствъ, причемъ мы никогда не теряемъ изъ виду нашей главной цѣли.

Жизнь молодого человѣка можетъ получить совершенно новое направленіе вслѣдствіе счастливой мысли, во время сдѣланнаго намека или добраго и искренняго совѣта честнаго друга.

Именно въ молодости, пока характеръ человѣка не вполнѣ сложился, его склонность къ удивленію бываетъ всего сильнѣе. Но подвигаясь на жизненномъ пути, мы словно застываемъ въ нашихъ привычкахъ; слова Nil admirari (ничему не удивляться) слишкомъ часто дѣлаются нашимъ девизомъ. По мнѣнію Смайльса, полезно поощрять благоговѣніе передъ высокими характерами,

пока природа человѣка сохранила свою гибкость и впечатлительность, потому что если молодежь не будетъ преклоняться передъ добродѣтельными людьми, то, въ силу потребности своей создавать себѣ героевъ, она, вѣроятно, будетъ платить дань удивленія великимъ злодѣямъ и брать ихъ себѣ въ образцы.

Малые и невеликодушные умы не могутъ удивляться чистосердечно. Высочайшее ихъ несчастіе состоитъ въ томъ, что они не могутъ признавать — и еще менѣе почитать—великихъ людей и великія дѣла. Удивленіе ничтожныхъ людей также ничтожно, какъ и они сами. Для жабы высшій идеалъ красоты—ея жабья красота; для малаго хлыща высшій идеалъ человѣчества — большой хлыщъ. Торговецъ невольниками цѣнитъ людей по ихъ мускуламъ.

Самые непріятные тѣ люди, которые ко всѣмъ и ко всему относятся съ презрѣніемъ и насмѣшкою. Люди такого разряда очень часто видятъ въ успѣхахъ другихъ, даже въ успѣхахъ добраго дѣла, нѣчто похожее на личную для себя обиду. Они не могутъ равнодушно выслушать похвалы другому, въ особенности если этотъ другой одного съ нимъ званія, профессіи или ремесла; они охотно прощаютъ человѣку его неудачи, но никогда не простятъ ему его умѣнья исполнить какое-либо дѣло лучше, чѣмъ они его исполняютъ, и въ томъ, въ чемъ они сами потерпѣли неудачу, они являются самыми безжалостными порицателями. Величайшимъ утѣшеніемъ для такихъ людей бываютъ временныя отступленія и ошибки людей съ характеромъ. «Еслибъ люди умные обладали непогрѣшимостью, го-

ворить *Гербертъ*, то глупцамъ пришлось бы плохо.» Однако же, хотя умные люди и могутъ поучаться отъ дураковъ, избѣгая ихъ ошибки, дураки рѣдко пользуются примѣромъ, который представляютъ имъ люди умные. Жалка и низка та натура, всѣ заботы которой устремлены только на отысканіе пятенъ въ характерѣ великихъ людей, или великихъ эпохъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нравственная дисциплина.

(Раблэ, Смайльсъ, д'Израэли и Спенсеръ).

Нравственная дисциплина и ученіе—не менѣе необходимыя условія хорошаго воспитанія характера. Ими обусловливаются надлежащая система и порядокъ распредѣленія жизни; образованіе чувства самоуваженія, усвоиваніе привычки къ послушанію и развитіе идеи долга. Человѣкъ въ высшей степени самообладательный и умѣющій управлять собою, всегда подчиняется дисциплинѣ, и чѣмъ совершеннѣе эта дисциплина, тѣмъ выше его нравственный уровень. Онъ сознаетъ за собою обязанность строго слѣдить за своими желаніями и держать ихъ въ подчиненіи у болѣе высокихъ силъ своей природы. Человѣкъ, говоритъ Раблэ, необходимо долженъ повиноваться приказаніямъ внутренняго руководителя совѣсти, иначе онъ будетъ не болѣе какъ рабомъ своихъ наклонностей, игрушкою своихъ собственныхъ чувствъ и увлеченій.

Самообладаніе, по мнѣнію Смайльса, лежитъ въ основѣ всякой добродѣтели. Человѣку стоитъ только дать волю своимъ страстямъ и вліяніямъ и съ этой минуты онъ утрачиваетъ свою нравственную свободу. Онъ дѣлается навсегда рабомъ своихъ господствующихъ желаній и лишается силъ бороться съ жизнью. Чтобы быть нравственно свободнымъ, стоять выше безсловеснаго животнаго, человѣкъ долженъ обладать силою противостоять инстинктивнымъ побужденіямъ, а такая сила пріобрѣтается только упражненіемъ въ самообладаніи. Въ этой-то силѣ заключается настоящее различіе, существующее между жизнью нравственной и жизнью животной; она главная основа каждаго отдѣльнаго характера.

Сильнымъ человѣкомъ является тотъ, кто постоянно наблюдаетъ и контролируетъ свои мысли, слова и поступки, подчиняя ихъ строгой дисциплинѣ. Девять десятыхъ порочныхъ, унижающихъ общество желаній, которыя при потворствѣ разрастаются въ преступленія, могущія окончательно обезчестить человѣка, утратили бы всякое значеніе и силу, еслибъ имъ противопоставляли самобичеваніе, самоуваженіе и самообладаніе. При неослабномъ упражненіи въ этихъ добродѣтеляхъ, цѣломудріе, какъ душевное, такъ и умственное, обращается въ привычку, и характеръ воспитывается не въ порочности, а въ любви, добродѣтели и умѣренности.

Лучшею опорою характера всегда бываетъ привычка, которая смотря по тому, въ хорошую ли или въ дурную сторону направлена воля, окажется или кроткимъ

правителемъ, или жестокимъ деспотомъ. Съ одной стороны, мы можемъ быть ея добровольными подданными, съ другой—ея подобострастными рабами. Она можетъ стать нашей помощницей на пути къ добродѣтели или укоротить нашъ путь къ погибели.

Привычка образуется строгою выдержкою. Изумительно, какъ многаго можно достигнуть путемъ дисциплины и систематическаго обученія. Взгляните, напримѣръ, какъ изъ менѣе всего обѣщающаго матеріала, каковы неотесанные, взятые съ улицы мальчики. Или грубые, нечесанные, оторванные отъ плуга парни—строгая дисциплина и постоянныя упражненія вызываютъ неподозрѣваемыя въ нихъ качества: мужество, устойчивость и даже самопожертвованіе, посмотрите, какую неподдѣльную храбрость и сколько героизма выкажутъ эти люди, если они прошли чрезъ строгую дисциплину; они выкажутъ эти качества не только на полѣ сраженія, но и при гораздо болѣе сложныхъ опасностяхъ.

«Въ преобладаніи власти надъ самимъ собою заключается одно изъ совершенствъ идеала человѣка» *). Не дѣйствовать по увлеченію, не бросаться то въ одну, то въ другую сторону, повинуясь только желанію, стоящему въ данную минуту выше всѣхъ другихъ, но умѣть сдерживать себя, сохранять равновѣсіе, управляться совокупнымъ рѣшеніемъ всѣхъ чувствъ, собранныхъ на совѣщаніе для всесторонняго обсужденія поступка и для спокойнаго рѣшенія вопроса—вотъ цѣль, которой стре-

*) д'Израэли.

мится достичь воспитаніе, по меньшей мѣрѣ нравственное.

Первая и притомъ лучшая школа нравственной дисциплины — это семья; послѣ нея наступаетъ очередь школы, а затѣмъ и свѣта—этой великой школы практической жизни. Каждая изъ нихъ служитъ какъ бы приготовительною для слѣдующей, и дальнѣйшая жизнь какъ мужчины, такъ и женщины, большей частью обусловливается тою, которая ей предшествовала.

Нравственная дисциплина дѣйствуетъ съ силою закона природы. Подчиняясь ей, люди уступаютъ ей нечувствительно, и хотя ею обусловливаются общій складъ и строй характера, пока жизнь не кристализируется въ привычки—это вліяніе ея, тѣмъ не менѣе, остается большею частію невидимымъ и почти нечувствительнымъ.

Хотя нравственный характеръ во многомъ обусловливается природными наклонностями и физическимъ здоровьемъ, а также и домашнимъ раннимъ воспитаніемъ и примѣрами окружающихъ, тѣмъ не менѣе во власти каждаго регулировать, сдерживать свой характеръ, исправляя его неусыпнымъ и строгимъ самонаблюденіемъ. Одинъ очень компетентный воспитатель замѣтилъ о привычкахъ и наклонностяхъ, что имъ можно обучать такъ же какъ и латинскому и греческому языку, а между тѣмъ усвоеніе хорошихъ привычекъ и наклонностей составляетъ несравненно болѣе необходимое условіе счастія.

И дѣйствительно, говоритъ Смайльсъ, мы можемъ воспитать себя или въ привычкѣ быть терпѣливыми и довольными, или въ привычкѣ вѣчно брюзжать и быть недовольными. Мы можемъ пріучить себя преувеличивать мелкія бѣдствія и умалять великое счастье. Мы даже можемъ сдѣлаться жертвами ничтожныхъ дрязгъ, упадая духомъ передъ ними. Такимъ образомъ отъ насъ зависитъ воспитать въ себѣ или счастливое расположеніе, или болѣзненное. Въ самомъ дѣлѣ, привычка смотрѣть на вещи и на жизнь бодро и съ надеждою можетъ быть воспитана въ насъ, какъ и всякая другая привычка. Привычка смотрѣть на какое-то ни было событие съ его лучшей стороны цѣнно гораздо болѣе, чѣмъ тысячи годоваго дохода, вовсе не преувеличеннымъ.

Дѣловому человѣку необходимо подчиняться строгимъ правиламъ и системѣ. Въ занятіяхъ, какъ и въ жизни главнымъ регулирующимъ началомъ должна быть нравственность; успѣхъ въ обоихъ въ значительной степени обусловливается какъ правильностью и постоянствомъ въ расположеніи духа, такъ и тщательнымъ самоисправленіемъ: и то и другое даетъ человѣку власть не только надъ собою, но и надъ другими. Терпимость и самообладаніе сглаживаютъ дорогу жизни и открываютъ человѣку многіе пути, которые, если онъ не обладаетъ этими качествами, остаются для него недоступными. Подобные же результаты достигаются самоуваженіемъ, потому что человѣкъ, уважающій себя, будетъ относиться съ уваженіемъ и къ личности другихъ.

Терпѣніе и самообладаніе могутъ довести до совершенства истинно героическій характеръ. Эти качества были наиболѣе выступающими чертами всѣхъ великихъ людей.

Горячій нравъ не всегда бываетъ дурнымъ нравомъ;

но чѣмъ горячѣе нравъ, тѣмъ сильнѣе необходимость въ самоисправленіи и самообладаніи. Вообще люди улучшаются съ годами и по мѣрѣ увеличенія опытности; но такое улучшеніе обусловливается широтою, глубиною и великодушіемъ ихъ природы. Людей не такъ губятъ ихъ поступки, какъ ихъ поведеніе и образъ дѣйствій по совершенію проступка. Мудрый человѣкъ обратитъ себѣ на пользу самимъ имъ причиненныя себѣ страданія и будетъ впередъ стараться избѣгать ихъ; но бываютъ и такіе люди, на которыхъ опытность не производитъ вліянія, способствующаго ихъ улучшенію, а напротивъ дѣлаетъ ихъ съ годами все болѣе и болѣе озлобленными, порочными и узкими въ своихъ воззрѣніяхъ.

То, что называютъ въ молодомъ человѣкѣ горячимъ нравомъ, очень часто свидѣтельствуетъ о значительной суммѣ необработанной энергіи, которая непремѣнно израсходуется на полезныя дѣла, если только дорога къ нимъ будетъ ему вполнѣ открыта. Горячій нравъ происходитъ иногда отъ крѣпкой и раздражительной воли. Лишенный контроля и дисциплины, онъ проявляется страстными порывами и припадками; но сдерживаемый и подчиненный строгой дисциплинѣ, такой нравъ, подобно пару, замкнутому въ хорошо устроенный механизмъ паровой машины, дѣйствіе которой регулируется и сдерживается клапанами и рычагами,— можетъ быть обращенъ въ источникъ энергической дѣятельности и полезности. Вотъ почему нерѣдко случается видѣть, что величайшія историческія лица были люди, обладавшіе горячимъ, вспыльчивымъ нравомъ,

но которые вмѣстѣ съ тѣмъ умѣли съ твердою рѣшимостью держать свою движущую силу въ строгомъ подчиненіи дисциплинѣ.

Кто хочетъ провести жизнь честно и спокойно, тотъ необходимо долженъ пріучиться къ самопожертвованію, какъ въ мелкихъ вещахъ, такъ и въ крупныхъ. Люди обязаны не только нести жизнь, но и нести ее безъ ропота. Темпераментъ долженъ быть подчиненъ разсудку, а дурное расположеніе, капризъ и насмѣшки— надо рѣшительно не допускать близко; если они разъ посѣтятъ человѣка, то способны и еще разъ возвратиться, и наконецъ, поселиться въ немъ навсегда.

Для личнаго счастья необходимо наблюдать за словами не менѣе, чѣмъ за поступками, такъ какъ иныя слова бываютъ больнѣе ударовъ, и люди могутъ словами зарѣзать безъ ножа. Un coup de langue est pire qu'un coup de lance. Какъ трудно иногда бываетъ удержаться отъ вертящагося на языкѣ колкаго отвѣта, который могъ бы смутить противника! Есть слова, которыя разлучаютъ людей вѣрнѣе остраго меча; есть слова, наносящія такія раны сердцу, которыя не заживаютъ во всю жизнь.

Такимъ образомъ умѣнье сдерживать свой языкъ не менѣе другихъ качествъ свидѣтельствуетъ о силѣ характера. Благоразумный и терпѣливый человѣкъ съ умѣетъ воздержаться отъ желанія сказать острое, но жестокое слово, могущее уязвить чувства ближняго, между тѣмъ какъ глупецъ необдуманно болтаетъ все, что ему приходитъ въ голову, и скорѣе согласится оскорбить друга, чѣмъ пожертвовать своею штукою.

Однакожъ, иногда люди и не глупые бываютъ, вслѣдствіе недостатка сдержанности и самоукрощающаго терпѣнія, опрометчивы, какъ въ своихъ разговорахъ, такъ и въ своемъ образѣ дѣйствія. Случается, что даровитый человѣкъ, одаренный саркастическимъ умомъ и быстротою соображенія, увлекаясь, быть можетъ, веселымъ настроеніемъ минуты, скажетъ острое слово, которое можетъ пасть на него же самого и послужитъ ему во вредъ.

Конечно, бываютъ времена и случаи, при которыхъ выраженіе негодованія не только имѣетъ свое оправданіе, но даже свою необходимость. Мы обязаны выразить свое негодованіе въ виду неправды, эгоизма и жестокости. Человѣку съ высокими чувствами естественно вспылить благороднымъ негодованіемъ при видѣ низости и подлости, даже и въ такихъ случаяхъ, когда на немъ не лежитъ обязанность высказывать своего мнѣнія. Міръ богаче дурными людьми, чѣмъ хорошими и дурные всегда берутъ верхъ надъ хорошими, потому что обладаютъ большею смѣлостью.

Кто любитъ правду, тотъ не можетъ равнодушно относиться къ неправдѣ и несправедливости. Если онъ сильно чувствуетъ, то будетъ и сильно говорить, отъ полноты сердца. Тѣмъ не менѣе, мы все-таки должны остерегаться нетерпѣливаго выраженія гнѣва или презрѣнія. Даже самые хорошіе люди и тѣ способны быть нетерпѣливыми относительно нѣкоторыхъ вещей; часто то, что составляетъ серьезную сторону ихъ характера лишаетъ ихъ и терпимости. Изъ всѣхъ умственныхъ способностей наиболѣе рѣдкое — это терпимость мнѣній

и послѣднее слово цивилизаци учитъ насъ вѣрить въ трудности для насъ непонятныя.

Лучшее средство противъ расположенія къ нетерпимости — это увеличеніе мудрости и расширеніе житейскаго опыта. Развитой здравый смыслъ обыкновенно спасаетъ людей отъ затрудненій, въ которыя можетъ ихъ ввести нравственная нетерпимость; такъ какъ здравый смыслъ есть главнымъ образомъ такое настроеніе ума, которое даетъ владѣющему имъ возможность вести практическія дѣла справедливо, благоразумно, осторожно и снисходительно. Вотъ почему именно люди образованные и опытные бываютъ обыкновенно самые терпѣливые и терпимые, а люди невѣжественные и ограниченные, напротивъ, самые неумолимые и нетерпѣливые. Чѣмъ богаче запасъ практической мудрости, у людей, одаренныхъ широкою и великодушною натурою, тѣмъ болѣе снисхожденія оказываютъ такіе люди къ недостаткамъ другихъ, потому что они знаютъ, какъ велика сила обстоятельствъ при образованіи характера и какъ ограниченна у людей слабыхъ и лишенныхъ твердыхъ принциповъ способности противиться искушенію и заблужденіямъ. «Я не знаю такого сдѣланнаго кѣмъ-либо поступка, говоритъ Гете, котораго я самъ не могъ бы сдѣлать.»

Вообще, продолжаетъ Смайльсъ, жизнь въ значительной степени бываетъ тѣмъ, чѣмъ мы сами ее дѣлаемъ. Веселый человѣкъ создаетъ себѣ веселый міръ, мрачный человѣкъ, мрачный. Въ настроеніи людей, окружающихъ, мы часто видимъ только отраженіе своего собственнаго. Если мы сами сострадательны, то и въ

нихъ встрѣтимъ состраданіе къ себѣ; если мы неумолимы и взыскательны къ нимъ, то и они будутъ такими же къ намъ.

Если мы желаемъ сохранить мирныя отношенія къ людямъ и обезпечить себѣ ихъ уваженіе, то мы должны съ уваженіемъ относиться къ ихъ личности. Каждый человѣкъ имѣетъ свои особенности въ характерѣ и манерахъ, точно также, какъ имѣетъ ихъ въ чертахъ и складѣ лица, — и люди должны въ свои взаимныя отношенія вносить терпимость и снисхожденіе къ этимъ странностямъ. Разумѣется, что большею частію мы не сознаемъ эти странности, тѣмъ не менѣе существованіе таковыхъ—фактъ.

Есть люди, которые сильно хлопочутъ и безпокоятся о томъ, что говорятъ и думаютъ о нихъ и объ ихъ особенностяхъ другіе люди. Нѣкоторые черезъ-чуръ уже склонны отыскивать во всемъ дурную сторону и, судя другихъ по себѣ, выводятъ самыя неблагопріятныя для себя заключенія. Но въ большинствѣ случаевъ оказывается, что отсутствіе снисходительности къ намъ въ другихъ, тамъ, гдѣ оно дѣйствительно существуетъ— есть только отраженіе нашей собственной строгой взыскательности и нашего недостатка въ благонравіи. Но еще чаще бываетъ, что мученіе, которому мы сами себя подвергаемъ, имѣетъ свой источникъ въ нашемъ собственномъ воображеніи. Допустивъ даже, что мнѣніе людское о насъ будетъ лишено всякаго снисхожденія, то и въ такомъ случаѣ раздраженіе наше противъ него будетъ по меньшей мѣрѣ безполезно. Этимъ мы подаемъ такимъ людямъ только новый поводъ къ

выраженію своей злобы и недоброжелательства. Мужество самонаблюденія выражается многими способами, но нигдѣ не выражается оно такъ ясно, какъ въ честномъ образѣ жизни. Люди, лишенные добродѣтели самоотреченія, не только подчиняются своимъ собственнымъ эгоистическимъ желаніямъ, но и находятся обыкновенно въ рабствѣ у другихъ, съ ними одинаково настроенныхъ людей. Что другіе дѣлаютъ, то дѣлаютъ и они. Они находятъ нужнымъ жить, согласно съ искусственными требованіями своего класса, сорить деньгами подобно своимъ сосѣдямъ, не думая о послѣдствіяхъ и въ то же время они, быть-можетъ стремятся жить выше своихъ средствъ. Каждый влечетъ за собою другаго, и ни у кого нѣтъ нравственнаго мужества остановиться. Они никакъ не могутъ противостать искушенію жить широко, хотя, пожалуй, и на счетъ другихъ, и, мало-по-малу, перестаютъ думать о своихъ долгахъ, пока совсѣмъ въ нихъ не запутаются. Во всемъ этомъ есть значительная доля нравственной трусости, малодушія, недостатка въ мужественной независимости характера.

Человѣкъ здравомыслящій, говоритъ Спенсеръ, отшатнулся бы отъ желанія казаться тѣмъ, чѣмъ онъ ни есть въ дѣйствительности, или представляться болѣе богатымъ, или вести образъ жизни, не оправдываемый его обстоятельствами. У него достанетъ мужества жить честно на свои средства, а не безчестно на средства, другихъ, ибо кто дѣлаетъ долги для того, чтобы жить выше своихъ доходовъ, тотъ въ сущности также безчестенъ, какъ и тотъ, кто открыто залѣзетъ въ чужой карманъ.

Быть-можетъ, многимъ покажется такое воззрѣніе

крайнимъ, но оно выдерживаетъ самую строгую критику. Жить на счетъ другаго не только безчестно, но и такое же отсутствіе правды въ дѣлахъ, какъ ложь въ словахъ. Безпокойное желаніе имѣть то, что у насъ нѣтъ, и быть тѣмъ, чѣмъ быть не можетъ, есть корень всякой безнравственности.

Такъ, замѣчаетъ Смайльсъ, наблюденія надъ воровствомъ, основанныя на внимательномъ изученіи характера множества преступниковъ, привели къ тому выводу, что причиною преступленія обыкновенно бываетъ ни невѣжество, ни пьянство, ни бѣдность, ни избытокъ населеніе въ большихъ городахъ, ни искушеніе окружающаго богатства, ни какая-нибудь другая изъ многихъ второстепенныхъ причинъ, на которыя иногда указываютъ,—но стремленіе пріобрѣсти собственность съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ какой требуется для обыкновенной промышленности.

Человѣкъ благоразумный бережливъ въ своихъ средствахъ и честно оплачиваетъ свои расходы. Онъ не старается прослыть человѣкомъ болѣе богатымъ, чѣмъ это есть на дѣлѣ, или, входя въ долги, открыть себѣ путь къ раззоренію. Если можно назвать безбѣднымъ того человѣка, который, при не большихъ средствахъ, умѣетъ обуздывать свои страсти и желанія, то также точно можно считать богатымъ того, чьи средства болѣе чѣмъ достаточны для удовлетворенія его нуждъ. Даже самые стѣсненныя обстоятельства не исключаютъ возможности сохранить достоинство въ отношеніи *моего и твоего*, и никому, кромѣ развѣ наибѣднѣйшихъ, нѣтъ надобности всю свою жизнь, изо-дня въ день, думать

только объ увеличеніи своихъ средствъ, если только расходы благоразумно не превышаютъ доходовъ.

Человѣкъ можетъ пренебрегать своими денежными интересами ради высшихъ цѣлей; но если онъ хочетъ наслаждаться тѣми удовольствіями, которыя покупаются за деньги, то онъ долженъ честно заработывать ихъ, а не жить заработками другихъ, какъ это дѣлаютъ люди, входящіе въ долги, не имѣя возможности уплатить ихъ.

Долги были причиною раззоренія очень многихъ малодушныхъ людей, не умѣвшихъ устоять передъ соблазномъ брать въ кредитъ то, чего за неимѣніемъ средствъ, не могли купить на деньги. Надо думать, что полное уничтоженіе закона, дающаго заимодавцамъ возможность получить обратно долги, сдѣланные при извѣстныхъ обстоятельствахъ, вѣроятно, оказалось бы большимъ благодѣяніемъ для общества. Но при конкурренціи въ торговлѣ являются всевозможныя поощренія входить въ долги, такъ какъ заимодавцы увѣрены, что получатъ свои деньги обратно, въ крайнемъ случаѣ съ помощію закона.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сознаніе долга.

(Смайльсъ, Тайлоръ и Карлэйль).

Твердое сознаніе долга, говоритъ Смайльсъ, вѣнецъ—характера. Это законъ поддерживающій человѣка въ его высшихъ положеніяхъ. Лишенный сознанія долга, человѣкъ спотыкается и падаетъ при первомъ дуновеніи несчастія или искушенія; между тѣмъ, какъ вдохновляемый имъ, самый слабый становится крѣпокъ и полонъ мужества. Долгъ—цементъ, связывающій все нравственное зданіе; безъ него ни власть, ни добродѣтель, ни правдивость, ни счастье, ни даже любовь — не могутъ имѣть прочнаго пребыванія, и все зданіе, на которомъ основано наше нравственное существованіе, распадается подъ нами, и мы остаемся среди развалинъ, удивленные и пораженные, при видѣ нашей собственной пустоты.

Всѣмъ и каждому обязателенъ долгъ. Его долженъ исполнять каждый, кто только желаетъ сохранить къ

себѣ довѣріе въ настоящемъ и избѣжать нравственной несостоятельности. Это обязательство долгъ, который можетъ быть уплаченъ лишь добровольными усиліями и неутомимою дѣятельностью въ дѣлахъ жизни. Долгъ обнимаетъ всю жизнь человѣка, во всѣхъ его періодахъ.

Начало его въ семьѣ, гдѣ съ одной стороны являются обязанности дѣтей въ отношеніи къ родителямъ, а съ другой обязанности родителей въ отношеніи къ дѣтямъ. Кромѣ того, въ семьѣ существуютъ взаимныя обязанности мужа къ женѣ, хозяина къ прислугѣ; внѣ же дома слагаются обязательныя отношенія человѣка къ человѣку въ качествѣ друзей и сосѣдей, хозяевъ и слугъ, управителей и управляемыхъ.

Такимъ образомъ долгъ наполняетъ всю жизнь, начиная съ нашего вступленія въ нее и до самой смерти: долгъ въ отношеніи къ высшимъ, долгъ въ отношеніи къ низшимъ, долгъ къ равнымъ, долгъ человѣка къ человѣку и долгъ человѣка къ Богу. Гдѣ есть сила дѣйствовать или направлять дѣйствія другихъ, тамъ является и долгъ, ибо мы не болѣе какъ управляющіе, на которыхъ возложена обязанность извлекать пользу изъ средствъ, довѣренныхъ намъ, какъ для нашего собственнаго блага, такъ и для блага ближняго.

Долгъ основанъ на чувствѣ справедливости, справедливости, вдохновляемой любовью, которая есть совершеннѣйшая форма добродѣтели.

Долгъ не чувство, а принципъ, которымъ проникнута вся жизнь; онъ проявляется въ поступкахъ и поведеніи главнымъ образомъ опредѣляемыхъ совѣстью и свободною волею человѣка.

Въ исполненіи долга связывается голосъ совѣсти безъ регулирующаго и наблюдающаго вліянія которой величайшія и самыя блестящія умственныя способности могутъ быть не болѣе, какъ сбивающіе съ пути огоньки.

Совѣсть, говоритъ Тайлоръ, ставитъ человѣка на ноги, а воля поддерживаетъ его въ этомъ положеніи. Совѣсть— нравственный наставникъ сердца: оно наставляетъ человѣка на хорошіе поступки, на хорошія мысли—и только съ помощью ея вліянія можетъ вполнѣ развиться благородный и честный характеръ у человѣка.

Но, съ другой стороны, совѣсть, какъ бы громко ни раздавался ея голосъ, если мы только не приложимъ энергической воли, будетъ голосомъ вопіющимъ въ пустынѣ. Волѣ представлена свобода выбора между добромъ и зломъ; но выборъ, если за нимъ не слѣдуетъ непосредственно дѣйствіе, не имѣетъ значенія. При твердомъ сознаніи долга и ясно опредѣленномъ образѣ дѣйствій, мужественная воля, поддерживаемая совѣстью, даетъ человѣку возможность, даже въ виду оппозиціи и затрудненій, смѣло продолжать свой путь и привести въ исполненіе задуманное дѣло. И если даже въ результатѣ будетъ неудача, то человѣку останется по меньшей мѣрѣ то утѣшеніе, что онъ дѣйствовалъ во имя долга.

Люди, вдохновляемые высокими принципами, очень часто готовы скорѣе пожертвовать всѣмъ, что имъ дорого и мило, чѣмъ не исполнить своего долга.

Жить—какъ утверждаетъ Смайльсъ, значитъ дѣйствовать съ энергіей; такъ какъ жизнь борьба, въ которой надо бороться храбро. Вдохновляемый благородною и честною рѣшимостью, человѣкъ обязанъ не покидать своего поста и, если нужно, умереть на немъ. Онъ долженъ рѣшиться имѣть благородную смѣлость, сильную волю и намѣреніе идти неуклонно по пути долга. Истинное величіе человѣка не состоитъ въ исканіи удовольствія, славы или повышенія—не въ томъ, чтобы каждый искалъ себѣ славы, но въ томъ, чтобы каждый исполнялъ свой долгъ.

Исполненію долга мѣшаютъ болѣе всего слабость намѣреній, колебанія и нерѣшительность. Съ одной стороны стоятъ совѣсть и сознаніе добра и зла, а съ другой—лѣнь, эгоизмъ, любовь къ удовольствіямъ или страсти. Слабый и недостаточно дисциплинированный человѣкъ остается нѣкоторое время въ недоумѣніи между этими вліяніями; но, наконецъ, вѣсы наклоняются въ ту или другую сторону, смотря по тому, призвана ли воля къ дѣйствію, или нѣтъ. Если она останется бездѣятельною, то верхъ берутъ низшія вліянія эгоизма или страсти. Такимъ образомъ человѣку приходится отказаться отъ своего человѣческаго достоинства, отречься отъ своей личности, унизить свой характеръ и обратиться въ покорнаго раба своихъ страстей. Способность немедленно поправлять свою волю, подчиняясь внушеніяхъ совѣсти для борьбы съ низшими инстинктами, существенно важна въ нравственной дисциплинѣ и безусловно необходима для развитія характера въ его лучшей формѣ. Нужно долгое и постоянное упражненіе для того, чтобы пріобрѣсти привычку хорошо поступать, умѣть противодѣйствовать злому искушенію, бороться съ чувственными желаніями, побѣждать врожденный эгоизмъ; когда же мы

научились исполнять долгъ свой, исполненіе его обращается въ привычку, и потому становится сравнительно легкимъ. Человѣкъ доблестный—тотъ, кто энергическимъ употребленіемъ воли такъ воспиталъ себя, что пріобрѣлъ привычку къ добродѣтели; а человѣкъ дурной тотъ, кто, оставивъ въ бездѣйствіи свою волю и разнуздавъ свои желанія и страсти, пріобрѣлъ привычку порока, которая наконецъ оковываетъ его какъ бы желѣзными цѣпями.

Только дѣйствіемъ собственной воли человѣкъ пріобрѣтаетъ твердость принциповъ. Только поддерживаемый собственными усиліями онъ можетъ стоять прямо: чужая помощь не въ силахъ поддерживать его.

Онъ господинъ самъ себѣ и своихъ дѣйствій, онъ можетъ избѣгать лжи и быть правдивымъ. Онъ можетъ отвращаться отъ чувственности и быть воздержаннымъ; онъ, наконецъ, можетъ сторониться отъ жестокости и быть благосклоннымъ, всепрощающимъ. Все это не выходитъ изъ сферы личныхъ усилій и обусловливается самовоспитаніемъ. Отъ самыхъ людей зависитъ —будутъ ли они во всѣхъ этихъ отношеніяхъ свободны, не порочны и добры, или сдѣлаются рабами, людьми порочными и злыми.

Мы, говоритъ Эпиктетъ, не выбираемъ себѣ ролей въ жизни, и онѣ отъ насъ ни сколько не зависятъ; нашъ долгъ ограничивается ихъ хорошимъ исполненіемъ. Рабъ можетъ быть также свободенъ какъ консулъ, а свобода есть высшее благо; передъ ней преклоняются всѣ другія; всѣ другія, кромѣ ея, ничтожны; съ нею всѣ другія не нужны, безъ нея невозможны. Людямъ необходимо слѣдуетъ внушать, что счастье не тамъ, гдѣ они его и

ищутъ, въ своей слѣпотѣ и ничтожествѣ. Оно не въ силѣ, не во власти и не во всемъ этомъ вмѣстѣ, ибо Неронъ, Крезъ, Сарданапалъ и Агамемномъ вздыхали, плакали, рвали на себѣ волосы и были рабами обстоятельствъ и игрушкою призраковъ. Счастье въ насъ самихъ, въ истинной свободѣ, въ отсутствіи низкаго страха или въ побѣдѣ надъ нимъ; въ полномъ самообладаніи, въ возможности пользоваться довольствомъ и миромъ и вести невозмутимую жизнь въ бѣдности, болѣзни, изгнаніи.

Сознаніе долга, говоритъ Карлэйль, есть сила, поддерживающая даже мужественнаго человѣка. Оно не даетъ ему спотыкаться и увеличиваетъ его твердость. Тщательно избѣгайте также выказывать, какимъ бы то ни было образомъ, ваше неудовольствіе или досаду. Это огорчитъ вашихъ друзей, послужитъ торжествомъ для вашихъ соперниковъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ вести къ хорошимъ послѣдствіямъ. Ведите себя такъ, чтобы заслужить самое лучшее, на что вы можете надѣяться, и тогда сознаніе вашего хорошаго поведенія васъ поддержитъ въ томъ случаѣ, если вамъ не дастся то, что вы заслужили. Направьте свое честолюбіе на то, чтобы быть первымъ въ исполненіи долга.

Бываютъ люди до того безчестные и узкіе въ своихъ взглядахъ, что они даже гордятся своимъ іезуитскимъ искусствомъ говорить двусмысленно, своимъ умѣньемъ, подобно змѣѣ, извиваться и уклоняться отъ правды, употребляя всевозможныя нравственныя увертки, съ цѣлью скрыть свои настоящія мнѣнія и избѣжать послѣдствій, могущихъ произойти, если они будутъ смѣло и открыто высказывать ихъ. Системы и учрежденія, въ основѣ ко-

торыхъ лежитъ подобная изворотливость, необходимо должны оказаться ложными и непрочными. Въ какой бы изящный нарядъ ни облекалась ложь—она никогда не внушаетъ довѣрія. Откровенное лганье, хотя и болѣе смѣлое и даже порочное, въ концѣ-концовъ, внушаетъ все-таки менѣе презрѣнія, чѣмъ такія двусмысленности и такое виляньe.

Неправдивость, говоритъ Смайльсъ, проявляется еще и во многихъ другихъ формахъ; въ умолчаніи съ одной стороны или преувеличеніи съ другой; въ утаеніи или искаженіи истины; въ притворномъ согласіи съ чужими мнѣніями; въ обѣщаніяхъ или намекахъ на обѣщанія, которыя мы не имѣемъ намѣренія исполнить, въ нерѣшимости сказать правду, когда сказать ее требуетъ долгъ. Есть и такіе люди, которые готовы всѣмъ все обѣщать; говорить одно, дѣлать другое. Но, какъ водится, подобные люди, думая обмануть другихъ, большею частію обманываютъ только себя. Обладая въ высшей степени неискренностію, они никакимъ образомъ не могутъ внушить къ себѣ довѣрія и, наконецъ, оказываются людьми несостоятельными, если не обманщиками.

Другіе опять бываютъ неправдивы въ своихъ претензіяхъ и въ приписываніи себѣ достоинствъ, которыми въ дѣйствительности вовсе не обладаютъ. Человѣкъ же правдивый, бываетъ, напротивъ, скроменъ и не выставляетъ на показъ ни себя, ни своихъ дѣйствій.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О нравѣ и расположеніи духа.

(Гольдсмитъ, Смайльсъ и Тайлоръ).

Бодрое и веселое расположеніе духа не только богатый источникъ жизненнаго наслажденія, но въ то же время и сильная охрана характера. Веселое расположеніе духа, говоритъ Смайльсъ, первое условіе, оно и второе, оно же и третье. Оно представляетъ лучшую почву для воздѣлыванія доброты и добродѣтели. Оно даетъ ясность сердцу, радость и эластичность уму. Это спутникъ милосердія, воспитатель терпѣнія, мать мудрости. Оно также составляетъ одно изъ лучшихъ нравственныхъ и умственныхъ укрѣпляющихъ средствъ. Самое дѣйствительное лѣкарство — это веселое расположеніе духа.

Для успѣха въ жизни кротость нрава и веселость — не менѣе необходимое условіе, чѣмъ таланты. Какъ бы

то ни было, но можно навѣрное сказать, что счастіе человѣка обусловливается главнымъ образомъ *ревностью* расположенія его духа, его терпѣніемъ и выносливостью, добротою и заботливостью о благосостояніи ближнихъ. Стараясь о счастіи другихъ, — мы находимъ свое собственное.

Бываютъ счастливыя натуры, которыя во всемъ и всегда умѣютъ отыскать хорошую сторону. Нѣтъ того бѣдствія, изъ котораго они не извлекли бы утѣшительной и успокоительной мысли, нѣтъ того мрачнаго неба, на которомъ они не увидали бы проглядывающаго здѣсь или тамъ солнечнаго луча; но если даже солнце и остается невидимымъ для ихъ глазъ, то и въ такомъ случаѣ они по меньшей мѣрѣ утѣшаютъ себя мыслью, что оно здѣсь, и если скрыто отъ нихъ, то непремѣнно съ какою нибудь благою и мудрою цѣлью.

Такія счастливыя натуры по истинѣ достойны зависти. Въ глазахъ ихъ свѣтится какой-то лучъ — лучъ удовольствія, веселья, лучъ какой-то религіозной радости, нравственной чистоты, — какъ хотите назовите Если имъ дано нести бремя, они несутъ его бодро, безъ ропота, безъ тоски, не тратя своихъ силъ на безполезныя жалобы и плачъ, но, борясь мужественно, идутъ впередъ, срывая мимоходомъ тѣ цвѣты, которыя попадаются на ихъ дорогѣ.

Да не подумаетъ никто, что люди, о которыхъ мы теперь говоримъ, слабы и неразсудительны. Напротивъ, самыя широкія и многообъемлющія натуры обыкновенно бываютъ также самыя добрыя, самыя любящія, самыя

довѣрчивыя и самыя сильныя надеждою и упованіемъ. Нравственный свѣтлый лучъ, пробивающійся сквозь мракъ самыхъ темныхъ тучъ, распознается быстрѣе всего человѣкомъ мудрымъ, обладающимъ проницательностію зрѣнія. Въ бѣдствіяхъ минуты онъ прозрѣваетъ будущее благо; въ болѣзняхъ узнаетъ усиліе природы возстановить здоровье; въ испытаніяхъ находитъ исправленіе и дисциплину; въ горѣ и страданіяхъ почерпаетъ мужество, познанія и болѣе совершенную практическую мудрость.

Хотя веселое расположеніе духа въ сильной степени обусловливается прирожденнымъ темпераментомъ, тѣмъ не менѣе его можно привести и воспитать въ себѣ не хуже всякой другой привычки. Мы можемъ произвольно сдѣлать изъ жизни наилучшее или наихудшее употребленіе; отъ насъ самихъ зависитъ во многомъ обратить ее въ источникъ радости и горя. Жизнь представляетъ всегда двѣ стороны, слѣдовательно, въ нашей волѣ смотрѣть на хорошую или мрачную. При выборѣ того или другаго нами должна руководить сила воли и помогать намъ выработать въ себѣ привычку быть счастливыми; или на оборотъ. Мы можемъ поощрять въ себѣ наклонность смотрѣть предпочтительно на лучшую сторону вещей, а не на худшую. И если мы видимъ тучи, то зачѣмъ же закрывать свои глаза отъ серебрящейся сквозь ихъ подкладки?

Внутренній лучъ освѣщаетъ всю жизнь, наполняя красотою и радостью всѣ фазисы ея; онъ проливаетъ свѣтъ свой на холодъ и согрѣваетъ его, на страданія и успокоиваетъ ихъ, — на невѣжество и просвѣщаетъ его, на

горе и утѣшаетъ его. Внутренній лучъ придаетъ блескъ умственнымъ способностямъ и возвышаетъ прелесть своей красоты. Безъ него нельзя чувствовать солнечнаго сіянія жизни, невозможно пониманіе всей прелести цвѣтовъ, небесныя и земныя чудеса остаются невидимыми и непризнанными, и весь міръ представляется не болѣе, какъ мрачною, бездушною и безжизненною пустотою.

Веселость нрава — полезное и очень превосходное качество для повседневной жизни. Кто-то назвалъ такое расположеніе—ясною погодою души. Дѣйствительно, веселость вливаетъ въ душу гармонію и есть вѣчная мелодія безъ слова. Веселое расположеніе замѣняетъ отдыхъ. Оно даетъ организму возможность безпрерывно пополнять и подкрѣплять свои силы, тогда какъ недовольство и тоска разслабляетъ его, ибо влекутъ за собою постоянныя слезы и нытье.

Величайшіе изъ геніальныхъ людей, на сколько извѣстно по ихъ біографіямъ, были по большей части, люди веселые, довольные, не жаждущіе извѣстности, денегъ или власти, но наслаждавшіеся жизнью, что отразилось на ихъ сочиненіяхъ.

«Въ жизни, говоритъ Гольдсмитъ, мы часто встрѣчаемъ старыхъ молодыхъ людей и молодыхъ стариковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, не смотря на свои преклонные года, бодры и веселы какъ юноши, напротивъ, другіе даже въ отрочествѣ печальны и угрюмы, какъ озабоченные и упавшіе духомъ старики.»

Любовь, надежда и терпѣніе—настоящіе источники веселости. Любовь воскресаетъ любовь и пораждаетъ любящую доброту. Любовь поддерживаетъ въ человѣкѣ снисходительное и благосклонное мнѣніе о ближнихъ. Любовь полна состраданія кротости и правдивости. Она знатокъ добра и всегда старается видѣть только лучшую сторону вещей; лице ея постоянно обращено къ счастью. Она видитъ величіе даже въ мельчайшей былинкѣ и сіяніе солнца на цвѣтахъ. Она поощряетъ хорошія намѣренія и разливаетъ вокругъ себя радостную атмосферу.

Она ничего не стоитъ, между тѣмъ неоцѣненна, ибо она источникъ благодати для тѣхъ, кто ею обладаетъ и расцвѣтаетъ роскошнымъ счастьемъ въ груди тѣхъ, на которыхъ обращена, даже причиняемое ею горе сопряжено съ наслажденіемъ и слезы, проливаемыя иногда чрезъ нее, полны сладости.

Слѣдуетъ принять за общее правило, говоритъ Тайлоръ, что человѣкъ увеличиваетъ сумму своего собственнаго счастія пропорціонально тому количеству счастія, которое доставляетъ другимъ. Его доброта вызываетъ доброту и въ другихъ и счастіе его увеличивается сознаніемъ своей собственной благотворности. Сказать доброе слово стоитъ не большаго труда, чѣмъ сказать недоброе. Добрыя слова, говоритъ Смайльсъ, порождаютъ добрые поступки, не только со стороны тѣхъ, къ которымъ они обращены, но и со стороны тѣхъ, кто ихъ употребляетъ. Конечно бываютъ примѣры, что старанія благотворительности могутъ не принести пользы тѣмъ, для кого онѣ дѣлались; но для тѣхъ отъ кого онѣ исходятъ, такія старанія, при разумномъ направленіи, всегда окажутся благотворными. Доброе и дружеское поведеніе можетъ иногда встрѣтить неблагодарность и быть отпла-

чено поведеніемъ недостойнымъ; но отсутствіе признательности со стороны получателя не можетъ уничтожить самоодобренія, которое служитъ наградою дающему.

Намъ такъ не много стоитъ бросать вокругъ себя сѣмена привѣтливости и благосклонности: нѣкоторыя изъ нихъ неизбѣжно упадутъ на добрую почву и разрастутся въ добрыя дѣла. Кромѣ того они принесутъ плоды счастья и въ сердцахъ тѣхъ, изъ которыхъ выростутъ. Всякое доброе дѣло непремѣнно получаетъ награду, а иногда даже и двойную.

И такъ, человѣческое счастье много зависитъ отъ пропорціональности числа тѣхъ, которыхъ мы любимъ— къ числу тѣхъ, которые насъ любятъ. Самый величайшій успѣхъ въ свѣтѣ, какими бы честными средствами онъ ни былъ достигнутъ, сравнительно мало способствуетъ нашему счастью, если только не соединяется съ живымъ чувствомъ благосклонности къ каждому человѣку.

Дѣйствительная доброта есть величайшая сила въ свѣтѣ. Сама сила не имѣетъ половины того могущества, какое имѣетъ кротость. Людьми, по большой части, управляютъ лучше по средствамъ привязанности.

Въ самомъ дѣлѣ, почему же сила не можетъ проявляться въ доставленіи удовольствія, какъ и въ доставленіи страданія?

Доброта выражается не въ поддержкахъ, а въ кротости и великодушіи духа. Люди могутъ быть щедры на деньги, которыя вынимаются изъ кошелька, но при этомъ быть скупыми на благосклонность, исходящую

изъ сердца. Доброта, выражающаяся подачею денегъ, стоитъ не многаго, а польза, приносимая ею, очень часто равняется вреду; тогда какъ облагодѣянія искренняго сочувствія и осмысленной помощи никогда не остаются безъ благодѣтельныхъ результатовъ.

Доброта нрава, проявляющаяся въ благодѣяніяхъ, не должна быть смѣшиваема съ слабостью или глупостью. Въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ она является не только пассивнымъ состояніемъ души, но и дѣятельнымъ. Она никакимъ образомъ не можетъ быть названа качествомъ безразличнымъ; она, напротивъ, внушаетъ глубокое сочувствіе. Ею характеризуется не низшія и слабѣйшія стороны человѣческой жизни, но и тѣ, которыя одарены высшей организаціей. Истинная доброта служитъ поддержкою и оказываетъ дѣятельную помощь всѣмъ, творя практически осмысленными средствами добрыя дѣла въ настоящемъ; кромѣ того, прозрѣвая далекое будущее, она заботится, чтобы старанія и труды человѣчества на пути къ счастью и возвышенію оживлялись тѣмъ же духомъ.

Благосклонно расположенные люди составляютъ дѣятельную часть рода человѣческаго, тогда какъ эгоисты, скептики, люди, любящіе только самихъ себя, составляютъ праздную.

Эгоизмъ, скептицизмъ и себялюбіе оказываются плохими товарищами въ жизни и являются чувствами неестественными, преимущественно въ молодыхъ людяхъ. Эгоистъ очень близокъ къ фанатику, такъ какъ онъ постоянно занятъ самимъ собою, то у него не остается времени думать о другихъ. Онъ во всемъ нахо-

дитъ отношеніе къ себѣ и думаетъ о себѣ, изучаетъ себя и наконецъ его собственное ничтожное я становится для него единственнымъ божествомъ.

Самые худшіе и несносные эгоисты тѣ, которые вѣчно брюзжатъ, жалуясь на судьбу, которые находятъ все существующее дурнымъ, а между тѣмъ никогда не сдѣлаютъ ни одного шага для улучшенія положенія дѣлъ,—которые всякую почву признаютъ безплодною. Такіе люди неизмѣнно оказываются самыми ненадежными и плохими помощниками въ школѣ жизни. Подобно тому, какъ худшіе работники бываютъ обыкновенно самые ревностные охотники до зрѣлищъ и увеселеній, такъ и наименѣе трудолюбивые члены общества первые готовы жаловаться. Худшее изъ всѣхъ колесъ то, которое скрипитъ.

Нѣкоторые люди до такой сильной степени поддерживаютъ въ себѣ состояніе постояннаго недовольства, что такое чувство, обращается наконецъ въ болѣзнь. Для человѣка, одержимаго желтухой, все кажется желтымъ. Недовольному и уныло настроенному человѣку представляется, что все дѣлается не такъ, какъ слѣдуетъ, и что все въ мірѣ лишено разумно-стройнаго порядка. Все для него предметъ досады.

Многіе совершенно взрослые люди одержимы болѣзненною неразумностью. Бываютъ и такіе, про которыхъ можно по истинѣ сказать, что для нихъ плохое здоровье—наслажденье; они смотрятъ на него, какъ на нѣкотораго рода имущество. Они способны ежеминутно говорить: „моя головная боль“, „моя спинная боль“ и т. д., такъ что наконецъ, такіе разговоры превращаются у нихъ въ манію. Но можетъ быть, что для нихъ это источникъ сильно желаемаго сочувствія, безъ котораго они можетъ статься уразумѣли бы свое сравнительно не большое значеніе въ мірѣ.

Мы, говоритъ Тайлоръ, должны быть постоянно на стражѣ противъ чувства мелкой досады, ибо поощря, его, мы очень легко поддаемся врожденной склонности превращать маленькія непріятности въ большія. И такъ, главный источникъ мученій въ мірѣ не настоящія, но воображаемыя бѣдствія—мелкая досада и пустые огорченія. Въ виду великаго и истиннаго горя мелкія непріятности исчезаютъ, но мы бываемъ черезъ чуръ склонны слагать въ наши сердца какое нибудь излюбленное нами мелкое горе и лелѣять его тамъ. Въ большинствѣ случаевъ такое горе—плодъ нашего собственнаго воображенія; забывая какъ много намъ дано средствъ, не выходящихъ изъ предѣловъ возможнаго, для нашего счастья. мы нѣжимъ этого нашего баловня и потворствуемъ ему, пока наконецъ онъ не сдѣлается нашимъ господиномъ. Мы затворяемся отъ веселости и окружаемъ себя мракомъ: жизнь же наша получаетъ свой колоритъ отъ тѣхъ нравственныхъ привычекъ, которыя мы въ нее вносимъ; вотъ вслѣдствіе чего дѣйствуя такимъ образомъ, мы не чувствительно дѣлаемся недовольными, мрачными и теряемъ способность сочувствовать другимъ. Разговоры наши наполняются сожалѣніями. Сужденія наши о людяхъ полны рѣзкости и жестокости. Мы становимся необщительными и приписываемъ этотъ недостатокъ другимъ. Мы обращаемъ душу нашу въ складочное мѣсто всевозмож-

ныхъ страданій, нами самими созданныхъ, но которыя тѣмъ не менѣе безпокоятъ и насъ и окружающихъ насъ людей.

Такое расположеніе духа поддерживается себялюбіемъ, или вѣрнѣе сказать, оно служитъ выраженіемъ чистаго самолюбія, безъ малѣйшей примѣси сочувствія или уваженія къ чувствамъ окружающихъ. Однимъ словомъ—это дурно направленное своенравіе. Оно произвольно, ибо его можно избѣгнуть. Какіе бы доводы не представляли люди, проповѣдующіе теорію необходимости, свобода воли и дѣйствій дорована всякому мужчинѣ и всякой женщинѣ. Иногда она можетъ быть предметомъ нашей гордости, но очень часто бываетъ предметомъ нашего позора: все обусловливается тѣмъ, какъ мы будемъ ею пользоваться. Отъ насъ зависитъ смотрѣть на свѣтлую или темную сторону вещей. Мы можемъ слѣдовать за добрыми мыслями и избѣгать злыхъ. Мы можемъ неправильно мыслить и неправильно чувствовать, или наоборотъ, смотря потому, какъ мы сами рѣшимъ. Жизнь для каждаго изъ насъ во многомъ будетъ тѣмъ, чѣмъ мы ее сдѣлаемъ. Истинные обладатели міра—веселые люди, ибо міръ принадлежитъ тѣмъ, которые умѣютъ имъ наслаждаться.

Однако надо допустить, что не рѣдко бываютъ случаи, неподлежащіе ученію моралистовъ. Такъ напримѣръ одинъ несчастный, истощенный труднымъ пищевареніемъ, обратился къ врачу спеціалисту и изложилъ ему свою болѣзнь. „О, сказалъ докторъ, вамъ всего нужнѣе посмѣяться отъ души; подите и посмотрите

нашего комика Гримальди“.—Увы, отвѣчалъ несчастный меланхоликъ—я самъ Гримальди.

Неспокойный, тревожный и ничѣмъ не довольный нравъ, всегда готовый идти на встрѣчу заботамъ и печалямъ, гибеленъ какъ для личнаго счастья, такъ и для спокойствія окружающихъ. Какъ часто случается намъ видѣть мужчинъ и женщинъ, которые словно одѣты въ женскую щетину, такъ что боишься подойдти къ нимъ подъ страхомъ быть уколотымъ. Сумма бѣдствій, производимыхъ въ обществѣ, благодаря отсутствію контроля въ нѣкоторыхъ случаяхъ—положительно ужасна. Такимъ образомъ удовольствія жизни отравляются и сама жизнь уподобляется прогулкѣ босикомъ по дорогѣ, поросшей шипами, колючками и терномъ. Хотя и случается, что маленькія бѣдствія, подобно невидимымъ насѣкомымъ, наносятъ большія мученія, и хотя и правда, что достаточно бываетъ и одного волоска, чтобы остановить дѣйствіе огромной машины, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ не забывать, что главный секретъ для сохраненія комфорта заключается въ умѣньи не позволять пустякамъ тревожить насъ; а также и въ благоразуміи не пренебрегать маленькими удовольствіями, такъ какъ очень небольшое число большихъ отдается въ откупъ на продолжительное время.

Постоянно предвидѣть дурное вовсе не лучшее средство для борьбы съ нимъ. Если мы будемъ постоянно носиться съ нашими тягостями, они наконецъ насъ раздавятъ. Когда зло наступитъ, мы должны встрѣтить его мужественнѣе, и бороться съ нимъ, полные упованія. Мы должны стоять твердо, чтобы ни случилось, а для того должны весело покоряться разнообразнымъ вліяніямъ

пестрой жизни. Можете, пожалуй назвать это легкомысліемъ и вы будете отчасти правы. Пока мы на землѣ, мы должны наслаждаться землею и тѣмъ, что цвѣтетъ и увядаетъ на ея лонѣ. Сознаніе того, что смертная жизнь земная есть не болѣе, какъ только путь къ высшей цѣли, ни сколько не должно лишать насъ способности весело ею наслаждаться. Напротивъ, мы скорѣе должны стараться такъ дѣлать, ибо иначе не будемъ имѣть никакой энергіи въ дѣйствіи.

Веселость сопровождаетъ также терпѣніе, которое является однимъ изъ главнѣйшихъ условій счастія и успѣха въ жизни. Кто хочетъ чувствовать себя удовлетвореннымъ, тотъ долженъ быть терпѣливъ. Терпѣніе побѣждаетъ все.

Послѣднее и величайшее изъ благъ, говоритъ Смайльсъ, есть надежда, обладаніе которою чрезвычайно распространено, потому что даже тѣ, у кого ничего нѣтъ, имѣютъ надежду. Надежда есть величайшій помощникъ бѣднымъ; ее даже называютъ «хлѣбомъ бѣднаго человѣка.» Но въ то же время она является вдохновительницею великихъ дѣлъ и сильною поддержкою во время ихъ совершенія.

X Какъ ни велики удовольствія, доставляемыя воспоминаніемъ, они бѣдны сравнительно съ наслажденіями, доставляемыми надеждою, ибо надежда порождаетъ всѣ усилія и всѣ подвиги, и «каждый благородный даръ духа согрѣтъ постояннымъ дыханіемъ надежды.» Ее можно назвать нравственнымъ рычагомъ, который двигаетъ міромъ и поддерживаетъ его дѣятельность. Еслибы не было надежды, сказалъ Байронъ, гдѣ бы было будущее?

Въ аду. Безполезно говорить о томъ, гдѣ настоящее, ибо большинство изъ насъ это знаетъ. Что же касается до прошедшаго, то что преобладаетъ въ воспоминаніи? Обманутыя надежды Ergo, во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ мы находимъ надежду, надежду и надежду! X

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Успѣхъ въ дѣлахъ.

(Гладстонъ, Смайльсъ, и Бэконъ).

Любимымъ мнѣніемъ невѣждъ всегда было то, что геніальные люди не способны къ практическимъ дѣламъ.

Если мы, говоритъ Гладстонъ, разсмотримъ качества, необходимыя для успѣшнаго веденія всякаго важнаго предпріятія, то мы видимъ, что это требуетъ спеціальной способности, находчивости въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, умѣнья организовать работы не рѣдко для большаго числа людей, большой смѣтливости и знанія человѣческой природы, постояннаго самосовершенствованія и глубокой опытности въ практической жизни.

Путь успѣха, говоритъ Смайльсъ, есть неизмѣнно путь здраваго смысла. Не смотря на то, что говорятъ вообще о «счастливыхъ случайностяхъ» лучшій родъ успѣха всякой человѣческой дѣятельности никогда не зависитъ отъ случая. Мы имѣемъ полное право разсчитывать только на то благополучіе, которое съумѣемъ

сами приготовить для себя. Каждый молодой человѣкъ, если хочетъ полезно и счастливо прожить на свѣтѣ, долженъ преимущественно полагаться только на самого себя и на свои собственныя силы. Давать большія пособія молодымъ людямъ едва ли заслуживаетъ оправданія. Они, большей частію, воображаютъ свои наличныя средства гораздо большими, чѣмъ это бываетъ въ дѣйствительности, и не хотятъ трудиться. Молодой человѣкъ, разумѣется, съ характеромъ сильнымъ, всегда долженъ помнить слѣдующія слова: Вы должны сами проложить себѣ дорогу и отъ вашихъ собственныхъ условій зависитъ умереть ли съ голоду или нѣтъ.

Жизнь, слишкомъ удобно устроенная имѣетъ дурное вліяніе на человѣка. Лучше быть въ необходимости переносить тяжелый трудъ и лишенія, чѣмъ имѣть все готовымъ къ нашимъ услугамъ. Въ самомъ дѣлѣ, вступленіе въ жизнь съ сравнительно малыми средствами становится необходимымъ, какъ возбуждающее средство къ труду, и, быть-можетъ, составляютъ одно изъ главныхъ условій успѣха въ жизни. Мы видимъ, что успѣхъ однихъ зависитъ отъ большихъ дарованій, другимъ помогаютъ сильныя связи, нѣкоторымъ слѣпое счастье, но болѣе всего успѣвали тѣ, кто начиналъ жить не имѣя ни гроша.

Нужда есть первое побудительное средство къ труду. Рѣдко не удается тамъ, гдѣ дѣйствуютъ осторожно, устойчиво, съ энергіей. Съ этой точки зрѣнія, необходимость труда не наказаніе, а благополучіе, истинное основаніе и источникъ всего того, что мы обыкновенно называемъ прогрессомъ въ частности и цивилизаціей

народовъ вообще. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли возможно придумать болѣе тяжкое наказаніе для человѣка, какъ совершенное удовлетвореніе всѣхъ его желаній безъ усилій съ его стороны, не оставляя ему ни надеждъ, ни стремленій, ни борьбы. Сознаніе, что жизнь лишена всякаго побужденія или необходимости трудиться, должно быть изъ всѣхъ другихъ ощущеній самымъ тяжелымъ, самымъ невыносимымъ для всякаго разумнаго существа.

Если людямъ не удается жизнь, они тотчасъ принимаютъ тонъ угнетенной невинности и очень скоро обвиняютъ каждаго въ своихъ личныхъ неудачахъ и несчастіяхъ, кромѣ, разумѣется, самихъ себя.

Всякое состояніе налагаетъ на человѣка нѣкоторыя обязанности, и, вслѣдствіе этого, онъ непремѣнно долженъ развить въ себѣ способность ихъ выполнять; будь это торговля, ремесло или кругъ домашняго хозяйства.

Вниманіе, усидчивость, аккуратность, методъ, точность и поспѣшность—главныя качества, требуемыя для дѣятельнаго веденія какого бы то ни было дѣла. Качества эти окажутся на первый взглядъ не важными, но, однакожъ, онѣ существенно необходимы для счастія человѣка, для его благосостоянія и пользы. Правда, это бездѣлица; но вѣдь вся жизнь человѣческая состоитъ изъ сравнительныхъ пустяковъ. Она есть повтореніе бездѣлицъ, которыя составляютъ не только сумму человѣческаго характера, но также служатъ опредѣленіемъ характера народовъ. Причина гибели людей въ частности и цѣлыхъ народовъ почти всегда заключается въ пренебреженіи пустяковъ; это скала, о которую они всегда разбиваются. Результатъ ежедневнаго опыта показываетъ, что постоянное вниманіе къ причинамъ мелочей составляетъ основаніе человѣческаго прогресса, и что прилежаніе главная причина удачи. Аккуратность имѣетъ подобное же важное значеніе: она есть признакъ дѣятельности человѣка. Точность въ наблюденіи, точность въ рѣчи и направленіи дѣлъ. Все касающее дѣла должно быть хорошо сдѣлано; лучше въ совершенствѣ выполнить небольшую часть дѣла, чѣмъ сдѣлать плохо въ десять разъ болѣе.

Но не смотря на это, на точность, это чрезвычайно важное качество, мы обыкновенно обращаемъ очень мало вниманія; между тѣмъ, какъ въ торговлѣ даже небольшія сдѣлки требуютъ точности, которая часто располагаетъ людей къ вамъ, или противъ васъ. Честный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но постоянно не аккуратный человѣкъ не можетъ пользоваться довѣріемъ; дѣло его не подвинется впередъ, кромѣ того, его ожидаетъ много непріятностей, хлопотъ и огорченій. Много говорятъ о независимости, которую мы должны почерпнуть изъ того, или другаго источника, но мы убѣждены, что наша промышленная независимость зависитъ отъ насъ самихъ.

Методъ существенно необходимъ; онъ помогаетъ удовлетворительно выполнять очень большія работы. Методъ—похожъ на укладку товаровъ; хорошій укладчикъ помѣститъ въ тюкъ на половину болѣе чѣмъ худой. Усидчивость является слѣдствіемъ точнаго пониманія цѣнности времени. Время—это богатство; но это богатство не имѣетъ никакого значенія безъ труда, но употребленное съ пользою всегда вознаграждаетъ труды

прилежнаго работника. Продуктъ этотъ, находящійся безъ употребленія, во всякомъ случаѣ, принесетъ только вредныя и дурныя послѣдствія. Самая меньшая польза, приносимая разумнымъ употребленіемъ времени—это отсутствіе убытка, потому что праздный мозгъ—дьявольская мастерская, а лѣнивый человѣкъ—опора дьявола. Занятый мозгъ—это квартира, приносящая доходъ, а мозгъ праздный—пустая квартира. Если воображенію дана полная воля, то человѣкомъ легко овладѣваютъ разныя искушенія и преступныя мысли. Замѣчено, что на морѣ, чаще, чѣмъ гдѣ нибудь случаются волненія и мятежи, потому что на морѣ людямъ меньше дѣла. Вотъ почему однажды старый капитанъ, за неимѣніемъ другаго занятія, приказывалъ матросамъ чистить якорь.

Люди дѣла приняли за правило, что время—деньги; однако оно имѣетъ еще больше значенія. Существенная польза его самосовершенствованіе, самоиспытаніе и выработка характера. Если бы одинъ только часъ времени ежедневно потраченный на глупости или бездѣлье, употреблялся на самоиспытаніе, незнающій человѣкъ сдѣлался бы умнѣе въ нѣсколько лѣтъ, и время, употребленное на дѣльную работу, сдѣлало бы его жизнь полезною и дало бы ему возможность совершить много хорошихъ дѣлъ. Пятнадцать минутъ ежедневно посвящая самоулучшенію принесли бы пользу въ концѣ года. Хорошія мысли и старательно пріобрѣтенный опытъ не занимаютъ мѣста, они сопровождаютъ насъ какъ товарищи вездѣ, не причиняя намъ ни издержекъ, ни затрудненій. Экономическое употребленіе времени есть вѣрное средство обезпечить себѣ досугъ; оно даетъ намъ возможность просмотрѣть и окончить дѣло раньше, безъ особенныхъ усилій. Съ другой стороны, дурное распредѣленіе времени причиняетъ непріятности, безпокойство и затрудненія, и даже жизнь дѣлается настоящимъ сплетеніемъ средствъ, ведущихъ обыкновенно къ несчастію.

Нѣкоторые люди тогда только начинаютъ понимать цѣнность денегъ, когда растратятъ ихъ, точно также поступаютъ съ своимъ временемъ. Оно проходитъ у нихъ въ бездѣльи, потомъ, когда жизнь ихъ почти прожита, они начинаютъ раздумывать о томъ, что надо бы сдѣлать изъ нея болѣе разумное употребленіе. Но привычка къ безпечности и къ праздности уже такъ глубоко въѣлась въ нихъ, что они не въ силахъ разорвать оковы, которыми сами себя опутали. Потеря состоянія вознаграждается трудолюбіемъ, потеря знанія — ученіемъ, потеря здоровья — умѣренностью и медицинскими пособіями, но потеря времени не вознаградима.

Опредѣленное пониманіе времени, говоритъ Бэконъ, также пріучаетъ къ точности. Точность необходимое условіе честнаго и дѣловаго человѣка. Ничто не внушаетъ такъ скоро довѣрія, какъ недостатокъ точности. Тотъ, кто исполняетъ точно свою должность, не станетъ задерживать васъ, потому что онъ дорожитъ вашимъ временемъ, какъ своимъ собственнымъ. Слѣдовательно, точность одинъ изъ способовъ, которымъ мы заявляемъ наше личное уваженіе къ тѣмъ, кто призванъ участвовать вмѣстѣ съ нами въ дѣлахъ жизни, нѣкоторымъ образомъ это вѣжливость, это контрактъ, выраженный или подразумѣваемый, и тотъ, кто его не выполняетъ, нарушаетъ довѣріе и безчестно пользуется временемъ дру-

гаго, и при томъ неминуемо теряетъ свое доброе имя. Слѣдовательно, мы приходимъ къ тому заключенію, что личность безпечно распоряжающая своимъ временемъ, также безпечна въ отношеніи дѣла и ей нельзя довѣрить дѣлъ большой важности.

Неточный человѣкъ можетъ назваться вообще нарушителемъ мира и спокойствія ближнихъ. Всякій, кто имѣетъ съ нимъ дѣло, приходитъ въ лихорадочное состояніе; онъ систематически опаздываетъ, потому что онъ вѣренъ только безпорядку. Всегда приходитъ на станцію желѣзной дороги по отходѣ поѣзда; письма свои относитъ на почту въ то время, когда почтовая контора уже заперта. Такимъ образомъ дѣла его находятся въ безпорядкѣ, и каждый, принимающій въ нихъ участіе, приходитъ въ дурное расположеніе духа. Вообще доказано, что люди, ничего не дѣлающіе во время, обыкновенно не имѣютъ успѣха; а въ свѣтѣ они обыкновенно занимаютъ мѣста въ ряду недовольныхъ и ругателей судьбы. Успѣхъ приписывается преимущественно тремъ вещамъ: точности во времени, довѣрію къ самому себѣ и честности въ словѣ и дѣлѣ.

Удивительно, говоритъ Смайльсъ, какъ много можетъ сдѣлать энергическій работникъ, соблюдая методъ и строгую экономію времени. Кажется чѣмъ болѣе у него работы, тѣмъ болѣе свободнаго времени для другихъ дѣлъ.

Съ этими существенно дѣловыми качествами, дѣловой человѣкъ, принадлежащій къ высшему классу общества, долженъ соединять основательное благоразуміе, живую проницательность и постоянство въ исполненіи задуманныхъ плановъ. Также очень важное значеніе имѣетъ

дѣловой тактъ, и хотя онъ есть частью врожденный даръ природы, его можно, однако, выработать и развить наблюдательностью и опытомъ. Люди, обладающіе этимъ качествомъ, легко усматриваютъ правильный способъ дѣйствія, и разъ рѣшившись дѣйствовать, съумѣютъ дать предпріятію успѣшный исходъ. Такіе люди вносятъ новую жизнь въ движеніе промышленности, они вносятъ свой характеръ во всякое дѣло своихъ рукъ, и изъ нихъ выходятъ именно самые могущественные двигатели общественнаго прогресса всѣхъ временъ.

Какъ мы уже говорили, успѣшный ходъ торговли зависитъ отъ большой способности обращать дѣятельное вниманіе на подробности дѣла, эта способность обыкновенно называется рутиной. Аккуратность, дисциплина, точность, плата долговъ, организація — все это рутина. Безъ сомнѣнія, слѣпая безсмысленная рутина затрудняетъ ходъ дѣла, но благоразумная рутина значительно облегчаетъ его, потому что она единственный способъ противъ опрометчивости и неспособности отдѣльныхъ лицъ.

Человѣкъ, который самъ долженъ управлять ходомъ цѣлаго торговаго или промышленнаго предпріятія, необходимо долженъ обладать быстротой въ дѣйствіи и сообразительностью, потому что, будучи самъ хозяиномъ, ему не съ кѣмъ совѣтоваться. Въ дѣлѣ же принадлежащемъ цѣлой корпораціи, или гдѣ недостаточно бываетъ администраціи въ одномъ лицѣ, тамъ встрѣчается еще новая трудность, въ наблюденіи за добросовѣстностью довѣренныхъ лицъ.

Едва ли гдѣ нибудь нужно столько честности, какъ въ

торговлѣ. Солдатъ выказываетъ свою храбрость въ битвѣ, а купецъ выказываетъ свою честность въ торговлѣ. Кредитъ выражаетъ собой всю важность честности въ торговлѣ. Ведя торговлю, приходится имѣть дѣло съ людьми, живущими весьма на большомъ разстояніи и при этомъ приходится ввѣрять имъ громадныя суммы, не рѣдко даже цѣлое состояніе. И такъ, довѣріе служитъ лучшимъ доказательствомъ уваженія одного человѣка къ другому.

Мошенникъ, обманывая насъ, вредитъ себѣ больше, чѣмъ намъ; наживъ себѣ такимъ путемъ состояніе онъ не будетъ наслаждаться имъ вполнѣ. Вездѣ можно встрѣтить недобросовѣстныхъ купцовъ, подрядчиковъ и промышленниковъ, но за то такіе люди никогда не наслаждаются лучшимъ сокровищемъ — спокойною совѣстью. Честные люди всегда предпочтутъ богатству спокойную совѣсть, —и если человѣкъ съ высокими нравственными правилами будетъ энергически продолжать разъ начатое дѣло, то несомнѣнный успѣхъ будетъ ему наградой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Самовоспитаніе.

(Сидней Смитъ, Смайльсъ, Спенсеръ и Тайлоръ).

Самовоспитанію, даже при стремленіи къ нему, нерѣдко мѣшаетъ отвращеніе къ терпѣливому труду. Болѣзнь нашего поколѣнія, говоритъ Сидней Смитъ, состоитъ въ недостаткѣ терпѣнія при работѣ. При воспитаніи мы изобрѣтаемъ всевозможныя условія, чтобы знанія достались, по возможности, легче, съ меньшимъ трудомъ. То мы стараемся изучить иностранный языкъ въ «12 уроковъ,» то хотимъ обойтись вовсе безъ учителя. Мы напоминаемъ собой ту модную барыню, которая наняла себѣ учителя и хотѣла, чтобы онъ ее выучилъ языку, не надоѣдая разными глаголами и причастіями.

Не лучше поступаемъ мы и при изученіи точныхъ наукъ, такъ напримѣръ, химію мы изучаемъ по сокращенному руководству; мы можемъ рѣшительно сказать, что хотя подобныя знанія и стоятъ выше положительнаго незнанія, но для приложенія къ жизни вовсе не-

возможны. Мы не учимся, а забавляемся. Это зло не останавливается на поверхностномъ развитіи человѣка, но подобныя занятія вселяютъ отвращеніе къ постоянному, усидчивому труду и понижаютъ умственный уровень. За истинное знаніе мы плотимъ только упорнымъ трудомъ, а потому если дѣйствительно хотимъ развиться, то единственный путь — неутомимый трудъ. Намъ остается одно — работать энергически, преслѣдуя извѣстную цѣль, терпѣливо ожидая плодовъ труда. Истинный прогрессъ идетъ медленно и человѣкъ, работающій честно и добросовѣстно, навѣрное дождется награды за свой трудъ. Мужество и трудъ уступили бы мѣсто отчаянію и міръ остался бы непросвѣщеннымъ и неулучшеннымъ, если бы люди ограничились лишь только тѣмъ, что послѣ перваго удара рѣзца или заступа стали бы сравнивать количество сдѣланной уже работы со всѣмъ объемомъ пирамиды, которую надо сдѣлать, или съ величиною горы, которую надо срыть. Непрерывно занимаясь изобрѣтеннымъ дѣломъ, мы незамѣтно подвинемся впередъ. Духъ труда, развившись въ принятыхъ системахъ воспитанія, найдетъ мало-по-малу обширное поле для своего достойнаго и плодотворнаго примѣненія, работать надъ собой мы не должны переставать, потому что саморазвитіе человѣка никогда не должно прекращаться. Лучше подвергнуться изнеможенію труда, чѣмъ отупѣнію отъ бездѣйствія.

Недальновидность людей, говоритъ Спенсеръ и проявляется въ нетерпѣливомъ стремленіи поскорѣе добиться результатовъ. Люди съ такимъ характеромъ напоминаютъ собой дѣтей, нетерпѣливо желающихъ, чтобы

посаженныя ими вчера сѣмена завтра же взошли, съ этою цѣлью они безпрестанно изъ любопытства вырываютъ сѣмена, вслѣдствіе чего убиваютъ въ сѣменахъ ростительную силу. Люди же благоразумные должны терпѣливо ждать всхода посѣянныхъ сѣмянъ. Часто благоразумные люди довольствуются даже одной надеждой, что дѣти будутъ пользоваться плодами ихъ трудовъ.

Въ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ обыкновенно получаемъ мы только начало развитія и привычку къ труду, а дальнѣйшее воспитаніе и образованіе человѣка уже дѣло самовоспитанія или саморазвитія.

Самая законченная система воспитанія должна оставлять нѣкоторые пробѣлы, гдѣ бы умъ свободно и самостоятельно могъ потрудиться надъ ихъ исполненіемъ и могъ бы испытать здѣсь свои силы. Этимъ путемъ человѣкъ пріучится на опытѣ понимать, что можно сдѣлать и чего нельзя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отучится отъ привычки во всемъ полагаться на другихъ. Заимствованныя мысли не принесутъ до тѣхъ поръ пользы, пока не будутъ прожиты, прочувствованы и усвоены. Набивать голову свою массой свѣдѣній, не усвоевая и не переваривая ихъ, ни къ чему не ведетъ; пока мы не усвоимъ ихъ, до тѣхъ поръ мы не извлечемъ изъ нихъ ни силы, ни пищи. Мы имѣемъ весьма мало основанія считать ту мысль своею, которая не пріобрѣтена нами самими при посредствѣ нашихъ собственныхъ трудовъ, но заимствована отъ другихъ. Знаніе, добытое собственнымъ трудомъ, мы имѣемъ право считать своею собственностію. Факты пріобрѣтенные этимъ путемъ напечатлѣваются такъ прочно, какъ ни какіе чужіе разсказы.

Путемъ такого самообразованія въ насъ проявляются силы, до тѣхъ поръ еще скрытыя; въ насъ особенно развивается сила мышленія. Самостоятельное рѣшеніе одного вопроса способствуетъ разрѣшенію другихъ вопросовъ, слѣдовательно, знаніе такимъ путемъ превращается въ мыслительную способность. Существеннымъ условіемъ успѣха можетъ считаться трудъ; никакія книги, никакія чтенія не помогутъ; однимъ словомъ, собственный трудъ не замѣнимъ. Начало жизненному воспитанію кладетъ только элементъ самообразованія; только онъ способствуетъ выработкѣ основныхъ принциповъ и пріучаетъ къ дѣятельности.

Самые лучшіе преподаватели сознали всю важность саморазвитія и привычки пріобрѣтать свѣдѣнія помощью приложенія своихъ способностей къ практикѣ. Эти преподователи стремились пріучать дѣтей къ дѣлу, а не научать ихъ, какъ можно большему числу отрывочныхъ и мелочныхъ свѣдѣній.

Обладаніе способностями составляетъ такое же достоинство въ человѣкѣ, какъ и полученіе большаго наслѣдства. Только способъ распоряженія и тѣмъ и другимъ можетъ дать человѣку право на уваженіе. Масса свѣдѣній можетъ доставлять удовольствіе для обладателя ими, но часто не приноситъ никакой пользы для другихъ. Для вполнѣ образованнаго человѣка не достаточно одного школьнаго воспитанія; для него мало одного чтенія книгъ; огромную роль играетъ еще кромѣ того развитіе наблюдательной и мыслительной способности?

Часто говорятъ, что знаніе сила, но вѣдь и фанатизмъ и деспотизмъ и честолюбіе это силы. Вопросъ въ томъ, какъ направлена сила; вмѣсто пользы она иногда можетъ принести вредъ. Доброта и благоразуміе должны сопровождать знаніе и все вмѣстѣ должны выражаться въ частномъ характерѣ. Извѣстный педагогъ Песталоцци даже считалъ вреднымъ одно умственное воспитаніе; онъ говорилъ, что корень знанія долженъ зародиться и извлечь соки изъ воды, благоразумно управляемой религіей. Знаніе, конечно, можетъ отвратить человѣка отъ нѣкоторыхъ глупыхъ преступленій, но противъ эгоистическихъ пороковъ оно безсильно, если человѣкъ не укрѣпится въ здравыхъ и честныхъ привычкахъ. Отъ того мы и встрѣчаемъ такъ часто людей съ хорошимъ умомъ, но дурнымъ характеромъ. Такіе люди, обладая нерѣдко хорошимъ школьнымъ воспитаніемъ, лишены всякаго здраваго практическаго смысла.

Мы склонны преувеличивать важность книжнаго воспитанія. Мы думаемъ, говоритъ Смайльсъ, что успѣхъ нашего времени именно зависитъ отъ огромнаго числа библіотекъ, ученыхъ обществъ и музеевъ. Но весьма вѣроятно, что всѣ эти удобства мѣшаютъ даже индивидуальному развитію, чѣмъ ему способствуютъ. Хорошая библіотека настолько же можетъ служить побужденіемъ для ея обладателя къ занятіямъ, какъ и богатство располагаетъ къ щедрости. Правда, мы имѣемъ теперь несравненно больше удобствъ для занятія, чѣмъ прежде, но познаніе и мудрость и теперь достаются человѣку тѣмъ же путемъ наблюденія, внимательности и труда. Накопленіе же матеріаловъ для знанія дѣла совершенно отличное отъ самаго дѣйствія.

Масса книгъ жадно поглощаемыхъ современной пуб-

ликой столько же служитъ для развитія читателей, сколько и просто для развлеченія. Слѣды, оставляемые подобнымъ чтеніемъ, также поверхностны и мимолетны, какъ впечатлѣнія, получаемыя глазомъ отъ фигуръ въ калейдоскопѣ. Часто ограничивается чтеніе простымъ воспринятіемъ чужихъ мыслей, а дѣятельность мозга въ этомъ случаѣ остается почти въ бездѣйственномъ состояніи, или если и возбуждается, то весьма мало. Чтеніе нерѣдко нисходитъ на степень средства къ умственнному опьяненію, не оставляя ни малѣйшаго вліянія ни на выработку характера, ни на обогащеніе ума новыми свѣдѣніями. Думать, что подобное чтеніе способствуетъ развитію, значитъ самообольщаться; это не больше, какъ одно изъ средствъ убить время. Все что можно самаго лучшаго сказать о подобномъ занятіи чтеніемъ это то, что оно удерживаетъ отъ худшихъ дѣлъ. Трудъ лучше всего совершенствуетъ человѣка. Въ настоящее время есть люди, и число ихъ увеличивается прогрессивно, которые выполняютъ добросовѣстно свои обязанности и готовятся мало по малу къ болѣе обширному кругу дѣятельности въ будущемъ.

Истинный умъ черпается изъ опыта дѣйствительной жизни, а изъ книгъ черпается только ученость. Первый въ небольшомъ количествѣ важнѣе послѣдней въ изобиліи.

Достоинство знанія, владѣемыхъ человѣкомъ, состоитъ въ той цѣли, въ которой онъ стремился при обрѣтеніи этихъ свѣдѣній. Цѣль ученія состоитъ въ развитіи нашего разсудка и въ улучшеніи характера; оно должно дѣлать насъ лучше, счастливѣе и полезнѣе для окружа-

ющихъ, притомъ должно сообщать намъ благодушіе, энергію и успѣхъ въ достиженіи возвышенныхъ цѣлей жизни. Мы не должны довольствоваться чтеніемъ или размышленіемъ о томъ, чѣмъ другіе люди были и что они дѣлали, но сами должны выступать на самостоятельный путь мысли и дѣла. Нашимъ лучшимъ руководителемъ должны быть жизнь и главною заботою забота о дѣятельности. Самый скромный и малоученый человѣкъ долженъ поощрить свое чувство долга и пріучать себя къ правильной и трудолюбивой жизни. Хотя таланты и даруются человѣку отъ природы, однакожъ путемъ тщательнаго самовоспитанія высокія качества могутъ быть пріобрѣтены людьми, имѣющими скромныя способности. Мы должны, по крайней мѣрѣ, дѣлать такъ, чтобъ быть въ состояніи сказать: я старался усовершенствовать себя на столько, на сколько это было въ моихъ силахъ, больше этого никто не вправѣ отъ меня требовать. Каждый человѣкъ обязанъ учиться руководить самого себя, сообразно своимъ способностямъ и подъ собственною отвѣтственностію. Брать за образецъ хорошія дѣла и добрый примѣръ другихъ людей слѣдуетъ, но все-таки должно полагаться только на собственныя силы и вкладывать въ дѣло самовоспитанія собственное основаніе.

«Самообученіе и надзоръ за своими поступками, говоритъ Тайлоръ, какъ начало всякаго практическаго развитія, имѣетъ свой корень въ самоуваженіи. Здѣсь же источникъ надежды, этого спутника могущества и необходимаго условія успѣха: человѣкъ не теряющій надежды ни при какихъ обстоятельствахъ, имѣетъ въ себѣ какъ бы даръ дѣлать чудеса.)

Уваженіе къ самому себѣ можетъ быть названо лучшей одеждой, въ какую только можетъ облечься человѣкъ и наиболѣе возвышеннымъ чувствомъ, какое можетъ воодушевлять человѣческій духъ. Главное — имѣть уваженіе къ самому себѣ. Одушевленный этимъ высокимъ стремленіемъ, человѣкъ не осквернитъ своего тѣла чувственностію, а ума низкими помыслами. Самоуваженіе, перейдя въ повседневную жизнь, дѣлается источникомъ всѣхъ добродѣтелей, нравственной чистоты, воздержности, цѣломудрія и религіозности.

Думать о себѣ дурно—значитъ и самому терять уваженіе къ себѣ и лишаться права на такое уваженіе со стороны другихъ, а потеря своего достоинства въ собственныхъ глазахъ влечетъ и соотвѣтственные ему поступки. Человѣкъ, пресмыкающійся въ клоакѣ грязныхъ мыслей, не можетъ, разумѣется, въ жизненной дѣятельности подняться на большую высоту. Чувствомъ самоуваженія поддерживается и освѣщается жизнь даже самаго смиреннаго и бѣднаго человѣка.

Нѣтъ ничего лучше, какъ видѣть бѣднаго человѣка, стоящимъ непоколебимо посреди всѣхъ искушеній, и не согласующимся, не смотря на всю стѣснительность своего положенія, унизиться отъ дурныхъ поступковъ.

Нѣтъ надобности настаивать на пользѣ знанія, какъ средства выдвинутся въ жизни: этому достаточно учитъ собственный интересъ каждаго. Вообще люди начинаютъ уже понимать, что саморазвитіе съ избыткомъ вознаграждаетъ затраченныя на него время и трудъ.

Во всякой житейской сферѣ, умственное развитіе дѣлаетъ человѣка болѣе способнымъ примѣняться къ обстоятельствамъ, научаетъ его усовершенствованнымъ видомъ труда и вообще сообщаетъ человѣку большую ловкость и успѣхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе такого развитія люди, принадлежащіе къ числу умственныхъ и физическихъ рабочихъ, получатъ болѣе широкій взглядъ на предметъ своихъ занятій и почувствуютъ увеличеніе своихъ силъ, сознаніе чего въ высшей степени пріятно для каждаго человѣка. Сила самодовольности будетъ рости, по мѣрѣ увеличенія уваженія человѣка къ самому себѣ онъ будетъ и болѣе огражденъ отъ соблазна потворствовать дурнымъ инстинктамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ общество и его дѣятельность получатъ новый интересъ для человѣка, симпатіи его расширятся, и наконецъ придетъ къ убѣжденію, что для другихъ должно работать также, какъ для самого себя.

Самообразованіе не должно однакожъ кончатся съ достиженіемъ человѣкомъ знаменитости, подобно людямъ, пролажившимъ себѣ путь изъ низкаго общественнаго положенія. Большинство людей всегда, на какой бы степени просвѣщенія ни стояло, занимается обыкновенными промышленными дѣлами, и никакое образованіе не избавляетъ ихъ отъ обязанности постоянно трудиться въ пользу общества. Мы можемъ возвышать достоинство труда, соединяя его съ благородными мыслями, сообщающими равную привлекательность какъ высшему, такъ и низшему состоянію; потому что какъ бы не былъ бѣденъ и скроменъ человѣкъ, но великій мыслитель какъ нашего, такъ и другихъ временъ, всегда можетъ посѣтить его убогое жилище и раздѣлить съ нимъ время.

Такимъ образомъ привычка къ избранному чтенію мо-

жетъ сдѣлаться источникомъ величайшаго наслажденія и самоусовершенствованія человѣка, и оказывать самое благодѣтельное вліяніе на все содержаніе нашей жизни и характера. Еслибы даже саморазвитіе не принесло намъ богатства, то во всякомъ случаѣ оно сообщитъ намъ возвышенныя мысли.

Многіе склонны впадать въ уныніе и терять мужество въ дѣлѣ саморазвитія, потому только, что успѣхъ въ свѣтѣ не дается имъ такъ скоро, какъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы. Посадивъ желуди, они думаютъ, что изъ нихъ сейчасъ же выроститъ дубъ. Быть-можетъ и на самое знаніе такіе люди смотрятъ съ точки зрѣнія торговой выгоды, и по этому, само собою разумѣется, чувствуютъ себя обиженными, видя, что его не такъ легко пустить въ спекуляцію, какъ они думали. Такое узкое понятіе о саморазвитіи преобладаетъ и въ другихъ классахъ народа и поддерживается ложными воззрѣніями на жизнь, которыя все еще болѣе или менѣе въ ходу въ нашемъ обществѣ. Смотрѣть на самообразованіе, какъ на лучшій способъ выиграть въ свѣтѣ болѣе другихъ, или какъ на средство къ умственному развлеченію и забавѣ, а не какъ на силу, возвышающую характеръ и расширяющую дѣятельность духовныхъ способностей человѣческой натуры,—значитъ ставить его на самый низкій уровень.

Безъ сомнѣнія, человѣку приноситъ большую честь желаніе работать надъ собственнымъ возвышеніемъ и надъ улучшеніемъ своего положенія въ обществѣ, но для этого не слѣдуетъ жертвовать собою. Дѣлать умъ рабомъ тѣла - значитъ давать ему очень низкое назначеніе, а сокрушеніе о нашей несчастной участи, потому только, что не удалось достигнуть того успѣха въ жизни, который въ концѣ концовъ зависитъ все-таки больше отъ привычки къ труду и отъ внимательности даже къ мелочамъ взятаго нами на себя дѣла—служитъ доказательствомъ узкаго ума и слишкомъ мрачнаго взгляда на жизнь. Добрый и умный человѣкъ можетъ иногда сердиться на людей или тревожиться за нихъ, но онъ никогда не будетъ не доволенъ обществомъ, если исполнилъ всѣ свои обязанности въ отношеніи къ нему. Если человѣкъ образованный, владѣя при томъ здоровьемъ, хорошими глазами и располагая свободнымъ временемъ, не имѣетъ все-таки цѣли для своей дѣятельности, то остается только сказать, что всѣ эти дары ниспосланы такому лицу, которое ихъ не заслуживаетъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О жизни по средствамъ.

(Карлэйль, Смайльсъ, Раблэ, Гербертъ и Спенсеръ).

Такъ называемый комфортъ въ улучшенной обстановкѣ оправдывается законно, такъ какъ онъ способствуетъ физическому довольству человѣка, обусловливающему собой развитие его высшихъ нравственныхъ качествъ. Уваженіе, оказываемое намъ окружающими насъ, въ значительной степени зависитъ отъ умѣнья пользоваться честнымъ образомъ обстоятельствами къ улучшенію нашего положенія.

Чтобы имѣть успѣхъ въ жизни, человѣкъ долженъ прежде всего заботиться о самовоспитаніи: подобныя стремленія возбуждаютъ въ человѣкѣ чувство самоуваженія, выказываютъ въ немъ практическія способности, развиваютъ терпѣніе, постоянно въ трудѣ и тому подобныя качества. Человѣкъ заботливый и предусмотри-

тельный, обладаетъ и разсудительностью, живя не только настоящимъ, но заботясь и о будущемъ. Другое важное качество въ человѣкѣ—это сдержанность, т. е. способность самообладанія.

Карлэйль говоритъ: «Смотря по тому, какъ человѣкъ распоряжается деньгами, какъ онъ ихъ наживаетъ, копитъ и тратитъ—можно почти въ точности опредѣлить практическаго человѣка. Правда, что нельзя ставить деньги цѣлью человѣческой жизни, но и относиться къ нимъ съ презрѣніемъ тоже нельзя. Деньги далеко не представляютъ собой такой маловажный предметъ; ими мы пріобрѣтаемъ себѣ и домашія удобства и общественное благосостояніе; лучшія нравственныя свойства связаны съ ними; честность, самопожертвованіе, предусмотрительность и бережливость двигаются деньгами. Съ другой стороны, самыя низкія качества, каковы: обманъ, скупость, эгоизмъ и несправедливость большею частію проявляются у людей алчныхъ до денежныхъ прибылей.»

Бережливость, разсчетливость и разумное хозяйство, говоритъ Смайльсъ, вотъ гдѣ слѣдуетъ искать помощи въ тяжелыя времена. Эти источники пособія могутъ быть въ каждомъ домѣ, мѣста не занимаютъ, ѣсть не просятъ и помогаютъ въ случаѣ нужды.

Люди, изо дня въ день перебивающіеся, находясь въ постоянной зависимости отъ другихъ людей, равно какъ и отъ обстоятельствъ, останутся постоянно безпомощными и никогда не займутъ виднаго мѣста въ обществѣ. На уваженіе разсчитывать они не могутъ, потому что сами себя не уважаютъ, кризисы для нихъ особенно опасны,

потому что, не имѣя запасовъ, они представляютъ будущность свою и семейства на произволъ судьбы.

Люди всегда раздѣлялись на берегущихъ и расточающихъ; всѣ великія дѣла, ведущія человѣка по пути цивилизаціи, совершались берегущими, а расточающіе находились у этихъ послѣднихъ въ подчиненіи. Таковъ законъ природы, и обѣщать прогрессъ и улучшеніе быта людямъ безпечнымъ, легкомысленнымъ и празднымъ значило бы лгать.

Бережливость съ исключительною цѣлью копить деньги никакого особливаго значенія не имѣетъ, если же это ведетъ къ пріобрѣтенію независимости, то это ужъ пріобрѣтаетъ болѣе полное значеніе и выказываетъ характеръ сложившійся прочно; заботясь же при этомъ о тѣхъ лицахъ, судьба которыхъ связана съ дѣятельностію человѣка, онъ входитъ въ ту сферу дѣятельности, гдѣ духъ самопомощи пріобрѣтаетъ самый возвышенный характеръ.

Бережливость достойна похвалы уже какъ условіе спокойствія, но для человѣка развитаго она пріобрѣтаетъ важность, которую глаза не развитаго человѣка не примѣчаютъ, дѣлаясь средствомъ къ пріобрѣтенію независимаго положенія.

Въ умѣньи жить по своимъ средствамъ оказывается значительная доля честности человѣка, потому что живя выше своихъ средствъ, человѣку приходится безъ сомнѣнія жить на счетъ другихъ.

Люди, не слѣдящіе за своими расходами, забывающіе о другихъ, при мысли объ удовлетвореніи своимъ собственнымъ желаніямъ узнаютъ въ послѣдствіи цѣну

деньгамъ, но это бываетъ уже поздно. Будучи отъ природы честными, такіе люди не рѣдко безпечностью своей бываютъ вынуждены на низкіе поступки. Деньги и время тратятъ они по-пусту, доходы у нихъ заранѣе растрачены и неизбѣжныя обязательства и долги въ подобныхъ случаяхъ сковываютъ ихъ дѣйствія, лишая ихъ свободы. Лишнія деньги, тратимыя часто по-пусту, будучи сбережены, могутъ для весьма многихъ быть причиной ихъ независимости въ будущемъ. Будучи сами себѣ врагами, тѣмъ не менѣе такіе люди жалуются на людскую алчность. Человѣкъ порядочный найдетъ самъ еще средство при своей бережливости помогать другимъ, а для человѣка не запасливаго себѣ не станетъ своего состоянія. Неразсудительность въ жизни и поступкахъ окончательно разоряетъ человѣка.

Честность, великодушіе и щедрость—лучшія добродѣтели въ жизни человѣка и практическая жизнь полна примѣровъ блестящихъ обстоятельствъ, къ которымъ приводятъ человѣка эти качества.

Справедлива поговорка, что пустой мѣшокъ не можетъ стоять прямо; подобно этому, человѣкъ запутанный въ долги, не можетъ быть не зависимъ, не можетъ сдерживать свое слово: ложь сидитъ на шеѣ у долга.

Прося отстрочки долга, должникъ неминуемо не обойдется въ этомъ случаѣ безъ лжи. Человѣкъ здравомыслящій удерживается, если нѣтъ крайности, отъ долга; разъ же влѣзши въ долги, человѣкъ начинаетъ ихъ повторять и влѣзать такъ далеко въ долги, что выпутаться изъ нихъ часто не помогаютъ никакія усилія. Денежныя

затрудненія производятъ на человѣка самое гнетущее вліяніе, дѣлая его неспособнымъ къ занятіямъ и заставляя его нерѣдко унижаться. Не должно себѣ позволять никакого удовольствія, если для этого нужно одолжаться. Долгъ не только не пріятенъ, но онъ гибеленъ. Нужда лишаетъ человѣка способности бороться со зломъ, не давая вовсе возможности дѣлать добро; ее надо всѣми силами избѣгать. Старайтесь же изъ всѣхъ силъ не быть ни у кого въ долгу.

«Бѣдность, говоритъ Раблэ, не даетъ пользоваться многими качествами нашими; она разрушаетъ благосостояніе человѣка.» Бережливость не только приноситъ спокойствіе, но и даетъ возможность дѣлать одолженіе. Помогать другимъ, когда самъ нуждаешься въ помощи—нельзя; а чтобы беречь, нужно имѣть, что беречь.

Каждый обязанъ слѣдить за своими обстоятельствами; ходъ его денежныхъ дѣлъ долженъ быть ему хорошо извѣстенъ. Здѣсь нуженъ самый простой разсчетъ. Лучше жить нѣсколько ниже своихъ средствъ, чѣмъ выше. Лучше всего, когда случайности не застаютъ насъ врасплохъ.

Хорошее начало во всякомъ дѣлѣ вещь весьма важная, а тѣмъ болѣе въ жизни молодыхъ людей, потому что первоначальная система поступковъ обращается въ послѣдствіи въ привычку. Честно начавъ свою дѣятельность, мы также легко привыкаемъ хорошо поступать, какъ и привыкаемъ поступать дурно въ противномъ случаѣ. Хорошее начало — половина дѣла. Не рѣдко молодой человѣкъ, подававшій не за долго большія надежды, погибалъ безвозвратно, попавъ съ перваго шага на ложную дорогу, съ другой же стороны, человѣкъ и съ меньшими способностями дѣлалъ блистательную карьеру, благодаря первому удачному шагу на поприщѣ житейской дѣятельности. Хорошее начало гарантируетъ по большей части хорошій конецъ. Какъ много молодыхъ людей живутъ, мечтая о различныхъ подвигахъ, бѣдствуя сами и заставляя страдать за нихъ другихъ, а между тѣмъ, стоило только приложить эти мечты къ дѣйствительности и они бы могли прекрасно пройдти путь жизни.

Многіе же напротивъ слишкомъ нетерпѣливы и не довольствуются результатомъ, какимъ добились ихъ отцы, и хотятъ идти дальше, сами работать не хотятъ, а хотѣли бы пожинать то, что сѣяли другіе. Прежде чѣмъ примутся за трудъ, такіе люди начинаютъ уже отдыхать, преждевременно наслаждаясь результатами своихъ не начатыхъ дѣлъ.

Странно привыкли еще люди понимать слово „приличіе.“ Желаніе быть приличными нерѣдко даже идетъ въ ущербъ честности. Не будучи богаты мы во чтобы то ни стало хотимъ казаться богатыми. Мы добиваемся хотя бы лишь одного наружнаго почтенія. Не будучи въ силахъ идти по дорогѣ указанной намъ жизнью, мы стремимся тѣмъ не менѣе къ какой-то модной жизни, а это смѣшно уже потому, что это лишь удовлетвореніе тщеславію. Непрестанно идетъ борьба и давка за мѣста этого общественаго амфитеатра; тутъ не щадятъ ни честныхъ стремленій, ни благородныхъ побуж-

деній—все попирается здѣсь ногами и множество честныхъ натуръ гибнетъ въ этой свалкѣ безвозвратно и безъ цѣли. Лишнимъ считаемъ говорить о тѣхъ несчастіяхъ и развратѣ, которые порождаетъ это желаніе ослѣплять глаза другимъ мишурнымъ блескомъ свѣтскаго успѣха. Трудно исчислить всѣ зловредныя послѣдствія такой привычки; обманы безчисленны со стороны этихъ людей, которые не страшатся оказаться безчестными, но которымъ страшно признать себя бѣдными, а вслѣдствіе этихъ обмановъ гибнутъ не только сами эти несчастные, но и сотни семействъ, безвинно увлеченныхъ въ эту гибель.

Соблазны, продолжаетъ Смайльсъ, на жизненномъ пути безчисленны и нравственный упадокъ неизбѣженъ для того, кто имъ поддается. Для отпора искушеній нужна рѣшимость. Стоитъ уступить разъ и дальнѣйшее сопротивленіе становится уже значительно слабѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣютъ и благородныя стремленія, тогда какъ мужественное противодѣйствіе соблазну съ перваго же раза укрѣпляетъ силы человѣка на будущее время, а со временемъ обращается въ привычку. Только въ молодыхъ лѣтахъ и вырабатывается посредствомъ привычки эта сила сопротивленія дурнымъ влеченіемъ; впослѣдствіи же, проявляясь во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, эти привычки и выражаютъ собой характеръ нравственнаго поведенія человѣка.

Чтобы вполнѣ противодѣйствовать какой-либо дурной наклонности, мало только ограничиваться внѣшнимъ сопротивленіемъ: вредъ этой наклонности долженъ быть

сознательно усвоенъ. Должно стараться также уяснить и укрѣпить въ себѣ и тѣ основанія, на которыхъ совершенъ извѣстный поворотъ въ жизни. Съ этой цѣлью человѣкъ долженъ наблюдать за собой шагъ за шагомъ и соображать свои поступки съ тѣми основными началами, которыя онъ рѣшился усвоить. Чѣмъ больше человѣкъ наблюдаетъ за собой, тѣмъ онъ дѣлается скромнѣе и тѣмъ менѣе онъ будетъ полагаться на случайность сопротивленія своимъ дурнымъ наклонностямъ и постарается сознательно усвоить ихъ впередъ. Лучшую школу проходитъ въ то время человѣкъ, когда пріучаетъ отказывать себѣ въ ничтожныхъ текущихъ удовольствіяхъ, чтобы составить себѣ въ будущемъ прочное счастье. Этотъ трудъ самый высокій въ дѣлѣ самовоспитанія.

Много писалось книгъ, въ которыхъ излагались правила, какъ возможно легче нажить деньги, а дѣло въ сущности весьма просто и выразилось лучше всего въ пословицахъ: «береги копѣйку, а рубли сами придутъ,» «прилежаніе мать удачи,» «міръ принадлежитъ тому, кто терпѣливъ и дѣятеленъ,» «поздно беречь, когда все растрачено» и т. п. Вотъ нѣсколько образчиковъ той философіи, которая, подъ видомъ пословицъ, воплощаетъ въ себѣ запасъ опытности многихъ поколѣній относительно лучшихъ способовъ успѣха въ жизни. Долго до изобрѣтенія книгъ ходили уже эти пословицы въ народѣ и были первымъ кодексомъ народной нравственности; кромѣ того въ нихъ выразился духъ времени и ежедневный опытъ свидѣтельствуетъ о ихъ силѣ, точности и основательности.

Многое могутъ сдѣлать трудъ и бережливость для пріобрѣтенія независимаго положенія человѣку, не лишенному обыкновенныхъ способностей. Хотя каждая копѣйка въ сущности представляетъ самую ничтожную величину, но сколько тысячъ семействъ пользуются довольствомъ и спокойствіемъ, благодаря благоразумному ихъ сбереженію.

Трудъ, какой бы то ни былъ, пріятенъ. Люди прежде всего не должны стыдиться своего происхожденія; достигшіе же высшаго званія могутъ по справедливости гордиться, что перенесли такія трудности. Всякій поденьщикъ, стоящій на своихъ ногахъ, выше дворянина, который не въ состояніи самъ прямо держаться.

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе какъ наживаніе денегъ человѣкомъ, имѣющимъ впереди одну цѣль, которой онъ преданъ душей и тѣломъ. Ума для этого большаго не надо: расходовать изъ получаемой суммы возможно меньше и прикладывать рубль къ рублю—въ распоряженіи вашемъ и будетъ рости масса денегъ.

Нажива денегъ, хотя бы и честно производимая, но которая кромѣ копленія не имѣетъ никакой иной цѣли, не можетъ быть названа хорошимъ дѣломъ; если же эти деньги добываются игрой или какой-либо подобнаго рода спекуляціей, то дѣло представляется еще въ худшемъ видѣ.

Заботы о комфортѣ и независимости въ старости, дѣло весьма почтенное, но сколачиваніе денегъ характеризуетъ человѣка ограниченнаго и скупаго. Человѣкъ

долженъ остерегаться этой излишней бережливости, потому что то, что было въ молодости экономіей, можетъ въ старости превратиться въ скупость. Не самыя деньги, но эта неумѣренная къ нимъ страсть становится корнемъ зла, опошляетъ и грязнитъ человѣческую натуру, дѣлая ее неспособною къ великодушной жизни и дѣятельности.

Человѣкъ, исключительно занимающійся однимъ дѣломъ пріобрѣтаетъ жестокость; часто углубляется въ свой предметъ до того, что за нимъ ничего не видитъ; односторонность эта доводитъ до того, что на людей онъ обращаетъ на столько лишь вниманія, на сколько они способны помогать его цѣлямъ.

Успѣхъ и значеніе въ свѣтѣ измѣряется количествомъ денегъ и люди склонны вообще преклоняться передъ деньгами. Весьма часто стойкіе люди, терпѣливые, малосовѣстливые и ловкіе, умѣющіе выждать случай и успѣваютъ въ свѣтѣ, но они далеки отъ того, чтобы высоко стоять въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ.

У кого логика не идетъ далѣе грошевой логики, тотъ останется при всѣхъ своихъ богатствахъ самымъ жалкимъ созданіемъ; въ богатствѣ не выражаются нравственныя достоинства. Копѣйки чаще бываютъ выраженіемъ нравственныхъ качествъ, чѣмъ рубль, потому что первый служитъ вѣрнымъ доказательствомъ трудолюбія и твердости характера. И дѣйствительно деньги, бывшія свидѣтелемъ ряда трудовъ терпѣливой изобрѣтательности, могутъ быть доказательствами нравственныхъ достоинствъ владѣльца. Но ни качествъ, ни достоинствъ

человѣка измѣрить деньгами нельзя. Къ чему послужатъ и его деньги, и богатыя помѣстья, если у него черствое сердце и ограниченный умъ? Чѣмъ бы ни былъ человѣкъ, богатымъ и бѣднымъ, счастливымъ и несчастнымъ дѣлаютъ его умъ и сердце; въ этомъ отношеніи они дѣлаютъ больше, чѣмъ любое состояніе.

Самопожертвованіе изъ-за любви къ деньгамъ, говоритъ Гербертъ, приближаетъ людей къ животнымъ.

Несомнѣнно, что люди преувеличиваютъ значеніе денегъ. Величайшія дѣла въ мірѣ производились вовсе не людьми богатыми и не на суммы подписныя, но людьми, средства которыхъ были весьма ограниченны. Распространеніе христіанства на полземнаго шара было произведено людьми въ высшей степени небогатыми. Величайшіе артисты, мыслители и изобрѣтатели были людьми съ самыми умѣренными средствами, многіе изъ нихъ не слишкомъ далеко ушли, съ точки зрѣнія общественнаго положенія, отъ ремесленниковъ. Такъ было, такъ будетъ и всегда. Богатство никогда не возбуждало къ великимъ дѣяніямъ, а напротивъ, чаще ихъ парализуетъ и вообще богатство столько же принесло людямъ счастія, сколько и несчастія. Молодой человѣкъ, получившій въ наслѣдство большое состояніе, скоро пресыщается жизнью, потому что она ему слишкомъ легка и не остается ему ничего больше жалать. Не находя цѣли для борьбы, для страданій онъ начинаетъ чувствовать большой избытокъ времени, онъ, нѣкоторымъ образомъ, спитъ умственно и нравственно и положеніе такого человѣка не выше полипа, надъ которымъ морскія волны совершаютъ отливы и приливы.

Но богатый, здравомыслящій человѣкъ станетъ презирать праздность и сознавши эту отвѣтственность, которая сопряжена съ обладателемъ богатствомъ, онъ примется за трудъ съ бо̀льшимъ усердіемъ, чѣмъ бѣдный.

Человѣкъ, говоритъ Смайльсъ, достоинъ уваженія въ томъ случаѣ, если онъ добръ, нужно лишь, чтобы это не было дѣлаемо только для виду. Человѣкъ бѣдный, но добрый, стоитъ въ нравственномъ отношеніи выше богатаго, но злаго; молчаливый и простой человѣкъ, лучше хвастливаго болтуна. Человѣкъ развитый и съ хорошимъ направленіемъ, какое бы онъ общественное положеніе не занималъ, имѣетъ больше значенія чѣмъ человѣкъ, стоящій по происхожденію въ классѣ людей, пользующихся уваженіемъ. По нашему мнѣнію высшая цѣль людей въ жизни — это формировка мужественнаго характера и возможно лучшее развитіе въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, т. е. развитіе ума, совѣсти, сердца и духа. Это цѣль — все остальное средство. Согласно этому не должно считать самою удачною жизнь того человѣка, который наслаждается наибольшими удовольствіями, властью и средствами, но жизнь человѣка пріобрѣтавшаго наибольше истинныхъ человѣческихъ свойствъ и выполняющаго наибольше полезныхъ дѣлъ и лежащихъ на немъ обязанностей.

Деньги сила—это такъ; но умственное развитіе, общественный духъ, нравственная добродѣтель — это тоже силы, и силы достойныя.

Правда, богатство открываетъ входъ въ высшее общество, но уваженіе въ немъ пріобрѣтается только собственнымъ умѣніемъ себя хорошо поставить. А есть и

теперь люди богатые, но не играющіе никакой роли въ обществѣ и вовсе не уважаемые. А почему? Потому что все ихъ значеніе заключается въ денежномъ мѣшкѣ. Чтобы быть замѣтнымъ въ обществѣ для этого не нужно быть богатымъ; нужны только хорошій характеръ, практическую опытность и нравственное превосходство.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Объ истинномъ благородствѣ.

(Смайльсъ, Бэконъ, Тайлоръ, Спенсеръ и Раблэ).

Истинное благородство зависитъ отъ характера человѣка; характеръ же есть вѣнецъ и слава жизни; онъ есть высочайшее достояніе человѣка, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ и почесть и имущество, состоящее во всеобщемъ расположеніи; онъ облагораживаетъ всякое состояніе и возвышаетъ всякое положеніе въ обществѣ. Онъ имѣетъ больше силы, чѣмъ богатство, и обезпечиваетъ за собою всѣ почести, не возбуждая той зависти, какую вызываетъ слава. Онъ обнаруживаетъ вліяніе, которое постоянно проявляется; потому что онъ есть результатъ доказанной чести, правдивости и постоянства качествъ, которыя, быть-можетъ, болѣе чѣмъ всякія другія внушаютъ всеобщее довѣріе и уваженіе человѣчества.

Истинный благородный характеръ, говоритъ Смайльсъ, есть человѣческая природа въ ея наилучшей формѣ. Онъ есть нравственный порядокъ воплощенный въ инди-

видуумѣ. Люди характера суть не только созданіе общества, но въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ они суть его наилучшая сила, потому что міромъ управляютъ вообще нравственныя силы. Сила, промышленность и цивилизація народа — все зависитъ отъ индивиндуальнаго характера, и всѣ основы гражданской безопасности покоятся на немъ.

Хотя человѣкъ отдѣльный обладаетъ сравнительно малымъ образованіемъ, небольшими способностями и незначительнымъ богатствомъ, однако, если его характеръ высокаго достоинства, онъ всегда будетъ имѣть значеніе. Умъ безъ сердца, остроуміе безъ хорошаго поведенія, искусство безъ доброты суть своего рода силы; но только способныя на злодѣянія. Они могутъ насъ наставлять или увеселять; но ими также трудно восхищаться, какъ ловкости вора или искусному наѣздничеству разбойника.

Тотъ, кто обладаетъ благороднымъ характеромъ, носитъ въ себѣ непреодолимую силу. Онъ силенъ, когда творитъ добро, когда сопротивляется злу, и силенъ, когда борется съ затрудненіями и несчастіемъ. Только въ несчастіи характеръ благороднаго человѣка показывается въ величайшемъ блескѣ и когда не на что больше опереться, онъ опирается на собственную честность и мужество.

Каждый человѣкъ долженъ поставить себѣ цѣлью выработать въ себѣ хорошій и благородный характеръ, какъ одну изъ высочайшихъ цѣлей жизни. Самое усиліе обезпечить его для себя честными средствами, снабдить его мотивомъ для дѣятельности, и его идея

человѣчности, по мѣрѣ того, какъ она становится возвышеннѣе, укрѣпляетъ и одушевляетъ его мотивъ. Хорошо имѣть въ виду хорошій образецъ жизни, даже въ томъ случаѣ, когда мы не въ силахъ осуществить его. Молодой человѣкъ, который не смотритъ вверхъ,— смотритъ внизъ, духъ же, который не паритъ, обреченъ пресмыкаться.

Такъ, кто хочетъ жить и мыслить согласно съ высокимъ образцомъ, безъ сомнѣнія, будетъ поступать лучше, чѣмъ тотъ, кто не имѣетъ передъ собою никакого образца.

Кто пытается достигнуть великихъ цѣлей, не можетъ не подвинуться на шагъ впередъ отъ того пункта, отъ котораго онъ отправляется; и хотя достигнутая цѣль можетъ и не согласоваться съ преднамѣренною, но самое усиліе возвыситься не можетъ не имѣть постоянныхъ благодѣтельныхъ результатовъ.

Есть много поддѣльныхъ характеровъ; но въ настоящихъ его свойствахъ трудно ошибиться. Нѣкоторые, зная денежную цѣнность характера, принимаютъ наружный его видъ, чтобы обманывать неосмотрительныхъ.

«Правдивость въ словѣ и въ дѣлѣ, говоритъ Тайлоръ, есть основа характера.» Неизмѣнная преданность истины — его самая выдающаяся характеристическая черта. Правдивость въ словахъ и поступкахъ есть существенная принадлежность правдивости характера. Человѣкъ долженъ дѣйствительно быть тѣмъ, чѣмъ онъ кажется или намѣренъ быть.

Люди, у которыхъ дѣло находится въ обратномъ отношеніи къ слову, не внушаютъ къ себѣ никакого

довѣрія, и то, что они говорятъ, не имѣетъ большаго вѣса: даже истины, высказываемыя ими, кажутся какъ бы вѣтромъ, выходимымъ изъ ихъ устъ. Благородный и истинный характеръ дѣйствуетъ прямо, какъ втайнѣ, такъ и публично. Правило и совѣсть должны гармонировать въ характерѣ и имѣть надъ нимъ верховную опеку; это не только пассивное вліяніе, но и активная сила, регулирующая жизнь. Такое правило ежедневно и ежечасно вліяетъ на образованіе характера.

Безъ этого дѣйствующаго вліянія, характеръ не имѣетъ никакой силы, но постоянно подверженъ паденію при всякомъ искушеніи; всякое искушеніе, которому онъ подпадаетъ, всякое низкое и безчестное дѣло, какъ бы оно незначительно ни было, причиняетъ самоуниженіе. И при этомъ все равно, будетъ ли дѣло успѣшно, или нѣтъ, явно или тайно, человѣкъ не остается больше тѣмъ же, но становится другимъ лицомъ; его преслѣдуетъ тайное неудовольствіе, упрекъ самому себѣ и угрызеніе совѣсти, этотъ неизбѣжный судъ виновнаго.

Здѣсь можно замѣтить, какъ слѣдованіе хорошимъ обычаямъ усиливаетъ и поддерживаетъ характеръ. Человѣкъ, какъ замѣчено, есть связка привычекъ; привычка же вторая его природа. Все у человѣка привычка, даже самая добродѣтель.

Какъ привычки тѣла образуются внѣшними дѣйствіями, такъ обычаи духа образуются осуществленіемъ внутреннихъ практическихъ правилъ, т. е. приведеніемъ ихъ въ дѣло и дѣйствіямъ по нимъ.

Вотъ что говоритъ Бэконъ: «Во всѣ времена, какъ законодатель, такъ и школьный учитель, опирались преимущественно на обычай; обычай дѣлаетъ все легкимъ и устраняетъ затрудненія, происходящія вслѣдствіе отклоненія отъ обычнаго пути. Такъ, обратите увѣренность въ привычку и невоздержанность сдѣлается ненавистною; сдѣлайте благоразуміе привычкою и беззаботная расточительность станетъ противною всѣмъ правиламъ поведенія, регулирующимъ жизнь индивидуума. Отсюда необходимость величайшей заботливости, чтобы не дать развиться дурнымъ привычкамъ, ибо характеръ всегда слабѣе всего въ томъ пунктѣ, который однажды былъ поврежденъ. Нужно долгое время, чтобы возстановленное правило пріобрѣло такую же силу, какъ-то, которое никогда не было тронуто.»

Обычай, продолжаетъ Тайлоръ, гдѣ бы онъ не образовался, дѣйствуетъ невольно и безъ условій; только сопротивляясь ему, вы можете замѣтить, какъ онъ сдѣлался могущественъ. То, что сдѣлано разъ и потомъ еще нѣсколько разъ, становится легкимъ и обращается въ наклонность. Сначала кажется, что обычай имѣетъ не больше силы, чѣмъ паутинная сѣть; но когда онъ уже образовался, онъ связываетъ подобно желѣзной цѣпи. Маловажныя явленія жизни, взятыя порознь, могутъ показаться крайне неважными, подобно снѣгу, который падаетъ немедленно, снѣжинка за снѣжинкой; но скопившись, снѣжинки эти образуютъ лавины.

Самоотверженіе, самопомощь, прилежаніе, трудолюбіе, честность, говоритъ Смайльсъ, все это по своей природѣ относится къ обычаямъ, а не къ убѣжденію. Принципы въ самомъ дѣлѣ суть не больше какъ названія, которыя мы даемъ обычаямъ; потому что прин-

ципы—слова, а обычаи — самыя дѣла, благодѣтели или тираны, сообразно съ тѣмъ, хороши ли они или дурны. Такимъ образомъ случается, что когда мы старѣемъ, часть нашей свободной дѣятельности и индивидуальности обращается въ привычку; мы начинамъ дѣйствовать, какъ бы по указанію судьбы; насъ связываютъ сѣти, которыя мы разставили вокругъ себя.

И дѣйствительно, едва-ли можно преувеличить значеніе воспитаніе дѣтей въ добродѣтельныхъ привычкахъ. Въ нихъ легче всего искоренить дурныя привычки; а разъ образовавшись, онѣ остаются на всю жизнь; такъ буквы вырѣзанныя на корѣ дерева растутъ и расширяются съ его ростомъ. Начало заключаетъ въ себѣ и конецъ. Точка опредѣляетъ направленіе и судьбу странствованія по жизненному пути.

Такъ какъ съ возрастомъ привычка усиливается и формируется характеръ, то всякій поворотъ на новую дорогу становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что часто бываетъ труднѣе разлучиться, чѣмъ научиться; по этому можно оправдывать извѣстнаго греческаго музыканта, который требовалъ двойной платы отъ тѣхъ учениковъ, которые учились прежде у худшаго учителя; искоренить въ себѣ старую привычку часто бываетъ гораздо труднѣе, сопряжено съ гораздо большимъ страданіемъ, чѣмъ вырвать зубъ. Попробуйте исправить закоренѣлаго лѣнтяя, расточителя или пьяницу: въ большей части случаевъ вамъ это не удастся, потому, что въ каждомъ случаѣ привычка въѣдается въ жизнь и проникаетъ ее до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается составною ея частью, такъ что

уже становится невозможнымъ искоренить ее. Самая мудрая изъ всѣхъ привычекъ—есть привычка заботиться объ образованіи въ себѣ хорошихъ привычекъ. Самое счастье можетъ сдѣлаться обычнымъ. Можно привыкнуть видѣть свѣтлую или темную сторону. Привычка видѣть хорошую сторону вещей стоитъ больше, чѣмъ большая сумма денегъ. И мы въ значительной степени обладаемъ способностью, силою воли, направлять наши мысли на тѣ предметы, которые скорѣе составятъ намъ счастье или пользу, чѣмъ противоположное имъ.

Такимъ образомъ можетъ образоваться привычка счастливаго образа мыслей, подобно всякой другой привычкѣ. Въ людяхъ такого рода хорошій темпераментъ и счастливое настроеніе духа можетъ быть, во многихъ случаяхъ гораздо важнѣе, чѣмъ большія познанія и многія совершенства; какъ дневной свѣтъ виденъ сквозь очень малое отверстіе, такъ незначительныя вещи могутъ освѣтить характеръ человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, характеръ состоитъ изъ маловажныхъ дѣлъ, совершаемыхъ хорошо и честно; для характера ежедневная жизнь есть камень, изъ котораго мы строимъ его, и на которомъ мы вырѣзываемъ привычки, образующія его. Однимъ изъ самыхъ выдающихся признаковъ характера есть образъ нашего поведенія въ отношеніи другихъ. Пріятное обращеніе съ высшими, низшими и равными есть постоянный источникъ удовольствія. Оно нравится другимъ, потому что оно свидѣтельствуетъ объ уваженіи къ ихъ личности; но оно доставляетъ въ десять разъ большее удовольствіе вамъ самимъ. Каждый человѣкъ въ значительной степени можетъ быть самовоспи-

тателемъ въ хорошемъ обращеніи, какъ и во всемъ другомъ; онъ можетъ быть вѣжливъ и добръ, когда захочетъ, хотя бы въ его кошелькѣ не было копѣйки. Обходительность въ обществѣ подобно незамѣтному вліянію свѣта, доющаго окраску всей природѣ.

Она гораздо могущественнѣе чѣмъ крикливость или сила. Она идетъ спокойно и рѣшительно своей дорогой, подобно крошечному асфодилу, который подымаетъ глыбу и отодвигаетъ ее въ сторону простымъ стремленіемъ увеличиваться.

Хорошіе нравы, какъ мы ихъ называемъ, суть ни болѣе, ни менѣе какъ хорошее обращеніе, такъ какъ они состоятъ въ обходительности и добротѣ, потому что благораспоряженіе есть преобладающій элементъ всякого рода взаимно доброжелательныхъ и дружескихъ отношеній между человѣческими существами. Самою дешевою изъ всѣхъ вещей есть доброта, такъ какъ ея обнаруживаніе причиняетъ меньше всего безпокойства и самопожертвованія.

Если бы только захотѣли дѣйствовать доброжелательно, безъ всякихъ притворствъ и ухищреній, то вліяніе, которое произошло бы отсюда на внутреннее довольство и счастіе общества было бы неизмѣримо. Эти маленькія учтивости, которыя составляютъ мелкую размѣнную монету въ оборотѣ жизни, въ отдѣльности, могутъ показаться имѣющими малое внутренее достоинство; но онѣ получаютъ значеніе чрезъ повтореніе и накопленіе. Онѣ подобны сберегаемымъ ежедневно грошамъ, которые производятъ такіе удивительные результаты въ теченіи года или жизни.

Учтивость есть украшеніе дѣйствія и есть способъ сказать слово или сдѣлать дѣло, который значительно возвышаетъ ихъ достоинство.

Спенсеръ говоритъ: то что имѣетъ видъ, какъ будто сдѣлано съ неудовольствіемъ или по снисхожденію, едвали принимается за благодѣяніе. Есть однако люди, которые гордятся своею суровостью, и хотя бы они обладали добродѣтелями и способностями, нравъ ихъ часто дѣлаетъ ихъ не смѣлыми. Трудно любить человѣка, который, хотя не бьетъ васъ по носу, но имѣетъ обыкновеніе оскорблять ваше самолюбіе, и гордится, если наговоритъ вамъ непріятностей. Есть другіе, которые страшно снисходительны, и пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы дать почувствовать свое величіе. Обходительность, хотя доведенная до крайности, она пошла и глупа,—въ высшей степени необходима для людей, которымъ приходиться сноситься съ другими по дѣламъ. Привѣтливость и хорошее воспитаніе можно считать даже существенно необходимыми для успѣха человѣка, занимающаго важное положеніе и дѣйствующаго въ широкой сферѣ жизни, потому что часто случалось, что недостатокъ этихъ качествъ въ значительной степени парализировалъ результаты, какихъ слѣдовало бы ожидать отъ большаго трудолюбія, правдивости и честности характера. Безъ сомнѣнія мало высокоталантливыхъ характеровъ, которые могутъ сносить недостатки и угловатости обращенія, и смотрѣть только на болѣе существенныя качества: но свѣтъ не такъ снисходителенъ, онъ составляетъ свои сужденія и даритъ своимъ расположеніемъ сообразно съ внѣшнимъ поведеніемъ.

Другой способъ развить въ себѣ учтивость—принимать во вниманіе мнѣніе другихъ. О необходительности было сказано, что она есть вполнѣ развившееся чванство, и, въ самомъ дѣлѣ, самая худшая форма, какую можетъ принять это качество есть упрямство и надменность. Пусть люди расходятся во мнѣніяхъ, но расходясь, пусть терпятъ мнѣнія другъ друга. Принципы и мнѣнія можно защищать, сохраняя полное благорасположеніе къ противнику, не прибѣгая къ хульнымъ или крупнымъ словамъ.

Врожденная учтивость, проистекающая изъ прямодушія и добрыхъ чувствъ, не есть исключительная принадлежность извѣстныхъ чиновъ и состояній. Ни въ какомъ случаѣ нельзя считать необходимымъ свойствомъ черной работы то, что дѣлаетъ работника грубымъ или невѣжею.

Отъ высшаго до низшаго, отъ богатѣйшаго до беднѣйшаго—никому природа не отказала въ своемъ высочайшемъ дарѣ—величіи сердца.

Но, говоритъ Смайльсъ, никогда не было благороднаго человѣка, который не обладалъ бы великимъ сердцемъ. А оно можетъ биться какъ подъ сермягой мужика, такъ и подъ роскошною одеждою знатнаго. Простая внѣшность можетъ показаться вульгарною тѣмъ, которые не могутъ видѣть подъ нею сердца. Но для человѣка, прямо смотрящаго на вещи, характеръ всегда имѣетъ ясныя отличія.

Истинный благородный человѣкъ тотъ, чей характеръ образовался по высочайшему образцу. Благородный человѣкъ великое старинное имя; во всѣхъ стадіяхъ

оно признается какъ сила. Благородный человѣкъ всегда останется благороднымъ человѣкомъ. Обладаніе такимъ характеромъ есть само по себѣ санъ и внушаетъ невольное уваженіе къ себѣ всякому благородному сердцу; даже тѣ, которые смотрятъ неблагосклонно на титулованную знать почитаютъ благороднаго человѣка. Качества его зависятъ не отъ моды и обычая, а отъ нравственнаго достоинства, не отъ личнаго достоянія, а отъ личныхъ качествъ.

Благородный человѣкъ главнымъ образомъ отличается своимъ самоуваженіемъ—онъ цѣнитъ свой характеръ не потому какъ онъ кажется другимъ, а потому какъ онъ знаетъ его самъ, принимая во вниманіе одобреніе своего внутренняго руководителя. Но, уважая себя, онъ, потому же закону, уважаетъ другихъ. Человѣчность священна въ его глазахъ; а отсюда проистекаетъ вѣжливость и снисходительность, ласковость и любовь.

Истинный благородный человѣкъ имѣетъ тонкое чувство чести и тщательно избѣгаетъ низкихъ поступковъ. Его образецъ честности въ словѣ и дѣлѣ высокъ. Онъ не надуваетъ и не виляетъ, не увертывается и не прячется; но всегда честенъ, правдивъ и прямъ. Законъ его честность и онъ дѣйствуетъ напрямикъ. Когда онъ говоритъ *да*, то это законъ; онъ смѣло говоритъ *нѣтъ*, когда слѣдуетъ. Его нельзя подкупить; только низкія души и лишенные всякихъ правилъ продаютъ себя тѣмъ, кто имѣетъ интересъ купить ихъ; богатства и знатность не имѣютъ необходимой связи съ качествами; свойственными благородному человѣку. Бѣднякъ можетъ быть настоящимъ благороднымъ человѣкомъ—въ душѣ

и ежедневной жизни. Онъ можетъ быть честенъ, вѣренъ, правдивъ, вѣжливъ, умѣренъ, мужественъ, самоуважающъ и самополагающъ, т. е. истиннымъ благороднымъ человѣкомъ. Бѣднякъ съ богатой душой во всѣхъ отношеніяхъ выше богача съ бѣдной душой. Только бѣдные духомъ въ самомъ дѣлѣ бѣдны. Тотъ, который потерялъ все, но сохраняетъ мужество, веселость, надежду, добродѣтель и самоуваженіе—все-таки богатъ. Послѣдній, такъ сказать, держитъ міръ въ залогѣ: такъ какъ духъ его господствуетъ надъ грубыми мірскими заботами, то онъ всегда идетъ прямо, какъ истинный благородный человѣкъ.

Сильный и благородный характеръ случается встрѣчать и подъ самою простою одеждою. Мужество и благородство всегда идутъ рука объ руку. Храбрый всегда великодушно снисходителенъ, никогда не злопамятенъ и не жестокъ.

Много есть признаковъ, по которымъ можно узнать благороднаго человѣка. Но безошибочнѣе всего можно узнать его потому, какъ онъ пользуется своею властью надъ подчиненными? Какъ онъ ведетъ себя въ отношеніи женщинъ и дѣтей? Какъ офицеръ обращается съ своими солдатами, хозяинъ съ своими слугами, учитель съ своими учениками, человѣкъ всякаго состоянія съ низшими его. Умѣренность, терпѣніе и кротость, съ которыми имѣющій власть пользуется властію, могутъ быть безъ сомнѣнія разсматриваемы какъ вѣрные признаки благородства характера. Тотъ, кто обращается грубо съ тѣми, которые находятся въ такомъ положеніи, что не могутъ постоять за себя, можетъ быть негодяемъ, но не можетъ быть благороднымъ человѣкомъ. Кто не защищаетъ слабыхъ и беззащитныхъ можетъ быть трусомъ, но никогда истиннымъ благороднымъ человѣкомъ.

Тиранъ, какъ сказано, есть тотъ же рабъ только и съ внѣшней и съ внутренней стороны. Сила и сознаніе силы въ человѣкѣ прямомъ, сообщаютъ благородство характеру, но онъ будетъ пользоваться ею очень осторожно; ибо прекрасно имѣть силу гиганта; но тотъ тиранъ, кто пользуется ею.

Благородство, говоритъ Раблэ, есть самое лучшее отличіе порядочнаго человѣка. Уваженіе чужихъ чувствъ, уваженіе низшихъ и подчиненныхъ, также какъ и равныхъ, а также уваженіе чувства собственнаго достоинства проникаетъ все поведеніе истиннаго благороднаго человѣка. Онъ скорѣе перенесетъ обиду, но изъ опасенія, чтобы строгимъ сужденіемъ о поступкѣ другаго не сдѣлать большей несправедливости. Онъ снисходителенъ къ слабостямъ, недостаткамъ и ошибкамъ тѣхъ, которые находятся въ менѣе выгодныхъ условіяхъ жизни, чѣмъ онъ. Онъ сострадателенъ даже къ своимъ животнымъ. Онъ не будетъ хвастаться ни своимъ богатствомъ, ни своею силой, ни своими дарованіями. Онъ не дѣлаетъ благодѣянія съ покровительственнымъ видомъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Стремленіе къ цѣли.

(Карлэйль, Тайлоръ, Смайльсъ и Синдэй Смитъ).

Вѣкъ нашъ ознаменовался преимущественно облегченіемъ человѣческихъ сношеній и способовъ распространенія знаній. Желѣзныя дороги, телеграфъ, книгопечатаніе, почта—все это учрежденія, превосходящія одно другое въ этомъ отношеніи. Громадныя кипы бумагъ постоянно обращаются печатными станками въ книги, журналы и газеты, которыя распространяются по очень низкой цѣнѣ. Глядя на все это, мы радуемся „прогрессу вѣка". Если бы и лошадиная сила подобно паровой или какой-либо другой силѣ машины могла произвести его, то нашъ прогрессъ по истинѣ былъ бы быстръ.

Но при этомъ слѣдуетъ еще обратить вниманіе на качество печатнаго метеріала, находящагося въ обращеніи, имѣетъ ли онъ свойства породить лучшихъ и умнѣйшихъ людей, вытекаетъ ли онъ изъ высшихъ и благороднѣйшихъ побужденій, чѣмъ тотъ, который обращался во времена относительно отдаленныя, времена,

для которыхъ писали Шекспиръ, Гете, Шиллеръ, Пушкинъ, Гоголь, Данте, Сервантесъ, и т. п. Принявши это въ разсчетъ можетъ быть придется сознаться, что хотя увеличеніе числа книгъ и газетъ, съ помощью паровыхъ машинъ и типографій, сопровождалось неоспоримыми выгодами, способствовшими развитію человѣка, но самая легкость распространенія знанія имѣетъ не одну хорошую сторону. Это безъ сомнѣнія даетъ возможность, какой не было прежде, научиться многимъ вещамъ легко и безъ усилія; но въ то же время оно, надо полагать, пораждаетъ скорѣе поверхностное, чѣмъ глубокое и сильное мышленіе, ибо, когда читатель изъ множества книгъ хочетъ почерпнуть свѣдѣнія о многихъ предметахъ, то можетъ случиться, что это разнообразіе такъ развлечетъ его, что онъ ничего не изучитъ основательно.

Смѣло, говоритъ Смайльсъ, можно предполагать, что при всѣхъ пособіяхъ, какія существуютъ для самостоятельнаго образованія, даже наша жизнь, подобно нашей литературѣ, сдѣлается машинальною.

Большое и постоянно возрастающее число людей въ нашихъ фабричныхъ округахъ большую часть времени проводятъ ежедневно въ присмотрѣ за машинами; отсюда слѣдуетъ, что все клонится къ тому, чтобы образовать родъ машинальныхъ человѣческихъ существъ, также лишенныхъ индивидуальности характера, какъ тѣ машины, за которыми они смотрятъ. Это одинъ изъ недостатковъ нашей цивилизаціи, на которой слишкомъ мало обращаютъ вниманія.

Улучшенный механизмъ нашихъ школъ, продолжаетъ

Смайльсъ, обѣщаетъ достигнуть такого совершенства, что мы въ скоромъ времени можемъ сдѣлаться такъ высокообразованными какъ китайцы, и это образованіе приведетъ къ точно такимъ же плохимъ результатамъ. Методъ набивать голову фактами и формулами распроняется быстро, но самостоятельному мышленію не только не научатъ, но часто стараются препятствовать. Но познанія, пріобрѣтенныя юношами съ такою легкостью, хотя бъ они были переполнены ими, не есть образованіе. Оно наполняетъ умъ, но не дѣлаетъ его плодотворнымъ. Оно на время возбуждаетъ умъ и сообщаетъ ему извѣстаго рода гибкость и легкость; но, будучи лишено всякой цѣли, и не имѣя въ предметѣ ничего кромѣ одного знанія, оно не принесетъ никакой прочной пользы. Быстрота, съ которою молодые люди нынѣ пріобрѣтаютъ свѣдѣнія о многихъ предметахъ, имѣетъ послѣдствіемъ то, что ихъ жажда знанія легко можетъ удовлетвориться; и по этому часто въ раннемъ возрастѣ они становятся blasè разочарованными. Пусть они прочитали много книгъ и прошли многія отрасли знанія,—но ими овладѣваетъ безразличіе. Ихъ духъ, безъ компаса, безъ якоря, дѣлается игралищемъ вѣтра. Они могутъ понимать, но въ нихъ нѣтъ активной вѣры. Умъ ихъ воспринимаетъ только идеи, но также пассивно, какъ зеркало, и едва ли дальше удерживаетъ впечатлѣнія. Такіе люди не годятся ни на какое дѣло, не имѣютъ никакого желанія выработать свои убѣжденія, не приходятъ ни къ какимъ заключеніямъ; воля ихъ находится какъ бы въ нерѣшительности, кажется усиленною, больною или мертвою. Знаніе въ такихъ

случаяхъ доставляетъ только скоропереходящее удовольствіе: это впечатлѣнія, не больше; чистѣйшій умственный эпикуреизмъ, чувственный, но не въ какомъ случаѣ не разсудочный. Лучшая сторона человѣческой натуры, которая развивается напряженнымъ усиліемъ и самостоятельною дѣятельностью, спитъ глубокимъ сномъ, и часто никогда не пробуждается къ жизни; развѣ подвинетъ ее отъ усыпленія суровый толчекъ внезапнаго несчастія или страданія, который въ такихъ случаяхъ приходитъ какъ благодѣяніе и служитъ къ пробужденію мужественнаго духа, который, безъ этого, продолжалъ бы дремать.

Говоря о доступности чтенія въ наше время, говоритъ Тайлоръ, нельзя также не упомянуть объ извѣстной маніи — сдѣлать ученіе пріятнымъ; отсюда забава и поощреніе являются самыми лучшими методами и употребляются какъ средство сообщать знаніе и развивать охоту къ чтенію. Наши книги и періодическія изданія не могутъ обойтись безъ приправъ; они должны быть въ высокой степени забавны и занимательны. Трудные предметы заброшены, и книги, требующія серьезнаго изученія, лежатъ на полкахъ не читанныя. Мы убѣждены, что міру надоѣстъ, наконецъ, это вѣчное глумленіе надъ всѣмъ. Есть же въ жизни кое-что и серьезное. Не можетъ быть, чтобы вся исторія человѣка была комична.

Привыкши учиться, забавляясь, говоритъ Карлэйль, молодежь наша скоро станетъ отвергать все, что представляется подъ видомъ изученія и труда. Пріобрѣтая знаніе и науку играя, они, пожалуй, обратятъ въ за-

баву то и другое, потому что привычка развлекаться умственно, вкоренившись такимъ образомъ, не можетъ не имѣть обезсиливающаго вліянія на умъ и характеръ. Какъ отдыхъ послѣ труда, или же какъ развлеченіе послѣ важнѣйшихъ занятій, чтеніе хорошаго разсказа, написаннаго умнымъ и даровитымъ авторомъ, доставляетъ высокое наслажденіе. Въ этомъ и состоитъ назначеніе литературы, привлекающей къ себѣ читателей всѣхъ классовъ, стараго и малаго. Мы никого изъ нихъ не лишили бы того разумнаго удовольствія, какое она доставляетъ. Но сдѣлать ее исключительною литературною пищею, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, пожирать хламъ, обременяющій полки книжныхъ лавокъ, и посвящать большую часть досуга чтенію нелѣпыхъ картинъ человѣческой жизни - это хуже чѣмъ совершенно ничего не дѣлать; это положительно вредно. Привыкшій читать повѣсти такъ переполняется вымышленными чувствами, что подвергается большой опасности извратить и разстроить здоровье, дѣйствительное чувство, потому что симпатія, вызванная вымысломъ, не ведетъ никогда къ соотвѣтствующему дѣйствію. Чувственность, которую мы возбуждаемъ вымысломъ, не причиняетъ никакой тревоги, не побуждаетъ къ самопожертвованію, такъ что сердце, которое часто бываетъ тронуто вымысломъ, дѣлается, наконецъ, не чувствительнымъ къ дѣйствительности. Закалъ характера постепенно стирается и онъ нечувствительно теряетъ жизненную упругость.

Умѣренное увеселеніе, говоритъ Смайльсъ, здорово и его слѣдуетъ рекомендовать каждому; но увеселеніе, превышающее мѣру, портитъ характеръ и его слѣдуетъ

остерегаться. Есть пословица часто повторяемая: «Постоянная работа безъ забавъ дѣлаетъ мальчика глупымъ; но постоянныя забавы безъ работы сдѣлаютъ чѣмъ либо гораздо худшимъ». Ничего не можетъ быть вреднѣе для ребенка, какъ постоянныя удовольствія. Самыя лучшія качества его души мельчаютъ чрезъ это; обыкновенныя забавы становятся для него не привлекательны; жажда высшихъ наслажденій удовлетворяется и угасаетъ, и когда ему придется заглянуть въ лицо труду и долгу, то послѣдствіемъ будетъ отвращеніе и неохота.

Скороспѣлые люди скоро исчерпываютъ и расточаютъ свои жизненныя силы, и изсушаютъ самый источникъ истиннаго счастья. Они ускорили свою зрѣлость и дальнѣйше не могутъ рости ни относительно характера, ни относительно ума. Дитя безъ простоты, дѣвочка безъ невинности, мальчикъ безъ искренности представляютъ зрѣлище не менѣе достойное сожалѣнія, какъ человѣкъ, растратившій свою молодость на удовольствія. Скертицизмъ, насмѣшливость и эгоизмъ, отличающіе очерствѣлый характеръ, преимущественно попадаются между такими людьми, молодость которыхъ помрачена преждевременными наслажденіями. Изчерпавъ источники жизни и расточивъ свою молодость, они въ отчаяньи пытаются сбросить съ себя свою человѣчность. Поврежденіе такого рода, причиненное характеру, трудно излѣчить, потому что привычки, сложившіяся въ молодости, связываютъ человѣка какъ магнитною цѣпью.

Сила природы въ юности проходитъ чрезъ много излишествъ, вліянія которыхъ отражаются на человѣкѣ

8*

до самой старости, выражаетъ какъ физическій, такъ и моральный фактъ, значеніе котораго въ раннемъ возрастѣ не можетъ быть преувеличено. Не рѣдко то, что мы сѣемъ подъ видомъ овса, обращается въ горную траву, когда созрѣетъ. Безразсудства молодости отражаются на человѣкѣ. Но хуже всего въ нихъ не то, что они разстраиваютъ здоровье, а то, что они пятнаютъ человѣчность. Легкомысленный юноша становится запятнаннымъ человѣкомъ, и часто, даже при всемъ желаніи, онъ не можетъ очиститься отъ этого пятна. Если есть лѣкарство противъ этого, то единственнымъ врачеваніемъ служитъ примѣръ горячаго чувства долга и энергическое занятіе полезнымъ дѣломъ.

Не покой, не усиліе, не легкость, но затрудненія образуютъ человѣка. Можетъ быть нѣтъ ни одного положенія въ жизни, въ которомъ бы не приходилось встрѣтиться съ затрудненіями и преодолѣть ихъ, прежде чѣмъ удастся привести въ исполненіе какую-нибудь мѣру. Но эти затрудненія наши лучшіе учителя, также точно какъ наши промахи вырабатываютъ въ насъ опытность.

«Неудачи, говоритъ Сиднэй Смитъ, научаютъ насъ мудрости гораздо лучше чѣмъ успѣхъ.» Мы часто открываемъ то, что будетъ, узнавши чего не будетъ; и навѣрное тотъ никогда не сдѣлаетъ открытія, кто ни разу не ошибся. Одинъ замѣчательный изслѣдователь въ области естественныхъ наукъ замѣтилъ, что всякій разъ, когда онъ въ своихъ изысканіяхъ встрѣчалъ кажущееся препятствіе, онъ находился на краю какого-нибудь новаго открытія. Все истинно высокое: великія

идеи, изобрѣтенія и открытія — вообще выработывалось съ трудомъ, часто обдумывалось съ сердечною болью, и, наконецъ, и выполненіе представляло большія трудности. Люди, чувствующіе въ себѣ силу, могутъ не бояться встрѣтить противорѣчія: они имѣютъ гораздо больше основанія бояться незаслуженныхъ похвалъ и слишкомъ благосклонной критики.

Нужда, продолжаетъ Смайльсъ, правда тяжелая школа, но по общему мнѣнію самая лучшая. Хотя несчастіе есть одно изъ испытаній, котораго мы естественно избѣгаемъ, но, когда оно наступитъ, мы должны смѣло и мужественно встрѣтить его. Если характеръ имѣетъ дѣйствительное достоинство, то, подобно душистымъ травамъ, онъ издаетъ благоуханіе, если его сжать. Опытъ жизни показываетъ, что здравая школа несчастій обыкновенно дѣлаютъ насъ стойкими. Много есть людей, которые показали себя способными перенести лишенія и весело встрѣчать препятствія, между тѣмъ какъ въ послѣдствіи оказались безсильными противостоять вредному вліянію счастія. Только съ слабаго человѣка вѣтеръ срываетъ плащъ; человѣкъ средней силы скорѣе можетъ опасаться лишиться его отъ дѣйствія лучей слишкомъ благосклоннаго солнца. И такъ, часто нуженъ большій закалъ и сильнѣйшій характеръ, чтобы устоять противъ счастья, чѣмъ противъ несчастія. Есть благородныя натуры, которыхъ благоденствіе одушевляетъ и согрѣваетъ; но есть много такихъ, на которыхъ богатство не имѣетъ такого вліянія. Низкія сердца оно только огрубляетъ, дѣлая ихъ изъ пошлыхъ и рабскихъ пошлыми и надменными. Но между тѣмъ,

какъ благоденствіе способно огрубить сердце и сдѣлать его надменнымъ, несчастіе, для человѣка съ характеромъ, послужитъ только къ тому, чтобы въ немъ созрѣла твердость. Чрезмѣрная легкость, удачи и счастье вредны для человѣка, такъ какъ устраняютъ здоровое побужденіе къ труду, которое такъ необходимо для воспитанія. Тотъ кто борется съ нами укрѣпляетъ наши мускулы и изощряетъ нашу ловкость, такимъ образомъ нашъ противникъ приноситъ намъ пользу. Если бы не встрѣчалось затрудненій, то жить, быть можетъ, было бы лучше, но люди были бы хуже. Потому что испытанія, разумно перенесенныя, укрѣпляютъ характеръ и научаютъ помогать самому себѣ; такъ бываетъ бѣда часто для насъ самою лучшею школою, хотя мы этого не замѣчаемъ.

Въ битвѣ жизни, въ большей части случаевъ, нужно по необходимости сражаться; выиграть побѣду безъ сраженія, значило бы, быть можетъ, выиграть ее безъ славы. Если бы не было трудностей, говоритъ Тайлоръ, не было бы и успѣха; если бы не было изъ-за-чего биться, то ничего не было бы завоевано. Трудности могутъ только запугать слабаго; на человѣка же сильнаго и отважнаго они только дѣйствуютъ какъ здоровый стимулъ. Въ самомъ дѣлѣ, опытъ жизни доказываетъ, что преграды встрѣчаемыя человѣкомъ на пути его стремленій, въ большей части случаевъ могутъ быть устранены честнымъ усиліемъ, дѣятельностью, настойчивостью, а всего болѣе сознательною рѣшимостію преодолѣть затрудненія и мужественно противостать несчастью.

Школа трудностей, говоритъ другой авторъ, Смитъ, есть лучшая школа, которая сообщаетъ нравственный закалъ какъ народамъ, такъ и отдѣльнымъ людямъ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія трудностей была бы исторіей всего великаго и прекраснаго, совершеннаго людьми. Трудно сказать, какъ много сѣверные народы обязаны своему сравнительно суровому и перемѣнчивому климату и своей первоначально безплодной почвѣ, побуждавшимъ ихъ къ вѣковой борьбѣ съ такими трудностями, о которыхъ не имѣютъ понятія обитатели болѣе теплыхъ странъ. Отсюда произошло то, что, хотя всѣ наши лучшіе продукты иноземнаго происхожденія, но трудолюбіе и искусство, которые были необходимы для разведенія ихъ, кончили тѣмъ, что произвели ростъ населенія безподобный на земномъ шарѣ.

Гдѣ есть затрудненія, говоритъ далѣе Смайльсъ, отдѣльный человѣкъ долженъ выйти изъ нихъ. Встрѣча съ затрудненіями разовьетъ его силу, изощритъ его искусство; она побуждаетъ его къ усиліямъ въ виду будущихъ облегченій. Путь къ успѣху труденъ, по немъ трудно взбираться; но онъ подвергаетъ пробѣ энергію того, кто хотѣлъ бы достигнуть вершины. Человѣкъ узнаетъ по опыту, что необходимо бороться съ препятствіями, для того, чтобы преодолѣть ихъ; онъ узнаетъ, какъ сильно помогаетъ намъ исполнить предпринятое намѣреніе нравственная рѣшимость исполнить его. Такимъ образомъ, затрудненія изчезаютъ сами собою передъ рѣшимостью преодолѣть ихъ. Изъ десяти случаевъ девять вѣроятныхъ, что они исчезнутъ, если только смѣло подойти къ нимъ. Какъ воры, они часто убѣ-

гаютъ отъ взоровъ. То, что кажется непреодолимою преградою, говоритъ Спенсеръ, большою горою, загораживающею намъ путь, оказывается преодолимымъ, если, преодолѣвъ труды и опасности, приблизиться къ нему; и тропинки прежде незамѣтныя, хотя бы трудныя и узкія, открываютъ намъ путь черезъ гору.

Многое сдѣлаешь, если только попытаешься, говоритъ Смайльсъ. Никто не знаетъ, что онъ можетъ сдѣлать, пока не испытаетъ, а не многіе пытаютъ свои силы, пока что-нибудь не принудитъ ихъ къ тому. «Еслибъ я могъ сдѣлать тото и то,» вздыхаетъ отчаявающійся молодой человѣкъ. Но онъ никогда не *сдѣлаетъ*, если останется при одномъ желаніи. Желанія должны созрѣть въ рѣшимость и усиліе; одна энергическая попытка стоитъ тысячи желаній. Намѣренія, какъ яйца, если ихъ не высидѣть, испортятся. Эти колючіе *если* лепетъ безсилія и отчаянія — огораживаютъ поле возможнаго и не допускаютъ сдѣлать что-нибудь или даже попытаться.

Научась чему мы преодолѣемъ трудность, побѣда надъ одною трудностью помогаетъ побѣдить другую. Предметы, которые на первый взглядъ кажутся сравнительно маловажными въ воспитаніи, какъ изученіе мертвыхъ языковъ, ученіе о линіяхъ и плоскостяхъ, которое мы называемъ математикой — въ дѣйствительности имѣютъ наибольшую практическую важность, не столько по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія они сообщаютъ, сколько потому, что они развиваютъ умъ. Изученіе этихъ наукъ пріучаетъ къ напряженному усилію и прилежанію, качества, которыя въ противномъ случаѣ могли

бы остаться спящими. Такимъ образомъ одна вещь ведетъ къ другой. И такъ, работа продолжается всю жизнь, а встрѣча съ трудностями оканчивается только тогда, когда прекращается прогрессъ или жизнь. Но потворствованіе чувству унынія никогда никому непомогало преодолѣть трудность и никогда не поможетъ. Ничто не бываетъ легкимъ, что въ началѣ не было труднымъ, даже такое простое дѣйствіе, какъ хожденіе. Танцовщица, которая дѣлаетъ пируэты, скрипачъ, который разъигрываетъ сонату, пріобрѣли свою ловкость терпѣливымъ повтореніемъ и послѣ многихъ ошибокъ.

Большая часть высокообразованныхъ людей боролись съ трудностями съ наибольшимъ мужествомъ. Самая крайняя бѣдность не была преградою на пути людей преданныхъ долгу самозабвенія. Они упорствовали въ этой борьбѣ, и вѣра и надежда явилась въ нихъ.

Не смотря на много разсказовъ, какіе мы слышали о дѣтствѣ геніальныхъ людей, все-таки справедливо то, что по раннимъ успѣхамъ человѣка нельзя судить еще о той высотѣ, какой онъ достигнетъ. Скороспѣлость также часто бываетъ симптомомъ болѣзни, какъ и признакомъ умственной силы въ молодомъ человѣкѣ. Что бываетъ со всѣми такъ-называемыми замѣчательно способными дѣтьми? Кѣмъ бываютъ всѣ хваленые мальчики? Прослѣдите всю ихъ жизнь и вы увидите, что часто тупые мальчики опережали ихъ. Способныхъ мальчиковъ награждаютъ; но похвалы, которыя имъ достаются легко, рѣдко приносятъ имъ пользы. Должно бы скорѣе наградить усиліе, борьбу и послушаніе, потому что слѣдуетъ предпочтительно поощрять ребенка,

который дѣлаетъ все, что можетъ, хотя онъ одаренъ отъ природы гораздо меньшими способностями.

Различіе между однимъ мальчикомъ и другимъ состоитъ не только въ способностяхъ, сколько въ энергіи. Сообщенная настойчивость и энергія скоро обращаются въ привычку. Если только неспособный мальчикъ имѣетъ прилежаніе и стойкость, то онъ неизбѣжно превзойдетъ своихъ способнѣйшихъ товарищей, не имѣющихъ этихъ качествъ? Кто идетъ тихо, но вѣрно, тотъ опередитъ. Постоянствомъ объясняется, почему положеніе мальчиковъ въ школѣ часто противоположно ихъ положенію въ дѣйствительной жизни; почему нѣкоторые изъ тѣхъ, которые въ школѣ слыли способными, оказывались въ послѣдствіи такъ посредственными, между тѣмъ какъ другіе, которые считались тупыми, ничего не обѣщавшими мальчиками, медленно развивая свои способности, но умѣренно дѣйствуя на своемъ поприщѣ, заняли положеніе руководителей людей.

Высшее образованіе пріобрѣтается нами не только отъ нашихъ наставниковъ въ школѣ или университетѣ, сколько нашимъ собственнымъ усерднымъ самовоспитаніемъ, когда мы становимся людьми.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Взаимное вліяніе.

(Тайлоръ, Раблэ, Гербертъ-Спенсеръ, Бэконъ, Беббеджъ, Карлэйль и Смайльсъ).

Есть что-то торжественное, говоритъ Тайлоръ, въ той мысли, что нѣтъ ни одного дѣйствія, ни одной мысли въ человѣческомъ бытіи, которыя не влекли бы за собою рядъ послѣдствій, конца котораго мы иногда не въ состояніи предусмотрѣть.

По мнѣнію Раблэ, нѣтъ ни одного дѣйствія, ни одной мысли, которыя бы въ извѣстной степени не клали колорита на нашу собственную жизнь и не вліяли не чувствительно на жизнь окружающихъ насъ. Хорошее дѣло и хорошая мысль будетъ жить, хотя мы и не можемъ видѣть плодовъ ея, но точно тоже можно сказать и о дурномъ дѣлѣ и о дурной мысли. И нѣтъ ни одного человѣка столь ничтожнаго, чтобы примѣръ и вліяніе его не приносили съ одной стороны пользы, а съ другой вреда. Въ этомъ-то и заключается сущность безсмертія

человѣка даже въ этомъ мірѣ. Нѣтъ индивидуума въ мірѣ, который былъ бы изолированъ. Каждый есть составная часть въ системѣ взаимныхъ зависимостей, и своими дѣйствіями то увеличиваетъ, то уменьшаетъ, сумму добра навсегда. Какъ настоящее имѣетъ свои корни въ прошедшемъ, какъ жизнь и примѣры нашихъ предковъ, даже отдаленныхъ, вліяютъ на насъ, такъ и мы нашими ежедневными поступками способствуемъ формированію качествъ и характеровъ нашихъ потомковъ. Живой человѣкъ, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, есть плодъ, образующійся и созрѣвающій подъ вліяніемъ всѣхъ протекшихъ столѣтій. Поколѣнія шести тысячъ лѣтъ стоятъ назади насъ одно за другимъ, каждое положа руки на плечи своего потомства, а живущая генерація продолжаетъ токъ дѣлъ примѣровъ и вліянія, предназначенныхъ для того, чтобы связать отдаленнѣйшее прошедшее съ отдаленнѣйшимъ будущимъ. Ни чьи дѣла не умираютъ вполнѣ, и хотя тѣло человѣка разрушается въ прахъ и воздухъ, его хорошія и дурныя дѣла, сообразно съ ихъ родомъ, постоянно будутъ приносить плоды и вліять на человѣческія генераціи всѣхъ будущихъ временъ. Въ этомъ-то важномъ и замѣчательномъ фактѣ заключается громадная сила и отвѣтственность человѣческаго существованія.

Вліяніе и примѣръ самые могущественные наставники, хотя они учатъ безъ словъ. Это практическая школа человѣчества, такъ какъ она учитъ дѣломъ, которое всегда дѣйствуетъ сильнѣе словъ. Наставленіе можетъ указать намъ путь, между тѣмъ какъ безмолвный постоянный примѣръ, который представляетъ намъ обычаи, дѣйствительно живетъ вмѣстѣ съ нами въ продолженіи всего жизненнаго пути.

Хорошій совѣтъ, по мнѣнію Бэкона, имѣетъ свое значеніе; но, не сопровождаемый хорошимъ примѣромъ, онъ имѣетъ сравнительно меньшее вліяніе; по этому извѣстная поговорка; «поступай такъ, какъ я говорю, а не такъ, какъ я поступаю,» въ дѣйствительности имѣетъ обратное примѣненіе. Всѣ люди, въ большей или меньшей степени способнѣе учиться посредствомъ зрѣнія, чѣмъ посредствомъ слуха. То, что люди видятъ, производитъ на нихъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ то, что они слышатъ или читаютъ, въ особенности въ дѣтствѣ, когда глаза служатъ главнымъ проводникомъ знаній. Чтобы дѣти не видѣли, они безсознательно подражаютъ, такъ что они незамѣтно становятся похожими на тѣхъ, кто ихъ окружаетъ, подобно насѣкомымъ, которые принимаютъ цвѣтъ тѣхъ листьевъ, которыми питаются. Отсюда ясно громадное значеніе домашняго воспитанія, потому что, какое бы ни было вліяніе школъ, примѣры, которые мы видимъ дома, всегда будутъ имѣть неизмѣримо большее значеніе въ формированіи характера нашихъ будущихъ мужей и женъ. Домъ есть кристаллъ общества, настоящее ядро національнаго характера; изъ этого источника, чистъ онъ или мутенъ, вытекаютъ обычаи, принципы, правила, которые управляютъ какъ частною, такъ и общественною жизнью. Нація выходитъ изъ дѣтской *). Самое общественное мнѣніе большею частію выростаетъ изъ

*) Смайльсъ.

дома и наилучшая филантропія зарождается у домашняго очага. Любовь къ небольшому кружку, къ которому мы принадлежимъ, есть зародышъ всѣхъ общественныхъ привязанностей. Отъ этого центральнаго пункта человѣческія симпатіи распространяются все шире и шире, пока, наконецъ, не обхватятъ весь міръ; ибо, хотя истинная филантропія, какъ и любовь къ ближнему, начинается дома, но безъ сомнѣнія, она не оканчивается здѣсь. По этому примѣръ нашего поведенія, даже въ дѣлахъ, повидимому ничтожныхъ, на сколько онъ постоянно входитъ въ жизнь другихъ и способствуетъ улучшенію или ухудшенію ихъ характера, имѣетъ не малую важность; такимъ образомъ характеръ родителей постоянно повторяется въ дѣтяхъ; любовь, трудолюбіе, строгость къ себѣ, самоконтроль, примѣры которыхъ ежедневно представляютъ имъ родители, живутъ и дѣйствуютъ въ нихъ, и тогда даже какъ все другое, чему они научились посредствомъ слуха давно забыто. Даже безмолвное дѣйствіе и безцѣльный взглядъ, можетъ положить такой опечатокъ на характеръ дитяти, который никогда не изгладится. Кто знаетъ, сколько дурныхъ поступковъ было пріостановлено воспоминаніемъ о какомъ-нибудь добромъ родителѣ, память котораго дѣти не рѣшатся запятнать недостойнымъ дѣломъ! Сущіе пустяки такимъ образомъ становятся важными, по своему вліянію на человѣческій характеръ. Отъ направленія, какое даютъ эти кажущіеся пустяки въ дѣтствѣ зависятъ главнымъ образомъ будущее счастье и успѣхъ человѣка. Нравственное здоровье такъ много зависитъ отъ нравственной атмосферы, которою мы дышемъ, и

вліяніе, которое ежедневно обнаруживаютъ родители на своихъ дѣтей такъ велико, что самую лучшую методу родительскаго воспитанія можно выразить въ этихъ двухъ словахъ: *совершенствуйся самъ*.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, *Беббеджъ* сильно высказалъ слѣдующую мысль: „каждый атомъ, говоритъ онъ, замѣчательный добромъ или зломъ, заключаетъ въ себѣ движенія, которыя ему приписываютъ философы и мудрецы, соединенныя тысячами способовъ со всѣмъ, что есть въ немъ недостойнаго и низкаго; самый воздухъ есть огромная книга, на страницахъ которой написано *навсегда* все; что когда-либо кто сказалъ или шепнулъ. Сюда въ неизгладимыхъ словахъ навсегда внесены неисполненные обѣты, клятвы и увѣренія, чтобы движенія каждой частички вѣчно свидѣтельствовало объ измѣнчивости человѣческой воли. Но если воздухъ, которымъ мы дышемъ есть безошибочный историкъ мыслей и чувствъ нами высказанныхъ, земля и океанъ подобнымъ же образомъ свидѣтельствуютъ о дѣлахъ, совершенныхъ нами, то тотъ же принципъ равенства дѣйствій и противодѣйствій примѣняется и къ нимъ. Ни одно движеніе, вызванное естественными причинами и человѣческою дѣятельностію, не изглаживается. Если Всевышній заклеймилъ чело перваго убійцы неизгладимымъ знакомъ его вины, то онъ также установилъ законы, по которымъ всякій послѣдующій преступникъ неизбѣжно самъ свидѣтельствуетъ о своемъ преступленіи, потому что каждый атомъ его смертной оболочки, какія бы перемѣны не претерпѣвали различныя ея частицы, при каждой комбинаціи будетъ заклю-

чать въ себѣ нѣкоторое движеніе, происходящее отъ него возбужденія мускуловъ, которымъ совершено преступленіе.

Такимъ образомъ каждое наше дѣло, каждое слово, а равно каждое дѣло, котораго мы были свидѣтелями, и каждое слово, которое мы слышимъ, имѣютъ вліяніе, далеко распространяющееся и не только дающее калоритъ всей нашей будущей жизни, но и отражается на всемъ строѣ общества. Мы, конечно, не въ состояніи прослѣдить нашего вліянія, которое, развѣтвляясь обнаруживается въ поступкахъ нашихъ дѣтей, друзей и сообщниковъ, но оно, безъ сомнѣнія есть и дѣйствуетъ постоянно. И въ этомъ заключается большое значеніе хорошаго примѣра, онъ есть нѣмой наставникъ, котораго даже самый бѣдный человѣкъ можетъ развить своею ежедневною жизнью. Нѣтъ ни одного человѣка, такого низкаго, который бы не снабдилъ другихъ этимъ простымъ, но неоцѣненнымъ наставленіемъ. Такимъ образомъ даже въ самомъ низкомъ состояніи можно быть полезнымъ; потому что свѣтъ въ низкомъ мѣстѣ свѣтитъ также хорошо, какъ и на холмѣ. Всегда почти при всѣхъ обстоятельствахъ, какими бы неблагопріятными они ни казались, въ болотныхъ лугахъ, въ рабочихъ хижинахъ, тѣсныхъ закоулкахъ, большихъ городовъ можетъ выросги честный человѣкъ. Тотъ, кто обработываетъ клочекъ земли едва большій, чѣмъ сколько нужно для его могилы, можетъ дѣйствовать также много и съ такимъ же добрымъ намѣреніемъ, какъ и наслѣдникъ тысячъ. Самая простая рабочая можетъ быть такимъ образомъ школой трудолюбія, знанія и добрыхъ

нравовъ, съ одной стороны, и праздности, невѣжества, пороковъ, съ другой стороны. Все это зависитъ отъ отдѣльныхъ людей и отъ того, какъ они пользуются представляющимися случаями дѣлать добро".

Жизнь, хорошо прожитая, говоритъ Карлэйль, характеръ, хорошо выдержанный, есть не маловажное наслѣдство, оставленное дѣтямъ и міру, потому что это есть самый краснорѣчивый урокъ добраго дѣла и самое суровое противодѣйствіе пороку, продолжая быть неисчерпаемымъ источникомъ лучшаго рода богатствъ.

Такимъ образомъ люди правдивые, если они энергическіе дѣятели, даже принадлежа къ самымъ низкимъ состояніямъ, могутъ дать толчекъ къ добрымъ дѣламъ несравненно большій, чѣмъ, повидимому, можно ожидать, судя по ихъ дѣйствительному положенію въ обществѣ.

Мы никогда не можемъ сказать, продолжаетъ Карлэйль, на комъ отразится хорошій примѣръ, или, въ какомъ направленіи онъ будетъ дѣйствовать Даже терпѣливое, безропотное трудолюбіе со стороны слабыхъ и низкихъ, работающихъ постоянно и старающихся сдѣлать все, что только можно сдѣлать въ томъ положеніи, въ какое они поставлены провидѣніемъ, можетъ быть полезно для многихъ высшихъ дѣятелей.

Воспитаніе характера зависитъ отъ примѣровъ въ очень многихъ отношеніяхъ. Мы формируемся, безсознательно, по образцу характеровъ, нравовъ, обычаевъ и мнѣній тѣхъ, которые насъ окружаютъ. Хорошія правила много значатъ, но хорошіе примѣры—несрав-

ненно больше, потому что въ послѣднихъ мы имѣемъ урокъ; на самомъ дѣлѣ — мудрость примѣненную къ дѣлу. Хорошее увѣщаніе и дурной примѣръ строятъ одною рукою то, что другою разрушаютъ. По этому чрезвычайно важно, чтобы въ выборѣ товарищей, особенно въ дѣтствѣ, быть очень осторожнымъ. Есть какое-то магнетическое сродство между юными существами, которое сремится сдѣлать ихъ похожими другъ на друга.

Примѣръ храбрыхъ воодушевляетъ трусовъ, ихъ присутствіе проникаетъ всѣ фибры. Отсюда чудеса храбрости, обнаруживаемыя обыкновенными людьми, когда ими предводительствуетъ герой. Воспоминаніе о подвигахъ храбрыхъ волнуетъ кровь подобно трубному звуку.

Главная польза біографій состоитъ въ томъ, что онѣ представляютъ благородные образцы характеровъ. Наши великіе предки продолжаютъ жить между нами въ воспоминаніяхъ о нихъ, какъ и въ дѣлахъ, совершенныхъ ими, которыя также не умираютъ; они и донынѣ сидятъ съ нами за столомъ и держатъ насъ за руки, они не перестаютъ подавать намъ благодѣтельные примѣры, которые мы во всякое время можемъ изучать, удивляться имъ и подражать. Въ самомъ дѣлѣ, кто оставилъ по себѣ память благородной жизни, тотъ завѣщалъ своимъ потомкамъ неизсякаемый источникъ добра, потому что онъ будетъ жить между ними, какъ образецъ, по которому будутъ складывать ихъ характеры во всѣ будущія времена; онъ постоянно вдыхаетъ въ насъ свѣжую жизнь,

помогаетъ намъ воспроизвести снова его жизнь и прославить его характеръ, проявляя его въ другихъ формахъ. По этому книга, представляющая жизнь человѣка, полна драгоцѣнныхъ сѣмянъ. Такая книга никогда не перестанетъ производить возвышающаго вліянія и сообщать стремленіе къ добру. Но кромѣ того, мы имѣемъ передъ собою высочайшій, наиболѣе соотвѣтствующій потребностямъ нашего ума и сердца образецъ и примѣръ, съ которымъ можемъ сообразовать нашу жизнь въ этомъ мірѣ, примѣръ, которому мы можемъ слѣдовать только издали, подобно растеніямъ или винограднымъ лозамъ, которыя никогда не видѣли солнца, но которыя грезятъ о немъ и только догадываются гдѣ оно, всѣми силами стараясь взвиться вверхъ, чтобы пробраться къ нему.

Біографіи, по мнѣнію Раблэ, увеличиваютъ самоувѣренность человѣка, показывая, чѣмъ могутъ быть люди и что они могутъ сдѣлать; они укрѣпляютъ цѣли нашей жизни.

Иногда книга, представляющая высокій образецъ жизни, взятая на авось, для препровожденія времени, вызываетъ энергію, существованіе которой мы прежде не подозрѣвали въ себѣ.

Чтеніе «Жизнеописаній» Плутарха, говоритъ Гербертъ пробудило въ Алфіери страсть къ литературѣ. Лойола, когда служилъ солдатомъ при осадѣ Пампелуны и получилъ опасную рану въ ногу, попросилъ для развлеченія книгу; ему дали «Житія святыхъ.» Чтеніе этой книги такъ воспламенило его духъ, что онъ рѣ-

шился на будущее время посвятить себя основанію ордена.

Славная жизнь одного человѣка, какъ замѣтилъ Спенсеръ, зажигаетъ пламя въ сердцахъ другихъ, имѣющихъ одинаковые съ нимъ таланты и наклонности, а за равными усиліями почти навѣрно слѣдуетъ и одинаковая слава. Такимъ образомъ цѣпь примѣра продолжается въ безконечной послѣдовательности звѣньевъ; — удивленіе вызываетъ подражаніе и увѣковѣчиваетъ истинную аристократію ума.

Однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ примѣровъ, какіе могутъ быть представлены юношѣ, это примѣръ бодрости въ работникѣ. Веселость сообщаетъ гибкость уму, призраки исчезаютъ передъ ней, трудности не приводятъ въ отчаяніе, потому что имъ на встрѣчу идетъ надежда, и умъ получаетъ то счастливое расположеніе пользоваться удобнымъ случаемъ, которое рѣдко не ведетъ къ успѣху. Веселость есть самое здоровое и счастливое настроеніе; веселый и усердный работникъ побуждаетъ къ работѣ другихъ. Усердіе придаетъ достоинство даже самымъ обыкновеннымъ занятіямъ. Работа самая успѣшная — эта работа отъ всего сердца, работа, исполняемая руками и головою того, кому весело на сердцѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Домашнее воспитаніе.

(Гольдсмитъ, Сиднэй Смитъ, Раблэ, д'Израэли, Спенсеръ, Тайлоръ и Смайльсъ).

Семья, говоритъ Смайльсъ, представляетъ первую наиболѣе важную школу, въ которой образуется характеръ человѣка. Въ ней человѣкъ получаетъ свое лучшее или худшее воспитаніе, потому что въ семьѣ онъ почерпаетъ правила поведенія, которыя не покидаютъ его въ продолженіи всей его жизни.

Въ большомъ ходу поговорка: «манеры дѣлаютъ человѣка» и еще другая: «умъ дѣлаетъ человѣка;» но вѣрнѣе той и другой — третья поговорка: «Семья создаетъ человѣка.» Домашнее воспитаніе включаетъ въ себѣ не только образованіе ума и манеръ, но еще и характера. Въ семьѣ главнымъ образомъ развивается сердце, создаются привычки, возбуждается умъ и образуется хорошій или дурной складъ характера.

Изъ этого-то источника, будь онъ чистъ или зараженъ, проистекаютъ всѣ опасныя правила, которыми

руководствуется общество. Даже самые законы ничто иное, какъ отраженіе семьи. Малѣйшія отрывочныя мнѣнія, посѣянныя въ умахъ дѣтей въ частной жизни, въ послѣдствіи вступаютъ въ свѣтъ и становятся его общественнымъ мнѣніемъ; націи выходятъ изъ дѣтскихъ, и люди, которымъ предоставлено руководить первыми шагами ребенка, могутъ имѣть даже болѣе вліянія, чѣмъ тѣ, въ чьихъ рукахъ находятся бразды правленія. Гражданскія добродѣтели, если въ основѣ ихъ не лежатъ освящающія ихъ семейныя добродѣтели, ничто иное, какъ сценическая добродѣтель. Человѣкъ, не имѣющій любящаго сердца для своего ребенка, не можетъ имѣть притязанія на истинную любовь къ человѣчеству.

Очень естественно, что семейная жизнь должа служить приготовленіемъ для жизни общественной и что умъ и характеръ получаютъ свое первоначальное образованіе въ семьѣ. Въ ней къ отдѣльнымъ лицамъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи складывается общество, обращаются по одиночкѣ и образуютъ каждаго отдѣльно. Изъ семьи они вступаютъ въ жизнь и дѣлаются изъ отроковъ гражданами. Такимъ образомъ на семью слѣдуетъ смотрѣть, какъ на самую вліятельную школу просвѣщенія, потому что цивилизація, въ концѣ концовъ переходитъ главнымъ образомъ въ вопросъ индивидуальнаго воспитанія, и смотря потому, хорошо или дурно было воспитаніе, полученное отдѣльными членами общества въ ихъ молодости, общество, которое они составляютъ, будетъ обладать большей или меньшей цивилизаціей и гуманностью.

Д'Израэли утверждаетъ, что нравственная атмосфера, въ которой человѣкъ провелъ первые годы своей жизни, даже для самаго умнаго, остается не безъ сильнаго вліянія на его дальнѣйшее воспитаніе. Человѣкъ является въ міръ безпомощный и вполнѣ зависимый отъ тѣхъ, кто его окружаетъ, какъ въ отношеніи пищи, такъ и въ отношеніи образованія. Съ первымъ его вздохомъ начинается и воспитаніе его, хотя, конечно безсознательное; ребенокъ учится посредствомъ простаго подражанія и безъ малѣйшаго усилія съ своей стороны, и даже, если можно такъ выразиться, накожными порами. «Фиговое дерево глядя на другое, становится плодоноснымъ,» говорятъ арабы. Такъ и дѣти. Ихъ первый и главный учитель—примѣръ.

Какъ бы ни были, по видимому, маловажны и ничтожны впечатлѣнія, способствующія образованію характера ребенка, они остаются въ немъ въ теченіи всей его жизни. Характеръ ребенка—ядро характера взрослаго; все послѣдующее воспитаніе не болѣе, какъ наслоенія; первоначальная форма кристалла остается неизмѣненною. Такимъ образомъ слова поэта въ значительной степени справедливы; «дитя—отецъ взрослому человѣку.» Корень наиболѣе прочныхъ и глубокихъ побужденій къ тому или другому образу жизни всегда находится около нашей колыбели; здѣсь сѣятся тѣ сѣмена добродѣтели или пороковъ, чувствъ или ощущеній, которыми на всю жизнь опредѣляется характеръ человѣка.

Ребенка какъ будто оставляютъ у порога новаго міра; онъ открываетъ глаза, и все, что онъ видитъ, для него

и ново и изумительно. Въ началѣ онъ удовольствуется только глядѣніемъ, но потомъ мало-по-малу начинаетъ видѣть, наблюдать, сравнивать, изучать, собирать впечатлѣнія и мысли, и подъ благоразумнымъ руководствомъ, успѣхи его могутъ быть по истинѣ удивительными.

Въ дѣтствѣ, какъ справедливо замѣтилъ Сидней Смитъ, умъ открытъ для всѣхъ впечатлѣній и готовъ воспламеняться отъ первой упавшей на него искры. Идеи воспринимаются быстро и остаются на долго.

Воспитанія дѣтства подобны зеркалу; въ нихъ человѣкъ въ позднѣйшіе годы видитъ первые представившіеся ему образы. Первыя впечатлѣнія навсегда остаются съ ребенкомъ. Первая радость, первое горе, первый успѣхъ, первая неудача, первое пріобрѣтеніе, первое несчастіе составляютъ фонъ его послѣдующей жизни.

Во все это время совершается также выработка характера, нрава, воли и привычекъ, — выработка, отъ которой въ такой сильной степени зависитъ счастіе человѣка въ позднѣйшую пору жизни, хотя человѣкъ и одаренъ нѣкоторою самодѣйствующею, составляющею источникъ самопомощи, силою содѣйствовать своему собственному развитію, независимо отъ окружающихъ ихъ обстоятельствъ и оказывать вліяніе на окружающую жизнь, но все-таки направленіе, сообщенное его нравственному характеру въ раннюю пору жизни, имѣетъ громадное значеніе. Поставьте даже самого глубокомысленнаго философа среди ежедневной безутѣшной, безнравственной, низкой обстановки, и онъ будетъ незамѣтно

тяготѣть къ одичанію. Можно себѣ представить, въ какой, несравненно большей степени, воспринимаетъ подобныя вліянія впечатлительное, безпомощное дитя, поставленное среди такой обстановки. Совершенно невозможно воспитать кроткую натуру, чуткую ко злу, честную умомъ и сердцемъ, посреди грубости, безотрадности и нравственной нечистоты.

Такимъ образомъ, продолжаетъ Смитъ, воспитательныя помѣщенія дѣтей, которымъ предстоитъ обратиться въ мужчинъ и женщинъ,—бываютъ хорошими или худыми, смотря по тому, какое вліяніе тамъ преобладаетъ. Тамъ, гдѣ домъ проникнутъ духомъ любви и сознаніе долга,— гдѣ разсудокъ и сердце благоразумно гармонируютъ въ управленіи, гдѣ повседневная жизнь честна и добродѣтельна, гдѣ управленіе отличается чуткостью, добродѣтелью и любовью, тамъ можно ожидать, что выйдутъ здоровые, полезные и счастливые люди, способные, когда достигнутъ нужной силы, послѣдовать по стопамъ своихъ родителей, поступать всегда честно, управлять собою благоразумно и способствовать благосостоянію окружающихъ.

Съ другой стороны, если дѣти окружены невѣжествомъ, грубостью и себялюбіемъ, они безсознательно усвоиваютъ себѣ такой же характеръ и достигаютъ болѣе взрослыхъ лѣтъ грубыми, неразвитыми и даже опасными для общества, если будутъ поставлены среди различныхъ соблазновъ, такъ-называемой цивилизованной жизни.

Ребенокъ, не можетъ не подражать тому, что видитъ. Для него все образецъ, манеры, движенія, языкъ, привычки и характеръ.

Примѣръ значитъ гораздо болѣе, чѣмъ наставленіе. Онъ также составляетъ поученіе, но только въ видѣ дѣйствія. Это—обученіе безъ словъ, не рѣдко тяготѣющее болѣе, чѣмъ можетъ научить языкъ. Въ виду дурнаго примѣра, самыя лучшія наставленія имѣютъ очень мало значенія. Слѣдуютъ примѣру, а не наставленіямъ. Въ дѣйствительности, наставленіе, расходящееся съ практикой, даже хуже, чѣмъ безполезно: онъ только пріучаетъ къ самому низкому изъ пороковъ, къ лицемѣрію. Дѣти не хуже взрослыхъ, понимаютъ, что значитъ сообразность слова съ дѣломъ, и уроки такого родителя, который говоритъ одно, а дѣлаетъ другое, противоположное, — скоро бываютъ оцѣнены дѣтьми вполнѣ. Немного стоитъ проповѣдь о честности, если ее говорятъ держа, между тѣмъ, украденнаго гуся въ рукавѣ.

Путемъ подражанія чужимъ поступкамъ, характеръ ребенка формируется,—хотя медленно и неуловимо, но рѣшительно; отдѣльные поступки сами по себѣ могутъ казаться пустяками, но таковы же бываютъ и вообще постоянныя явленія повседневной жизни. Подобно хлопкамъ снѣгу, они падаютъ незамѣченными; каждый отдѣльный хлопокъ, прибавленный къ кучѣ другихъ, не производитъ значительной перемѣны, а между тѣмъ изъ накопленія такихъ снѣжныхъ хлопьевъ образуется лавина. Такъ и повторяющіяся одно за другимъ дѣйствія обращаются, наконецъ, въ упроченную привычку, опредѣляютъ направленіе человѣческаго существа къ добру или злу,—короче, формируютъ характеръ.

Такъ какъ мать гораздо болѣе отца оказываетъ вліянія на поступки и поведеніе ребенка, то хорошій примѣръ съ ея стороны имѣетъ тѣмъ большее значеніе въ домѣ. Легко понять, отчего это такъ. Домъ—это владѣніе женщины, ея царство, гдѣ она пользуется полнымъ контролемъ. Ея власть надъ крошечными подданными, которыми она правитъ, безпредѣльна. Они обращаются къ ней по всякому поводу. Она—примѣръ и образецъ, постоянно находящійся передъ ихъ глазами; ее они безсознательно наблюдаютъ и ей подражаютъ.

Впечатлѣнія, полученныя въ дѣтствѣ, какъ ни кажутся они незначительными, по мнѣнію Смайльса, не изглаживаются никогда. Насажденныя тогда въ умѣ мысли подобны сѣменамъ, опущеннымъ въ землю, которыя лежатъ тамъ, со временемъ пустятъ ростки, а въ послѣдствіи разростаются въ поступки, думы и привычки. Такимъ образомъ мать съизнова живетъ въ дѣтяхъ. Послѣднія безсознательно формируются сообразно ея пріемамъ, образу дѣйствія и жизни. Ея привычки становятся ихъ привычками: ея характеръ видимо воспроизводится въ ихъ характерѣ.

Эта материнская любовь составляетъ осязаемое провидѣніе человѣческаго рода. Ея вліяніе постоянно и всеобще. Оно начинается воспитаніемъ человѣческаго существа на зарѣ жизни и продолжается всю жизнь, въ силу могущественнаго вліянія, которое каждая добрая мать оказываетъ на своихъ дѣтей. Когда дѣтямъ наступитъ пора броситься въ жизнь и самимъ принять участіе въ ея трудахъ, тревогахъ, испытаніяхъ, они все-таки обратятся къ своей матери въ дни смутъ и затрудненій за утѣшеніемъ, если не за совѣтомъ. Чистыя и добрыя

мысли, насажденныя матерью въ ихъ дѣтскихъ умахъ, продолжаютъ развиваться въ добрые поступки спустя долгое время послѣ ея смерти, и когда отъ матери не останется уже ничего болѣе, кромѣ памяти, дѣти и тогда ее благословляютъ.

Мы ничего не преувеличиваемъ, продолжаетъ Смайльсъ, если скажемъ, что счастіе или бѣдствіе, просвѣщеніе или невѣжество, цивилизація или варварство, на свѣтѣ, зависятъ въ весьма значительной степени отъ примѣненія вліянія женщины въ предоставленныхъ ей предѣлахъ. Вліяніе добрыхъ женщинъ служитъ достаточною мѣркою цивилизаціи. Можно сказать, что передъ нами лежитъ потомство, въ видѣ ребенка на рукахъ матери. Чѣмъ сдѣлается этотъ ребенокъ—зависитъ преимущественно отъ воспитанія и примѣра, какіе онъ получилъ отъ своего перваго и самаго вліятельнаго воспитателя.

Женщина, болѣе всѣхъ другихъ воспитателей, воспитываетъ гуманно. Мужчина—мозгъ, женщина—сердце человѣчества; онъ—разсудокъ, она—чувство; онъ—сила, она—грація, красота, утѣшеніе. Даже разсудочность у самой лучшей изъ женщинъ, повидимому, дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, чрезъ посредство ея привязанности. Такимъ образомъ, если мужчина направляетъ разумъ, женщина развиваетъ чувство, которое и опредѣляетъ ея характеръ по преимуществу. Онъ наполняетъ память, она занимаетъ сердце. Она заставляетъ насъ любить то, во что онъ въ состояніи только внушить намъ вѣру; черезъ женщину, главнымъ образомъ, мы можемъ достигнуть добродѣтели.

Взаимное вліяніе отца и матери на воспитаніе и развитіе характера замѣчательно ярко выразилось въ жизни нѣкоторыхъ великихъ людей.

Есть много примѣровъ, что первыя впечатлѣнія на умъ ребенка впослѣдствіи выражались въ жизни добрыми дѣлами, послѣ промежуточнаго эгоизма и порока. Родители дѣлаютъ все возможное, чтобы развить въ своихъ дѣтяхъ правдивый и добродѣтельный характеръ и, повидимому—напрасно. Это можно уподобить хлѣбу, который брошенъ на воду и потомъ исчезаетъ. И, однакожъ, иногда случается, что спустя долгое время послѣ смерти родителей,—лѣтъ двадцать и болѣе—доброе наставленіе, добрый примѣръ, данные сыну или дочери въ дѣтствѣ, наконецъ, всплываютъ и приносятъ плоды.

Самое бѣдное жилище, по мнѣнію того же Смайльса, въ которомъ распоряжается добродѣтельная, заботливая, веселая, опрятная женщина, можетъ сдѣлаться уголкомъ, полнымъ комфорта, добродѣтели и счастія; но можетъ служить ареною всякихъ облагораживающихъ отношеній въ семейной жизни. Сдѣлаться дорогимъ человѣку, посредствомъ многихъ восхитительныхъ воспоминаній, представлять святилище для сердца, убѣжище отъ жизненныхъ бурь, тихое пристанище послѣ труда, утѣшеніе въ несчастіи, гордость въ счастіи радость во всякое время.

Добрый домашній кругъ составляетъ, такимъ образомъ лучшую изъ школъ, не только въ юности, но и въ зрѣломъ возрастѣ. Тамъ и старики, и малодые лучше всего научаются бодрости духа, терпѣнію, наблюденію за собою и духу долга.

Домашній, кругъ служитъ лучшею школою вѣжливости, которой женщина бываетъ самымъ лучшимъ наставникомъ.

Самые лучшіе и мудрые люди не стыдились сознаваться, что для нихъ величайшее наслажденіе и счастіе—сидѣть среди дѣтскихъ головокъ, въ неприкосновенномъ домашнемъ кружкѣ. Безукоризненное выполненіе долга здѣсь служитъ немалою и вполнѣ цѣлесообразною подготовкою для жизни публичной, для выполненія общественныхъ обязанностей; человѣкъ, который любитъ свою семью, будетъ не менѣе искренно любитъ свое отечество и служитъ ему.

Но если семья, въ смыслѣ воспитательницы характера, можетъ сдѣлаться лучшею изъ школъ, то она же бываетъ и худшею. Въ промежуточную пору между дѣтствомъ и зрѣлостью, какое неисчисленное зло можетъ причинить невѣжество, если оно господствуетъ въ семьѣ. Между первымъ дыханіемъ человѣка и послѣднимъ, какія громадныя нравственныя страданія и боль могутъ быть причинены неразумными матерями и воспитательницами. Препоручите ребенка попеченіямъ недостойной, невѣжественной женщинѣ — и никакое развитіе въ послѣдующей жизни не въ состояніи будетъ исцѣлить сдѣланнаго зла. Пусть мать будетъ праздною, бродягою, а ея жилище наполнено образцами разныхъ гадостей, наглости, раздора—и оно сдѣлается жилищемъ бѣдствія, такимъ мѣстомъ, гдѣ не только нельзя будетъ находить убѣжище, но откуда даже должно бѣжать прочь; дѣти, которыхъ несчастная судьба заставитъ воспитываться въ подобномъ мѣстѣ, выйдутъ нравственно приниженными и обезображенными, сдѣлаются виновниками бѣдствія и для другихъ.

Было также замѣчено, что въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ ребенка дѣлался дурнымъ человѣкомъ — пьяницей или вообще потеряннымъ, если только мать оставалась благоразумною и заботливою, — семья сохранится ненарушимою, и дѣти, по всей вѣроятности, пойдутъ по честной дорогѣ, между тѣмъ, какъ въ случаяхъ противоположнаго рода, когда безпутною оказывалась мать, примѣры хорошаго направленія дѣтей въ послѣдующей жизни сравнительно рѣдки, какъ-бы ни хорошо держалъ себя отецъ.

Наибольшая часть вліянія, оказываемаго женщинами на образованіе характера, необходимо остается неизвѣстною. Онѣ выполняютъ свое дѣло въ тихомъ уединеніи дома и семьи, посредствомъ непрерывныхъ трудовъ и терпѣливой настойчивости при слѣдованіи по пути долга. Самые крупные тріумфы женщинъ въ этомъ отношеніи рѣдко бываютъ извѣстны, какъ дѣйствія частныя и домашнія; не часто, даже въ біографіяхъ людей знаменитыхъ, приходится слышать объ участіи, какое мать имѣла въ образованіи ихъ характера, и о направленіи къ добру, которое она имъ сообщала. Но изъ-за этого онѣ не остаются безъ своей награды. Вліяніе, которое оказывала мать, хотя-бы оно и не было записано, переживаетъ ее, и въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ сохраняется навсегда.

Мы рѣже слышимъ о великихъ женщинахъ, чѣмъ о великихъ людяхъ изъ мужчинъ. По большей части при-

ходится слышать только о *добрыхъ* женщинахъ, между тѣмъ, нельзя сказать, что направляя къ добру характеры будущихъ мужчинъ и женщинъ, они совершаютъ сравнительно болѣе великое дѣло, чѣмъ, напримѣръ, если бы написали какую-нибудь знаменитую картину, сочиняли великія книги или создавали блестящія оперы.

По отношенію къ поэтамъ, литературѣ и артистамъ, вліяніе чувства и наклонностей матерей, безъ сомнѣнія, имѣютъ большое вліяніе въ направленіи генія сыновей *).

Но если мать можетъ имѣть благотворное вліяніе на поэтическую и артиститическую натуру своего сына, она можетъ имѣть на него также и дурное вліяніе.

Методъ, который составляетъ главное условіе въ дѣлахъ, также существенно необходимъ въ домашнемъ быту. Исполненіе всякой работы требуетъ методическаго порядка. При этомъ грязь и безпорядокъ дѣлаются невозможными. Методъ требуетъ пунктуальности — качества преимущественно дѣловыя. Неаккуратная женщина, какъ и неаккуратный мужчина, внушаетъ отвращеніе, потому что, тратя и расточая время, они даютъ намъ поводъ думать, что мы не имѣемъ въ ихъ глазахъ достаточнаго значенія, чтобы побудить ихъ къ большей исправности. Для дѣловаго человѣка время — деньги, но для дѣловой женщины аккуратность и того болѣе... Это миръ и уютность домашняго очага, слѣдовательно и семейное счастіе.

---

*) Спенсеръ.

Благоразуміе — другое важное дѣловое качество, говоритъ Смайльсъ, какъ въ женщинѣ, такъ и въ мужчинѣ. Благоразуміе — практическая мудрость — является вслѣдствіе выработки ума. Этимъ качествомъ во всѣхъ поступкахъ обусловливается пристойность и благовидность; отъ благоразумія зависитъ выборъ того или другаго дѣйствія и способъ привести его въ исполненіе. Оно расчитываетъ средства, принимая въ соображеніе время и образъ дѣйствія. Благоразуміе пріобрѣтается опытомъ, обогащеннымъ знаніемъ.

Вотъ между прочими причинами та, въ силу которой привычка къ дѣламъ необходимо должна быть усвоена всѣми женщинами, съ цѣлью стать дѣйствительно полезными помощницами въ трудахъ и заботахъ повседневной жизни. При томъ же женщинѣ, въ ея качествѣ няньки, воспитательницы и наставницы дѣтей, чтобы направить всѣ силы домашняго очага въ хорошую сторону, необходимы всякія пособія и подкрѣпленія, дать которыя можетъ ей только умственное развитіе.

Одной врожденной любви мало. Инстинктъ, сохраняющій низшихъ животныхъ, не требуетъ воспитанія, но умъ человѣческій, на который существуетъ безпрестанное требованіе въ семьѣ, требуетъ образованія. Физическое здоровье подростающаго поколѣнія самимъ Провидѣніемъ довѣрено женщинѣ, а физическимъ развитіемъ, какъ извѣстно обусловливается въ человѣкѣ его нравственное и умственное развитіе.

Только дѣйствуя согласно съ законами природы, пониманіе которыхъ женщинѣ необходимо для того, что-

бы она могла имъ слѣдовать, она обезпечиваетъ въ своей семьѣ благодать здоровья тѣлеснаго, умственнаго и нравственнаго. Лишенная настоящая пониманія этихъ законовъ, любовь матери и ея заботы часто находятъ свое вознагражденіе только въ могилѣ ребенка.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что разумъ, которымъ женщина одарена, равно какъ и мужчина, былъ данъ ей для того, чтобы она имъ пользовалась и употребляла бы его на дѣло, а не для того, чтобы онъ «плѣснѣлъ отъ бездѣйствія.» Такіе дары никогда не даются безъ цѣли. Творецъ можетъ быть щедръ въ Своихъ дарахъ, но онъ никогда не бываетъ расточителенъ.

Никогда назначеніе женщины не состояло въ томъ, чтобы быть безсмысленной рабой, или не болѣе, какъ красивымъ развлеченіемъ досуга мужчины. Она существуетъ для себя, равно какъ и для другихъ; серьезныя и отвѣтственныя обязанности, которыя составляютъ ея призваніе въ жизни, требуютъ образованія умственнаго и сердца богатаго сочувствіемъ. Ея высшее назначеніе не можетъ быть исполнено, если все образованіе ея ограничивается только знаніемъ тѣхъ легкихъ, пріятныхъ въ обществѣ искусствъ, на которыя теперь тратится столько полезнаго времени, потому что всѣ эти совершенства, хотя они и придаютъ новую прелесть молодости и красотѣ, которыя уже и сами по себѣ достаточно очаровательны, въ дѣлахъ практической жизни приносятъ сравнительно очень мало пользы.

У древнихъ римлянъ отзывъ о женщинѣ, что она сидѣла дома и пряла «a domum mansit, lanam fecit»—составлялъ высшую похвалу, какую только они могли

воздать благородной матронѣ. Въ наше время говорили, что вся наука женщины должна ограничиваться: изъ химіи—умѣньемъ сварить обѣдъ, а изъ географіи—знаніемъ, какъ расположены комнаты въ ея домѣ; Байронъ, котораго взглядъ на женщину былъ не изъ особенно-высокихъ, говорилъ во всеуслышаніе, что всю ея библіотеку онъ желалъ бы ограничить библіей и поваренной книгой. Но такой взглядъ на характеръ и умственное развитіе женщины, также нелѣпъ, узокъ и ограниченъ съ одной стороны, какъ съ другой неестественъ и смѣшонъ противоположный, нынѣ очень распространенный взглядъ, будто женщина должна получать такое образованіе, которое возможно болѣе дѣлало бы ее равною мужчинѣ; сглаживало бы между ними всякое различіе, давало бы ей равные съ нимъ права и голосъ и помогало бы ей стать ему соперницею во всемъ, что превращаетъ жизнь въ неистовую и эгоистичную борьбу за власть, положеніе и деньги.

Говоря вообще, продолжаетъ Смитъ, воспитаніе и дисциплина, наиболѣе пригодныя для мальчиковъ въ младшемъ возрастѣ, точно также оказываются наиболѣе полезными для дѣвочекъ того же возраста; образованіе и умственное развитіе, которыя даются мужчинамъ, будутъ не менѣе полезны женщинамъ.

Дѣйствительно, всѣ доказательства, которыя можно привести въ пользу высшаго образованія для мужчинъ, въ равной степени приложимы и въ пользу высшаго образованія для женщинъ. Во всѣхъ проявленіяхъ семейной жизни разумность только усилитъ дѣятельность женщины и ея полезность. Онъ дастъ женщинѣ мысль

и предусмотрительность, дастъ ей возможность предвидѣть неизбѣжныя въ жизни случайности и принимать необходимыя мѣры, внушитъ ей улучшенные способы вести хозяйство, и во всѣхъ отношеніяхъ увеличитъ ея вліяніе. Въ дисциплинированной умственной силѣ она найдетъ болѣе сильную и безопасную защиту противъ обмана и заблужденій, чѣмъ въ простомъ, невинномъ и ничего не подозрѣвающемъ невѣдѣніи; религіозно и нравственное образованіе обезпечитъ ея болѣе могущественные и прочные источники вліянія, чѣмъ физическая красота. Въ законномъ самоуваженіи и самостоятельности она найдетъ вѣрные источники домашняго спокойствія и счастія.

Если умъ и характеръ женщины должны быть развиваемы для ея собственнаго благосостоянія, они не менѣе должны быть хорошо воспитываемы и для счастія другихъ. Сами мужчины не могутъ имѣть ни здраваго ума, ни здравой нравственности, если женщины представляютъ противное; и если, какъ мы полагаемъ, нравственное состояніе народа зависитъ главнымъ образомъ отъ домашняго воспитанія, то воспитаніе женщины должно считать въ высшей степени важнымъ для общества. Не только нравственный характеръ, но и умственная сила мужчины находитъ лучшую охрану и поддержку въ нравственной чистотѣ и умственномъ образованіи женщины; чѣмъ полнѣе развиваются силы мужчины и женщины, тѣмъ гармоничнѣе и стройнѣе общество, тѣмъ вѣрнѣе и прочнѣе его усовершенствованіе и развитіе.

Вліяніе женщины повсюду одно и тоже. Во всѣхъ

странахъ ея положеніе имѣетъ вліяніе на нравственность, обычаи, характеръ народа. Гдѣ женщина унижена—тамъ унижено и общество; гдѣ она нравственно чиста и образована — такъ общество соотвѣтственно этому возвышается.

И такъ, образовать женщину — значитъ образовать мужчинъ; возвысить ея характеръ—значитъ поднять характеръ мужчинъ; расширить ея умственную свободу—значитъ распространить и обезпечить свободу цѣлаго общества, потому что общества рождаются отъ семей, какъ народы—отъ матерей.

Но если вѣрно то, что характеръ народа возвышается просвѣщеніемъ и смягченіемъ нравовъ женщины, то болѣе чѣмъ сомнительна выгода, которая можетъ произойти отъ вступленія ея въ состязаніе съ мужчиной въ грубыхъ практическихъ дѣлахъ и политической дѣятельности. Женщина такъ же мало можетъ исполнять спеціально мужское дѣло, какъ мало доступны мужчинѣ занятія чисто женскія; и гдѣ женщина оторвана отъ семьи и дома, для какого-нибудь другаго дѣла, тамъ результаты всегда были пагубны для общества. Дѣйствительно, усилія въ послѣдніе годы лучшихъ филантроповъ направлены были на то, чтобы отвлечь женщину отъ совмѣстной работы съ мужчиной въ каменноугольныхъ ломняхъ, на фабрикахъ, на желѣзодѣлательныхъ и кирпичныхъ заводахъ.

На сѣверѣ довольно часто повторяется явленіе, что мужъ остается дома празднымъ, а матери и дочери работаютъ на фабрикѣ. Результатомъ этого, въ большин-

ствѣ случаевъ, бываетъ полное изверженіе семейнаго порядка, домашней дисциплины и семейной власти.

Уже много лѣтъ, какъ въ Парижѣ введенъ тотъ порядокъ дѣлъ, который многіе хотятъ ввести и у насъ. Женщины тамъ всѣ имѣютъ занятіе; служатъ въ магазинахъ или сидятъ за прилавкомъ, а мужчины шатаются по бульварамъ. Но результатъ такого порядка — только бездомовность, вырожденіе и упадокъ какъ семьи, такъ и общества.

Нѣтъ также причины полагать, чтобы возвышеніе и улучшеніе женщинъ было обезпечено дарованіемъ имъ политическихъ правъ, хотя въ наши дни есть много вѣрующихъ во всемогущество *подачи голосовъ* и предсказывающихъ, что безконечныя блага послѣдуютъ отъ *освобожденія* женщины. Здѣсь, однакожъ, нѣтъ необходимости входить въ разсужденія по этому вопросу, Достаточно сказать, что отсутствіе политической власти съ избыткомъ вознаграждается для женщины тою властью, которою она пользуется въ частной жизни, воспитывая въ семьѣ мужчинъ и женщинъ, которымъ придется на свѣтѣ исполнять или мужскія или женскія обязанности.

Образовать характеръ рода человѣческаго, по мнѣнію Тайлора, безъ сомнѣнія,—значитъ имѣть больше власти, чѣмъ можетъ ожидать женщина, получивъ права избирать членовъ парламента, или участвовать въ законодательныхъ трудахъ.

Есть впрочемъ одна спеціальная отрасль женской дѣятельности, которая требуетъ самаго серьезнаго вниманія всѣхъ истинно-женскихъ реформаторовъ, хотя о

ней, непонятнымъ образомъ, забываютъ до сихъ поръ. Мы говоримъ о лучшемъ сбереженіи и приготовленіи человѣческой пищи, растрата которой въ настоящее время,— по недостатку самыхъ простыхъ кулинарныхъ свѣдѣній— просто доходитъ до невѣроятія. Если считаютъ благодѣтелемъ рода человѣческаго того, кто производитъ двѣ мѣры пшеницы тамъ, гдѣ до сихъ поръ произросла только одна, то не менѣе можно считать благодѣтелемъ общественнымъ и того, кто сбережетъ и употребитъ наилучшимъ практическимъ образомъ произведенія человѣческаго труда и искусства, употребляемыя въ пищу. Даже усовершенствованное употребленіе существующаго запаса равнялось бы немедленному расширенію обрабатываемаго пространства нашей страны, не говоря уже объ улучшеніи здоровья, экономіи и домашняго спокойствія. Если бы наши проповѣдники женскаго вопроса съ успѣхомъ обратили свои усилія въ эту сторону, то заслужили бы благодарность всѣхъ хозяйствъ и были бы причтены къ числу величайшихъ благодѣтелей рода человѣческаго.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О книжномъ воспитаніи.

(Тайлоръ, Спенсеръ, Бэконъ, Гладстонъ, Карлэйль и Смайльсъ).

Человѣка можно обыкновенно узнать, говоритъ Смайльсъ, по тѣмъ книгамъ, которыя онъ читаетъ, и по тому обществу, которое онъ посѣщаетъ; есть общество книгъ, какъ есть общество людей, и намъ бы слѣдовало всегда стараться жить въ наилучшемъ обществѣ, какъ книгъ, такъ и людей.

Хорошая книга можетъ стоять въ числѣ лучшихъ друзей человѣка. Она сегодня таже самая, что была вчера и никогда не измѣнится. Книга, самый терпѣливый, выносливый и веселый товарищъ. Она не отвернется отъ насъ въ минуты бѣдствія или невзгоды. Она всегда встрѣчаетъ насъ съ одинаковою привѣтливостью; забавляетъ насъ и научаетъ въ молодости, утѣшаетъ и ободряетъ въ преклонныхъ лѣтахъ.

Люди часто открываютъ существующее между ними взаимное сродство по той любви, которую оба питаютъ къ одной и той же книгѣ,—точно также, какъ человѣкъ

часто обрѣтаетъ себѣ друга, раздѣляя съ нимъ его удивленіе къ третьему лицу. Существуетъ старая поговорка: «Любите меня—любите и собаку мою.» Но гораздо болѣе мудрости заключается въ слѣдующей: «Если любите меня—любите и книгу, которую я люблю.» Книга служитъ болѣе прочнымъ и благороднымъ союзомъ между людьми. Люди могутъ понимать и думать одинаково и сочувствовать другъ другу чрезъ посредство ихъ излюбленнаго автора. Они нераздѣльно живутъ въ немъ, а онъ въ нихъ.

Хорошая книга, заключая въ себѣ лучшія мысли, на которыя человѣкъ въ своей жизни былъ способенъ—есть часто его лучшій мавзолей, потому что міръ жизни человѣка есть, по большей части, міръ его мыслей. Такимъ образомъ лучшія книги суть сокровищницы хорошихъ словъ и золотыхъ мыслей, которыя, воспоминаемыя и любимыя, становятся постоянными товарищами и утѣшителями. Хорошая и вѣрная мысль является во время искушенія ангеломъ-хранителемъ, очищающимъ и охраняющимъ душу. Въ ней заключаются также зародыши дѣйствія, потому что хорошія слова почти неизмѣнно должны вести къ хорошимъ дѣламъ.

Книги по сущности безсмертны. Онѣ принадлежатъ къ числу самыхъ долговѣчныхъ произведеній человѣческой дѣятельности. Храмы разрушаются, статуи и картины погибаютъ, но книги продолжаютъ жить. Время ничего не можетъ сдѣлать великимъ мыслямъ, которыя также свѣжи и теперь, какъ тогда, когда въ первый разъ, много вѣковъ тому назадъ, зародились въ умѣ своихъ авторовъ. Что было когда-то подумано и ска-

зано, то теперь также живо говорится намъ печатной страницей. Время сдѣлало только то, что отдѣлило и отвѣяло дурныя произведенія, потому что въ литературѣ долго можетъ жить только то, что дѣйствительно хорошо.

Книги вводятъ насъ въ лучшее общество; онѣ ставятъ насъ лицемъ къ лицу съ величайшими изъ бывшихъ когда-либо умами. Мы слышимъ, что они сказали и сдѣлали; мы видимъ ихъ передъ собою, какъ будто бы они были живые; мы являемся соучастниками въ ихъ мысляхъ; мы сочувствуемъ, съ ними радуемся, съ ними печалимся; ихъ опытность становится нашей опытностью, и мы сознаемъ себя до нѣкоторой степени дѣйствующими лицами въ тѣхъ сценахъ, которыя они изображаютъ.

Доброе, продолжаетъ Смайльсъ, и великое не умираетъ даже и въ этомъ мірѣ; заключенный въ книгахъ духъ его вѣчно живетъ. Книга есть живой голосъ; это разумъ; говорящій другому разуму. Такимъ образомъ мы вѣчно живемъ подъ вліяніемъ великихъ людей древности. Гомеръ еще живъ, и хотя его біографія скрыта въ мракѣ древности, но его поэмы также свѣжи и теперь, какъ тогда, когда они были новостью. Платонъ продолжаетъ учить своей трансцендентальной философіи; Горацій, Виргилій и Дантъ продолжаютъ пѣть, какъ они пѣли при жизни; Шекспиръ умеръ: хотя тѣло его погребено въ 1616 году, но духъ его еще живъ, и мысли его простираются также далеко, какъ и во времена Тюдоровъ.

Самый бѣдный и самый скромный можетъ войдти въ

общество этихъ великихъ умовъ и не быть сочтеннымъ непрошеннымъ гостемъ. Всякій грамотный имѣетъ право входа. Хотите смѣяться? — Сервантесъ и Раблэ будутъ смѣяться съ вами. Хотите скорбѣть? Вотъ Ѳома Кемпійскій или Іеремія Тайлоръ, которые будутъ скорбѣть съ вами и въ тоже время утѣшать васъ. Постоянно мы обращаемся къ книгамъ или къ духу великихъ людей, въ нихъ заключенному, за развлеченіемъ, за поученіемъ, за утѣшеніемъ, въ радости и въ горѣ, въ благоденствіи и въ бѣдствіи.

Изъ всего, что есть на свѣтѣ, для человѣка самый интересный предметъ — человѣкъ *). Все, что относится къ человѣческой жизни: ея опыты, ея радости, ея страданія, ея подвиги, обыкновенно для него всего привлекательнѣе. Каждый человѣкъ болѣе или менѣе интересуется судьбою другихъ людей, какъ своихъ собратій, какъ членовъ великой семьи человѣчества: и чѣмъ шире образованіе человѣка, тѣмъ обширнѣе кругъ его сочувствій ко всему, что касается благосостоянія рода человѣческаго.

Интересъ людей другъ къ другу, какъ отдѣльныхъ лицъ, выражается множествомъ различныхъ путей: портретами, которые рисуютъ, бюстами, которые лѣпятъ, разсказами, которые передаютъ другъ о другѣ. Больше всего этотъ интересъ сказывается въ той привлекательности, которою для каждаго обладаетъ біографія.

*) Гладстонъ.

Громаденъ итересъ, почерпаемый въ чтеніи біографій! Что такое всѣ романы, находящіе себѣ такое огромное число читателей, какъ не вымышленныя біографіи? Что такое драмы, на представленія которыхъ собираютъ толпы жителей, какъ не біографіи въ дѣйствіи. Странно, что таланты наиболѣе даровитыхъ писателей большею частью посвящаются вымышленнымъ біографіямъ, а такъ много посредственныхъ способностей идетъ на составленіе настоящихъ!

А между тѣмъ, картина взятая изъ дѣйствительности, изображающая дѣйствительную жизнь и опытность какого-бы-то-ни-было человѣка должна была представлять интересъ несравненно большій чѣмъ тотъ, который можетъ дать вымыселъ, потому что обладаетъ чарующей прелестью дѣйствительности. Каждый человѣкъ можетъ научиться чему-нибудь изъ жизнеописанія другаго человѣка, даже сравнительно самые ничтожные поступки и слова могутъ быть не лишенными для насъ интереса, такъ какъ они были когда-то проявленіемъ внутренней жизни подобныхъ существъ.

Жизнеописанія великихъ и добродѣтельныхъ людей особенно полезны. Они производятъ вліяніе на наши сердца, оживляютъ насъ надеждою и ставятъ передъ нашими глазами великіе образцы. Вліяніе людей, свято исполнявшихъ въ продолженіе всей жизни свой долгъ, подъ вдохновеніемъ высокаго духа, никогда не исчезнетъ вполнѣ.

Поучительная сторона біографіи состоитъ преимущественно въ указаніи на то, чѣмъ человѣкъ можетъ быть и что онъ можетъ совершить наилучшимъ, по своимъ

способностямъ, образомъ. Честно и талантливо описанная жизнь имѣетъ вдохновляющее дѣйствіе на читателей. Она показываетъ, какое употребленіе можно сдѣлать изъ жизни. Она ободряетъ нашъ духъ, оживляетъ наши надежды, даетъ намъ новыя силы, увеличиваетъ наше мужество и усиливаетъ вѣру — вѣру въ другихъ и въ самихъ себя. Она вызываетъ въ насъ стремленіе, побуждаетъ насъ къ дѣятельности и пробуждаетъ въ насъ желаніе сдѣлаться соучастниками трудовъ людей, жизнь которыхъ намъ изображаетъ. Жить съ такими людьми, читая ихъ жизнеописанія, и чувствовать себя подъ вдохновеніемъ ихъ высокихъ примѣровъ, значитъ жить съ образцовыми людьми и вращаться въ избранномъ обществѣ.

Во главѣ всѣхъ біографій стоитъ великая біографія, Книга Книгъ.

Сама исторія лучше всего изучается въ біографіяхъ. Дѣйствительно, исторія есть біографія всего человѣчества; на сколько на него вліяютъ и имъ управляютъ отдѣльные люди.

Изъ числа великихъ писателей прошедшихъ временъ двое имѣли, вѣроятно, наиболѣе вліянія на образованіе характера людей, дѣла и мысли; это были: Плутархъ и Монтань; первый — тѣмъ, что представилъ героическіе примѣры для подражанія, второй — тѣмъ, что обсуждалъ вѣчные вопросы, которыми умъ человѣческій былъ всегда наиболѣе глубоко заинтересованъ. Творенія обоихъ по большей части облечены въ біографическую форму, и самыми поясненіями ихъ мысли служатъ изо-

браженія характеровъ и случаевъ, бывшихъ съ разными людьми.

Жизнеописанія Плутарха, хотя написаны около тысячи восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ, подобно Иліадѣ Гомера, считаются величайшими твореніями въ этомъ родѣ. Они были любимымъ чтеніемъ Монтаня: они были главнымъ авторитетомъ Шекспира въ его великихъ драмахъ изъ классической жизни. Монтань заявляетъ, что Плутархъ величайшій писатель въ біографическомъ родѣ сочиненій, и прибавляетъ, что ему стоитъ только заглянуть въ книгу Плутарха, чтобы оттуда что-нибудь заимствовать.

Какъ же удалось Плутарху возбудить интересъ, который до сихъ поръ привлекаетъ и приковываетъ вниманіе читателей всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій? Первая причина та, что предметъ его труда — великіе люди, занимающіе видное мѣсто въ исторіи міра; притомъ же онъ обладаетъ взглядомъ, способнымъ замѣтить наиболѣе выдающіяся событія и обстоятельства ихъ жизни, и перомъ, способнымъ это описать. Но это еще не все. У него кромѣ того, была способность изображать личные характеры своихъ героевъ; а надо замѣтить, что только начало личности можетъ придать прелесть и интересъ всякой біографіи. Самая привлекательная сторона великихъ людей заключается не столько въ томъ, что они сдѣлали, сколько въ томъ, чѣмъ они были, и обусловливается не умственной ихъ силой, а ихъ личною привлекательностью. Такимъ образомъ есть люди, которыхъ жизнь краснорѣчивѣе ихъ рѣчей и которыхъ личный характеръ гораздо выше ихъ дѣлъ.

Къ тому же надо замѣтить, что лучшіе и наиболѣе тщательно написанные портреты Плутарха сдѣланы имъ во весь ростъ, между тѣмъ, какъ многіе — не болѣе, какъ поясныя изображенія. Вообще біографіи его отличаются чрезмѣрною соразмѣрностью частей и сжатостью и до того благоразумны въ своемъ объемѣ, что даже лучшія изъ нихъ, какъ, напримѣръ, жизнеописанія Цезаря и Александра— могутъ быть прочтены въ полчаса. Сжатыя въ такіе скромные размѣры, біографіи его тѣмъ не менѣе несравненно болѣе тщательно закончены, чѣмъ какой-нибудь безжизненный колоссъ или преувеличенный великанъ. Онѣ не обременены лишними изслѣдованіями и описаніями, но характеры сами собою развиваются передъ глазами читателя и облекаются въ образы.

Плутархъ обладалъ умѣньемъ мѣтко улавливать и вѣрно изображать тонкія черты характера и мельчайшія особенности въ поведеніи своихъ героевъ; слабости и недостатки ихъ также не ускользали отъ него, а все это вмѣстѣ составляетъ существенно необходимое условіе— вѣрной и точной біографіи.

Онъ снисходитъ до того, что сообщаетъ намъ самыя простыя подробности; такъ, напримѣръ, отъ него мы узнаемъ, что Александръ Македонскій имѣлъ привычку держать голову склоненную на одну сторону; что Алкивіадъ былъ щеголь и шепелявилъ, что чрезвычайно шло къ нему, придавая особенную прелесть и убѣдительность его рѣчамъ; что у Катона были рыжіе волосы и сѣрые глаза, что самъ онъ былъ ростовщикъ и скряга и продовалъ престарѣлыхъ рабовъ, когда они становились не-

способными къ работѣ; что Цезарь былъ лысъ, любилъ яркія платья; что Цицеронъ (подобно лорду Бруму) страдалъ судорогами въ носу.

Такія ничтожныя подробности могутъ оказаться многимъ недостойными біографіи; но Плутархъ смотрѣлъ на это иначе; онъ считалъ ихъ необходимыми для надлежащей законченности и полноты того портрета, который хотѣлъ нарисовать; эти мелкія подробности характера—черты лица, привычки, отличительныя свойства—способствуютъ тому, что мы видимъ передъ собою живое лицо и именно такимъ, какимъ оно было въ дѣйствителности. Главная заслуга Плутарха именно и заключается въ той внимательности, съ которою онъ относился къ мелочамъ, не позволяя имъ, однако-жъ, брать ненужнаго перевѣса и не пренебрегая вліяніями болѣе важными. Иногда онъ обрисовываетъ черту того или другаго изъ своихъ героевъ анекдотомъ, который бросаетъ на описываемый характеръ болѣе свѣта, чѣмъ это сдѣлали бы цѣлыя страницы риторическаго описанія. Въ иныхъ случаяхъ онъ говоритъ намъ, какое было любимымъ изрѣченіемъ его героя, а въ любимыхъ изрѣченіяхъ очень часто сказывается душа человѣка.

Затѣмъ, что касается до слабостей, то отъ нихъ не изъяты даже величайшіе люди. Каждый изъ нихъ имѣлъ и имѣетъ свои недостатки, свою слабость, свою дурь; въ этихъ погрѣшностяхъ сказывается присущее человѣческой природѣ несовершенство. Издали мы можемъ благоговѣть передъ великимъ человѣкомъ, считая его полубогомъ; но подойдя къ нему ближе, мы видимъ,

что онъ на столь же непогрѣшимъ, какъ и мы, и потому нашъ братъ.

Кромѣ того, показаніе ошибокъ и недостатковъ великихъ людей и въ другомъ отношеніи не безполезно, потому что, еслибы намъ показывали только свѣтлую сторону характеровъ великихъ людей, то мы бы пришли въ уныніе, отчаяваясь въ возможности подражать имъ въ чемъ бы то ни было.

Самъ Плутархъ, оправдывая свою манеру изображать людей, объясняетъ, что цѣль его была писать не исторію, но жизнь отдѣльныхъ лицъ.

Обстоятельства, по видимому, самыя мелкія и даже ничтожныя, могутъ иногда очень много значить, какъ въ біографіи отдѣльнаго лица, такъ и въ исторіи всего человѣчества; ими часто обусловливаются самые важные результаты. Паскаль замѣтилъ, что еслибы носъ Клеопатры былъ менѣе длиненъ, то вѣроятно физіономія всей земли подверглась бы измѣненію. Еслибы не страсть Пепина Геристальскаго къ женщинамъ, мавры, быть-можетъ, опустошили бы Европу, потому что ихъ остановилъ его незаконный сынъ Карлъ Мартель, разбилъ ихъ при Турѣ и прогналъ изъ Франціи.

Талейрану помѣшала вступить въ военную службу, для которой онъ назначался, его хромота; но обративъ все вниманіе на изученіе книгъ и, гдѣ можно было, людей, онъ наконецъ, занялъ мѣсто на ряду съ величайшими дипломатами своего времени.

Колченогость Байрона, вѣроятно, была не изъ послѣднихъ причинъ, способствовавшихъ сдѣлать изъ него поэта. Еслибъ умъ его не былъ озлобленъ и не при-

нялъ бы такого болѣзненнаго направленія вслѣдствіе этого недостатка, онъ, быть-можетъ, никогда не написалъ бы ни одной строки — и былъ бы не болѣе, какъ благороднѣйшимъ франтомъ своего времени. Но безобразіе его ноги заставило его обратить всѣ свои силы на развитіе въ себѣ умственной стороны, возбудило его рвеніе и пріучило полагаться на свои собственныя средства— результаты всего этого намъ извѣстны.

Какъ въ портретѣ, такъ и въ біографіи должны быть и свѣтъ и тѣнь, говоритъ Карлейль. Портретный живописецъ не долженъ сажать того, съ кого онъ рисуетъ, такъ, чтобы особенно выдавались недостатки его физіономіи; точно также и біографъ не долженъ давать неподобающаго преобладанія недостаткамъ характера, имъ изображаемаго. А между тѣмъ, для вѣрнаго изображенія какъ лицъ, такъ и характеровъ, надо изображать ихъ такими, какими они суть въ дѣйствительности.

Отъ близкихъ родственниковъ замѣчательныхъ людей мы рѣдко получаемъ неприкрашенныя изображенія ихъ характеровъ; и какъ не интересны всѣ автобіографіи, въ нихъ еще менѣе можно искать искренности. Каждый, кто пишетъ свои записки, не станетъ разсказывать о себѣ всего, что онъ знаетъ.

Автобіографія можетъ быть правдивою во всемъ, что говоритъ; но, сообщая не болѣе какъ часть истины и умалчивая о другой; она этимъ самымъ производитъ впечатлѣніе въ сущности невѣрное. Иногда она маска, иногда защитительное слово, и рисуетъ человѣка не на столько тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности,

сколько тѣмъ, чѣмъ бы желалъ быть. Портретъ въ профилѣ можетъ быть вполнѣ вѣрнымъ, но кто знаетъ, нѣтъ ли шрама на другой щекѣ или косости въ другомъ глазу, которыя совершенно измѣнили бы выраженіе лица, еслибъ его поставили въ полномъ оборотѣ?

Французская литература особенно богата извѣстнымъ родомъ біографическихъ мемуаровъ, число которыхъ въ англійской литературѣ, напротивъ, очень умѣренно. Мы говоримъ о *мемуарахъ для пособія*, каковы мемуары Сюли, Комина, Лозени, де-Ретца, де-Ту, Рошфуко и т. д., заключающіе въ себѣ цѣлую массу подробнѣйшихъ и обстоятельнѣйшихъ свѣдѣній, касательно многихъ историческихъ лицъ. Они наполнены анекдотами, рисующими жизнь и характеръ, и подробностями, которыя могли бы назваться пустыми, еслибы не проливали такого свѣта на нравы и обычаи общества и на общій уровень цивилизаціи тѣхъ эпохъ, къ которымъ относятся. Мемуары Сенъ-Симона представляютъ даже нѣчто болѣе глубокое; они являются удивительно тонкимъ и искуснымъ разборомъ характеровъ и составляютъ одну изъ самыхъ необыкновенныхъ когда-либо собранныхъ коллекцій анатомическихъ біографій.

На Сенъ-Симона можно даже смотрѣть какъ на посмертнаго придворнаго шпіона Людовика XIV. Его страсть вникать въ характеры, его старанія читать побужденія и намѣренія окружавшихъ его людей, въ выраженія ихъ лица, въ ихъ разговорахъ и прибауткахъ доходили до маніи. Все слышанное имъ и видѣнное онъ записывалъ съ поразительною яркостью и мѣткостью. Проницательный, остроумный и наблюдательный, онъ

видѣлъ придворныхъ сквозь ихъ личину и умѣлъ открывать ихъ тайныя побужденія. Рвеніе, вносимое имъ въ свое изученіе характеровъ, казалось ненасытимымъ и подъ часъ доходило даже до жестокости.

Ла-Брюэръ обладалъ не въ меньшей степени даромъ точнаго и проницательнаго наблюденія характеровъ. Онъ всматривался во всѣхъ окружающихъ его людей и изучалъ ихъ, стараясь проникнуть въ ихъ тайны, и затѣмъ, удаляясь въ свой кабинетъ, принимался тщательно писать ихъ портреты; отъ времени до времени онъ возвращался для новыхъ наблюденій къ оригиналамъ и исправлялъ наиболѣе выдающіяся черты;—вообще онъ отдѣлывалъ свои изображенія характеровъ съ тою любовью, съ какою артистъ изучаетъ свою либимую картину,—прибавлялъ черту къ чертѣ, оттѣнокъ къ оттѣнку, пока, наконецъ, портретъ не достигалъ полнаго сходства и совершенства.

Можно сказать, говоритъ Бэконъ, что значительная доля интереса, возбуждаемаго біографіями, въ особенности біографіями болѣе обыкновенныхъ людей, представляетъ не болѣе какъ интересъ сплетенъ; а *мемуары для пособія* несомнѣнно представляютъ интересъ скандальнаго свойства. Но то и другое, сплетни и скандалъ, рисуютъ, какъ сильна занимательность, почерпаемая мужчинами и женщинами въ личностяхъ другъ друга, которыя, облеченныя въ форму біографіи, способны доставить величайшее удовольствіе и служить въ тоже время лучшимъ наставленіемъ. Дѣйствительно, біографія, удовлетворяя инстинкту человѣчества, есть та отрасль литературы, которая въ формѣ ли вымысла

анекдотическихъ воспоминаній, или въ формѣ личнаго повѣствованія — неизмѣнно имѣетъ наибольшее число читателей.

Нельзя сомнѣваться, что громадный интересъ, который представляетъ для большинства людей вымыслъ, все равно, облеченъ ли онъ въ прозаическую форму, происходитъ главнымъ образомъ отъ содержимаго въ немъ біографическаго элемента. Такъ, Гомерова «Иліада» обязана своею огромною популярностью высказанной авторомъ геніальности въ воспроизведеніи героическихъ характеровъ. Между тѣмъ, онъ не столько описываетъ характеры своихъ героевъ, сколько представляетъ ихъ въ дѣйствіи.

Геніальность Шекспира тоже проявляется, какъ въ его высшей степени художественномъ и вѣрномъ изображеніи характеровъ, такъ и въ полномъ драматизма развитіи человѣческихъ страстей. Лица его кажутся дѣйствительными—онѣ встаютъ передъ нами живыми, дышащими. Тоже самое можно сказать и о герояхъ Сервантеса; его Санхо-Панчо, — лицо хотя и очень обыкновенное и даже нѣсколько тривіальное, но въ высшей степени живое. Лесажевскіе типы въ его романѣ «Жиль Блазъ», Голдсмитовы въ его «Уэкфильдскомъ священникѣ» и Вальтера Скотта въ длинномъ рядѣ удивительныхъ романовъ кажутся намъ людьми лично намъ знакомыми; лучшія произведенія де-Фо ничто иное, какъ подробныя біографіи, и носятъ на своихъ страницахъ до того яркій отпечатокъ дѣйствительности, что весьма трудно считать его Робинзона Крузо и его

полковника Джека лицами вымышленными, а не дѣйствительными.

Хотя сущность даже наиболѣе фантастическаго вымысла почерпается изъ дѣйствительной жизни, и хотя біографіямъ, изображающимъ людей дѣйствительно когда-то ощущавшимъ горе и радости дѣйствительной жизни и испытавшимъ ея затрудненія и успѣхи, можно придать несравненно болѣе привлекательности, чѣмъ имѣютъ наиболѣе талантливо составленные вымыслы, однако замѣчательно, что такъ немного геніальныхъ людей посвящали свой талантъ на подобнаго рода произведенія. Талантливыя произведенія чисто вымышленнаго свойства встрѣчаются въ изобиліи, между тѣмъ, какъ талантливыя біографіи можно перечислить по пальцамъ. Быть можетъ это происходитъ въ силу той же причины, которая побудила талантливаго портретиста, покойнаго Джона Филиппа, предпочесть жанръ, говоря, что, «портретная живопись не окупается.» Хорошая біографія обусловливается трудолюбивымъ изслѣдованіемъ, тщательнымъ собраніемъ фактовъ, критическимъ разсмотрѣніемъ ихъ и хорошимъ сопоставленіемъ, а также искусствомъ изобразить характеръ въ самой живой и привлекательной формѣ. А между тѣмъ въ твореніяхъ вымысла воображеніе автора можетъ свободно создать и нарисовать характеръ, не затрудняясь справками и не стѣсняясь подробностями дѣйствительной жизни.

Правда, у насъ нѣтъ недостатка въ громадныхъ, но безжизненныхъ мемуарахъ, изъ которыхъ многіе ничто иное, какъ сборники фактовъ, для которыхъ авторъ работалъ болѣе ножницами, чѣмъ перомъ. А между

тѣмъ о жизни Гомера мы ничего не знаемъ, а о Рафаэлѣ, сравнительно, мало. У насъ нѣтъ даже біографіи Плутарха, который такъ хорошо описалъ жизнь другихъ, потому что ни одинъ изъ современныхъ ему замѣчательныхъ римскихъ писателей не пошелъ далѣе простаго упоминанія его имени. Такъ у насъ нѣтъ вѣрнаго портрета Корреджіо, который такъ хорошо рисовалъ портреты другихъ.

Были люди, имѣвшіе сильное вліяніе на жизнь своего времени, и слава которыхъ болѣе велика въ потомствѣ, чѣмъ была между современниками.

Мы имѣемъ, замѣтилъ Тайлоръ, самыя короткія біографіи нѣкоторыхъ изъ величайшихъ людей. О Платонѣ, одномъ изъ великихъ отцевъ нравственной философіи, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Мы не знаемъ, имѣлъ-ли онъ жену и дѣтей. О жизни Аристотеля существуетъ множество разнорѣчивыхъ разсказовъ. Одинъ говоритъ, что онъ былъ еврей, другой, что онъ только учился у еврея; одинъ говоритъ, что онъ торговалъ лѣкарствами, другой, что онъ былъ сынъ лѣкаря; одинъ утверждаетъ, что онъ былъ атеистъ, другой, что онъ былъ поклонникъ Троицы и т. д. Почти также мало мы знаемъ и о многихъ людяхъ, жившихъ, сравнительно, въ новыя времена. Такъ мы не знаемъ почти ничего о Спенсерѣ, авторѣ «Царицы волшебницъ» и Бетлерѣ, авторѣ «Гудибраса,» кромѣ того, что оба они жили въ неизвѣстности и умерли въ крайней бѣдности. Какъ мало, сравнительно, знаемъ мы о жизни Іереміи Тайлора, знаменитаго проповѣдника, о жизни котораго такъ хотѣлось бы знать побольше.

Несомнѣнно, говоритъ Смайльсъ, что забвеніе окутало въ свои складки много великихъ людей, совершившихъ великіе подвиги, но которыхъ люди не помнятъ. Святой Августинъ говоритъ о Романіанѣ, какъ о величайшемъ, когда-либо жившемъ, геніи, тѣмъ не менѣе, мы ничего о немъ не знаемъ, кромѣ имени; онъ также мало сохранился въ памяти людей, какъ строители пирамидъ. Гордіанова надгробная надпись была написана на пяти языкахъ, тѣмъ не менѣе это не спасло его отъ забвенія.

Много, дѣйствительно, есть людей, заслуживающихъ памяти, но жизнь и дѣянія которыхъ такъ и остались неописанными. Люди, сочинившіе книги, наиболѣе счастливы въ этомъ отношеніи, потому что представляютъ интересъ для литераторовъ, чего не имѣютъ люди, ознаменовавшіе свою жизнь подвигами на другомъ поприщѣ. Такъ мы имѣемъ біографіи нѣсколькихъ поэтовъ-литераторовъ, которые были не болѣе, какъ людьми своего времени и только.

Мы уже сказали, что человѣка можно познавать по тѣмъ книгамъ, которыми онъ себя окружаетъ. Назовемъ же нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя составляли любимое чтеніе наиболѣе извѣстныхъ людей. О Плутарховыхъ поклонникахъ мы уже говорили. Монтань также былъ товарищемъ большинства людей мысли. Можно сказать, почти навѣрно, что Шекспиръ прилежно изучилъ Плутарха, такъ какъ въ его произведеніяхъ встрѣчаются мѣста очевидно заимствованныя у греческаго біографа; но замѣчательно, что книга Монтаня—единственная, о которой мы можемъ сказать положительно, что она была

изъ числа книгъ, составлявшихъ библіотеку великаго поэта; одинъ изъ существующихъ Шекспировыхъ автографовъ былъ найденъ въ экземплярѣ Флоріевскаго перевода «Опытовъ,» на оберточномъ листѣ котораго былъ найденъ также автографъ Бенъ-Джонсона.

Любимымъ чтеніемъ Мильтона были книги Гомера, Овидія и Эврипида. Эта послѣдняя была также любимымъ чтеніемъ Чарльза Джемса Фокса, который находилъ, что короткое знакомство съ произведеніями этого писателя чрезвычайно полезно для оратора. Сочиненія Мильтона,—котораго Фоксъ вовсе не цѣнилъ—въ свою очередь служили предметомъ особеннаго наслажденія для Питта, любившаго декламировать изъ «Потеряннаго Рая» грандіозную рѣчь Веліала въ присутствіи собранія властей Пандемоніума. Другая любимая книга Питта была Ньютоновы «Начала.» Неизмѣнными друзьями Берка были Демосѳенъ, Мильтонъ, Боллингброкъ и Юнговы «Ночи.»

Любимымъ авторомъ Куррана былъ Гомеръ, котораго онъ аккуратно перечитывалъ каждый годъ; Виргилій былъ тоже въ числѣ его любимцевъ; его біографъ, Филлисъ, разсказываетъ, что разъ онъ видѣлъ его читающимъ Энеиду въ каютѣ голигидскаго парохода, въ то время, какъ всѣ остальные пассажиры лежали больные морскою болѣзнью.

Дантовымъ любимцемъ, изъ числа поэтовъ, былъ Виргилій; любимцемъ Корнеля — Луканъ; Шиллера—Шекспиръ; Грея—Спенсеръ: а Кольриджъ былъ поклонникомъ Кольлинса и Баулеса. Дантъ, въ свою очередь, былъ любимцемъ почти всѣхъ великихъ поэтовъ.

Если книги, говоритъ Спенсеръ, принадлежатъ къ числу лучшихъ товарищей старости, то онѣ же являются лучшими вдохновителями молодости. Первая книга, которая произвела глубокое впечатлѣніе на умъ молодого человѣка, часто составляетъ эпоху въ его жизни. Она можетъ воспламенить его сердце, возбудить энтузіазмъ и, направивъ его усилія на непредвидѣнные имъ пути, имѣть постоянное вліяніе на его характеръ. Новая книга, въ которой мы заключаемъ связь съ новымъ другомъ, котораго умъ и глубже, и зрѣлѣе нашего ума, можетъ такимъ образомъ составить важную поворотную точку въ цѣлой жизни. Иногда можно считать ее какъ-бы новымъ рожденіемъ.

Чтеніе тѣхъ или другихъ книгъ не только служитъ побудительною причиною при выборѣ литературной спеціальности, но еще побуждаетъ избрать какую-нибудь дѣятельность въ кругу серьезныхъ занятій жизни.

Лучшія книги тѣ, которыя наиболѣе похожи на добрыя дѣла. Онѣ очищаютъ, возвышаютъ и поддерживаютъ: онѣ расширяютъ и освобождаютъ умъ; онѣ охраняютъ его отъ пошлой свѣтскости; онѣ ведутъ къ пріобрѣтенію великодушной веселости и ровности характера; онѣ образовываютъ умъ, придаютъ ему форму и облагораживаютъ его. Въ сѣверныхъ университетахъ тѣ классы, въ которыхъ изучаются древніе писатели, основательно называются классами гуманными. Несмотря на новѣйшіе нападки на классическія занятія, какъ на безплодную трату времени, нѣтъ никакого сомнѣнія, что они придаютъ высшую утонченность высшему образованію. Древніе классики представляютъ

намъ совершеннѣйшія формы литературнаго искусства и величайшіе писатели изучали ихъ чрезвычайно усердно. Классическое образованіе было тѣмъ орудіемъ, которымъ Эразмъ и реформаторы очистили Европу. Имъ отличались великіе патріоты XVII вѣка, и до сихъ поръ оно отличаетъ нашихъ величайшихъ государственныхъ людей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Законъ существованія.

(Смайльсъ, Тайлоръ, Бэконъ и Сиднэй Смитъ).

Трудъ лучшій воспитатель практическаго характера, говоритъ Смайльсъ. Онъ пріучаетъ къ послушанію, самообладанію, внимательности, прилежанію, устойчивости; пріобрѣтаетъ человѣку ловкость и искусство въ его спеціальномъ занятіи, и, кромѣ того, даетъ ему умѣніе и способность успѣшно справляться съ дѣлами повседневной жизни.

Трудъ — законъ нашего существованія — это живой принципъ, ведущій впередъ людей и націи. Для большинства людей ручной трудъ является необходимостью, которою обусловливается ихъ существованіе; но такой ли или другой—трудъ обязателенъ для всѣхъ и каждаго изъ насъ, если мы хотимъ насладиться жизнью такъ, какъ слѣдуетъ ею наслаждаться.

Трудъ можетъ быть бременемъ и наказаніемъ, но онъ пріобрѣтаетъ намъ честь и славу. Безъ труда ничего не можетъ совершиться. Все хорошее и высокое въ человѣкѣ пріобрѣтается трудомъ; цивилизація — продуктъ труда. Еслибъ трудъ былъ уничтоженъ, нравственная смерть не замедлила бы постигнуть родъ человѣческій.

Не трудъ, а праздность—проклятіе человѣка. Праздность портитъ и разъѣдаетъ сердца людей и націй, какъ ржа разъѣдаетъ желѣзо. Когда Александръ Македонскій покорилъ персовъ и имѣлъ случай познакомиться съ ихъ нравами и обычаями, онъ замѣтилъ, что они, повидимому, вовсе не сознавали, что нѣтъ ничего унизительнѣе жизни праздной и проведенной въ увеселеніяхъ и ничего величественнѣе жизни трудовой.

Когда императоръ Сентилій-Северъ лежалъ на смертномъ одрѣ въ Іоркѣ, куда его перенесли на носилкахъ съ подножья Грампіанскихъ горъ, его послѣднимъ лозунгомъ солдатамъ были слова «Laboremus» (мы должны работать), и ничто такъ сильно не способствовало поддержанію власти и распространенію авторитета римскихъ полководцевъ, какъ ихъ постоянное и неутомимое трудолюбіе.

Описывая порвоначальное соціальное положеніе Италіи, когда простыя занятія сельской жизни считались совмѣстными съ высшими достоинствами гражданскими, Плиній разсказываетъ о побѣдоносныхъ полководцахъ и воинахъ, съ удовольствіемъ возвращавшихся къ плугу.

Въ природѣ человѣческой, быть можетъ, нѣтъ склонности, противъ которой нужно было-бы такъ заботливо охраняться, какъ лѣность.

Лѣность одинаково унизительна, продолжаетъ Смайльсъ, какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣлыхъ націяхъ. Лѣнь никогда ничего не совершала и никогда

ничего не совершитъ въ мірѣ. Лѣнь никогда не всходила на высокую крутизну и никогда не преодолѣвала тѣхъ затрудненій, когда могла избѣжать. Праздность всегда сопровождается и всегда будетъ сопровождаться неудачею. Очень естественно, что она ни въ чемъ не можетъ имѣть успѣха. Это — бремя, помѣха и вредъ; люди, ей преданные—люди безполезные, вѣчно жалующіеся, печальные и несчастные.

Впрочемъ, бездѣятельный, не совсѣмъ бездѣятеленъ. Тѣло можетъ уклониться отъ работы, но мозгъ не будетъ празднымъ. Если не выроститъ хлѣбъ, то выроститъ репейникъ, и отъ него заглохнетъ вся жизненная дорога празднаго человѣка. Привидѣнія, порождаемыя праздностію, встанутъ передъ лицемъ празднаго и будутъ его мучить.

Истинное блаженство никогда не можетъ состоять въ онѣмѣніи всѣхъ способностей, замѣтилъ Бэконъ, но въ ихъ дѣятельности и полезномъ употребленіи. Человѣка истязаетъ бѣдствіе, а не дѣятельность, которою обусловливаются жизнь, здоровье и удовольствіе. Духъ временно утомляется и изнемогаетъ отъ занятія, но праздность совершенно губитъ его. Вотъ почему благоразумные медики обыкновенно считаютъ занятіе однимъ изъ лучшихъ врачебныхъ средствъ.

У праздности всегда множество извиненій, и человѣкъ лѣнивый, хотя работаетъ неохотно, но часто бываетъ очень дѣятельнымъ софистомъ.

Желаніе обладать чѣмъ нибудь, не обремѣняя себя трудомъ для пріобрѣтенія его, есть признакъ слабости; а наоборотъ, сознаніе, что не иначе, какъ за соотвѣтствующую плату, можно получить то, что стоитъ пріобрѣтенія, есть важный секретъ практической силы. Даже отдыхомъ нельзя пользоваться, если мы не пріобрѣли усиліями. Если онъ не пріобрѣтенъ трудомъ, значитъ за него ничего не заплачено.

Трудъ долженъ предшествовать отдыху и слѣдовать за нимъ; въ досугѣ и отдыхѣ, которымъ не предшествовалъ трудъ, нельзя находить удовольствія, какъ нельзя его находить ни въ какомъ пресыщеніи. Жизнь должна казаться равно противною, какъ богатому лѣнтяю, у котораго нѣтъ работы или который, имѣя ее, не хочетъ ее дѣлать. Слова, найденныя наколотыми на правой рукѣ одного сантиментальнаго сорокалѣтняго нищаго, который въ восьмой разъ подвергался заключенію и на этотъ разъ содержался въ Буржской тюрьмѣ во Франціи, могли бы быть приняты за девизъ всѣхъ вообще лѣнтяевъ: «Le passé m'a trompé; le present me tourmente; l'avenu m'epouvante» (Въ предшедшемъ я былъ обманутъ; настоящее меня мучитъ; будущее ужасаетъ).

Обязанность трудиться прилагается ко всѣмъ классамъ и общественнымъ положеніямъ. Каждый богатый, какъ и бѣдный, долженъ трудиться соотвѣтственно своему житейскому положенію. Благородный человѣкъ по происхожденію и по образованію, какимъ-бы богатствомъ онъ ни обладалъ, не можетъ не чувствовать, что онъ, точно также, какъ и всѣ остальные, обязанъ содѣйствовать своею долею старанія общему благу, въ которомъ имѣетъ свою часть. Онъ не можетъ удовольствоваться тѣмъ, что будетъ одѣваться, кормиться и во

обще жить трудами другихъ, не платя соотвѣтственно обществу, которое поддерживаетъ его. Честнаго и высокомыслящаго человѣка возмутила бы мысль сѣсть за столъ и принять участіе въ пирѣ, а потомъ уйдти, не заплативъ своей доли въ общемъ счетѣ. Быть лѣнивымъ и безполезнымъ человѣкомъ не составляетъ ни чести, ни привиллегіи, хотя люди низкіе, съ узкими взглядами, могутъ довольствоваться ролью потребителей, тѣмъ не менѣе люди, обладающіе нѣкоторыми дарованіями, благородными стремленіями честными намѣреніями, всегда будутъ ясно понимать всю несовмѣстность такого положенія съ истинной честью и блестящимъ достоинствомъ.

Даже на самой низкой почвѣ — на почвѣ личнаго наслажденія — постоянное занятіе необходимо *). Кто не трудится, тотъ не можетъ вкушать вознагражденія за трудъ.

Правда, случается, что люди умираютъ, замученные работою; но гораздо большее число людей умираетъ отъ эгоизма, распущенности и лѣности. Люди умираютъ отъ работы обыкновенно вслѣдствіе недостатка правильнаго распредѣленія времени жизни и пренебреженія самыми простыми гигіеническими условіями.

Надо замѣтить, что крупная цифра прожитыхъ *годовъ* далеко не вѣрный признакъ долгой жизни. Жизнь человѣческая должна измѣряться количествомъ сдѣланнаго и прочувствованнаго имъ въ теченіе своей жизни.

Чѣмъ болѣе полезнаго совершаетъ человѣкъ, чѣмъ

*) Тайлоръ.

болѣе онъ думаетъ и чувствуетъ, тѣмъ полнѣе его жизнь. Праздный, а слѣдовательно и безполезный человѣкъ, какъ бы долго ни тянулась его жизнь, не живетъ, а только прозябаетъ.

Привычка къ постояннымъ и притомъ, полезнымъ занятіямъ, говоритъ Смайльсъ,—необходимое условіе, счастія и благосостоянія, какъ женщины, такъ и мужчины. Безъ этой привычки женщины обыкновенно впадаютъ въ состояніе вялой, безпечной скуки и безполезности, которое сопровождается головными болями и припадками *нервовъ*.

Такимъ образомъ постоянное занятіе здорово не только для тѣла, но и для ума Пока лѣнтяй безпечно и лѣниво тащится по жизненному пути и лучшая сторона его природы пребываетъ въ глубокомъ снѣ, если только не умираетъ нравственно и умственно, энергическій человѣкъ является источникомъ удовольствія и дѣятельности всѣхъ тѣхъ на кого простирается его вліяніе. Даже самая простая ломовая работа лучше праздности.

Мы говорили о работѣ, какъ о средствѣ пріучить дисциплинѣ, слѣдовательно ее можно считать тоже въ числѣ воспитателей характера. Даже въ томъ случаѣ если занятія не даютъ немедленныхъ результатовъ, они все-таки полезнѣе бездѣйствія, такъ какъ ими изощряются способности, и такимъ образомъ они считаются подготовкою для успѣшной работы. Привычка заниматься пріучаетъ къ методу. Она заставляетъ человѣка быть бережливымъ относительно времени и распредѣлять его съ разумной предусмотрительностью. И когда

разъ на практикѣ пріобрѣтено искусство наполнять жизнь полезными занятіями, тогда каждая минута будетъ имѣть значеніе, а свободное время, когда оно явится, доставитъ еще больше наслажденія.

Прилежаніе въ занятіяхъ, пріучая съ большимъ успѣхомъ къ методѣ, приноситъ огромную пользу въ смыслѣ воспитателя характера. Высшія дѣловыя качества лучше всего пріобрѣтаются сочувственнымъ сближеніемъ съ другими людьми въ дѣлахъ повседневной жизни. Метода равно необходима, какъ въ дѣлахъ относящихся къ управленію хозяйствомъ, такъ и въ дѣлахъ цѣлой націи. Въ самомъ дѣлѣ, способная хозяйка, какъ мы уже старались доказать въ одной изъ предъидущихъ главъ, необходимо должна быть обстоятельной, дѣловой женщиной. Она должна умѣть распорядиться, до мельчайшихъ подробностей, всѣми частями своего хозяйства и смотрѣть за ними, должна заботиться, чтобы расходы не превышали средствъ, устроить все по плану систематически, и умно руководить и управлять тѣми, которые подлежатъ ея управленію. Хорошее управленіе хозяйствомъ подразумѣваетъ трудолюбіе, методъ, нравственную дисциплину, предусмотрительность, благоразуміе, практическія способности, пониманіе характеровъ и силу организаціи — качества, которыя всѣ необходимы для успѣшнаго веденія какихъ бы то ни было дѣлъ.

Дѣловыя качества имѣютъ, дѣйствительно, весьма широкое поле для своей дѣятельности. Обладать ими — значитъ обладать способностью къ дѣламъ, умѣньемъ успѣшно справляться съ работою практической жизни —

все равно, на какомъ-бы поприщѣ ни пришлось дѣйствовать, на поприщѣ ли управленія хозяйствомъ, промышленности, торговли, соціальной организаціи или политическаго управленія. Воспитаніе, дающее человѣку дѣйствительное умѣнье успѣшно вести всѣ эти разнородныя дѣла, есть изъ всѣхъ другихъ воспитаній, наиболѣе полезное въ практической жизни. Кромѣ того, такое воспитаніе—лучшая дисциплина характера, потому что оно заключаетъ въ себѣ изощреніе трудолюбія, внимательности, отреченія отъ самаго себя, сноровки, знанія ближняго и сочувствія къ нему.

Такая дисциплина гораздо болѣе полезна для счастія жизни и полезной ея дѣятельности, чѣмъ всякая сумма научныхъ и литературныхъ свѣдѣній или уединенныхъ размышленій, потому что въ концѣ концевъ обыкновенно оказывается, что практическія способности имѣютъ преимущество надъ интеллектуальными, а нравъ и привычки - надъ талантами. Къ этому надо, однако, прибавить, что такого рода образованіе можетъ быть пріобрѣтено только посредствомъ прилежнаго наблюденія и тщательнаго обогащенія опытностью.

Мужчина и женщина, съ успѣхомъ ведущіе какое-нибудь значительное дѣловое занятіе, пріобрѣтаютъ этимъ право на уваженіе—и, быть можетъ, на уваженіе не менѣе глубокое, чѣмъ какое воздается артисту, написавшему хорошую картину, автору, сочинившему хорошую книгу, или полководцу, выигравшему сраженіе. Ихъ успѣхъ, быть можетъ, былъ пріобрѣтенъ въ виду не меньшихъ затрудненій и стоилъ имъ не мень-

шихъ усилій; но ихъ побѣда, по меньшей мѣрѣ,— мирная побѣда, не оставившая на ихъ слѣдахъ крови.

Нѣкоторые держатся той мысли, будто дѣловыя привычки несовмѣстны съ геніемъ. Но едва-ли существуетъ заблужденіе болѣе сильное: всѣ, безъ исключенія, великіе геніи были работники, не презиравшіе никакими мелочами. Они не только работали неутомимѣе другихъ людей, но и вносили въ свою работу высшія способности и большую ревность. Ничто великое и прочное не было импровизировано. Только благороднымъ терпѣніемъ и благороднымъ трудно создавались лучшія произведенія геніевъ.

По мнѣнію Спенсера, силою обладаютъ только люди трудолюбивые и дѣятельные; лѣнивыя же всегда бываютъ безсильны. Міромъ управляютъ люди старательные и постоянно трудящіеся. Ни одинъ изъ великихъ государственныхъ людей не былъ празднымъ человѣкомъ.

Жизнь, полная энергіи, выразившейся въ неутомимомъ трудѣ, отличала всѣхъ великихъ людей, какъ настоящихъ, такъ и прошлыхъ временъ.

Живой принципъ постояннаго труда, многообразныхъ занятій, практическаго столкновенія съ людьми въ дѣлахъ жизни, всегда былъ лучшимъ воспитателемъ энергическаго характера сильныхъ натуръ. Дѣловыя привычки, развитыя и подчиненныя дисциплинѣ, приносятъ одинаковую пользу на всякомъ поприщѣ—какъ на политическомъ, такъ и на литературномъ, ученомъ и артистическомъ. Такъ большая часть лучшихъ произведеній литературы была написана людьми, систематически воспитанными въ привычкахъ къ дѣловымъ занятіямъ. То же самое прилежаніе, трудолюбіе и экономія времени и труда, которыя дѣлали ихъ полезными дѣятелями въ одной сферѣ занятій, оказались не менѣе полезными и въ другой.

Дѣловыя привычки не только не лишаютъ образованный умъ способностей къ ученымъ литературнымъ занятіямъ, но часто служатъ лучшимъ для нихъ приготовленіемъ. Духъ практическихъ занятій и литературы въ сущности одинъ и тотъ же; такъ какъ совершенство въ каждой изъ этихъ отраслей занятій обусловливается соединеніемъ энергіи съ разсудительностью, образованнаго ума съ практической мудростью, дѣятельнаго начала съ началомъ созерцательнымъ — соединеніемъ, которое есть высшая форма развитія человѣческой природы. Было замѣчено, что даже геніальный человѣкъ не можетъ написать ничего путнаго о дѣлахъ человѣческихъ, если, такъ или иначе, не находится въ соприкосновеніи съ серьезными вопросами повседневной жизни.

Нельзя однако-жъ не сознаться, что исключительное занятіе изящной литературой или философіей, особенно если оно начинается съ ранней молодости и продолжается до той поры жизни, когда уже вполнѣ сложились характеръ и привычки, въ значительной степени ослабляетъ способности, необходимыя для практической жизни. Способности созерцательныя — одно, а практическія — совершенно другое, и человѣкъ, оказавшійся въ кабинетѣ или съ перомъ въ рукѣ вполнѣ способнымъ къ созданію широкихъ взглядовъ на жизнь и

политику, можетъ потерпѣть совершенную неудачу при примѣненіи этихъ взглядовъ къ практической жизни.

Способности спекулятивныя обусловливаются энергическимъ мышленіемъ; способности практическія — энергической дѣятельностью, а эти два качества обыкновенно соединяются въ человѣкѣ не въ равныхъ пропорціяхъ. Мыслитель склоненъ къ нерѣшительности; онъ видитъ всѣ стороны вопроса; его дѣятельность задерживается взвѣшиваніемъ всего, что можно сказать за и противъ, а подобные аргументы нерѣдко уравновѣшиваются одинъ другимъ; между тѣмъ, какъ практическій человѣкъ, перескочивъ черезъ всѣ логическія посылки, прямо переходитъ къ опредѣленному заключенію, и приступаетъ къ осуществленію всѣхъ своихъ взглядовъ.

Тѣмъ не менѣе, было много великихъ ученыхъ, которые оказались отличными дѣловыми людьми.

Люди, воспитанные въ дѣятельныхъ привычкахъ, говоритъ Смайльсъ, такъ сильно привыкаютъ къ труду, что праздность становится для нихъ невыносимою; и если обстоятельства отвлекаютъ ихъ отъ ихъ спеціальнаго дѣла, то они ищутъ себѣ убѣжища въ другихъ занятіяхъ. Трудолюбивый человѣкъ не замедлитъ найти занятія для своихъ досуговъ и, кромѣ того, онъ умѣетъ создать себѣ свободное время, чего не умѣетъ сдѣлать лѣнивый человѣкъ.

Даже нѣкоторые, встрѣчающіеся иногда у людей коньки, и тѣ бываютъ полезными въ смыслѣ воспитателей привычки и дѣятельности. Коньки тоже пробуждаютъ нѣкотораго рода трудолюбіе и, по меньшей

мѣрѣ, доставляютъ пріятное занятіе. Разумѣется, не такіе коньки, каковъ былъ конекъ Домиціана, любимое занятіе котораго состояло въ ловленіи мухъ. Но, напримѣръ, царя македонскаго, любившаго дѣлать фонари, и конекъ короля французскаго, занимавшагося дѣланіемъ замковъ, — оба могутъ быть отнесены къ разряду очень почтенныхъ коньковъ. Даже рутинная механическая работа, и та можетъ замѣнить отдыхъ для людей, занятія которыхъ требуютъ сильныхъ умственныхъ напряженій; это перерывъ тяжелаго труда — отдохновеніе, развлеченіе, удовольствіе котораго состоитъ не столько въ результатѣ, сколько въ самомъ процессѣ работы.

Но изъ всѣхъ коньковъ — самые лучшіе умственные. Такъ люди дѣятельнаго характера, покончивъ съ своими дневными занятіями, находятъ отдохновеніе—нѣкоторые въ наукѣ, другіе въ искусствѣ, а большая часть въ литературѣ. Такія развлеченія—лучшая охрана противъ себялюбія и пошлой свѣтскости.

Хорошая дача работы равно полезна, какъ для ума, такъ и тѣла. Человѣкъ состоитъ не изъ одного духа, но также и изъ тѣла, а потому дѣятельное упражненіе органовъ тѣла необходимо для сохраненія здоровья человѣка. Не трудъ вреденъ, а вредно излишество въ трудѣ; не столько вреденъ тяжелый, сколько однообразный, скучный, безнадежный. Работать съ надеждою на успѣхъ очень здорово; найти себѣ полезное, полное надеждъ въ будущемъ — занятіе одно изъ лучшихъ средствъ быть счастливымъ. Умѣренная умственная работа не утомительнѣе всякой другой работы. Правильно организованная, она также здорова, какъ

и всякое тѣлесное упражненіе; притомъ же, можно сказать, что, если обращено достаточное вниманіе на организмъ человѣка, то едва ли будетъ предпринята работа не по силамъ. Праздная жизнь, выражающаяся только въ ѣдѣ, питьѣ и спаньѣ, несравненно вреднѣе умственной работы. Бездѣйствіе скорѣе труда истощаетъ человѣка.

Работа чрезмѣрная тоже плохой расчетъ. Дѣйствительно, она губительна, особенно если человѣкъ работаетъ порывисто и тревожно. Волненія и тревоги болѣе убійственны, чѣмъ работа. Онѣ не только возбуждаютъ силы человѣка, но истощаютъ и убиваютъ тѣло. Такъ песокъ, попавъ въ колеса машины, производитъ болѣе сильное треніе и портитъ машину. Вотъ почему слѣдуетъ остерегаться и непосильнаго труда и волненій. Непосильный умственный трудъ требуетъ лишняго напряженія и губителенъ, какъ всякое излишество. Человѣкъ, занятый умственною работою, можетъ истощить свой мозгъ излишествомъ работы точно также, какъ можетъ сломать себѣ спину атлётъ, чрезмѣрно натянувшій свои мускулы, или предпринявшій какой-нибудь подвигъ, превышающій его силу.

Путь труда — ближайшій путь къ достиженію благосостоянія, и чѣмъ съ большей настойчивостью шли дѣятели по тому пути, тѣмъ большимъ успѣхомъ пользовались въ жизни.

Говорятъ обыкновенно, сказалъ Смитъ, что счастіе слѣпо, но скорѣе слѣпы мы сами. Стоитъ внимательно взглянуть на жизнь и мы замѣтимъ, что счастье выпадаетъ всегда на долю людей трудолюбивыхъ, подобно

тому, какъ вѣтеръ и волны бываютъ на сторонѣ лучшихъ пловцевъ. Успѣхъ неразрывно слѣдуетъ за честнымъ трудомъ; иногда, впрочемъ, мы приписываемъ слишкомъ большое значеніе успѣху, но несомнѣнно, что во всякомъ благородномъ стремленіи разсчитываніе на успѣхъ законно, тѣмъ болѣе, что для достиженія успѣха не нужны никакія необыкновенныя качества. Главнымъ образомъ можно всѣ эти качества свести къ двумъ основнымъ: здравому смыслу и настойчивому труду. Геніальность въ такомъ случаѣ становится необходимою, но безъ этихъ качествъ геній безсиленъ. Весьма многіе изъ великихъ людей ставили ни во что свою геніальность, а на свой успѣхъ смотрѣли просто, какъ на результатъ трудолюбія и здраваго смысла. Иные даже говорили, что геній не болѣе, какъ усиленная способность здраваго мышленія, что геній — это способность трудиться съ смысломъ. Бюффонъ говорилъ, что геній есть терпѣніе. Несомнѣнно, что Бюффонъ былъ человѣкъ ума самаго обыкновеннаго, но онъ постоянно говорилъ, что величайшія открытія онъ дѣлалъ при помощи постояннаго, настойчиваго ихъ обдумыванія. Въ другой разъ онъ такимъ образомъ охарактеризовалъ методъ своихъ занятій: «я до тѣхъ поръ не выпускаю изъ головы извѣстнаго предмета, пока не появятся сначала проблески, а потомъ онъ озарится вполнѣ яркимъ свѣтомъ здраваго сужденія.» Славой своей Ньютонъ также обязанъ исключительно своимъ неусыпнымъ трудамъ, отдыхъ его состоялъ только въ перемѣнѣ рода занятій.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О неправильномъ воззрѣніи на жизнь.

(Тэмпль, Смайльсъ, Барлоу и Коббетъ).

Повидимому, сами же люди противодѣйствуютъ проявленію всякой индивидуальности; они громятъ самостоятельность и требуютъ, во чтобы то ни стало однообразія во мнѣніяхъ и взглядахъ. Отъ каждаго требуютъ, чтобы онъ смотрѣлъ чужими глазами, думалъ чужимъ умомъ, поклонялся принятымъ обычаямъ, смотрѣлъ всегда назадъ и никогда впередъ или наверхъ. Приличіе — это общій законъ: мы боимся выйдти изъ очарованнаго круга, боимся проявить независимость характера не только на дѣлѣ, но даже и на словахъ; мы отказываемся дѣйствовать согласно съ нашими побужденіями, какъ бы благородны онѣ ни были, единственно изъ страха пойдти на перекоръ общественному мнѣнію, словомъ, мы пользуемся чужими плодами.

Такое же разлагающее начало существуетъ и въ частныхъ дѣлахъ.

Такъ мы устраиваемъ нашъ домашній бытъ, согласно съ требованіями того сословія, къ которому принадлежимъ. Мы питаемъ какое-то суевѣрное благоговѣніе къ существующимъ обычаямъ, одѣваемся, пьемъ, ѣдимъ по модѣ. Пока все это мы исполняемъ, насъ считаютъ порядочными людьми. Вотъ почему нѣкоторые изъ насъ летятъ сломя голову въ видимую пропасть изъ одного лишь мелочнаго страха, «что скажетъ свѣтъ, что скажутъ наши знакомые?» между тѣмъ, изъ десяти строгихъ судей, девять почти вовсе не отличаются предусмотрительностію и благоразуміемъ, а напротивъ, всѣ они безпечны и легкомысленны.

Главный грѣхъ современнаго общества это — мотовство. Имъ страдаютъ не только люди высшихъ классовъ, но и люди всѣхъ прочихъ классовъ.

Никогда еще не было такого страстнаго желанія разбогатѣть или, вѣрнѣе—*казаться* богатымъ, какъ теперь. Народы не довольствуются уже одними честными заработками, но начинаютъ спекулировать, обманывать, играть и шуллерничать.

Такое неумѣренное мотовство замѣчается вездѣ; но въ особенности, оно составляетъ отличительную характеристическую черту въ жизни городскихъ жителей. Куда вы не посмотрите на улицахъ, въ театрахъ, въ садахъ, въ церкви — щегольство въ одеждѣ представляетъ еще самое слабое доказательство существованія такого факта.

Обратимъ вниманіе на общественную нашу жизнь. Всѣ почти люди живутъ не по средствамъ; слѣдствіемъ такого порядка вещей являются: упадокъ торговли,

банкротства, масса уголовныхъ дѣлъ, по которымъ даже высокопоставленныхъ людей судятъ и ссылаютъ за обманъ, безчестные поступки и поджогъ.

Тэмпль говоритъ, что стремленіе людей казаться не тѣмъ, что они есть, а также жить не по средствамъ,— глубоко вкоренившійся порокъ. Замѣчаніе это совершенно справедливо и можетъ быть провѣрено опытностью каждаго изъ насъ.

Въ настоящее время требуется приличная внѣшняя обстановка: люди принуждены казаться богатыми. Лицемѣры превосходно умѣютъ обманывать тѣхъ, которые легко поддаются обману. Чтобы быть порядочнымъ человѣкомъ нужно, во что бы то ни стало: щегольская и роскошная квартира, экипажъ, модный туалетъ; для нихъ обязательно давать большіе обѣды, балы и пить дорогія вина. Но большей частію весь этотъ наружный блескъ добывается безчестными путями.

Есть еще и другой классъ людей, не прибѣгающихъ къ обману и мошенничеству, но просто мотоватыхъ: такіе люди дѣлаются очень легко безчестными. Живутъ они обыкновенно не по средствамъ; имъ очень хочется, чтобы на нихъ смотрѣли, какъ на людей порядочныхъ; девизомъ ихъ служитъ самое гибельное правило: «надо жить такъ, какъ живутъ другіе?» Такіе люди не разсуждаютъ, — могутъ ли они вести образъ жизни, согласно съ образомъ жизни ихъ богатыхъ знакомыхъ, но непремѣнно желаютъ заслужить репутацію порядочныхъ людей. Стремясь къ этой цѣли, они часто жертвуютъ чувствомъ своего собственнаго достоинства. Единственнымъ признакомъ порядочности они считаютъ

хорошую домашнюю обстановку, туалетъ и слѣдованіе за модой. Они дѣйствительно соблюдаютъ въ глазахъ свѣта всѣ наружныя требованія людей хорошаго круга; но большею частію это—чистая ложь.

Вѣдь не выставлять же напоказъ свои финансовые недостатки! скажутъ намъ. Разумѣется, слѣдуетъ употребить всѣ усилія, чтобы скрыть свою бѣдность. Такимъ образомъ они тратятъ доходы свои еще до полученія ихъ, забираютъ въ долгъ у лавочника, у булочника, въ магазинахъ, у мясника, угощая, такимъ образомъ, своихъ друзей на счетъ этихъ купцовъ. Но, какъ водится, стоитъ только обрушиться на нихъ какой-нибудь бѣдѣ или раззориться — и всѣ друзья исчезнутъ, какъ будто ихъ никогда и не бывало! Всѣ они убѣгутъ, а при встрѣчѣ отвернутся отъ человѣка, погрязшаго въ долгахъ.

Недостаточность средствъ вовсе не такъ страшна для тѣхъ, кто только имѣетъ довольно нравственнаго мужества, чтобы сказать всѣмъ и каждому: «Я не могу позволить себѣ этого, у меня нѣтъ денегъ.» Знакомство съ богатыми и высшаго круга людьми никогда не возвыситъ человѣка и не принесетъ ему выгоды. Успѣхъ чаще всего зависитъ отъ личныхъ свойствъ его и отъ уваженія, пріобрѣтеннаго имъ между людьми.

Общая слабость наша это — хорошій тонъ. Приличіе, въ настоящемъ смыслѣ слова, весьма необходимо въ жизни. Если мы, какъ люди порядочные, съумѣли заслужить себѣ всеобщее уваженіе, то само-собой разумѣется, ничего лучшаго и желать не надо. Но вѣдь

теперешнее понятіе о порядочности человѣка заключается, какъ мы уже говорили, только въ наружной обстановкѣ. Подъ порядочностью подразумѣваютъ жизнь на широкую ногу, роскошная квартира, богатые туалеты.

Свѣтъ смотритъ только на одну внѣшность и прислушивается, такъ сказать, къ звону золота въ нашемъ карманѣ; ему, повидимому, вовсе нѣтъ дѣла до вашей нравственности или добродѣтели. Слѣдовательно, въ настоящее время, человѣку очень даже легко слыть порядочнымъ и, въ сущности, быть негодяемъ.

Почти каждому изъ насъ вѣроятно извѣстны сотни такъ-называемыхъ «порядочныхъ» людей, которые, для поддержки своей репутаціи въ свѣтѣ, совершали глупость за глупостью и тратили свое и чужое состояніе изъ-за того только, чтобы казаться богачами въ глазахъ льстецовъ. Обыкновенно кончается подобная комедія громкимъ скандаломъ и банкротствомъ, вслѣдствіе котораго гибнутъ, быть можетъ, тысячи людей. Благородный должникъ выдаетъ своимъ кредиторамъ по нѣсколько копѣекъ за рубль, и за тѣмъ уже отказывается отъ платежей. Нечего прибавлять, что безчестіе и разореніе это произошло единственно только отъ боязни уронить себя въ глазахъ свѣта.

И чѣмъ только не жертвуетъ человѣкъ, лишь бы прослыть богачемъ и играть видную роль въ свѣтѣ? Добродѣтель, честность, чистая совѣсть, домашнее спокойствіе — все жертвуется имъ ради приличія. Мы вѣчно принуждены носить маску, улыбаться, когда на сердцѣ тяжело, плакать, когда намъ не грустно, принимать на себя спокойный видъ, когда тревожимся и волнуемся внутренно, однимъ словомъ, лжемъ и обманываемъ на каждомъ шагу, угождая свѣту.

Вслѣдствіе такого ложнаго направленія и случаются самоубійства. Пустые и тщеславные люди готовы скорѣе лишить себя жизни, чѣмъ потерять свою репутацію людей «хорошаго тона.» Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ нужда побудитъ человѣка совершить самоубійство. Джоэль Борлоу говоритъ, что человѣкъ застрѣлится скорѣе отъ того, что у него нѣтъ кареты, чѣмъ отъ того, что у него нѣтъ хлѣба.

Въ особенности женщины дѣлаются часто жертвами такого пагубнаго воззрѣнія на жизнь. Ихъ обыкновенно воспитываютъ въ ложныхъ понятіяхъ о свѣтѣ и пріучаютъ судить о людяхъ и о вещахъ не по внутреннему, а по внѣшнему достоинству, внушая имъ съ дѣтства, что призваніе женщины — нравиться и привлекать къ себѣ поклонниковъ; развитіе же ума и сердца ставятъ на задній планъ. Цѣль почти всѣхъ матерей и отцовъ пріискать для дочери блестящую партію и устроить ей такимъ образомъ видное положеніе въ обществѣ. Вульгарность, дурной тонъ считается гораздо большимъ преступленіемъ, чѣмъ дурныя свойства характера, которые могутъ быть скрыты съ самообладаніемъ дипломата. Женщина, въ замкнутости своей, подчиняется модѣ какъ раба, привыкаетъ къ извѣстной манерѣ, дрессурѣ, къ извѣстному даже складу рѣчи. Въ ней исковеркано врожденное простодушіе, сердце должно молчать, а главное, самыя лучшія человѣческія чувства — состраданія и симпатіи къ ближнему,

безъ различія сословій и положенія въ обществѣ — эти наичистѣйшіе источники неподдѣльнаго счастія, — ихъ то именно и не стараются вкоренить въ душѣ молодой дѣвицы съ самаго ранняго дѣтства.

Деморализація эта происходитъ отъ чрезмѣрнаго поклоненія людей сану, роскоши и богатству. Стремленіе каждаго пристать къ болѣе высшему кругу, чѣмъ тотъ, въ которомъ ему суждено вращаться. Духъ касты сильно господствуетъ какъ въ высшемъ, такъ и въ низшемъ сословіяхъ. Такъ въ Бирмингамѣ—говоритъ Смайльсъ, — образовался клубъ рабочихъ фрачниковъ и другой—сюртучниковъ, и первые смотрятъ свысока на послѣднихъ. Извѣстный Коббетъ, надѣлявшій такъ удачно всѣмъ прозвища, назвалъ своего противника по политическимъ мнѣніямъ «холщевникомъ.» Продавцы холста, въ свою очередь, смотрятъ свысока на разнощиковъ, тѣ на механиковъ, а послѣдніе на поденьщиковъ. Лакей, въ аксельбантахъ и штиблетахъ, прислуживающій какому-нибудь барону или графу, смотритъ съ пренебреженіемъ на ливрейнаго лакея, находящагося въ услуженіи у разбогатѣвшаго пивовара. Въ каждомъ сословіи, на какой-бы низкой ступени общественной лѣстницы оно ни стояло, вы непремѣнно встрѣтите людей, которые считаютъ себя выше другихъ и относятся къ нимъ свысока. Замкнутость и изолированность въ кружкахъ средняго сословія бросается еще рѣзче въ глаза. Такъ, каждый кружокъ считаетъ унизительнымъ для себя вступать въ дружескія отношенія съ лицами, ниже ихъ по своему положенію. Въ самыхъ даже глухихъ городахъ и мѣстечкахъ можно всегда найти кружки, рѣзко отдѣленные другъ отъ друга: всѣ они ведутъ между собою мелкія войны; сплетни, интриги, злословіе, всѣ средства пускаются въ ходъ для того только, чтобы причинять вредъ противной партіи.

Почти каждый провинціалъ, исключительно придерживаясь своего кружка и относясь свысока къ тѣмъ, кто по его убѣжденію, стоитъ на низшей степени, готовъ рѣшиться на всевозможныя хитрости, лишь-бы только перешагнуть демаркаціонную линію, строго отдѣляющую его отъ людей болѣе высшаго общества, которые, также и въ свою очередь, живутъ еще замкнутѣе, еще изолированнѣе, чѣмъ другіе.

Кто жилъ въ провинціи, тотъ навѣрно знаетъ, какая отчаянная борьба затѣвается иногда изъ пальмы первенства въ обществѣ; сколько усилій, интригъ, уловокъ употребляются для достиженія этой ничтожной цѣли! Каждый требуетъ себѣ почета,—и вотъ почему именно хочется людямъ быть богатыми, или, по крайней мѣрѣ, хотя, казаться такими. Сперва начинается соперничество въ модѣ по части туалетовъ, убранства комнатъ, затѣмъ баловъ, обѣдовъ, — и весь этотъ внѣшній мишурный блескъ покупается большей частію горькими, никому незримыми слезами. Но одно изъ самыхъ деморализирующихъ вліяній производятъ такъ называемыя великосвѣтскія собранія. Люди этого круга вполнѣ счастливы, когда могутъ набить свои залы толпой высокопоставленныхъ лицъ. Непремѣнное условіе моды — роскошь въ домашней обстановкѣ; подобная роскошь не по средствамъ порождаетъ часто семейныя несчастія.

Причина же та, что мы беремъ за образецъ не бѣдныхъ людей, а богатыхъ.

Другую причину подобной деморализаціи слѣдуетъ искать не въ томъ, что люди стараются поддержать наружную приличную обстановку, а большей частію въ тѣхъ средствахъ, къ которымъ они прибѣгаютъ. Положимъ, кто-нибудь занялъ высокій постъ; онъ готовъ принести все въ жертву для того, чтобы только не уронить своего достоинства; такъ, напримѣръ, свѣтъ считаетъ, что отказывать себѣ въ нѣкоторыхъ прихотяхъ, значитъ идти подъ гору, а потому богатый человѣкъ, у котораго есть своя карета, а за столомъ подаются всегда дорогія вина и шампанское, ни за что не рѣшится сѣсть въ наемный экипажъ или пить пиво; такъ и порядочный человѣкъ средняго состоянія, имѣющій свой кабріолетъ, сочтетъ униженіемъ для себя пріѣхать въ омнибусѣ или придти пѣшкомъ на свою дачу изъ города. Такого сорта люди скорѣе готовы сдѣлать что-нибудь безчестное, лишь бы только не вызвать насмѣшливую улыбку у своихъ знакомыхъ.

Замѣчательный фактъ, что въ высшемъ кругу изящная, красивая внѣшность цѣнится выше самой высокой добродѣтели, что быть богатымъ или казаться таковымъ — огромное достоинство, и наоборотъ: быть бѣднымъ или имѣть скромную обстановку считается чуть ли не позоромъ? Мало даже того, высшій свѣтъ до того безжалостенъ, что если молодая женщина ихъ же круга, вслѣдствіи несчастія или какихъ-либо семейныхъ переворотовъ, вынуждена жить своими трудами и начнетъ собственными руками зарабатывать себѣ честный хлѣбъ, люди ея касты тотчасъ же отрѣкаются отъ нея и выключаютъ такую труженицу изъ своей среды.

Стремленіе къ независимости, этому естественному чувству каждаго человѣка, считается въ высшемъ кругу вещью унизительной, и тѣ женщины, которыя были воспитаны въ принципахъ своей касты, скорѣе перенесутъ всевозможныя лишенія и униженія, лишь бы сохранить свою репутацію «порядочности.»

При такомъ воспитаніи, ничего нѣтъ удивительнаго, если женщины настоящаго времени, наравнѣ съ мужчинами, бываютъ причиной раззоренія семьи и гибели громадныхъ состояній. Англичанки, говоритъ Смайльсъ, никогда еще не отличались такимъ необузданнымъ мотовствомъ на наряды, какъ теперь. Роскошные туалеты ихъ смѣло могутъ соперничать съ туалетами развращенныхъ маркизъ временъ Людовика XIV, во Франціи. Всѣми женщинами какъ будто овладѣло страшное безуміе моды; личныя достоинства каждой своей знакомой онѣ опредѣляютъ по фасону ея платья, но не по личнымъ ея качествамъ. Эксцентричностью туалета, почти неприличіемъ его покроя — вотъ чѣмъ щеголяютъ наши современныя красавицы высокаго круга. Уордсуордъ однажды описалъ идеальную женщину, какъ онъ себѣ ее представляетъ. Пусть же кто отыщетъ теперь идеалъ современной женщины. Гдѣ вы найдете его? Навѣрно не среди этихъ созданій, въ эксцентрическихъ туалетахъ, набѣленныхъ, нарумяненныхъ, полуобнаженныхъ, съ фальшивыми волосами, подкрашенными бровями, вставленными зубами и т. п. Это не женщины, а плохо разрисованныя куклы, каррикатуры на женщинъ.

Мотовство заразило не одинъ высшій классъ; зло это проникло и въ семьи тѣхъ людей которые существуютъ только однимъ жалованьемъ. Жены ихъ также наряжаются по модѣ ради приличія; живутъ онѣ не по средствамъ, требуютъ, чтобы мужья нанимали имъ дачи и устраивали у себя въ домѣ вечера. Онѣ хотятъ видѣть, что дается въ театрахъ, желаютъ имѣть по нѣсколько шляпокъ и выѣздныхъ платьевъ. Жалованье мужа истрачивается обыкновенно до послѣдней копѣйки въ первый же день, а большей частію забирается и ранѣе. Если мужъ умретъ сегодня, то завтра дѣти и жена останутся нищими. Вмѣсто того, чтобы сберегать часть своего жалованья, безпечный отецъ семейства тратитъ его на то, чтобы быть «приличнымъ» въ глазахъ свѣта, а если и останется послѣ его смерти нѣсколько рублей, то, какъ водится, жена издержитъ ихъ всѣ чтобы сдѣлать ему «приличныя» похороны.

Ни одну женщину нельзя оправдать, если она дѣлаетъ себѣ наряды въ долгъ безъ вѣдома мужа; про такую женщину можно смѣло сказать, что ее одѣваетъ тотъ модный магазинъ, гдѣ она заказываетъ свои наряды.

Тяжело бываетъ подчасъ мужу, который долженъ изворачиваться, чтобы только угождать прихотямъ мотовкѣ женѣ; ужъ одно это должно охладить его сердце къ ней: онъ бьется, трудится и видитъ наконецъ, что всѣ его доходы истрачиваются на пустяки, на тряпки. Тогда жизнь домашняя дѣлается адомъ, между супругами возникаютъ постоянныя несогласія, а очень часто кончаются разрывомъ и за тѣмъ, слѣдуетъ окончательное раззореніе. Особенно быстро наступаетъ послѣднее, если оба, какъ мужъ, такъ и жена, — привыкли къ мотовству.

Допуская себѣ и женѣ дѣлать долги, онъ становится рабомъ кредиторовъ, не смѣя взглянуть имъ прямо въ глаза. Малѣйшій стукъ въ двери или раздавшійся звонокъ въ передней заставляетъ его вздрагивать при мысли, не принесли ли повѣстку отъ судебнаго пристава, требующаго уплаты долга. Если и дѣйствительно получена подобная повѣстка, а денегъ въ домѣ нѣтъ, то въ такомъ случаѣ мужъ начинаетъ увертываться, извинятся, придумывать разныя извиненія своей неаккуратности и принужденъ лгать, потому что ложь — спутникъ трабантъ долговъ.

Большое безуміе дѣлать долги по прихоти. Такъ многіе покупаютъ цѣнныя вещи, положительно не имѣя средствъ заплатить за ихъ; имъ уступаютъ съ предупредительностію все въ кредитъ на полгода и на цѣлый годъ. Трудно устоять противъ такого ускушенія! купцы любезно и краснорѣчиво убѣждаютъ ихъ и они поддаются наконецъ соблазну; у нихъ не достаетъ характера соображаться съ своими средствами, и они соглашаются жить, на время, на чужой счетъ.

Древніе римляне считали своими врагами домашнюю прислугу; въ настоящее же время модистки и содержатели блестящихъ магазиновъ положительно могутъ считаться тѣмъ же относительно всѣхъ насъ. Уступая свой товаръ въ кредитъ, предупредительно убѣждая дамъ покупать дорогіе наряды, они страшно искушаютъ ихъ. По милости ихъ, еслибъ нѣкоторыя женщины и желали

быть благоразумными, то онѣ невольно дѣлаютъ долги, а затѣмъ уже имъ присылаютъ невѣрные счеты. На каждый предметъ надбавляется цѣна и покупательница должна все платить сполна, потому что она забываетъ давно сдѣланный ею расходъ.

«Я желалъ бы отъ души, говоритъ профессоръ Ньюмэнъ, чтобы счетъ изъ лавокъ и магазиновъ признавался бы закономъ не дѣйствительнымъ, по крайней мѣрѣ по прошествіи извѣстнаго срока. Слѣдствіемъ этого закона было бы то, что никто изъ торговцевъ не сталъ бы отпускать въ кредитъ и цѣны на товары понизились бы до настоящей нормы, а также и то, что безчестная привычка должниковъ высшаго круга расплачиваться очень поздно, или вовсе не платить, не выгодно отражающаяся на бѣднѣйшихъ покупателяхъ, немедленно бы рушилась; купцы избавились бы отъ лишнихъ хлопотъ собиранія долговъ, а общество было бы въ выгодѣ.»

Въ словахъ: «И не введи насъ во искушеніе!» выражено великое знаніе человѣческой натуры. Мы смѣло можемъ сказать, что нѣтъ почти мужчины или женщины, которые могли-бы противостоять искушенію и соблазну; противостоять имъ можно только сильно выработаннымъ характерамъ. Женщина, раздумывающая пріобрѣсти ли ей въ долгъ желанную вещь или нѣтъ, уже очень близка къ погибели. Служащій, заглядывающійся на золото хозяина, рано или поздно, попытается воспользоваться имъ, потому что онъ, въ нравственномъ отношеніи, уже нарушилъ границу честности и дозволилъ въ умѣ своемъ зародиться мысли о возможности

овладѣть хозяйскими деньгами. Нѣсколько разъ, шевельнувшаяся въ нашей головѣ грѣшная мысль, незамѣтно привьется къ намъ. Первый шагъ къ безчестности это—дѣланье долговъ. Положительно все равно, кому мы должны: модисткѣ ли, мяснику или лавочнику, карточный ли это долгъ—долгъ всегда остается долгомъ.

Между тѣмъ долги, въ настоящее время, почти не считаются позоромъ. Нравы общества и привычки требуютъ отъ насъ, чтобы мы дѣлали иногда, даже помимо нашей воли, нѣкоторыя затраты, тогда какъ наши денежныя средства остаются тѣ же. Долги ростутъ и угнѣтаютъ человѣка, а между тѣмъ, ему почти невозможно отказаться отъ комфорта и привычекъ, съ которыми онъ почти сжился и сроднился. Вкоренившійся годами обычай дѣлать долги, безъ надежды на отдачу, подтачиваетъ нравственность общества, деморализируетъ его и подрываетъ благосостояніе всѣхъ вообще классовъ народонаселенія. Духъ чести падаетъ видимо и много еще пройдетъ времени, пока онъ возстановится.

Мы положительно должны бороться съ искушеніемъ дѣлать затраты на ненужные намъ предметы. Самое лучшее для этого средство — не пріобрѣтать ничего въ долгъ и не занимать денегъ; но если крайность вынудитъ человѣка прибѣгнуть къ чужой помощи, то слѣдуетъ стараться, какъ можно скорѣе избавиться отъ этого обстоятельства.

Когда человѣкъ въ долгу, онъ рабъ.

Тогда угрожаютъ со всѣхъ сторонъ непріятности въ видѣ физіономіи кредитора, неожиданно появляющагося въ дверяхъ со счетомъ въ рукѣ, повѣстки судебнаго

пристава, съ требованіемъ уплаты, разныхъ толковъ сосѣдей о нашемъ бѣдственномъ положеніи и безвыходности, словомъ, мы тогда находимся въ своемъ собственномъ домѣ, какъ въ тюрьмѣ. Извѣстно, что мотъ деморализуется мало-по-малу, затѣмъ онъ начинаетъ лгать и обманывать, вслѣдствіе чего всѣ начинаютъ смотрѣть на него съ презрѣніемъ.

Джонсонъ называетъ бережливость матерью свободы, а извѣстный Монтэнъ сказалъ, что онъ тогда только въ восторгѣ, когда уплачиваетъ какой-нибудь свой долгъ, потому что этимъ онъ снимаетъ лишнее бремя съ своихъ плечъ и перестаетъ дѣлаться рабомъ. Каждый честный человѣкъ долженъ стыдиться дѣлать долги, когда онъ напередъ знаетъ, что не въ состояніи будетъ заплатить ихъ, а также и жить въ кредитъ на чужой счетъ.

Такъ одинъ молодой графъ, изъ подражанія нѣкоторымъ молодымъ аристократамъ, впалъ въ большіе долги и сталъ уже занимать деньги подъ залогъ своего имѣнія. Отъ этого мотовства вылечилъ его одинъ дерзкій кредиторъ, который ежедневно осаждалъ его, настойчиво требуя уплаты ему по векселю денегъ. Молодой графъ рѣшился, наконецъ, побѣдить въ себѣ свою страсть къ мотовству и удовлетворилъ дерзкаго кредитора. Съ тѣхъ поръ началъ онъ дѣлать сбереженія, уплатилъ всѣ свои долги и совершенно перемѣнилъ образъ жизни.

Каждый изъ насъ долженъ смѣло смотрѣть въ глаза своимъ дѣламъ и вести подробный счетъ всѣмъ доходамъ и долгамъ, чтобы всегда знать, что у него есть.

Такъ долгъ всѣхъ мужей представлять женамъ картину своего положенія. Если жена благоразумна, то она, разумѣется, будетъ содѣйствовать мужу сохранить балансъ въ денежныхъ его дѣлахъ и бережливостью своей поможетъ ему освободиться отъ долговъ. Ни одна умная женщина не захочетъ задавать обѣды, балы и наряжаться на счетъ купцовъ и продавцевъ. Вообще необходимо знаніе ариѳметики для тѣхъ, кто желаетъ жить по своимъ средствамъ. Но большая часть женщинъ не любятъ эту науку, едва справляясь съ первыми четырьмя правилами. Гувернантки ихъ считаютъ ариѳметику совершенно лишнимъ предметомъ для дѣвицъ; совсѣмъ другое дѣло языки, музыка, живопись, грація. Положимъ, что всѣ эти предметы также нужны для образованія, но ариѳметика очень даже необходима для нашихъ барышень. Тогда онѣ научатся какъ свѣрять свои доходы и расходы, какъ рѣшать, сколько у нихъ выходитъ въ хозяйствѣ на одежду семьи, на столъ, на прислугу, какъ онѣ, наконецъ, будутъ выдавать жалованье своимъ людямъ и провѣрять счеты изъ магазиновъ? Незнаніе основныхъ правилъ ариѳметики большое горе для матери семейства. Отъ неумѣлости считать какъ слѣдуетъ, погибло уже не одно семейство.

Для примѣра возьмемъ любую супружескую чету. Молодежь большей частію женится или выходитъ замужъ не обдуманно, не размышляя. Молодой человѣкъ встрѣчаетъ на балѣ хорошенькое, миловидное личико, спѣшитъ пригласить эту красавицу танцовать, ухаживаетъ за нею впродолженіе всего бала и, пріѣхавъ домой, всю ночь бредитъ только о ней и видитъ ее во снѣ. Съ

каждымъ днемъ онъ влюбляется въ нее все болѣе, посѣщаетъ домъ ея родителей, узнаетъ, что онъ также любимъ, дѣлаетъ предложеніе и, наконецъ, женится. Хорошенькая молодая жена переселяется къ нему въ домъ. Они блаженствуютъ первое время, а ужъ затѣмъ настаетъ періодъ благоразумія. Все до сихъ поръ казалось мужу очаровательнымъ въ молодой женѣ. Но вотъ начинается для нихъ совсѣмъ другая жизнь; первый пылъ остылъ немного, домашній бытъ не балъ, не поэзія, а проза, и большей частію очень сухая даже проза, къ тому красивенькое личико жены начинаетъ мало-по-малу уже терять свою прелесть въ глазахъ мужа, который привыкъ видѣть ее каждый день передъ собою и часто въ очень даже не нарядномъ туалетѣ, озабоченную, недовольную... Много нужно времени молодымъ супругамъ для того, чтобы жизнь ихъ шла спокойно и нормальнымъ порядкомъ. Самое счастливое супружество не иначе достигаетъ своего полнаго счастія, какъ пройдя цѣлый рядъ недоразумѣній, мелкихъ столкновеній и даже маленькихъ ссоръ. Никто изъ супруговъ не умѣютъ стать сразу на принадлежащее каждому изъ нихъ мѣсто. Одна изъ счастливѣйшихъ женщинъ говорила, что первый годъ ея супружеской жизни былъ самый непріятный, такъ какъ ей приходилось учиться очень многому и постоянно боялась сдѣлать какой-нибудь промахъ, къ тому еще, первое время, она не умѣла приноровиться къ мужу. Но мягкія и любящія натуры очень легко свыкаются другъ съ другомъ и живутъ согласно.

Но не такъ было съ вышеназванными молодыми супругами. Молодые супруги эти вступили въ новую для нихъ жизнь не разсуждая, или, быть можетъ, съ очень преувеличенными надеждами на безконечное счастіе и блаженство. Оба они не подозрѣвали даже, что быть влюбленными вовсе не то, что быть мужемъ и женой, и никто изъ нихъ не допускалъ и мысли, что между ними могутъ происходить недоразумѣнія, размолвки. Наконецъ, молодыми супругами овладѣло разочарованіе; ласки и знаки нѣжнаго вниманія—все это миновало. Молоденькая жена сильно оскорбилась такой перемѣной и пробовала сдѣлать мужу сцену; за сценой послѣдовали слезы. Спустя нѣсколько времени послѣ того снова повторилась та же исторія и опять кончилась слезами. Ничто такъ не надоѣдаетъ мужьямъ, какъ слезы изъ-за пустяковъ; въ подобныхъ случаяхъ слезы вызываютъ не сочувствіе, а скорѣе отвращеніе; опять сцена, упреки, колкости, слезы и, наконецъ, они расходятся съ досадой; слезы—очень даже опасное оружіе: ими играть не слѣдуетъ. Вообще жены были бы гораздо счастливѣе, если бы вмѣсто слезъ дѣйствовали на мужей своихъ лаской и снисхожденіемъ. Много отравлено браковъ по милости женскихъ нервъ и вызванныхъ ими сценъ. Давая волю своимъ нервамъ, молодая жена мало-по-малу и незамѣтно портитъ свой характеръ,—и супружеское счастіе дѣлается въ такомъ случаѣ нравственной невозможностію.

Само собой разумѣется, что каждому пріятно имѣть жену острую, умную и высокообразованную; такія женщины очень обворожительны въ обществахъ; но никогда не могутъ внушить мужчинѣ такой глубокой и прочной

привязанности, какую внушаетъ женщина любящая, кроткая и съ ровнымъ, мягкимъ характеромъ. Но не смотря на это, какъ мало заботятся вообще родители о развитіи этихъ прекрасныхъ качествъ въ своихъ дѣтяхъ. Кто изъ насъ не встрѣчалъ въ числѣ своихъ знакомыхъ мужчинъ и женщинъ, къ которымъ даже страшно подойти—до того они придирчивы, раздражительны, желчны и строги ко всѣмъ и ко всему. Эта крайне непріятная сторона въ ихъ характерѣ образовалась именно вслѣдствіе того, что они не сдерживали себя, а давали полную свободу своимъ капризамъ.

Но возвратимся однако къ молодымъ супругамъ, о которыхъ мы говорили выше.

Поближе всмотрѣвшись въ миленькое существо, съумѣвшаго такъ сильно увлечь его, мужъ начинаетъ приходить къ тому убѣжденію, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, а какъ только домашній уголъ потеряетъ свою прелесть въ глазахъ молодого супруга, тогда онъ станетъ смотрѣть на него, какъ на скучный пансіонъ, и вы его уже домой не заманите. Вечера онъ проводитъ тогда въ клубѣ за картами или толкуетъ до поздней ночи о политикѣ, чаще посѣщаетъ театръ, а потомъ отправляется въ ресторанъ поужинать, а между тѣмъ хорошенькая жена сидитъ одна дома, плачетъ, тоскуетъ и жалуется на несчастіе.

Родится ребенокъ, затѣмъ другой, третій; ни отецъ, ни мать не умѣютъ ихъ воспитать какъ слѣдуетъ, не знаютъ даже, какъ ихъ вести. Пока дѣти малы, родители считаютъ ихъ игрушками, куклами, когда подростутъ,—и бременемъ, когда сдѣлаются большими. Въ

домѣ бывшихъ нѣжныхъ супруговъ водворяется теперь самая печальная и безотрадная жизнь; каждый дѣлаетъ все наперекоръ другому, а о любви ужъ нѣтъ и помину: съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе растетъ между супругами взаимная антипатія.

Не смотря на то, что есть поговорка: «бѣдность въ дверь, а любовь въ окно,» любовь чаще свиваетъ себѣ гнѣздо въ домѣ бѣдняковъ, чѣмъ въ роскошныхъ дворцахъ, гдѣ люди безсердечны, холодны. Домъ молодыхъ богатыхъ супруговъ на видъ очень красивъ, мебель въ немъ модная, изящная, мягкая; всѣ комнаты убраны съ большимъ вкусомъ, вездѣ чистота, безукоризненная опрятность, столъ всегда вкусный; но вамъ здѣсь не уютно, вы тяготитесь и скучаете, потому что вы видите только недовольныя и надутыя физіономіи. Матеріальныя неудобства составляютъ самую незначительную частицу счастья въ той семьѣ, которая живетъ согласно; въ сущности болѣе всего необходимы нравственныя и добрыя отношенія, а также и взаимная уступчивость.

Молодые люди рѣдко вникаютъ въ серьезный смыслъ словъ: *ухаживать*, *жениться*. Большею частію, они забываютъ, что, давши однажды клятву передъ алтаремъ, нельзя ужъ вернуться назадъ. Если человѣкъ совершилъ ошибку, женившись неудачно, то послѣдствія такого брака обнаружатся очень скоро. Всѣмъ извѣстна поговорка: «бракъ—лотерея.» Поговорка эта примѣнима только для тѣхъ, кто женится необдуманно, не размышляя; ежели мы выбираемъ себѣ жену также равнодушно, какъ нанимаемъ прислугу, которую можемъ отпустить на слѣдующій же день, если она намъ не понра-

вится; ежели мы прельстились только ея красотой или состояніемъ, обѣщающее намъ такъ много въ будущемъ, то въ такихъ случаяхъ, бракъ настоящая лотерея, въ которой вамъ, быть можетъ, достанется главный выигрышъ; но такъ какъ изо ста билетовъ выигрываетъ лишь только одинъ, то навѣрно вы выдернете пустой билетъ.

Въ сущности же бракъ не долженъ быть лотереей. Еслибъ дѣвицъ пріучали съ молодыхъ лѣтъ здраво глядѣть на любовь, объясняли имъ, какими необходимыми качествами долженъ обладать добрый мужъ, и не позволяли имъ вычитывать изъ чувствительныхъ романовъ понятія о брачныхъ отношеніяхъ; если бы молодымъ людямъ въ свою очередь, внушали, что въ женѣ нужно искать не одну лишь красоту и богатство, а основательность и кротость; если-бы въ нихъ старались развить честный взглядъ на отношенія къ женщинамъ вообще, то тогда бракъ ни въ какомъ случаѣ не былъ бы лотереей и молодые люди женились бы благоразумно и осмотрительно.

Но самое главное, что весьма необходимо—это имѣть настолько характера, чтобы сказать себѣ «нѣтъ» въ тотъ моментъ, когда нами овладѣваетъ искушеніе. Но большая рѣдкость встрѣтить человѣка, у котораго хватало бы мужества произнести фразу: «нѣтъ, я не поддамся!» Большинство же людей никакъ не могутъ устоять противъ искушенія. «Отчего бы и не повеселиться намъ?» думаютъ они, и предаются всецѣло тому, что имъ нравится, не разсуждая о послѣдствіяхъ. Исходъ всему этому — долги, подлоги и окончательное раззореніе. Бѣдной жертвѣ своихъ слабостей уже заранѣе извѣстенъ приговоръ людей: «онъ жилъ не по средствамъ,» скажутъ въ одинъ голосъ тѣ самые люди, которыхъ онъ кормилъ и поилъ, и всѣ они равнодушно отвернутся отъ него.

Необходимо нужно говорить смѣло во время: «нѣтъ.» Мы чаще всего губимъ себя сами изъ-за недостатка силы воли и слѣпаго подчиненія общепринятымъ условіямъ свѣта, какъ и его понятіямъ о чести. Человѣкъ, вызванный на дуэль, ни за что не рѣшится сказать «нѣтъ,» потому что его за это назовутъ подлецомъ; молодая дѣвушка почти никогда не осмѣлится произнести слово «нѣтъ,» когда какой-нибудь богатый идіотъ предложитъ ей руку, потому что эта партія единогласно признана всей семьей за блестящую; у придворнаго не повернется даже и языкъ сказать «нѣтъ:» онъ долженъ соглашаться на все, и при этомъ еще улыбаться.

Да, повторяемъ, великая добродѣтель рѣшиться сказать во время: «нѣтъ!»

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Парализація ума отъ неправильнаго образа жизни.

(Смайльсъ, Тайлоръ и Гладстонъ).

Нарушеніе законовъ гигіены, говоритъ Соутуудъ Смитъ, вредно вліяетъ не только на отдѣльныхъ личностей, но и на цѣлое общество. Стоитъ только запустить мѣста, населенныя людьми, не чистить улицъ, не осушать болотныхъ низменностей, не устраивать водостоковъ, и воздухъ наполнится міазмами; если, сверхъ всего этого, массы людей, не разбирая пола и возраста скучены въ сырыхъ и темныхъ подвалахъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что холера, горячка или чума свиваютъ себѣ гнѣздо въ этихъ страшныхъ пріютахъ и уносятъ тысячи жертвъ.

Всѣ подобныя бѣдствія происходятъ отъ небрежности и неряшества людей, отъ нежеланія ихъ соблюдать вокругъ себя чистоту и порядокъ.

Атмосфера быстро отравляется тамъ, гдѣ живутъ нѣсколько человѣкъ въ тѣсномъ помѣщеніи, а потому въ такихъ мѣстахъ необходимо освѣжать воздухъ какъ

можно чаще. Отсутствіе вентиляціи производитъ накопленіе углекислаго газа, того самаго газа, который выдыхается человѣкомъ; возвращаясь же въ наши легкія, газъ этотъ въ высшей степени вредно вліяетъ на весь организмъ. Вотъ потому для насъ и необходимъ чистый свѣжій воздухъ; недостатокъ пищи далеко не такъ вреденъ для насъ, какъ недостатокъ свѣжаго воздуха. Для человѣка четырнадцатилѣтняго возраста необходимо пространство, заключающее въ себѣ не менѣе 600 кубическихъ футъ чистаго воздуха, для того, чтобы дыханіе его было свободно. Если комната, въ которой онъ спитъ занимаетъ меньшее пространство, то это неизбѣжно отзовется на всемъ его организмѣ.

Мышь, посаженная подъ стеклянный колпакъ, начинаетъ медленно околѣвать отъ вдыханія углекислаго газа, который выдѣляется изъ ея легкихъ; если запереть человѣка въ тѣсную каморку, то онъ умретъ отъ той же самой причины.

Въ Калькуттѣ англійскіе солдаты вымерли отъ недостатка свѣжаго воздуха; большинство дѣтей умираетъ ранѣе пятилѣтняго возраста въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣется чрезмѣрное количество фабрикъ или заводовъ, отъ слишкомъ недостаточнаго притока свѣжаго воздуха. Гумбольдъ описываетъ случай съ матросомъ, который, лежа въ тѣсномъ трюмѣ корабля, умиралъ отъ лихорадки; товарищи, желая дать ему возможность умереть на чистомъ воздухѣ, вынесли его на палубу; но вмѣсто того, чтобы умереть, матросъ ожилъ и выздоровѣлъ: его вылѣчилъ чистый воздухъ.

Вредъ вдыханія нечистаго воздуха не вполнѣ развив-

шимися молодыми людьми чаще всего проявляется въ видѣ лихорадки.

Самая тяжелая подать, продолжаетъ Смитъ, есть подать вслѣдствіе лихорадки. По статистическимъ даннымъ извѣстно, что въ Ливерпулѣ каждый годъ заболѣваетъ отъ этой болѣзни около семи тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ умираетъ до пятисотъ. Большею частью эпидемія поражаетъ молодыхъ людей отъ двадцати до тридцати-лѣтняго возраста. Умирая, молодые мужья оставляютъ на рукахъ городскихъ обывателей своихъ женъ и дѣтей, отчего мануфактурнымъ городамъ приходится содержать на свой счетъ громадное число осиротѣвшихъ семействъ.

Здоровье — это капиталъ. И дѣйствительно какую имѣетъ цѣну богатство безъ здоровья. Каждый человѣкъ, какимъ бы онъ не жилъ трудомъ, умственнымъ или физическимъ, долженъ считать здоровье самымъ драгоцѣннымъ благомъ, безъ котораго и жизнь въ тягость. Организмъ человѣка устроенъ такимъ образомъ, что всякое правильное физическое отправленіе доставляетъ намъ удовольствіе. Къ этой цѣли чрезвычайно приспособлены всѣ наши пять чувствъ.

Мы можемъ наслаждаться зрѣніемъ, слухомъ, вкусомъ, осязаніемъ и обоняніемъ, а потому для человѣка составляетъ высшее наслажденіе ощущеніе, что всѣ упомянутые органы здоровы и правильно дѣлаютъ свое дѣло. Общее благосостояніе всего организма располагаетъ человѣка къ веселью. Чѣмъ болѣе человѣкъ чувствуетъ себя счастливымъ, тѣмъ продолжительнѣе его

жизнь, и наоборотъ, чѣмъ болѣе страданій, тѣмъ преждевременнѣе смерть.

Изъ этого слѣдуетъ заключить, что счастіе есть продуктъ здоровья, а потому каждый человѣкъ долженъ стараться, чтобы физическія разстройства были не болѣе какъ исключительными явленіями.

Болѣзнь, по настоящему, не есть зло, а скорѣе счастливое предупрежденіе, напоминающее человѣку, что онъ нарушилъ какое нибудь правило гигіены, не подчинялся условіямъ, необходимымъ для нашего организма. Боль постоянно твердитъ намъ: не забывай законовъ природы и подчиняйся имъ, если хочешь сохранить свое счастливое расположеніе духа.

И такъ, для физическихъ наслажденій мы должны строго подчиняться законамъ природы, а для того, чтобы не отступать отъ нихъ, у насъ есть регуляторъ—разумъ. Если мы не разумно относимся къ правиламъ гигіены, то результатомъ нашего легкомыслія являются болѣзни и страданія.

Человѣкъ, нарушающій законы природы относительно себя, подвергается соотвѣтственнымъ тому послѣдствіямъ. Если онъ лѣнится или объѣдается, тотчасъ же является наказаніе въ видѣ подагры, дурнаго пищеваренія, или же паралича. Если онъ чрезмѣрно пьетъ, лицо его багровѣетъ, руки и ноги трясутся, аппетитъ исчезаетъ, весь организмъ разрушается и появляются недуги, которымъ подвержены всѣ пьяницы.

Благодаря различнымъ болѣзнямъ, порождающимся отъ чрезмѣрнаго количества фабрикъ и заводовъ, по изслѣдованіямъ доктора Плейфера, въ одномъ графствѣ

Линкольнширѣй, убытокъ простирается до пяти милліоновъ стерлинговъ. Но это только одна денежная, матеріальная потеря; нравственность же мѣстнаго населенія этого графства еще болѣе страдаетъ отъ подобныхъ причинъ.

Куда дѣвались пастухи и пастушки, которыхъ такъ усердно воспѣвали поэты прошлаго столѣтія? Современные Дафнисы и Хлои поселились въ крошечныхъ хижинахъ съ глиняными полами и могутъ издерживать на свое существованіе не болѣе 12 — 15 шиллинговъ въ недѣлю.

До начала эпохи желѣзныхъ дорогъ и реформъ въ санитарной части, люди не переставали вѣрить въ существованіе Аркадіи съ ея идиллическими героями и героинями. Но статистическія свѣдѣнія и отчеты обнаружили горькую истину.

Въ настоящее время земледѣльцы - рабочіе, вмѣсто хорошенькихъ хижинъ или приличныхъ домиковъ, населяютъ убогія лачуги, занимающія до того малое пространство, что чистота и порядокъ въ нихъ немыслимы. Огромныя семейства занимаютъ не болѣе двухъ комнатъ, а иногда и одной. Въ первомъ случаѣ, въ общей комнатѣ, кромѣ жителей дома, помѣщаются кухонныя принадлежности: чаны, бочки, корыта и всякая домашняя утварь, а также и земледѣльческія орудія, часто даже грязное бѣлье и платье. Въ спальнѣ спятъ родители вмѣстѣ съ дѣтьми, мальчиками и дѣвочками безъ различія пола; часто тутъ же ночуетъ и постоялецъ-рабочій. Въ помѣщеніяхъ этихъ обыкновенно нѣтъ оконъ, а освѣщаются онѣ люкомъ въ дурно оштукатуренномъ потолкѣ, отчего спящіе, конечно, подвергаются всевозможнымъ превратностямъ погоды. Отецъ такой семьи, страдая отъ неудобствъ домашней жизни, ищетъ развлеченія въ пивной лавкѣ, а дѣти растутъ безъ всякаго присмотра. Но бѣдственнѣе всѣхъ положеніе несчастныхъ женъ и дочерей.

Англійскія газеты, говоритъ Смайльсъ, рѣдко упоминаютъ о бытѣ и положеніи сельскаго населенія, такъ какъ представители прессы едва ли имѣютъ время заглянуть когда-либо въ отдаленныя отъ столицы деревни. А между тѣмъ намъ ни разъ приходилось читать на столбцахъ этихъ газетъ, что такія-то и такія деревни были разрушены до основанія и снесены, съ цѣлью предупредить зло, такъ какъ онѣ могли сдѣлаться разсадникомъ нищихъ-оборванцевъ.

Одинъ изъ членовъ парламента, ни сколько не стѣсняясь, объявилъ публично въ комитетѣ парламента, что по его приказанію снесено отъ двадцати до тридцати грязныхъ котеджей, прибавивъ, что безъ этой мѣры, они сдѣлались бы пріютомъ для столькихъ же семействъ, Куда же дѣвались изгнанные обитатели этихъ котеджей? Одни изъ нихъ нахлынули въ оставленные чистые котеджи, хозяева которыхъ приняли ихъ изъ милости, другіе пошли въ рабочіе дома, но большая ихъ часть переселилась въ города, съ цѣлью найти тамъ работу для себя и для дѣтей своихъ.

Фабричные города Англіи, продолжаетъ Смайльсъ, далеко не отличаются опрятностью улицъ и домовъ и здоровой атмосферой. Но несчастные жители деревень даже эти вопіющія неудобства предпочитаютъ своему горемычному положенію въ деревняхъ, и вотъ причина

страшнаго, ежегодно увеличивающагося наплыва сельскаго населенія въ фабричные города. Всѣ эти люди ищутъ себѣ угла и работы. Подобная картина очень краснорѣчиво говоритъ вамъ, каковъ бытъ нашего пресловутаго поселянина—гордости страны.

Интелектуальное развитіе земледѣльцевъ Англіи находится, повидимому, на одной ступени съ ихъ матеріальнымъ и нравственнымъ положеніемъ. Населеніе западныхъ графствъ страны по образованію своему стоятъ ни сколько не выше бѣдняковъ Истъ-Энда въ Лондонѣ.

Изъ епархіальнаго отчета графства Герфордъ видно, что въ сельскихъ приходахъ до сихъ поръ сохранились многіе суевѣрные обычаи страны. Такъ крестьяне вѣрятъ въ то, что существуютъ легкіе и тяжелые дни; въ ихъ глазахъ также большое имѣютъ значеніе полнолуніе и ущербъ луны; въ первый ея физисъ должно принимать извѣстное лекарство, а во второй — бить свиней; надъ многими дверями крестьянскихъ домовъ вы увидите вѣтви, положенныя крестъ на-крестъ, и избави Богъ васъ измѣнить ихъ положеніе; на порогѣ каждой конюшни непремѣнно вбита подкова. Деревенскіе жители еще теперь слѣпо вѣрятъ въ силу колдовства. Пожертвованіе на церковь кольца, выпиленнаго изъ шилинга, считается ими лучшимъ лекарствомъ отъ припадковъ; снурокъ свитый изъ шерсти, выщипанной со спины осла, и надѣтый на шею ребенка, предохраняетъ его отъ конвульсій; опухоль на шеѣ излечивается приложеніемъ руки мертваго человѣка къ затылку больнаго. Дурной глазъ — пугало дикихъ племенъ—внушаетъ и до настоящаго времени ужасъ англійскому простому народу; вслучаѣ внезапной смерти кого-либо, найдутся тотчасъ же очевидцы, увѣряющіе, что они сами видѣли, какъ за нимъ приходила смерть или что видѣли покойнаго въ формѣ призрака. Кромѣ того, существуетъ обычай сообщать пчеламъ въ ульяхъ о смерти кого либо изъ домашнихъ, вслѣдствіе того, что рой улетитъ отъ своихъ хозяевъ, если тѣ скроютъ отъ нихъ о случившемся.

Очень не изящно, но довольно справедливо выразился на этотъ счетъ Сидней Смитъ; онъ сказалъ, что каждый народъ, даже и тотъ, который впослѣдствіи сдѣлался самымъ образованнымъ, велъ свинскую жизнь, и если бы тогда существовали отчеты о санитарномъ положеніи народа, то мы навѣрно составили бы себѣ противоположное понятіе о древнихъ пастушка́хъ и пастушкахъ, воспѣтыхъ поэтами. Рабочіе механики настоящаго времени живутъ теперь несравненно удобнѣе, чѣмъ зажиточные помѣщики саксонскаго и нормандскаго періодовъ, и, говоря откровенно, какъ бы ни было плачевно положеніе нашего земледѣльческаго класса въ настоящее время, условія жизни ихъ предковъ были еще печальнѣе.

Чтобы поставить человѣка хоть на одну ступень выше животнаго, его прежде всего необходимо помѣстить въ здоровомъ жилищѣ.

Первая и самая главная школа для человѣка — это семья; здѣсь дѣти живутъ въ средѣ взрослыхъ и подчиняются вліянію, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ примѣровъ; хорошее и дурное воспитаніе ихъ зависитъ уже

отъ ихъ родителей. Мужчины цивилизуются и гуманизируются болѣе всего домашнею жизнью; домашняя среда имѣетъ что-то чистое, высокоторжественное въ своемъ значеніи; если она хороша—ея вредное вліяніе непременно отразится на всей семьѣ.

Школа, въ сущности, очень мало способствуетъ образованію характера дитяти. Ребенокъ воспитывается дома подъ впечатлѣніемъ примѣровъ отца, матери, братьевъ, сестеръ и знакомыхъ дѣтей. Какъ бы ни была усовершенствована система обученія той школы, въ которой дитя воспитуется, но если ребенку ежедневно приходится вращаться въ семьѣ, гдѣ царствуютъ порокъ, безобразіе и невѣжество, его школьное воспитаніе, каково бы оно ни было, не принесетъ хорошихъ плодовъ. Какъ характеръ, такъ и направленіе дитяти—ничто иное, какъ результаты домашняго воспитанія, и если послѣднее разлагающаго свойства, то интелектуальное развитіе, пріобрѣтаемое ребенкомъ въ школѣ, очень часто служитъ ему во вредъ.

Домъ не слѣдуетъ считать только мѣстомъ ѣды и спанья, а убѣжищемъ, въ которомъ человѣкъ можетъ наслаждаться спокойствіемъ, комфортомъ и скромными семейными развлеченіями, которыя развиваютъ въ немъ чувство уваженія къ самому себѣ. Три четверти мелкихъ грѣшковъ, постепенно деморализирующихъ общество и со временемъ переходящихъ въ преступленія, могли бы показаться постыднымъ дѣломъ для человѣка, который выросъ въ понятіяхъ о самоуваженіи. Но чтобы благотворно повлiять на всѣхъ членовъ семьи, а въ особенности на подростающихъ дѣтей, домашній очагъ

непремѣнно долженъ отличаться удобнымъ помѣщеніемъ, чистотой, порядкомъ, духомъ согласья всей семьи и образовательными началами.

Для всего этого непремѣнно надо, чтобы во главѣ стояла умная, трудолюбивая, хорошо образованная и воспитанная женщина. Отъ женщины зависитъ такъ много, что мы имѣемъ полное право приписывать счастіе или несчастіе семейства исключительно женщинѣ. Ни одна нація не можетъ подвинуться ни на одинъ шагъ на пути прогресса, иначе, какъ путемъ домашняго развитія. Люди сами должны умѣть устраивать себѣ хорошій домашній бытъ, въ противномъ случаѣ ихъ должно научить, какъ поступать, чтобы достигнуть этого.

Во первыхъ, женщина непремѣнно должна быть подготовлена съ дѣтства къ реальной жизни и къ обязанностямъ жены, матери и хозяйки. А между тѣмъ во всѣхъ, даже въ самыхъ высшихъ слояхъ общества, дѣвушки въ другомъ родѣ воспитуются. Дочь рабочаго ходитъ на фабрику; въ семьѣ людей со средствами ее помѣщаютъ въ модный пансіонъ, въ которомъ она получаетъ однѣ только верхушки образованія; вотъ изъ среды такихъ-то дѣвушекъ, почти дѣтей по развитію, мужчинамъ приходится выбирать себѣ женъ и будущихъ матерей.

При женитьбѣ, мужчина не обращаетъ особеннаго вниманія на умственное развитіе избранной имъ женщины, на ея образованіе и способность къ труду, а только впослѣдствіи начинаетъ придавать всѣмъ этимъ качествамъ цѣну, а именно тогда, когда домашняя

жизнь по своей простотѣ и пошлости, становится для его положительно невыносимою. Достаточно пары красивыхъ глазъ, свѣжаго личика и стройной таліи, чтобы мужчина влюбился; онъ и не подумаетъ узнать, способенъ ли его прелестный идеалъ починить рубашку или приготовить пудингъ, между тѣмъ, какъ всякій, самый восторженный супругъ неизбѣжно долженъ опуститься съ облаковъ любви и горько убѣдиться въ истиннѣ, что трудолюбивыя руки несравненно дороже выразительныхъ глазокъ. Горе несчастному супругу, а еще болѣе несчастной женѣ, если она, при красотѣ своей, лѣнива и дурная хозяйка. Лишь только домашній бытъ утратитъ въ глазахъ мужа свою прелесть, домашній очагъ становится ему противенъ, у него является пренебреженіе къ женѣ, не смотря на ея наружную красоту; клубъ и трактиръ тотчасъ же ставятъ каменную стѣну между двумя существами, которыхъ соединили церковь и законъ.

Въ большинствѣ случаевъ мужчины большіе невѣжды относительно веденія домашняго хозяйства. Если бы они подумали о важности этого дѣла супружеской жизни, то навѣрно не бросились бы очертя голову на скользкій путь женитьбы. Неопытныя мужья избираютъ себѣ неопытныхъ женъ и разводятъ себѣ семейства, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, какимъ образомъ приготовлять изъ своихъ дѣтей будущихъ раціональныхъ хозяевъ и полезныхъ членовъ общества. Домашній очагъ уже перестаетъ быть отраднымъ семейнымъ пріютомъ и превращается нѣкоторымъ образомъ въ пансіонъ со столомъ и ночлегомъ, который при всемъ томъ не во всѣхъ еще отношеніяхъ удобный.

Здѣсь мы говоримъ не объ однѣхъ только бѣдныхъ семействахъ рабочаго населенія, но также и о мастеровыхъ главныхъ фабричныхъ англійскихъ городовъ, которыхъ трудъ больше всѣхъ остальныхъ вознаграждается. Эти люди зарабатываютъ иногда около трехъ франковъ въ недѣлю—среднимъ числомъ болѣе; чѣмъ получаютъ священники и клерки банкирскихъ конторъ—и что же? Почти вся эта сумма пропивается ими на пивѣ, а только самая скромная цифра—полкроны въ недѣлю—отдѣляется на наемъ квартиры для себя и своего семейства. Какого же результата слѣдуетъ ожидать отъ всего этого? Страдаютъ сами отцы семействъ, ихъ жены и ихъ дѣти. Забившись въ грязный переулокъ, семейство поселится въ какомъ-нибудь темномъ и сыромъ подвалѣ или на чердакѣ, гдѣ и начинается постепенное нравственное и физическое разложеніе всѣхъ ея членовъ. Обыкновенно кончается тѣмъ, что семья мало по малу вымираетъ. Поставьте въ подобное положеніе мудрѣйшаго изъ философовъ, и онъ непремѣнно развратится и дойдетъ до степени скота.

Копить деньги не для того, чтобы нанять себѣ хорошую, сухую квартиру, не есть экономія, а скорѣе убытокъ. Частыя болѣзни трудящагося человѣка, происходящіяся отъ сырой и душной квартиры, дѣлаютъ остановки въ его трудѣ и задерживаютъ его взносы въ сберегательные банки или благотворительныя кассы; мало по малу онъ раззоряется и наконецъ попадаетъ въ списокъ приходскихъ нищихъ.

Люди высшаго и средняго сословій страдаютъ отъ отсутствія удобныхъ, здоровыхъ помѣщеній еще гораздо меньше, чѣмъ несчастный классъ рабочихъ. Мы нисколько не преувеличиваемъ, говоря, что половина расходовъ филонтропическихъ обществъ въ большихъ городахъ Англіи, идетъ на поправленіе печальныхъ послѣдствій отъ дурныхъ, неудобныхъ помѣщеній.

Но есть еще одно страшное зло, порождаемое тѣми же причинами. У людей, проводящихъ всю свою жизнь въ темныхъ и сырыхъ подвалахъ, быстро разрушаются силы и тогда они ищутъ подкрѣпленія въ водкѣ и пивѣ. Однажды м-ръ Чедуикъ началъ выговаривать одному повидимому, довольно благоразумному рабочему, что тотъ тратитъ половину заработанныхъ денегъ на водку. Рабочій отвѣтилъ ему на это: «попробуйте, сэръ, пожить тамъ, гдѣ я живу, и вы начнете пить столько-же, какъ и я.»

Быть можетъ, намъ возразятъ на это, что рабочіе вынуждены волей неволей брать то, что есть и платить за самыя отвратительныя квартиры такую цѣну, какую съ нихъ потребуютъ; но качество предметовъ потребленія находится въ зависимости отъ количества потребителей, а потому если въ Англіи такъ много дешевыхъ, хотя вредныхъ и сырыхъ квартиръ, то, значитъ, на нихъ является большое требованіе. Если-бы рабочіе избѣгали грязныхъ кварталовъ и старались пріискать себѣ чистыя и здоровыя помѣщенія, то домовладѣльцы, по необходимости, заботились бы объ улучшеніи своихъ домовъ и строили бы ихъ съ большими удобствами. А потому, средство противъ сказаннаго зла находится

въ рукахъ самихъ же рабочихъ; стоитъ только имъ возвысить свои требованія относительно качества квартиръ, и реформа въ этомъ дѣлѣ совершится сама собою.

Постройка здороваго жилища малымъ обойдется дороже постройки нездороваго; принимая это въ соображеніе, строитель непремѣнно долженъ обратить вниманіе на санитарныя условія. Какъ въ одномъ, такъ и другомъ случаѣ мѣста подъ постройку зданія потребуются не больше, ни меньше; количество кирпичей и извести израсходуется одно и тоже; чистый воздухъ стоитъ не дороже спертаго, а солнечный свѣтъ отпускается безплатно.

Здоровое помѣщеніе, при бережливой хозяйкѣ, можетъ превратиться въ пріютъ истиннаго счастія, отрадной картиной семейнаго благополучія, убѣжищемъ отъ бурь житейскихъ, отдыхомъ послѣ трудовъ, утѣшеніемъ въ горѣ и радостью въ каждую минуту жизни, особенно, если къ удобствамъ помѣщенія присоединятся милые звуки голосовъ жены, дѣтей и друзей.

Въ послѣднее время, сильно начали заботиться о распространеніи гигіеническихъ познаній. Наука о гигіенѣ самая простая, несложная наука. Если она получила теперь такое важное значеніе, что на нее обращено вниманіе парламента, то мы обязаны этимъ не медицинскому факультету, а простому адвокату.

Современники Эдвина Чедуика еще не оцѣнили его по достоинству. Не смотря на то, что онъ былъ одинъ изъ самыхъ неутомимыхъ и полезныхъ дѣятелей нынѣшняго столѣтія и сильно вліялъ на законодательство

своего времени, его имя несравненно менѣе извѣстно, чѣмъ имена многихъ ораторовъ парламента четвертой степени.

Съ ранней своей молодости м-ръ Чедуикъ всецѣло посвятилъ себя сужденію одной идеи. Великое дѣло— имѣть въ жизни цѣль, въ особенности, когда осуществленіе этой цѣли можетъ быть благотворно! Идея Эдвина Чудуика не была новая, но такъ какъ за осуществленіемъ ея взялся человѣкъ серьезный, энергичный и до невѣроятія трудолюбивый, то не подлежало никакому сомнѣнію, что она принесетъ человѣчеству практическую пользу. Этой идеей, этой цѣлью движенія реформы въ санитарномъ усовершенствованіи быта рабочаго класса—была гигіена.

Правительственный секретарь м-ръ Марганъ, читая свой докладъ комитету парламента, заявилъ, что если бы въ бытѣ среднихъ классовъ и были сдѣланы нѣкоторыя улучшенія, то смертность между ними все-таки не уменьшилась бы.

Это мнѣніе было радикально противоположно идеѣ нашего студента, и онъ задался мыслію доказать фактами всю его несостоятельность.

Эдинъ Чедуикъ сталъ рыться въ статистическихъ документахъ и книгахъ, изучилъ синюю книгу, таблицы смертности, таблицы населенія и, выбравшись изъ хаоса цифръ и фактовъ, отысканныхъ имъ въ самыхъ сокровенныхъ источникахъ, составилъ краткую, но ясную выдержку изъ этихъ данныхъ, въ которой и провелъ свою блестящую мысль.

Результатъ его изслѣдованій былъ напечатанъ въ

Уэстминстерскомъ Обозрѣніи 1828 года. Опираясь на цѣлую серію фактовъ и аргументовъ, Чедуикъ доказалъ, что обстановка непремѣнно должна имѣть вліяніе на здоровье людей; что съ улучшеніемъ обстановки должно улучшаться и здоровье; что многія болѣзни и неблагопріятныя для жизни условія зависятъ отъ самого человѣка и могутъ быть имъ же и устранены; что прививаніе оспы, уменьшеніе пьянства во всѣхъ слояхъ общества, привычка къ чистотѣ, усовершенствованіе медицины, улучшеніе постройки домовъ и осущеніе улицъ,—все это, какъ доказано опытами медицины и людской практикой, всегда способствовало долговѣчности жизни.

Въ подтвержденіе всего сказаннаго м-ръ Чедуикъ приводитъ нѣсколько фактовъ, взятыхъ имъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ.

Словомъ, онъ совершенно опровергаетъ докладъ м-ра Моргана.

Благодаря изслѣдованіямъ м-ра Чедуика, люди высшаго сословія и со средствами стали обращать болѣе вниманія на гигіену; но до Эдвина Чедуика, никто не касался этого вопроса.

Другая его статья, напечатанная въ 1829 году, въ Лондонскомъ Обозрѣніи, о „*Предупредительной Полиціи*,“ съ энтузіазмомъ была прочитана Іеремiей Бентамомъ, которому тогда было уже 82 года; Бентамъ поспѣшилъ познакомиться съ авторомъ этой статьи. Результатомъ знакомства этихъ двухъ ученыхъ была неразрывная ихъ дружба, которая продолжалась до самой смерти философа, въ 1832 г. Бентамъ непремѣнно хо-

тѣлъ воспользоваться всѣмъ временемъ своего молодого друга и работать вмѣстѣ съ нимъ надъ составленіемъ административнаго кодекса. Въ виду того старикъ обѣщалъ даже обезпечить м-ра Чедуика на всю жизнь но съ условіемъ, чтобы тотъ исключительно посвятилъ себя его дѣлу; однако, это предложеніе было отвергнуто.

Окончивъ курсъ законовѣдѣнія, Чедуикъ, въ ноябрѣ 1830 г., получилъ званіе адвоката. Съ этой минуты онъ принялся за изученіе гражданскаго права, продолжая, впрочемъ, помѣщать свои статьи въ Уэстминстерскомъ Обозрѣніи. Въ 1832 г. онъ былъ назначенъ въ коммиссію, вмѣстѣ съ докторомъ Сеутуудомъ Смитомъ и м-мъ Тукомъ, для разработки вопроса о фабричномъ трудѣ.

Такимъ образомъ Чедуику представился случай еще разъ провести идеи объ улучшеніи санитарныхъ условій жизни въ отчетѣ коммиссіи, гдѣ было сказано, что «недостаточность дренажа, вентиляціи и снабженія водой въ фабричныхъ зданіяхъ является основной причиной различныхъ болѣзней и физическаго разслабленія рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сокращенія жизни фабричнаго населенія.»

Въ томъ же самомъ году кабинетъ лорда Грея назначилъ весьма важную по своему значенію коммиссію для провѣрки примѣненія къ дѣлу *закона о бѣдныхъ* въ Англіи и въ княжествѣ Валлійскомъ.

Чедуикъ былъ назначенъ членомъ и этой коммиссіи; ему при этомъ поручили произвести дознаніе въ лондонскомъ и беркшэйрскомъ округахъ.

Его отчетъ, напечатанный въ слѣдующемъ затѣмъ году, можетъ служить достойнымъ образцомъ отчетовъ подобнаго рода. Множество новыхъ сообщеній, превосходно сгруппированныхъ и распредѣленныхъ, были изложены имъ съ такою ясностью и подкрѣплены такъ кстати подобранными фактами, что, казалось, вы слышите слова самыхъ свидѣтелей. Этотъ отчетъ былъ прочитанъ съ живѣйшимъ интересомъ даже людьми чувствовавшими совершенное отвращеніе ко всѣмъ статистическимъ изслѣдованіямъ.

Эдвинъ Чедуикъ оказался мастеромъ своего дѣла, вскорѣ по обнародованіи отчета, онъ, членъ-помощника коммиссіи, былъ назначенъ однимъ изъ главныхъ ея начальниковъ; тогда онъ ревностно принялся, вмѣстѣ съ м-омъ Сеніоромъ, трудиться надъ составленіемъ общаго отчета коммиссіи, который былъ представленъ палатѣ депутатовъ въ 1834 г., а также и надъ извѣстнымъ актомъ *«Объ измѣненномъ законѣ о бѣдныхъ,»* прошедшемъ въ томъ же году въ парламентѣ. Въ законѣ этомъ многое взято изъ свѣдѣній, доставленныхъ коммиссіей.

Можно смѣло сказать, не опасаясь противорѣчій, что этотъ законъ былъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ между всѣми, изданными въ Англіи въ послѣднее время: но не смотря на это, онъ долго еще по своемъ обнародованіи считался самымъ непопулярнымъ.

Тѣмъ не менѣе Эдвинъ Чедуикъ, ни на минуту не терявшій вѣры въ справедливость принциповъ, на которыхъ этотъ законъ основанъ, съ похвальной энергіей и неутомимостью старался ввести его.

«Сдѣлаться популярнымъ не трудно, замѣтилъ кто-то, но чтобы поддержать непопулярную, хотя и справедливую мысль, надо имѣть очень много мужества гражданина.»

М-ръ Чедуикъ обладалъ этимъ мужествомъ и смѣло отстаивалъ законъ, который онъ считалъ справедливымъ, зная притомъ, что онъ далеко непопуляренъ.

Роясь въ кипахъ актовъ и документовъ, необходимыхъ при разработкѣ «Закона о бѣдныхъ,» м-ръ Чедуикъ ни на минуту не упускалъ изъ виду любимой своей идеи объ улучшении гигіеническихъ условій жизни. Всѣ его отчеты проникнуты этой идеей. Короткое знакомство съ жизнью рабочаго населенія и всѣхъ вообще бѣдныхъ слоевъ общества дало ему возможность также коротко познакомиться и съ физическимъ зломъ, гнетущимъ этихъ несчастныхъ, которыхъ холера, чахотка и горячка убирали тысячами. Въ немъ все болѣе и болѣе укоренялось убѣжденіе въ пользѣ гигіеническихъ условій жизни.

Исполняя, въ 1838 г., должность секретаря коммиссіи по составленію «Закона о бѣдныхъ,» Чедуикъ однажды былъ свидѣтелемъ, какъ членъ Уайтчепельскаго союза вбѣжалъ совершенно растерянный въ залу засѣданія и объявилъ, что какая-то повальная болѣзнь внезапно открылась по всей мѣстности, расположенной вокругъ пруда съ стоячей водой въ Уайтчепелѣ; по его словамъ, люди умирали сотнями и страшная быстрота, съ которой смерть уносила своихъ жертвъ, давала поводъ думать, что это была азіатская холера.

По настояніямъ м-ра Чедуика, совѣтъ тотчасъ отправилъ докторовъ Арнотта, Кэй и Сеутууда Смита, для изслѣдованія причинъ такой неслыханной смертности, поручивъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ составить подробный отчетъ о санитарныхъ условіяхъ вообще всего Лондона.

Это было первое санитарное изслѣдованіе.

Въ то же время Чедуикъ работалъ въ другой коммиссіи, назначенной по вопросу, какія слѣдуетъ избрать мѣры къ тому, чтобы придать дѣйствительную силу констэблямъ въ Англіи и въ княжествѣ Валлійскомъ.

Отчетъ, составленный Чедуикомъ по этому предмету, не менѣе интересенъ, какъ и любая повѣсть Диккенса, такъ какъ въ немъ приведенъ цѣлый рядъ картинъ, представляющихъ сцены изъ домашней жизни низшаго слоя городскаго населенія, его обычаи и привычки.

Окончивъ это дѣло Эдвинъ Чедуикъ имѣлъ наконецъ возможность исключительно заняться великимъ санитарнымъ вопросомъ.

Въ 1839 г. лондонскій епископъ убѣдилъ лордовъ, что изслѣдованіе санитарнаго положенія столицы, произведенное, по настоянію м-ра Чедуика, докторами Арноттомъ, Соутуудомъ Смитомъ и Кэй, распространило свою дѣятельность и на населеніе городовъ, деревень, фабрикъ и заводовъ всей страны, а также и княжества Валлійскаго. Многіе правительственныя лица Эдинбурга просили включить сюда и Шотландію. Тогда лордъ Джонъ-Рюссель отправилъ, въ августѣ 1839 г., письмо въ совѣтъ, назначенный по составленію о бѣдныхъ, уполномочивая изслѣдованіе, начатое въ Лондонѣ, какія избрать мѣры для улучшенія санитарныхъ условій въ народномъ быту, по всей Великобританіи.

Почетная обязанность вести дѣло, слѣдить за его ходомъ и потомъ приготовить о немъ подробный отчетъ для публичнаго обнародованія, была возложена на Эдвина Чедуика.

Первый отчетъ о санитарномъ положеніи городовъ Англіи былъ напечатанъ въ 1842 г., но такъ какъ остальные члены этого совѣта не захотѣли взять на свою отвѣтственность документъ, который, по своему содержанію, могъ затронуть многихъ высокопоставленныхъ лицъ, то м-ръ Чедуикъ заявилъ, что принимаетъ на себя одного всю отвѣтственность, вслѣдствіе чего отчетъ былъ обнародованъ отъ его имени, что, въ сущности, было совершенно вѣрно, такъ-какъ большая часть труда по составленію этого отчета принадлежала м-ру Чедуику.

Излишне говорить, что для составленія такого отчета потребовалась гигантская работа. Если бы м-ръ Чедуикъ взглянулъ на цѣлыя горы бумагъ, которыя прошли черезъ его руки, какъ необходимые матеріалы дли составленія его отчета, онъ самъ бы ужаснулся.

Трудно себѣ представить повсемѣстное впечатлѣніе, произведенное въ Англіи обнародованіемъ санитарнаго отчета м-ра Чедуика. Никогда еще до того времени не опубликовывалось подобныхъ ужасовъ, прикрытыхъ изящной корой современной цивилизаціи; но авторъ отчета вовсе не думалъ произвести сенсацію; онъ имѣлъ въ виду только одну, неутомимо преслѣдуемую имъ цѣль. Въ его глазахъ, отчетъ этотъ не имѣлъ положительно никакого значенія до той минуты, пока предлагаемые въ немъ совѣты не приведутся въ исполненіе.

Образовалось санитарная партія; тогдашніе министры, при содѣйствіи обѣихъ политическихъ сторонъ, сдѣлались самыми вліятельными вожаками этого новаго предпріятія.

Первая санитарная коммиссія для разсмотрѣнія этого вопроса, съ практической его стороны, была назначена въ 1844 г. Она обнародовала два отчета; но дѣло это было остановлено на нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе борьбы, возникшей по вопросу о свободной торговлѣ. Реформаторъ нашъ, между тѣмъ, продолжалъ усердно заниматься въ своей коммиссіи улучшеніемъ санитарныхъ условій Лондона; напечатавъ три отчета, онъ подробно описалъ въ нихъ неудовлетворительность дренажа, водосточныхъ трубъ и водопроводовъ столицы. Цѣлый рядъ узаконеній былъ результатомъ этихъ отчетовъ.

Наконецъ, въ 1848 году, санитарная идея восторжествовала. Парламентомъ былъ обнародованъ актъ объ «Общественномъ здравіи» и учрежденъ Главный совѣтъ, въ который для надзора за администраціей по этой части былъ назначенъ членомъ м-ръ Чедуикъ. Вслѣдъ затѣмъ были введены многія дополнительныя мѣры, имѣющія цѣлью сдѣлать практическое примѣненіе всѣхъ тѣхъ правилъ гигіены, которыя совѣтомъ были признаны полезными. Время отъ времени публиковались отчеты объ успѣхахъ, ирригаціи полей, о холерной эпидеміи, о карантинахъ, о дренажѣ и о постройкѣ зданій подъ помѣщенія бѣдныхъ.

Однимъ словомъ, санитарное движеніе сдѣлалось великимъ фактомъ, и всѣмъ этимъ Англія обязана исключительно Эдвину Чедуику. Правда, онъ вскорѣ лишился

званія члена главнаго совѣта, отчасти вслѣдствіе своего сплина, а больше, вслѣдствіе неуживчивости своего характера въ сношеніяхъ съ мелкими мѣстными властями, а также и въ борьбѣ съ частными интересами, которые часто шли въ разрѣзъ съ общественной пользой; но не смотря на это, въ глазахъ мыслящихъ и безпристрастныхъ людей его репутація осталась по прежнему безукоризненна.

Какъ бы то ни было, но созданное имъ дѣло продолжаетъ существовать.

Эдвинъ Чедуикъ заявилъ себя однимъ изъ самыхъ практическихъ и полезныхъ общественныхъ дѣятелей, а потому вполнѣ заслуживаетъ быть поставленнымъ на ряду съ Клэрксономъ и Говардомъ. Его труды на столько же благотворны, какъ и труды упомянутыхъ филантроповъ, и есть люди, которые находятъ, что въ результатѣ они принесли даже болѣе плодовъ.

Науку о гигіенѣ можно выразить однимъ простымъ словомъ—чистота. Важнѣе всего для здоровья человѣка свѣжая вода и чистый воздухъ; гдѣ бы не показалась грязь, ее тотчасъ же слѣдуетъ смыть.

Понятіе о гигіенѣ составляетъ одну изъ самыхъ простыхъ и каждому доступныхъ отраслей человѣческихъ знаній; быть можетъ, это и есть причина того, что до сихъ поръ люди такъ мало обращали на нее вниманія. Многіе и до сихъ поръ еще не придаютъ особенной важности вентеляціи комнатъ, очищеніе водосточныхъ трубъ и соблюденію чистоты и опрятности въ домѣ и около себя.

Наука о гигіенѣ имѣетъ дѣло съ нечистыми предме-

тами; она научаетъ сгонять грязь съ тѣла человѣка, съ домовъ, съ улицъ и съ цѣлыхъ городовъ. Она постоянно повторяетъ намъ: гдѣ бы ни показалась грязь, смойте ее немедленно; для поддержанія здоровья человѣка не должно быть недостатка въ свѣжей водѣ или чистомъ воздухѣ.

Загляните, для примѣра, въ любой тѣсный кварталъ какого-нибудь большаго города: улицы тонутъ въ грязи, дома тѣснятся одинъ возлѣ другаго, атмосфера исполнена зловонія, а горячка безъ всякой пощады валитъ жителей этого угла. Но стоитъ только осушить улицы, перестроить дома, провести повсюду водосточныя трубы, сдѣлать водопроводы—и горячки какъ не бывало. Не прямое ли это доказательство пользы осушенія почвы?

Въ Великобританіи, по сообщеніямъ м-ра Ли, ежегодно умираютъ отъ тифа пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, а главная причина этого заключается въ сырости и неудобствахъ помѣщеній. Вѣдь это одно и тоже, если бы сознательно казнить каждый годъ по пятидесяти тысячъ человѣкъ!

Мы содрагаемся при извѣстіи о какомъ нибудь единичномъ убійствѣ, но въ тоже время совершенно равнодушно прочитываемъ отчетъ о гибели нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей, вслѣдствіе простой физической причины, ежедневно повторяющейся.

Количество людей, умирающихъ ежегодно отъ тифа въ Англіи, вдвое превышаетъ число жертвъ битвы при Ватерлоо, насчитываемыхъ союзными арміями. И эти массы людей умираютъ преждевременной смертью, только,

вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ гигіеническимъ условіямъ нашей жизни.

«Тифъ, говоритъ одинъ медикъ,—это кара, навлекаемая на себя людьми своею собственною небрежностью относительно гигіены.»

М-ръ Чедуикъ говоритъ, что ему приходилось быть свидѣтелемъ такихъ сценъ порока, нищеты и униженія человѣческаго достоинства между рабочими, сосредоточенными въ подвальныхъ этажахъ домовъ Ливерпуля, Манчестера и Лидса, которыя превосходятъ даже сцены, описанныя Говардомъ, такъ сильно взволновавшія въ свое время англійское общество.

Бѣдняки Ирландіи постоянно сосредоточиваются въ самыхъ тѣсныхъ, грязныхъ и темныхъ переулкахъ большихъ городовъ, вслѣдствіи чего тифъ производитъ такія страшныя опустошенія въ ихъ средѣ, что въ населенныхъ ими мѣстностяхъ образовалась даже особенная болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ *ирландской* горячки.

Помѣщенія, необладающіе гигіеническими условіями, не только потому гибельны, что бываютъ причиной страшной смертности, но также и потому, что это вѣрный путь къ нравственному разложенію человѣка. Порокъ и всевозможныя преступленія—неизбѣжные спутники подвальныхъ помѣщеній; деморализація въ такихъ квартирахъ—вещь нормальная; тамъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о чистотѣ, приличіи и опрятности; языкъ полонъ выраженій оскорбляющихъ ухо; въ глазахъ всѣхъ безпрестанно разыгрываются сцены самаго отвратительнаго разврата; лѣнь, пьянство, воровство и ложь считаются дѣломъ обыкновеннымъ. Послѣ всего

сказаннаго, легко представить себѣ, какъ эта тлетворная атмосфера должна дѣйствовать на женщинъ и дѣтей.

Какъ физическое, такъ и нравственное здравіе тѣсно связано съ домашнимъ благосостояніемъ и общественнымъ благоденствіемъ. Разрушительное вліяніе не здоровыхъ помѣщеній распространяетъ *нравственный* тифъ, который, по своимъ послѣдствіямъ, несравненно болѣе гибеленъ, чѣмъ даже чума.

Тамъ, гдѣ тѣло изнемогаетъ отъ недостатка въ живительныхъ лучахъ свѣта и чистаго воздуха, тамъ и мысль человѣка принимаетъ болѣзненное направленіе; незамѣтно утрачиваетъ онъ чувство самоуваженія, энергію и дѣлается вялымъ, тупымъ, неопрятнымъ; въ характерѣ его постепенно засыпаютъ одно за другимъ хорошія свойства, а взамѣнъ ихъ выступаютъ наружу дурныя наклонности.

Бѣднякъ жаждетъ хотя минутнаго наслажденія; стараясь раздражать себя виномъ, онъ имѣетъ въ виду хоть на время забыться и выйти изъ своей апатіи; попытка возвращается въ постыдную привычку, и человѣкъ дѣлается скотомъ, способнымъ на все, что только обѣщаетъ удовлетворить его животныя побужденія.

Пренебреженіе гигіеническими условіями очень дорого обходится людямъ. Богатымъ приходится увеличивать взносы въ приходскія кассы, такъ какъ число неимущихъ возрастаетъ чуть ли не вдвое; приходится выдавать пенсію вдовамъ и сиротамъ, лишеннымъ мужей и отцовъ, вслѣдствіе тифа, который очень часто заносится изъ бѣдныхъ лачугъ во дворцы богачей; затѣмъ, является необходимость дѣлать подписки на по-

стройку больницъ, богадѣленъ, пріютовъ и сиротскихъ домовъ.

Самымъ бѣднѣйшимъ, пренебреженіе гигіеническими условіями обходится еще дороже, такъ какъ оно лишаетъ ихъ здоровья—единственнаго капитала, которымъ они обладаютъ. Теряя его, они положительно дѣлаются банкротами.

Стоитъ только со вниманіемъ вникнуть въ это зло, чтобы понять, какое ужасное преступленіе совершаетъ общество, пренебрегая гигіеническими условіями жизни.

Отчего бы, спрашивается, наукѣ о гигіенѣ не сдѣлаться всеобщею, обязательною? Мы думаемъ, что причиной этому равнодушіе и безпечность общества. Мѣстныя власти и различные муниципальные опекуны постоянно кладутъ преграду всякому нововведенію. Чтобы сдѣлать улучшенія въ помѣщеніяхъ бѣднаго населенія или вообще устранить причины страшной смертности въ народѣ, нужно употребить много труда, заботъ, вниманія, а самое главное, денегъ. Мелочные интересы упорно противодѣйствуютъ каждой благодѣтельной реформѣ, а сторонники ихъ съ озлобленіемъ ведутъ борьбу съ новаторами. Въ «старое доброе время» повторяютъ они, «дѣло шло превосходно,—къ чему же измѣнять порядокъ вещей.» А когда въ какой-нибудь мѣстности откроется холера или тифъ, они увѣряютъ, что въ этомъ никто не виноватъ.

Ужасная фраза: никто не виноватъ! много отвѣтственности лежитъ на ней. Много зла надѣлало на бѣломъ свѣтѣ слово «никто.» Кто же кормитъ насъ гнилымъ продовольствіемъ. Кто отравляетъ вина? Кто снабжаетъ испорченной водой? Кто способствуетъ развитію различныхъ эпидемій въ тѣсныхъ, грязныхъ и зловонныхъ переулкахъ? Кто не мостить улицъ въ городахъ? Кто наполняетъ преступниками тюрьмы, исправительныя заведенія и мѣста ссылокъ? Кто расплoжаетъ воровъ и пьяницъ?—Все «никто?»

Это никто есть жестокая теорія, которую можно выразить въ словахъ: «какое намъ дѣло! пусть страждущіе сами отыскиваютъ тѣхъ, кто ихъ обманываетъ. А намъ-то какое дѣло!»

Если люди умираютъ въ сырыхъ и грязныхъ подвалахъ, мы повторяемъ тѣ же фразы: «Кто же виноватъ въ этомъ? Какое намъ до этого дѣло? Отъ смерти не уйдешь? и т. д.

«Это до меня не касается,» сказалъ одинъ богачъ, услыхавъ о бѣдной женщинѣ, выгнанной изъ города съ ребенкомъ въ тифѣ за то, что она просила милостыню. Въ рабочій домъ ее не приняли; тогда бѣдняжка сѣла на порогѣ дома богача, а ребенокъ тутъ же умеръ на ея рукахъ.

Тифозная зараза проникла въ золоченныя гостиныя и въ роскошную спальню богача, единственный его ребенокъ палъ жертвою эпидеміи.

Равнодушіе общества къ бѣдствіямъ народа, къ счастію, проявляется теперь уже не такъ рѣзко, какъ въ прежнее время, и есть надежда, что со временемъ оно совершенно исчезнетъ, а въ такомъ случаѣ измѣнятся и законы относительно гигіеническихъ условій въ быту рабочаго сословія, такъ какъ законъ, въ извѣстной сте-

пени; есть ничто иное, какъ выраженіе потребности и желаній общества.

Улучшеніе дренажа, водосточныхъ трубъ, мостовыхъ, водопроводовъ въ городахъ и уничтоженіе помѣщеній въ подвалахъ принесутъ, сравнительно, мало пользы населенію, пока сами люди не усовершенствуются и не улучшатъ своего домашняго быта, такъ какъ сказанныя санитарныя мѣры могутъ оказать благодѣтельное вліяніе только на внѣшнюю обстановку, вовсе не касаясь внутренняго устройства жилищъ бѣднаго населенія и ихъ образа жизни.

Стало быть, для полнаго достиженія благотворной цѣли, люди, съ своей стороны, должны помогать въ этомъ отношеніи правительству, которое не станетъ уже на свой счетъ воздвигать дома подъ дешевыя квартиры для бѣднаго городскаго населенія; этимъ дѣломъ обыкновенно занимаются подрядчики и капиталисты; вотъ имъ то и слѣдуетъ обратить вниманіе на предписываемыя гигіеной правила.

Отдѣльныя личности изъ среды капиталистовъ много уже сдѣлали относительно улучшенія помѣщеній своихъ рабочихъ и труды ихъ, равно какъ затраты, вполнѣ вознаградились тѣмъ, что здоровье людей быстро поправилось и нравственность ихъ возвысилась. Филантропъ-богачъ можетъ разлить свои благодѣянія на огромное пространство; если бы нѣсколько человѣкъ капиталистовъ практиковъ взялись выстроить десятокъ сухихъ, удобныхъ домовъ для рабочаго народа, снабдивъ всѣ находящіяся тамъ квартиры хорошей вентиляціей, чистымъ воздухомъ и устроивъ отдѣльныя помѣщенія для

мужчинъ и женщинъ; то они оказали бы много добра бѣдному населенію, а себѣ принесли бы огромный барышъ.

Для дальнѣйшаго успѣха дѣла необходимо содѣйствіе и квартирантовъ-бѣдняковъ; они, съ своей стороны, должны дѣятельно помогать санитарному движенію, въ противномъ случаѣ благодѣяніе не пойдетъ впрокъ.

Такъ, напримѣръ, устройте самый лучшій водопроводъ въ домѣ, но если хозяйка, нанявшая у васъ квартиру, не захочетъ пользоваться этимъ удобствомъ, будетъ лѣниться мыть и чистить свои комнаты, и домашнюю утварь, то ея квиртира скоро загрязнится и утратитъ свои гигіеническія достоинства. Устройте самую лучшую вентиляцію, но если квартиранты небрежно отнесутся къ освѣженію воздуха въ своихъ квартирахъ и полѣнятся отворять во-время двери и окна, вашъ домъ испортится и въ немъ заведутся міазмы.

Во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы во главѣ хозяйства стояла чистоплотная, дѣльная женщина, которая строго слѣдила бы за соблюденіемъ гигіеническихъ условій въ своемъ домашнемъ быту, а такой женщины парламентъ не создастъ никакимъ актомъ.

Домашній бытъ формируетъ людей; человѣкъ дѣлается развратнымъ, пустымъ, грубымъ, чувственнымъ и, наоборотъ, добродѣтельнымъ, дѣльнымъ, кроткимъ и цѣломудреннымъ, смотря по обстановкѣ, въ которой онъ выросъ.

Нѣтъ никакой возможности воспитать честнаго, правдиваго, скромнаго, молодого человѣка въ пьяной, безпутной семьѣ, живущей въ затхлой, сырой, темной ко-

нурѣ, которыхъ такое множество въ подвальныхъ этажахъ большихъ городовъ, а потому слѣдуетъ употреблять всѣ старанія, чтобы поднять нравственный уровень домашняго быта бѣдняковъ, въ противномъ случаѣ невозможно ожидать никакого добра отъ унизительнаго, постыднаго ихъ положенія.

Намъ нужны улучшеныя квартиры для рабочаго класса, но не менѣе необходимы также образованіе и нравственное развитіе этихъ людей.

Одинъ англійскій лордъ переселилъ всѣхъ своихъ мелкихъ арендаторовъ-землепашцевъ изъ грязныхъ лачугъ въ чистые, опрятные домики, выстроенные имъ на свой счетъ нарочно для нихъ, и на время отлучился изъ имѣнія. Когда онъ возвратился туда, то пришелъ въ крайнее недоумѣніе; на новенькіе домики гадко было смотрѣть; подъ кроватями хозяевъ помѣщались свиньи, куры ходили по столамъ; глиняный полъ, покрытый грязью, совершенно отсырѣлъ, стекла въ окнахъ были перебиты, садки поросли сорными травами. Лордъ съ отчаяніемъ описывалъ эту грустную картину въ письмѣ къ одному пріятелю. Тотъ отвѣчалъ ему: «Вы начали дѣло не съ того конца; прежде, чѣмъ строить для вашихъ арендаторовъ новые, красивые, дома, вы должны были растолковать имъ значеніе чистоты, бережливости и удобствъ въ домашнемъ быту.»

Итакъ, приступая къ благотворительнымъ дѣламъ, намъ слѣдуетъ прежде пріучить народъ къ опрятности и къ соблюденію гигіеническихъ правилъ, а для того мы должны развить его съ умственной стороны, чтобы онъ понималъ, что читаетъ или слышитъ и выучился

бы размышлять. Короче сказать, слѣдовало бы и взрослыхъ, и дѣтей, всѣхъ посылать въ школу; мы же, напротивъ, допустили большинство народа вырости безграмотнымъ, а сами требуемъ отъ него благоразумія, яснаго пониманія вещей, предусмотрительности, какъ будто отъ людей образованныхъ.

Для простыхъ людей опрятность необходима, но они до тѣхъ поръ не привыкнутъ къ ней, пока не будутъ грамотны; они не поймутъ, что держать себя опрятно необходимо даже для ихъ собственнаго здоровья не только для приличія. Чистота и опрятность—лучшіе помощники бережливости; онѣ для хозяйства тоже самое, что гигіена для человѣческаго тѣла. Отличительный атрибутъ цивилизаціи — опрятность; смотря по тому, насколько она развита въ націи, можно опредѣлить степень образованія націи.

Докторъ Палей, обыкновенно совѣтовалъ иностраннымъ туристамъ обращать главное вниманіе на то, какъ живетъ народъ въ тѣхъ странахъ, которыя они посѣщаютъ, и утверждалъ, что степень моральнаго общественнаго развитія каждой націи ярко отражается на условіяхъ привычкахъ ея домашней жизни. Чѣмъ народъ трудолюбивѣе, развитѣе, понятливѣе, тѣмъ онъ чистоплотнѣе. Грязь—вѣрный признакъ грубости нравовъ. Грязное населеніе въ большихъ городахъ всегда самое опасное; если мы желаемъ цивилизовать низшее сословіе, то пріучимъ его сначала къ чистотѣ.

Грязь не присуща человѣческой природѣ; это паразитъ, питающійся нашими соками и разрушающій насъ; присутствіе этого отвратительнаго врага чистоты отрав-

ляетъ все прекрасное. Самая хорошенькая, но неряшливая женщина дѣлается намъ противна; грязь безпокоитъ маленькихъ дѣтей, неумѣющихъ еще говорить: они плачутъ, кричатъ, пока ихъ не вымоютъ. Но возможно допустить нравственную чистоту подъ оболочкой физической грязи; не удивительно если слѣдователи санитарной коммиссіи нашли, что самые грязные люди встрѣчаются между пьяницами и что они какъ будто ищутъ забвенія въ винѣ, чтобы не чувствовать своего униженія, этого неопредѣленнаго результата жизни въ грязи.

Моисея можно считать самымъ практическимъ санитарнымъ реформаторомъ. У восточныхъ народовъ соблюденіе чистоты составляетъ часть религіи; у нихъ чистота духовная и чистота телѣсная соединены неразрывными узами; они считаютъ за оскорбленіе величія Божія придти въ храмъ неумытымъ. Вотъ потому-то магометане рядомъ съ мечетями строютъ бани, а внутри мечетей у нихъ есть отдѣленіе, куда проведена вода, съ тою цѣлью, чтобы правовѣрные могли чаще совершать омовенія.

Благосостояніе мужчинъ, женщинъ и дѣтей очень много зависитъ отъ условій, кажущихся съ перваго взгляда мелочами; но пока эти мелочи не удовлетворены, мы не можемъ наслаждаться покоемъ. Такъ напримѣръ, ребенокъ счастливъ и веселъ, если онъ хорошо накормленъ, одѣтъ и вымытъ; положимъ, это все пустяки, имѣющіе громадное значеніе. Попробуйте коекакъ кормить ребенка, держать его въ грязи, въ душной или сырой комнатѣ, онъ будетъ рости слабымъ,

немощнымъ, мало способнымъ и эти свойства останутся въ немъ на всю жизнь.

Взрослые люди, въ свою очередь, также не могутъ считать себя счастливыми при отсутствіи домашнихъ удобствъ, которыя достигаются только чистотою, аккуратностью, экономіей и трудолюбіемъ, словомъ, точнымъ исполненіемъ всѣхъ тѣхъ мелочей, которыя могутъ показаться даже тривіальнымъ. Напримѣръ, умѣть сварить яйцо или картофель, испечь хлѣбъ, починить рубашку, заштопать чулки, постлать постель, натереть воскомъ полъ, вымыть и одѣть ребенка, — все это пожалуй, пустяки, но каждая хозяйка дома должна изучить ихъ и изучить заранѣе, прежде чѣмъ судьба поставитъ ее во главѣ хозяйства, какъ бы скромно оно ни было.

«Отчего, спрашивалъ лордъ Эштертонъ, читая лекцію студентамъ Бульвсейской школы; отчего происходитъ то, что одна мать семейства бережливѣе другой? Отчего одна содержитъ свою семью въ довольствѣ, а у другой дѣти чуть не умираютъ отъ голода? Отчего въ одинаковыхъ помѣщеніяхъ, у однихъ родителей дѣти выростаютъ здоровыя, а у другихъ хилыя и тощія? Отчего одинъ рабочій легко можетъ выносить такой трудъ, отъ котораго другой давно бы умеръ? Несчастіе, не частыя удачи произвели это различіе, а терпѣніе, устойчивость, сила воли однихъ и лѣнь, безпечность и неумѣлость другихъ.»

Впрочемъ, не столько характеръ и природныя свойства женщины, сколько благоразумное домашнее воспитаніе и хорошее образованіе въ школѣ развиваютъ въ ней способность устроивать домашній комфортъ и

дѣлаютъ изъ нея умную руководительницу семьи; а потому, какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ необходимо близкое знакомство съ тѣми науками, которыя могутъ имѣть отношеніе къ будущимъ ихъ обязанностямъ, какъ отца и матери.

Возьмемъ для примѣра хоть физіологію; по нашему мнѣнію, каждой женщинѣ о ней слѣдовало бы имѣть хоть нѣкоторое понятіе. Отчего? спросятъ насъ. А оттого, что если-бы законы физіологіи не были арабской грамотой для нашихъ матерей, дѣти выростали-бы у нихъ крѣпче и здоровѣе чѣмъ теперь; ребенокъ болѣе, чѣмъ взрослый подчиненъ физіологическимъ законамъ, слѣдовательно, ихъ необходимо соблюдать ради его здоровья. А потому нѣтъ ничего неблагоразумнаго въ нашемъ требованіи, чтобы женщины были нѣсколько знакомы съ этой наукой, хотя бы ради того, чтобы не дѣлать промаховъ и не быть причиной страшной смертности дѣтей. Чему, какъ не невѣжеству матерей, можно приписать печальное явленіе, что въ большинствѣ городовъ Англіи половина рождающихся дѣтей умираетъ, не достигая пятилѣтняго возраста? Если-бы женщины, подобно мужчинамъ, изучили законы гигіены, свойства атмосферы, вліяніе воздуха на движеніе крови, законы вентиляціи, чистоты, питанія, то мы убѣждены, что не только физическія, но и моральныя условія благосостоянія людей быстро пошли-бы по пути прогресса.

Если-бы мы обращали побольше вниманія на такого рода мелочи, нѣтъ сомнѣнія, что болѣзни и случаи смертности между дѣтьми замѣтно уменьшились-бы. Но

мы дѣйствуемъ въ обыкновенной жизни такъ, какъ будто законовъ природы не существуетъ. Нарушая ихъ, мы тотчасъ же расплачиваемся какимъ-нибудь недугомъ, а иногда даже и жизнью.

Общество само виновато, если оно закрываетъ глаза и держитъ въ невѣжествѣ тѣхъ членовъ, которые имѣютъ огромное вліяніе на семью, именно, матерей. Десятки тысячъ дѣтей гибнутъ, вслѣдствіе того, что большинство матерей не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, какъ надо вести и воспитывать ихъ.

Женщинъ необходимо учить и другой наукѣ — хозяйственной экономіи. Если онѣ и не зарабатываютъ для семьи денегъ, то за то на нихъ лежитъ обязанность издерживать ихъ, а потому онѣ непремѣнно должны знать, какъ съ ними обращаться, что возможно достигнуть основательнымъ изученіемъ ариѳметики. «Къ чему женщинѣ ариѳметика?» возразятъ намъ. Пусть мужчина женится, тогда онъ самъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Если хозяйка дома не твердо знаетъ правила сложенія и умноженія и не умѣетъ свести итоговъ своего дохода и расхода, то у нея очень скоро окажется огромный недочетъ по хозяйству. Если она выйдетъ изъ нормы, накупивъ себѣ лишнихъ нарядовъ, у нея не хватитъ денегъ на столъ или на воспитаніе дѣтей, и вѣчно будетъ чувствоваться недостатокъ то въ томъ, то въ другомъ; она войдетъ въ долги, запутаетъ дѣла мужа и тѣмъ положитъ основаніе раззоренію семьи...

Общій порядокъ въ семействѣ составляетъ большое наслажденіе для главы семейства; но хорошій столъ есть почти главное условіе для домашняго спокойствія.

Плохо приготовленный обѣдъ служитъ источникомъ несогласія между многими супругами. Испорченное блюдо—все равно, что выброшенныя за окно деньги; дурно сваренная баранья нога съ сырымъ картофелемъ развела въ Англіи не одну любящую чету, соединенную брачными узами.

Воспитателямъ и воспитательницамъ слѣдовало бы побольше обращать вниманія на эту часть хозяйства и учить молодыхъ дѣвушекъ приготовлять кушанья.

Большая часть человѣческаго труда посвящается добыванію матеріала для пищи. Земледѣлецъ сѣетъ, жнетъ и собираетъ всевозможные сорты хлѣба, фермеръ откармливаетъ телятъ и барановъ, мясникъ—быковъ. Всѣ эти продукты, т. е. хлѣбъ, говядина и проч., передаются въ руки женщинъ, а тѣ приготовляютъ изъ нихъ различныя блюда для своего семейства. Спрашивается теперь, умѣютъ ли онѣ печь хлѣбы и готовить обѣдъ? Постарались ли ихъ выучить поварскому искусству? Неопровержимый фактъ, что въ Англіи поваренное искусство находится еще въ младенческомъ состояніи.

Тѣ изъ ремесленниковъ и рабочихъ лишены возможности питаться какъ слѣдуетъ, благодаря неумѣнью ихъ женъ и дочерей приготовить что-нибудь вкусное изъ незатѣйливыхъ припасовъ.

Англійскія женщины простаго сословія положительно не знаютъ, какъ обращаться съ мясомъ, масломъ, мукой и овощами, чтобы превратить ихъ во что-нибудь съѣдобное.

Даже средніе классы терпятъ то неудобство въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ.

«Если бы мы имѣли возможность, пишетъ одинъ публицистъ, заглянуть съ помощью Асмодея, въ нѣкоторые семейные дома средняго сословія въ часъ обѣда, сколькихъ сценъ неудовольствія, супружескихъ ссоръ и грубостей были бы мы свидѣтелями.» Мужъ кричитъ на жену, что его кормятъ дрянью, и вдвое пьетъ, чтобы вознаградить себя за лишеніе въ ѣдѣ; жена волнуется и плачетъ. Словомъ, плохо приготовленный обѣдъ отзывается на карманѣ, желудкѣ и характерѣ хозяевъ.

Въ томъ домѣ, гдѣ столъ хорошъ, аппетитъ вполнѣ удовлетворителенъ и не чувствуется потребности прибѣгать къ подкрѣпленію себя виномъ. Послѣ вкусно приготовленнаго хотя бы самаго умѣреннаго стола, присутствующіе находятся въ особенно пріятномъ расположеніи духа. Богачъ можетъ много тратить и дурно ѣсть, и, напротивъ, бѣдный, при небольшихъ расходахъ, можетъ превкусно обѣдать, если ему выпала счастливая доля имѣть жену хозяйку или хорошую кухарку.

Бѣда, если судьба пошлетъ вамъ противное! Есть много хорошенькихъ молодыхъ женщинъ, которыя превосходно растолкуютъ модисткѣ, куда приколоть бантикъ, сколько нашить кружевъ, на какомъ растояніи ихъ расположить, но познанія которыхъ не идутъ далѣе области нарядовъ. Кухня для нихъ terra incognita; онѣ въ рукахъ своей кухарки, а обѣдъ подается имъ отвратительный. Супъ—помои, рыба — переварена, говядина сожжена сверху, между тѣмъ какъ внутри сыра. Мужъ безъ оглядки бѣжитъ въ клубъ, чтобы тамъ отдохнуть душой

отъ столкновенія съ женой, по этому поводу, и наѣсться тамъ вдоволь вкусныхъ блюдъ.

«Болѣзней отъ разстройства пищеварительныхъ органовъ въ Англіи, говоритъ м-ръ Смитъ, сравнительно, гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ.»

Причина этого явленія кроется въ томъ, что нигдѣ не ѣдятъ такъ дурно, какъ въ Англіи. Всѣ наши туристы поражаются изумленіемъ за границей, когда имъ въ какіе нибудь полчаса, приготовятъ въ гостинницѣ вкусный обѣдъ изъ восьми, десяти блюдъ, причемъ они невольно вспоминаютъ неизбѣжныя бараньи котлеты съ тертымъ картофелемъ, которыми угощаютъ на станціяхъ англійскихъ дорогъ.

Путешествуя по Франціи, говоритъ Смайльсъ, мнѣ случилось завернуть въ одну провинціальную гостинницу, въ Дофинэ, у самой подошвы Pic du Midi. Увидѣвъ глиняный полъ и довольно потертую мебель, я замѣтилъ свему пріятелю, съ которымъ путешествовалъ, что здѣсь мы, навѣрно, обѣда не достанемъ. «А вотъ, подождите, увидите,» отвѣчалъ тотъ.

Не прошло и полчаса, какъ столъ въ комнатѣ (правда, шатавшійся во всѣ стороны, вслѣдствіе чего чѣмъ-то подпертый) былъ покрытъ чистою скатертью, и намъ подали супъ, домашнюю птицу, ростбифъ съ жаренымъ картофелемъ, французскіе бобы съ свѣжимъ масломъ и прекраснѣйшій хлѣбъ.

Такой обѣдъ ни за какія деньги не найдешь даже въ лучшихъ гостинницахъ большихъ провинціальныхъ городовъ Англіи.

Для общества было бы огромное пріобрѣтеніе, если бы

въ женскихъ заведеніяхъ преподавали поваренное искусство. Бѣдные больше всѣхъ выиграли бы въ этомъ случаѣ. Богачи-благотворители, навѣрно, стали бы назначать тогда преміи за блюдо хорошо свареннаго картофеля, за отлично изжаренную котлету и за вкусный супъ.

Однимъ словомъ, мы желали бы нашимъ хозяйкамъ побольше распорядительности въ кухонномъ дѣлѣ и вообще въ домашнемъ быту. Припасы надо умѣть употреблять въ мѣру, а не злоупотреблять ими; плохая англійская кухарка, мало того, что испортитъ блюдо, но еще и припасовъ истратитъ вдвое болѣе, чѣмъ нужно, между тѣмъ какъ француженка изъ того же количества наготовитъ много вкусныхъ блюдъ.

Здоровье, настроеніе духа, семейный миръ, — все это находится въ большой зависимости отъ кухоннаго хозяйства, состоящаго въ тѣсной связи съ разсчетливостью и экономіею.

Мы рекомендуемъ всѣмъ англичанкамъ, какъ высшаго, такъ и низшаго классовъ, безъ различія, чтобы они старались тщательно изучать науку, доставляющую столько комфорта, здоровья и довольства членамъ ихъ семейства.

«Мнѣ кажется, говоритъ м—съ Маргарита Грей, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ богатства, неравномѣрно распредѣленнаго въ Англіи, и съ увеличеніемъ нищеты въ народѣ, въ нашемъ обществѣ обнаружилось какое-то соперничество въ утонченномъ образѣ жизни, совершенно убившее энергію и ограничившее кругъ полезной дѣятельности женщинъ высшихъ классовъ. Для

нашихъ женщинъ высшаго общества не только не существуютъ молочная, кладовая, птичная, огородъ или кухня (не говоря уже о самопрялкѣ), но онѣ даже не считаютъ ни нужнымъ, ни полезнымъ посвятить свое праздное время какому-нибудь ручному занятію или изящному искусству.

Никогда до сихъ поръ въ нашемъ обществѣ не было, съ одной стороны, столько порядочныхъ, благовоспитанныхъ людей, не знающихъ, что съ собою дѣлать, а съ другой—такой толпы неразвитыхъ, грубыхъ, заброшенныхъ всѣми бѣдняковъ, которые никакъ не могутъ выбраться изъ грязи и нищеты безъ чужой помощи и поддержки! Какая помѣха для полезной дѣятельности и вообще для всякаго проявленія энергіи въ характерѣ—чрезмѣрное богатство и знатное родство!

Нашлись, однако, изъ женщинъ умныя, развитыя личности, которымъ опротивѣла праздная жизнь, предписанная имъ обществомъ, и онѣ въ послѣдніе годы начали заниматься святымъ дѣломъ посѣщенія бѣдныхъ и ухаживанья за больными. Теперь передъ ними открыто новое поприще для изученія; это кухонное искусство; имъ бы слѣдовало лично познакомиться съ нимъ и распространить его въ народѣ. Это было бы истиннымъ благодѣяніемъ для бѣдныхъ людей, и тысячи благословеній полуголодныхъ теперь отцовъ семействъ посыпались бы на высокихъ покровительницъ.

Женщины самаго низшаго класса требуютъ болѣе поддержки, чѣмъ тѣ, которыя получили, относительно, хорошее воспитаніе и поставлены въ лучшія условія, чѣмъ первыя. Жены рабочихъ, напримѣръ, большею

частію выходятъ замужъ очень рано и сразу вступаютъ въ жизнь, къ которой совсѣмъ не были приготовлены. Онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ стряпать кушанье какъ шить и чинить платье, какъ вести хозяйство и обращаться съ деньгами своихъ мужей.

Вотъ тутъ-то и причина безпорядочности и грязной обстановки домашней среды, такъ сильно раздражающей молодаго мужа, что онъ спѣшитъ убѣжать изъ дома и ищетъ развлеченій въ ближайшемъ трактирѣ.

Слѣдующій разсказъ одного мастероваго представляетъ вѣрную картину домашняго быта рабочихъ въ фабричныхъ мѣстностяхъ.

«Мать моя, говоритъ этотъ мастеровой, съ дѣтства работала на фабрикѣ. Она была очень умная и трудолюбивая дѣвушка и пользовалась хорошей репутаціей, такъ что ее считали превосходной партіей для рабочаго человѣка; она, дѣйствительно, вышла замужъ очень рано и родила одиннадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ я былъ старшій. Она была превосходная жена и мать, но, къ несчастію, не умѣла вести хозяйство и не обладала ни малѣйшей способностью сдѣлать свой домашній очагъ привлекательнымъ для мужа и дѣтей.

«Она родила каждый годъ. Только что оправясь послѣ родовъ, она отправлялась на фабрику; въ извѣстное время ей приносили туда ребенка покормить. По мѣрѣ того, какъ семья наша увеличивалась, наша домашняя жизнь все болѣе и болѣе портилась. Моя мать, какъ я уже сказалъ, положительно не умѣла устроить для насъ уютнаго, покойнаго семейнаго гнѣзда и не умѣла развить въ мужѣ любви къ дому. Ни одной отрадной минуты я

не помню въ нашемъ дѣтствѣ и смѣло могу сказать, что наше общее горе происходило отъ недостатка образованія матери. Отецъ началъ пить, и, благодаря его пьянству, намъ часто приходилось испытывать нужду. Огромная семья наша требовала постояннаго присутствія дома матери, вслѣдствіе чего она нѣсколько разъ отказывалась отъ работы на фабрикѣ, но крайность заставляла снова ее бѣжать туда. Часто мнѣ случалось видѣть, какъ послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ тяжеломъ трудѣ, она просиживала всю ночь напролетъ за мытьемъ, починкой нашего бѣлья и платья. Отцу не сидѣлось дома. Домашнія мелочныя хлопоты, которыя должны были бы совершаться въ отсутствіе мужа (такъ, по крайней мѣрѣ, водится въ каждомъ хорошемъ хозяйствѣ, даже у бѣдныхъ людей), происходили при немъ и страшно ему надоѣдали; желая развлечься, онъ, вслѣдствіе своей неразвитости, проводилъ цѣлые дни въ пивной лавочкѣ. Неумѣнье матери вести хозяйство, пьянство и раздражительность отца, страшная нищета, постоянныя домашнія ссоры, дурное вліяніе примѣра родителей на братьевъ и сестеръ, испорченность мальчиковъ вслѣдствіе того, что всѣ мы съ ранняго дѣтства должны были работать на фабрикѣ (мы были до того малы, что всѣ вмѣстѣ получали одинъ шиллингъ въ недѣлю), испытанные нами холодъ и голодъ — всѣ эти грустныя воспоминанія душатъ меня и заставляютъ съ нетерпѣніемъ ожидать освобожденія отъ гнета невѣжества тысячи семействъ, живущихъ въ такой же страшной нищетѣ, въ какой жили мы.

«Собственнымъ опытомъ я пришелъ къ убѣжденію,

что, научивъ женщинъ нашего сословія хозяйству и объяснивъ имъ всю важность отраднаго домашняго очага, общество предотвратитъ много горя и преступленій. Тогда будетъ гораздо меньше пьяницъ мужей и испорченныхъ дѣтей. По моему мнѣнію, воспитаніе женщинъ находится въ большемъ пренебреженіи, тогда какъ его слѣдовало бы поставить непремѣнно на первый планъ. Женщина кладетъ первыя впечатлѣнія на молодой воспріимчивый умъ и формируетъ ребенка, изъ котораго впослѣдствіи выходитъ человѣкъ.»

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Философія жизни

(Сиднэй Смитъ, Смайльсъ и Тайлоръ).

Въ жизни мы встрѣчаемъ бездну примѣровъ, сравненіе которыхъ даетъ намъ возможность къ пріобрѣтенію умѣнья жить. Представьте себѣ двухъ человѣкъ, обладающихъ совершенно одинаковыми матеріальными средствами; одинъ изъ нихъ одаренъ умѣньемъ жить, другой совершенно лишенъ этого искусства. Въ глазахъ перваго природа является вѣчно новой, исполненной красоты; онъ умѣетъ наслаждаться радостями настоящаго воспоминаніями прошедшаго и ожиданіемъ великаго будущаго. Къ жизни онъ относится вообще весьма серьезно, выполняетъ добросовѣстно всѣ лежащія на немъ обязанности, вслѣдствіе чего всегда покоенъ душою. Постоянно совершенствуя себя, онъ энергически помогаетъ ближнимъ, старается развить низшее сословіе народа и принимаетъ живое участіе во всякомъ добромъ дѣлѣ. Ему ничто не въ тягость; рука его не оскудѣваетъ, творя милостыню.

Весело и бодро ступаетъ онъ по пути жизни, научая другихъ находить въ ней радость; благодаря своему умственному развитію, которое въ немъ все болѣе и болѣе совершенствуется онъ ежедневно пріобрѣтаетъ новые, свѣжіе взгляды на людей и на вещи, и, доживъ до старости, умираетъ, благословляемый всѣми. Лучшимъ памятникомъ служатъ ему его добрыя дѣла и хорошій примѣръ, который онъ подавалъ окружающимъ.

Взглянемъ теперь на другаго человѣка, поставленнаго нами въ параллель съ первымъ. Этотъ, съ своей стороны, не находитъ въ жизни ничего отраднаго; не достигнувъ еще зрѣлаго возраста, онъ уже совершенно потерялъ способность наслаждаться; обладая огромными денежными средствами, онъ съ ранней молодости не отказывалъ себѣ ни въ чемъ, вслѣдствіе чего ему все пріѣлось, все наскучило. Путешествовать для него тоска; исторія, художества, природа не имѣютъ въ его глазахъ никакой цѣны; его интересуютъ только счеты содержателей гостинницъ и курьеровъ. Картинныя галлереи для него чистое наказаніе, а если онъ ихъ и осматриваетъ, то только потому, что всѣ дѣлаютъ тоже самое. Словомъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, онъ дѣлается, какъ выражаются французы un homme blasé, когда же наступитъ старость, и онъ не будетъ имѣть уже силы вести постоянную разсѣянную жизнь, все его прошлое начинаетъ представляться ему въ видѣ гигантскаго маскарада, на которомъ вертятся только лакеи, лицемѣры, льстецы. Но не смотря на такое мизантропическое настроеніе духа, онъ съ ужасомъ вспоминаетъ о могилѣ; наконецъ, занавѣсъ опускается, онъ умираетъ.

При всемъ своемъ богатствѣ, человѣкъ этотъ не насладился жизнью, потому что былъ лишенъ умѣнья жить, а безъ этого дара—счастье не мыслимо.

Не деньги красятъ жизнь, а изящный вкусъ, культура, вѣрный взглядъ на вещи и любящее сердце. Обладая всѣми этими качествами, человѣкъ въ самой скромной долѣ можетъ быть счастливъ; трудъ не препятствуетъ развитію мысли и вкуса; трудовая жизнь облагораживаетъ человѣка.

Умѣнье жить вполнѣ заслуживаетъ, чтобы его ставить на ряду съ изящными искусствами, оно заключается въ способности извлекать наибольшую пользу изъ своихъ средствъ и въ способности почерпать изъ жизни самыя высокія наслажденія для достиженія совершеннаго счастія.

Не мало надо умѣнья, чтобы жить счастливо. Подобно поэзіи и живописи, умѣнье жить есть естественный даръ человѣка, который онъ можетъ разрабатывать и развивать въ себѣ. Въ дѣтствѣ въ этомъ должны помогать ему родители и наставники, а впослѣдствіи онъ уже самъ обязанъ совершенствовать въ себѣ посланный ему небомъ даръ самообразованіемъ. Безъ ума, умѣнье жить не дается человѣку.

Счастье нельзя преставлять себѣ крупнымъ алмазомъ, котораго найти почти невозможно; напротивъ, это скорѣе сочетаніе мелкихъ драгоцѣнныхъ камней, изящно и красиво сгрупированныхъ. Быть счастливымъ, значитъ, умѣть наслаждаться тѣми мелкими удовольствіями, которыми полна будничная жизнь наша и которыхъ мы, гоняясь за болѣе возбуждающими развлеченіями, часто

и не замѣчаемъ. Удовольствія эти заключаются въ строгомъ и честномъ исполненіи своихъ домашнихъ обязанностей.

Большое наслажденіе въ домашнемъ быту составляетъ изящный вкусъ; переступивъ въ первый разъ порогъ дома новыхъ знакомыхъ, вы тотчасъ уже можете угадать, живутъ ли тутъ люди со вкусомъ. Во всей окружающей васъ обстановкѣ есть что-то неуловимо изящное, порядочное; вы не можете отдать себѣ отчета, отчего, но вамъ какъ-то уютно въ этомъ чистенькомъ уголкѣ. На окнахъ цвѣты, на стѣнахъ картины, свидѣтельствующіе о развитомъ вкусѣ хозяевъ; въ клѣткѣ, въ нишѣ окна, поетъ птичка, на полкахъ много книгъ; мебель, хотя не богатая, но покойная и удобная.

Умѣнье жить касается всѣхъ отдѣловъ домашней жизни; садитесь вы за столъ хозяевъ только что описанной квартиры, вамъ подаютъ немного блюдъ, но сытныхъ и вкусно приготовленныхъ; провизія свѣжая, бѣлье чистое, посуда не роскошная, но красивая, прозрачная вода въ хрустальномъ стаканѣ такъ заманчиво сверкаетъ, что вы и не вспомните о винѣ.

Но отправимтесь въ другой домъ,—декорація тотчасъ же перемѣняется. Комнаты меблированы роскошно, но безъ всякаго смысла; вамъ неловко въ этой большой гостиной, вамъ душно, тѣсно среди великолѣпія, окружающаго васъ. Книги, шали, шляпы валяются въ безпорядкѣ и гдѣ попало; въ остальныхъ комнатахъ настоящій хаосъ. Денегъ истрачено пропасть на ремонтировку дома, но безъ всякаго толку, и все это отъ того, что хозяевамъ не дано умѣнье жить.

Тѣмъ же самымъ контрастомъ вы поражены и въ жизни бѣднѣйшихъ, низшихъ классовъ. Небогатые, но развитые люди выбираютъ себѣ квартиру непремѣнно въ самой здоровой мѣстности, гдѣ воздухъ свѣжѣе и улица чище; крыльцо у нихъ всегда посыпано пескомъ, оконныя стекла блестятъ, какъ зеркало, на подоконникахъ стоятъ вазы съ розами или геранью; какъ ни бѣдны жители этого домика, но вы тотчасъ же видите-что они умѣютъ жить.

Не угодно ли вамъ теперь заглянуть въ отдаленный, грязный переулокъ: тамъ вамъ бросается въ глаза обвалившіяся домъ; немытые, оборванные ребятишки играютъ около водосточныхъ трубъ; растрепанные, нечесанныя женщины глазѣютъ на васъ, сидя безъ всякаго дѣла на порогѣ крыльца; вы чувствуете, что васъ окружаетъ нищета, а между тѣмъ хозяева этой лачуги и того чистенькаго помѣщенія получаютъ одинаковую недѣльную плату.

Отчего изъ двухъ земледѣльцевъ, работающихъ на одномъ и томъ же полѣ, или изъ двухъ фабричныхъ; одинъ веселъ, какъ птица всегда поетъ, одѣтъ опрятно, прилично? Каждое воскресенье утромъ, онъ непремѣнно принаридитси и отправляется съ семьей въ церковь; у него въ кошелькѣ всегда есть деньги, да сверхъ того кое-что лежитъ въ сберегательномъ банкѣ; онъ читаетъ книги, выписываетъ для себя газету, а для дѣтей какой-нибудь дешевый журналъ, тогда какъ его товарищъ, получающій даже больше жалованье, приходитъ ежедневно на работу пасмурный, печальный, постоянно ворчитъ, плохо одѣтъ, плохо обутъ; въ праздничные дни онъ не выходитъ изъ дому ранѣе полудня, да и то въ одномъ жилетѣ, немытый, нечесанный, съ покраснѣвшими, опухшими глазами; дѣти его бѣгаютъ по улицѣ безъ всякаго присмотра, въ карманѣ у него пусто въ продолженіи цѣлой недѣли, кромѣ вечера субботы, когда ему приходится расплачиваться съ долгами; онъ не состоитъ членомъ ни въ одномъ клубѣ, сбереженій не имѣетъ, живетъ изо дня въ день, ничего не читаетъ, не о чемъ не думаетъ, только работаетъ, пьетъ, ѣстъ и спитъ. Откуда же взялась такая страшная разница между этими двумя людьми?

Все это произошло отъ того, что одинъ развитъ умственно и эстетически; онъ выработалъ въ себѣ умѣнье жить; онъ не только счастливъ самъ, но распространяетъ чувство спокойствія и довольства на всѣхъ окружающихъ его. Другой, напротивъ, грубъ, неотесанъ, думаетъ только о питьѣ и ѣдѣ, ни о комъ ни о чемъ не заботится и живетъ жизнью неразумнаго животнаго.

За то первый пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовью; его примѣръ благодѣтельно дѣйствуетъ на среду, въ которой онъ вращается; втораго, напротивъ, всѣ избѣгаютъ; дѣти дрожатъ, заслышавъ шаги отца, жена въ тревогѣ, когда видитъ, что онъ пьяный возвращается домой. Никто о немъ не пожалѣетъ, когда онъ умретъ; осиротѣлая семья, на другой же день послѣ его смерти, поступитъ на содержаніе общества, если хозяева изъ жалости не выдадутъ ей пособія.

Вотъ почему каждый долженъ стараться пріобрѣсти умѣнье жить. Обладая этимъ умѣньемъ, даже люди совершенно бѣдные могутъ извлечь радость и наслажде-

ніе изъ жизни, и свѣтъ Божій перестаетъ быть для нихъ юдоль плача.

Все зависитъ отъ самого же человѣка; ему слѣдуетъ постоянно поддерживать въ себѣ веселое расположеніе духа, бороться съ страстями, не давать воли вспыльчивости и раздраженію, словомъ, воспитывать себя, развивать свои добрыя наклонности, часто засыпающія въ насъ, читать побольше книгъ, вращаться въ средѣ честныхъ, порядочныхъ людей, стараться пріобрѣсти уваженіе общества и служить хорошимъ примѣромъ для молодаго поколѣнія.

Умѣнье жить, какъ мы замѣтили уже выше, лучше всего отражается на домашнемъ быту, а чтобы домашній бытъ можно было назвать счастливымъ, первое для этого условіе—комфортъ.

Тамъ, гдѣ всѣ ссорятся, гдѣ царствуетъ грязь, безпорядокъ и неряшество — комфортъ немыслимъ. Мужъ, напримѣръ, неусыпно трудится все утро, съ отрадной надеждой отдохнуть дома. Въ его отсутствіе заботливая жена все вычиститъ, вымоетъ, приберетъ, приготовитъ сама блюда, которыя онъ любилъ, накроетъ столъ и придастъ такую прелесть и уютность скромному домашнему уголку, что, конечно, ужъ никакой клубъ или трактиръ не выманятъ мужа оттуда, и онъ съ наслажденіемъ проведетъ этотъ и всѣ прочіе вечера въ своей семьѣ.

Нѣкоторые находятъ, что англичане слишкомъ уже поклоняются комфорту, что слово это исключительно англійское и что его невозможно точно перевести ни на какой иностранный языкъ. Это мнѣніе совершенно

вѣрно. Комфортъ не мыслимъ безъ камина, а южные жители живутъ, по большей части, внѣ дома, уличной жизнью: у нихъ вѣчное солнце; они цѣлый день гуляютъ, въ свой домъ заходятъ только для того, чтобы ѣсть и спать. Даже едва-ли можно сказать, что они живутъ у себя дома.

Въ Англіи совсѣмъ другое дѣло. Дурная погода и холодъ, царствующіе тамъ большую часть года, невольно загоняютъ всѣхъ въ комнаты; вотъ почему въ Англіи существуетъ такъ много домашнихъ развлеченій, вотъ почему слово *домашній уголъ* вызываетъ въ воображеніи англичанъ такъ много пріятныхъ воспоминаній и вотъ почему они создали себѣ идола изъ слова *комфортъ*.

Англичанамъ недостаточно имѣть уголъ: имъ нуженъ комфортабельный домашній уголъ; горе быть бездомнымъ, но горе также имѣть свой домъ, но не уютный, безъ всякаго комфорта, въ родѣ напримѣръ, такого, о которомъ Ламбъ говоритъ слѣдующее: «домъ очень бѣднаго не можетъ назваться домомъ.» Значитъ, комфортъ —это *все* въ домашнемъ быту, его главная основа, его жизненный элементъ.

Подъ словомъ комфортъ подразумѣвается не только теплое помѣщеніе, красивая мебель, хорошій столъ и дорогія вина, но въ тоже время — чистота, свѣжій воздухъ и порядокъ. Комфортъ есть почва, на которой человѣкъ развивается и физически, и нормально; онъ служитъ безисомъ для многихъ добродѣтелей.

Комфортъ не требуетъ непремѣнно богатства. Скромный домъ бѣдняка, снабженный предметами первой не-

обходимости и имѣющій во главѣ чистоплотную, разсудительную хозяйку, можетъ заключать въ себѣ всѣ условія для комфортабельной жизни. Отсутствіе комфорта, въ большинствѣ случаевъ, есть признакъ недостатка основательныхъ понятій о домашнемъ хозяйствѣ.

Однако, должно сознаться, что комфортъ — вещь относительная. То, что для одного комфортъ, для другаго —страшное лишеніе. Въ настоящее время самый простой механикъ считалъ бы для себя величайшимъ несчастіемъ, еслибы ему пришлось жить такъ, какъ нѣсколько столѣтій тому назадъ живали наши предки дворяне, т. е. спать на соломѣ, настланной на тростниковомъ полу. Вильгельмъ-Завоеватель не носилъ рубашки, въ окнахъ его не было стеколъ; Англійская Королева Елизавета первая начала носить чулки, а до нея всѣ королевы ходили на босую ногу.

Комфортъ много зависитъ отъ самихъ людей; если хозяинъ или хозяйка дома умны, привѣтливы, распорядительны, радушны, то они могутъ придать особенную прелесть самой скромной домашней обстановкѣ. «Лучше блюда зелени и при немъ любовь, чѣмъ откормленный быкъ и при немъ ненависть.»

Благоразумные, добрые, уживчивые, образованные люди всегда умѣютъ сдѣлать свой домъ пріятнымъ, полнымъ комфорта; они ласково принимаютъ гостей, всегда найдутъ чѣмъ прилично угостить ихъ, и все это дѣлаютъ не изъ тщеславія, а отъ искренняго сердца.

Люди постигшіе значеніе слово комфортъ, содержатъ свои дома въ большомъ порядкѣ; хозяйство у нихъ ведется правильно, систематически; одѣваются

они сами прилично и удобно; у нихъ для зимы и для лѣта все припасено заранѣе. За модой они особенно не гонятся; они купятъ себѣ скорѣе лишнюю пару чулокъ, чѣмъ дорогое кольцо; бѣлье у нихъ хорошее, но занавѣски на окнахъ не кружевныя; мебель прочная и покойная; вы съ удовольствіемъ на ней сидите, хотя она не рѣзная.

Организація домашняго быта зависитъ прежде всего отъ женщины; она глава хозяйства и отвѣчаетъ за все, что происходитъ въ домѣ. Жизнь мужчины, такъ сказать, вращается вокругъ этого солнца семьи; счастье, довольство, благосостояніе мужа, дѣтей и домашнихъ, въ рукахъ женщины—жены, матери, хозяйки. Какъ бы ни былъ бережливъ мужъ, но если у него хозяйство ведется не экономически, то его хлопоты о сбереженіи денегъ будутъ напрасны.

Счастливъ тотъ, кто, отправляясь на работу или на службу, знаетъ, что у него дома все будетъ сдѣлано, куплено и приготовлено самымъ экономическимъ образомъ хозяйкой-женой. Такая жена не только не оцѣнена для мужа, но еще служитъ превосходнымъ примѣромъ для всѣхъ ея окружающихъ. Примѣръ на практикѣ полезнѣе всякой книги.

Къ числу разныхъ достоинствъ женщины принадлежитъ и способность къ рукодѣлью. По словамъ Песталоцци, дѣвушка половину воспитательнаго курса проходитъ въ упражненіи ея рукъ. Но при рукодѣліи необходимо и интеллектуальное развитіе; интеллектуальное же развитіе должно идти рука объ руку съ бережливостью; кромѣ того умной, рукодѣльной женщи-

нѣ нужно знать основательно, какъ вести домашнее хозяйство.

Для веденія же хозяйства необходимъ методъ.

Въ настоящее время, при воспитаніи женщинъ, никто не обращаетъ вниманія на то, чтобы онѣ методически исполняли свои обязанности. Ихъ слѣдуетъ съ дѣтства пріучать дѣлать все по методу. Отчего случается, большею частью, что поваръ готовитъ лучше кухарки? Положительно потому, что мужчина систематически исполняетъ свои обязанности и старается соблюсти пропорцію и мѣру въ припасахъ, употребляемыхъ имъ на кухнѣ.

Одинъ извѣстный докторъ сказалъ, что женщины, по его мнѣнію, совершенно не умѣютъ цѣнить времени. Такъ или иначе, но имъ надо быть болѣе аккуратными, а къ этому слѣдуетъ привыкать съ ранняго возраста.

Въ хозяйствѣ, повторяемъ мы, методъ не избѣженъ Правильное распредѣленіе времени облегчаетъ трудъ прислуги; всѣ въ домѣ знаютъ, когда что дѣлается, и господа избавлены отъ труда ежедневно отдавать однѣ и тѣ же приказанія. Точность сберегаетъ очень много труда.

Наконецъ, методъ для женщины необходимъ при отпускѣ денегъ на домашніе расходы; если она безпечно будетъ относиться къ издержкамъ на хозяйство, деньги потекутъ у нея, какъ вода.

Мотовки женщины едва ли не хуже мотовъ мужчинъ. Многія изъ нихъ положительно не умѣютъ обращаться съ деньгами; вы нерѣдко увидите гофрированныя оборки рядомъ съ плохо-заштопанными чулками, хорошенькую шляпку — и ботинки съ заплатами, шелковое платье — и грязную юбку. Мужья подобныхъ женъ ходятъ совершенными оборванцами, и въ не чистомъ бѣльѣ.

Трудолюбіе — самая важная вещь въ домашнемъ хозяйствѣ, но и эта добродѣтель не принесетъ большой пользы безъ метода. Надо умѣть дѣлать все своевременно, безъ суеты, безъ шума.

Благоразуміе есть второе очень важное качество хозяйки дома; это, такъ сказать, практическая мудрость женщины; благоразуміе пріобрѣтается житейскимъ опытомъ; оно научаетъ женщину здраво смотрѣть на вещи и дѣйствовать такъ, какъ слѣдуетъ.

Точность составляетъ необходимое условіе для хорошаго хозяйства. Сколькихъ поводовъ къ ропоту со стороны прислуги мы устранили бы, если бы болѣе обращали вниманія на эту добродѣтель. Завтракъ и обѣдъ требуются не во время, барыня опаздываетъ въ церковь, кухарка опаздываетъ на рынокъ, чистка комнатъ поднимается тогда, когда уже вся семья встала, мытье посуды длится до полуночи, подается счетъ, а хозяйка отсылаетъ назадъ, говоря: придите завтра! приглашеніе на обѣдъ или на вечеръ къ знакомымъ принимается и забывается, обѣщанія даются и не исполняются; словомъ, разсѣянная не аккуратная хозяйка навлекаетъ себѣ на голову бездну мелкихъ, но самыхъ непріятныхъ дрязгъ. Безпорядочная женщина не пользуется ни чьимъ уваженіемъ, даже своей прислуги; она посягаетъ на чужое время, путаетъ распоряженія:

является всюду не тогда, когда ее ждутъ, сердитъ и раздражаетъ всѣхъ, явно показывая своимъ знакомымъ, что она не считаетъ особенно нужнымъ быть относительно ихъ аккуратной. Для человѣка занятаго время — деньги, а для дѣльной хозяйки — это все — и домашній миръ, и комфортъ, и домашнее благоденствіе.

Устойчивость также должна быть причислена къ домашнимъ добродѣтелямъ. Составивъ себѣ какой-нибудь планъ или задавшись какой-нибудь цѣлью, женщина должна неуклонно доводить дѣло до конца; рано или поздно, она пожнетъ плоды своего терпѣнія и ея добрый примѣръ не пройдетъ безслѣдно относительно вліянія на всѣхъ домашнихъ.

Въ доказательство справедливости всего нами сказаннаго мы могли бы привести читателямъ много примѣровъ, но размѣръ книги заставляетъ насъ просить ихъ взять изъ собственныхъ воспоминаній образцы, подходящіе къ приведеннымъ нами правиламъ.

Благополучіе семьи зависитъ отъ хорошаго характера хозяина и хозяйки дома. Сдержанность великая добродѣтель; кротостью, лаской и снисхожденіемъ можно сдѣлать вдвое болѣе, чѣмъ строгостью. Каждый отецъ семейства обязанъ слѣдить за своимъ поведеніемъ и не давать себѣ опускаться. Пріятно ли женѣ и дѣтямъ видѣть, что онъ возвращается домой въ пьяномъ видѣ? Пріятно ли имъ слышать его брань и проклятія? Мы не можемъ назвать ничего отвратительнѣе привычки простаго народа браниться площадными словами. Это непростительное безстыдство и кощунство профанируетъ человѣческое достоинство!

По поводу послѣдняго обстоятельства намъ пришло въ голову, что англичане отличаются очень грубыми манерами; они постоянно нахмурены и неподатливы на разговоръ.

Манеры, конечно, не главное въ человѣкѣ, но онѣ придаютъ ему много пріятнаго. Есть люди чрезвычайно благородные по природѣ, честные, добродѣтельные, но невыносимые въ обществѣ. Настоящій джентльмэнъ всегда вѣжливъ, предупредителенъ и съ изящными манерами.

Изящныя манеры, въ нашихъ глазахъ совсѣмъ не то, что условныя приличія. На эти послѣднія высшее общество смотритъ, какъ на законъ, между тѣмъ какъ бываютъ случаи, что соблюденіе такого закона равняется грубости. Приличіе не позволяетъ, напримѣръ, порядочному человѣку публично поклониться или протянуть руку человѣку въ поношенномъ пальто, будь это хоть его родной братъ.

Приличіе безсовѣстно лжетъ, приказывая швейцару говорить: «нѣтъ дома!» если посѣтитель явится не въ назначенный для пріема часъ.

Человѣкъ съ хорошими манерами непремѣнно вѣжливъ, любезенъ и привѣтливъ. Манерамъ научаются не изъ книгъ, а изъ наглядныхъ примѣровъ. Находятъ, что вѣжливость служитъ средствомъ къ тому, степень уваженія, которую къ нимъ питаютъ; но благовоспитанный человѣкъ будетъ вѣжливъ даже къ лицамъ совершенно ему не знакомымъ. Хорошія манеры ничто иное, какъ умѣнье держать себя въ обществѣ; онѣ усиливаютъ пріятное впечатлѣніе, производимое нашими

дѣйствіями; самое доброе дѣло, облеченное въ грубую форму, утрачиваетъ половину своей цѣны.

Нѣкто задолжалъ и обратился къ своему богатому пріятелю за помощью. Тотъ далъ ему просимую сумму, но сказалъ при этомъ: «Возьми эти деньги, но знай, что я не люблю давать деньги взаймы!» Помощь сопровождалась нравственнымъ пинкомъ, и едва ли было пріятно воспользоваться ею.

Такая манера оказывать услуги должна горько отзываться въ душѣ получателя. Быть вѣжливымъ, значитъ быть ласковымъ; это лучшій цементъ для человѣческихъ отношеній.

Разсказываютъ, какъ одинъ бѣдный солдатъ вошелъ въ парикмахерскую и началъ убѣдительно просить хозяина дать ему немного денегъ, чтобы доѣхать въ омнибусѣ до мѣста расположенія полка, прибавивъ, что если онъ опоздаетъ, то подвергнется самому строгому наказанію. Парикмахеръ вѣжливо выслушавъ солдата и подалъ ему гинею. «Да благословитъ васъ Богъ! воскликнулъ тотъ, пораженный такою щедростью. — Чѣмъ мнѣ отплатить вамъ? У меня нѣтъ ничего, кромѣ этого— онъ вытащилъ изъ кармана клочекъ грязной бумаги: вотъ вамъ рецептъ, какъ дѣлать ваксу; другой такой ваксы вы нигдѣ не найдете; господа офицеры раскупили у меня много уже коробокъ и платили по полугинеѣ за каждую. Отъ души желаю, чтобы моя вакса принесла вамъ пользу и отплатила за оказанную помощь бѣдному солдату.» Случилось такъ, что по милости грязнаго клочка бумаги, парикмахеръ нажилъ полмилліона. Полученный имъ отъ солдата рецептъ заключалъ въ себѣ секретъ знаменитой ваксы, и парикмахеръ сдѣлался извѣстнымъ богачемъ.

Вѣжливыя манеры составляютъ какъ бы исключительный признакъ людей высшаго круга; но бѣдные люди точно также могутъ относиться вѣжливо другъ къ другу; у иного нѣтъ и пенни въ карманѣ; а онъ вѣжливъ и привѣтливъ со всѣми не хуже богача. Есть, конечно, такія счастлитыя натуры, у которыхъ хорошія манеры и вѣжливость врожденныя, но большинству людей нужно прививать эти качества съ дѣтства.

Повторяемъ, рабочихъ слѣдовало бы учить хорошимъ манерамъ. Отчего они не оказываютъ другъ другу уваженія? отчего они грубы между собою? Насъ поразила вѣжливость простаго народа на континентѣ; тамъ рабочіе раскланиваются при встрѣчѣ съ товарищами. Этимъ они не наносятъ никаго ущерба чувству собственнаго достоинства; снимая шапку передъ товарищемъ, рабочій только выказываетъ свое уваженіе къ нему. Въ этомъ случаѣ французы могутъ служить для всѣхъ хорошимъ примѣромъ. Кромѣ того, что они вѣжливы другъ съ другомъ, они считаютъ неприкосновенной чужую собственность. Нѣкоторые могутъ усомниться въ этомъ, вспомнивъ недавнее разрушеніе главныхъ зданій въ Парижѣ, но вѣдь на коммунистовъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на особенную породу людей, а чтобы получить вѣрное понятіе о характерѣ французскаго народа вообще, надо поближе приглядѣться къ населенію, живущему въ деревняхъ, внутри страны, тогда мы убѣдимся, что этотъ народъ гораздо болѣе уважаетъ чужую собственность, чѣмъ всѣ прочіе. Тамъ ни одинъ нищій не позволитъ

себѣ сорвать яблоко или грушу съ чужаго дерева, хотя бы оно росло на дорогѣ.

Причина этого кроется въ томъ, что Франція есть страна, состоящая изъ мелкихъ владѣній, ничѣмъ не отдѣленныхъ одно отъ другаго, вслѣдствіе чего, простой народъ воспитываетъ дѣтей въ правилахъ уваженія къ чужой собственности.

Но кромѣ уваженія къ чужой собственности, дѣтямъ всѣхъ классовъ во Франціи строго внушается уваженіе къ чувствамъ другаго; вы рѣдко встрѣтите тамъ грубаго человѣка; народъ въ высшей степени тамъ вѣжливъ съ иностранцами, а также и между собою.

Уваженіе къ чувствамъ другаго, говоритъ Самуэль Лэнгъ, есть великое нравственное качество; оно можетъ принести громадную пользу народному развитію, если его принять къ семейному воспитанію. Родители и дѣти одинаково выиграли бы отъ этого въ нравственномъ отношеніи.

Тоже привѣтливое обхожденіе существуетъ во Франціи и между рабочими, при постоянныхъ ихъ встрѣчахъ съ товарищами въ мастерскихъ, на улицахъ и дома.

Стоитъ только попробовать ласково глядѣть на людей, не гнушаться разговорами съ ними, и привычка вѣжливости незамѣтно привьется къ нимъ. Мы не столько другимъ доставляемъ удовольствія своими вѣжливыми манерами, сколько самимъ себѣ. Подставьте стулъ женщинѣ или почетному старику, какъ бы ни была ничтожна такая услуга, вы невольно сознаете и ощущаете внутреннее удовольствіе отъ сознанія, что оказали вниманіе кстати.

Рабочимъ потому бы ужъ слѣдовало вѣжливѣе обращаться съ товарищами, что необходимость заставляетъ ихъ постоянно сталкиваться между собою. Богатые люди находятся совсѣмъ въ другомъ положеніи; они видятся только съ тѣми, кто имъ нуженъ, и сами составляютъ кружокъ близкихъ имъ людей, между тѣмъ какъ рабочему некуди скрыться отъ товарищей, работающихъ въ одной съ нимъ мастерской; даже дома у него нѣтъ отдѣльнаго угла и онъ вѣчно видитъ предъ собою жену и дѣтей. Вотъ почему жить въ мирѣ и дружбѣ съ окружающими дѣлается для него необходимостью, въ противномъ случаѣ ему придется постоянно выносить оскорбленія и выслушивать упреки и брань.

Положимъ, людямъ рабочаго сословія нѣкогда думать объ изящныхъ манерахъ: ихъ обстоятельства слишкомъ стѣснены и ежедневныя нужды слишкомъ велики, чтобы они имѣли время хлопотать еще о перевоспитаніи себя; но развѣ трудно пріучить себя быть вѣжливымъ и ласковымъ съ товарищами и своими домашними? А вѣдь это-то и составляетъ securityованіе хорошихъ манеръ. Стоитъ только человѣку не грубо отвѣчать, если къ нему обратятся съ вопросомъ, не браниться, если ему помѣшаютъ въ занятіяхъ и быть поснисходительнѣе къ грубости другаго и онъ незамѣтно сдѣлается вѣжливымъ. За то, какъ отрадно ему будетъ видѣть перемѣну въ обхожденіи съ нимъ всѣхъ окружающихъ; дома его встрѣчаютъ съ радостью, товарищи относятся къ нему съ гораздо большей откровенностью и дружбой, хозяева видимо отличаютъ его, и все это только вслѣдствіе того, что онъ измѣнилъ свои манеры. Два, три вѣжливыхъ

рабочихъ непремѣнно повліяютъ своимъ примѣромъ на прочихъ товарищей, и тѣ невольно начнутъ стараться имъ подражать. Вотъ именно такимъ образомъ Веніамину Франклину удалось перевоспитать цѣлую мастерскую рабочихъ.

Домашнія невинныя игры также много способствуютъ выработкѣ въ простолюдинѣ хорошихъ манеръ и ловкости. Нельзя же цѣлые дни только работать, ѣсть и спать; непремѣнно слѣдуетъ посвящать часть свободнаго времени умственнымъ занятіямъ и физическимъ упражненіямъ.

Развлеченіе необходимо для трудящагося человѣка, въ особенности для дѣтей въ школахъ. Видя, напримѣръ, что передъ какимъ нибудь домомъ взрослые мужчины и мальчики играютъ въ мячъ, не думайте, что они тратятъ понапрасно время: напротивъ, они сберегаютъ жизнь.

Дѣлайте какъ можно болѣе движенія, развлекайтесь чаще, если хотите постоянно пользоваться хорошимъ здоровьемъ. Ежели вы упорно сидите надъ работой и не двигаетесь, то такой образъ жизни не замедлитъ отозваться на вашемъ организмѣ.

Лордъ Дебри сказалъ: «у ученыхъ, которые находятъ, что у нихъ нѣтъ времени для ежедневной прогулки, рано или поздно, окажется время для болѣзни».

Нѣкоторымъ мизантропамъ хотѣлось бы уничтожить всевозможныя общественныя удовольствія, подъ тѣмъ предлогомъ, что они развращаютъ человѣчество: но это вопіющая несправедливость, потому что Богъ создалъ

природу на утѣшеніе людямъ и вложилъ въ каждое живое существо способность радоваться и наслаждаться.

На насъ лежитъ святая обязанность, не только никогда не падать духомъ и ни смотрѣть мрачно на вещи, но и подавать въ этомъ примѣръ другимъ. Преступленія, большею частью, совершаются людьми, которые не знали удовольствій въ жизни, не испытывали на себѣ благотворнаго вліянія природы и держались въ сторонѣ отъ общества.

Человѣку присуще желаніе отдохнуть и развлечься; это естественная потребность, которую заглушить невозможно; невинное удовольствіе гораздо благотворнѣе дѣйствуетъ на него, чѣмъ десятки благочестивыхъ проповѣдей. Если насъ лишатъ возможности пользоваться такими удовольствіями, то мы непремѣнно обратимся къ удовольствіямъ порочнымъ.

Очень вѣрно сказалъ по поводу этого Сиднэй Смитъ: «чтобы побѣдить порокъ, надо заглушить его чѣмъ-нибудь хорошимъ.»

Распространители трезвости не обратили вниманія на то, что наклонность народа къ пьянству есть послѣдствіе грубости его вкусовъ и ограниченности невинныхъ, развивающихъ умъ и сердце развлеченій.

Рабочій классъ, по большей части, находится еще въ коснѣніи; надъ нимъ тяготѣетъ ежедневная нужда; онъ считаетъ высшимъ для себя удовольствіемъ удовлетвореніе своихъ животныхъ инстинктовъ и въ свободные часы пьетъ безъ просыпа.

Въ старину нѣмцы считались первѣйшими пьяницами; теперь же это самый трезвый народъ. Въ Англіи суще-

ствуетъ пословица: «пьянъ какъ нѣмецкій мужикъ» Чѣмъ же вылѣчилась Германія отъ этого порока? Воспитаніемъ и музыкой.

Да, музыка чрезвычано гуманизирующее искусство, и упражненіе въ ней очень благодѣтельно вліяетъ на общественные нравы; музыка есть источникъ наслажденій въ домашнемъ быту; она придаетъ особенную прелесть общественнымъ собраніямъ.

Отецъ Матье, старавшійся съ такимъ успѣхомъ распространить трезвость въ Ирландіи, не даромъ хлопоталъ объ учрежденіи тамъ клубовъ хороваго пѣнія; онъ понялъ, что, отнявъ у народа водку, надо дать ему взамѣнъ этого какое-нибудь здоровое, возбуждающее развлеченіе. Но мы опасаемся, что добрыя намѣренія отца Матье не встрѣтятъ послѣдователей.

Введеніе музыки въ общій образовательный курсъ въ народныхъ школахъ прекрасно подѣйствовало бы на народъ. Отчего бы и въ другихъ странахъ дѣтямъ не пѣть въ классахъ, какъ это дѣлается въ Германіи? Тогда въ каждой семьѣ былъ бы свой маленькій хоръ; въ свободное отъ работъ время и взрослые могли бы пѣть хоромъ, какъ, напримѣръ, солдаты въ Германіи въ походѣ. Работа нисколько не пострадала бы отъ музыкальныхъ упражненій мастеровыхъ.

Выше мы назвали опрятность и порядокъ главными условіями комфорта; но не мѣшало бы людямъ небогатымъ заботиться, по возможности, и о введеніи нѣкотораго рода изящества въ своей домашней жизни. Мы не говоримъ о причудливыхъ затѣяхъ, требующихъ большихъ денегъ—о дорогомъ форфорѣ, бронзѣ, бархатной

мебели и т. п.; но цвѣты—конечно не экзотическія растенія—а какой-нибудь горшокъ розъ, резеды, душистаго горошка стоятъ бездѣлицу, а доставляютъ огромное наслажденіе.

Нѣтъ ничего невиннѣе, чище и прекраснѣе цвѣтка. Благодаря его благоуханію, воздухъ въ комнатѣ дѣлается свѣжѣе; нѣжные листки розы и бархатная зелень ея листовъ отрадно ласкаютъ глазъ; вы съ удовольствіемъ взглянете на цвѣтокъ, поднявъ голову отъ утомительности, сухой работы и во время остановитесь. Роза напоминаетъ вамъ садъ или цвѣтникъ, гдѣ она выросла, и вы въ воображеніи перенесетесь на нѣсколько минутъ въ среду природы.

Какія бы ни были дешевые цвѣты, они вліяютъ благотворнѣе на организмъ человѣка, на его вкусъ и даже на расположеніе духа, чѣмъ всѣ причуды комфорта, придуманныя причудами избалованнаго богачами. Цвѣтокъ—это ласковый, кроткій товарищъ; онъ всегда вамъ улыбается; не пренебрегайте же имъ потому только, что онъ дешевъ. Если бы чистый воздухъ и солнечный свѣтъ отпускались намъ на деньги, они считались бы роскошью, а тамъ какъ они даровые, то мы часто вовсе не дорожимъ ими.

Вообще природа, сама по себѣ, представляетъ намъ богатый запасъ развлеченій и удовольствій; но мы относимся къ нимъ какъ-то равнодушно. Вотъ потому то намъ и слѣдуетъ пріобрѣтать умѣнье извлекать для себя наслажденія изъ всего, насъ окружающаго.

Даже человѣку съ очень ограниченными средствами въ настоящее время, не трудно пріобрѣсти себѣ слѣдующія условія домашняго комфорта: чистенькую, хотя неболь-

шую квартиру, гдѣ бы все отличалось опрятностью и порядкомъ, нѣсколько хорошихъ книгъ на столѣ, никакихъ кредиторовъ на крыльцѣ, достаточно провизіи въ кладовой и цвѣты на окнахъ.

Наконецъ, кромѣ цвѣтовъ, стѣны такой уютной квартиры могутъ быть украшены и произведеніями искусствъ. Благодаря усовершенствованіямъ нынѣшняго вѣка, за сравнительно ничтожную цѣну можно пріобрѣсти гравюры, литографіи, фотографіи и снимки съ самыхъ знаменитыхъ картинъ. Наука и изобрѣтательность сдѣлали искусство живописи доступнымъ даже для самыхъ бѣдныхъ людей.

Изображеніе какого-нибудь героическаго подвига, пейзажа, уличной сцены,—все это способствуетъ развитію изящнаго вкуса, служитъ средствомъ къ самообученію для людей небогатыхъ, а главное для дѣтей. Зрители невольно переносятся изъ будничной жизни въ поэтическій міръ, вдохновившій артиста.

Портреты великихъ людей возбуждаютъ въ насъ всегда желаніе познакомиться съ ихъ жизнью поближе; смотря на нихъ по цѣлымъ днямъ, мы какъ будто роднимся съ съ ними духомъ и ихъ благородный примѣръ не рѣдко служитъ намъ опорой и руководствомъ въ нашихъ дѣйствіяхъ.

Разсказываютъ объ одномъ католикѣ-ростовщикѣ, что онъ, собираясь обсчитать кого-нибудь, всегда завѣшивалъ кисеей лице святаго, изображеніе котораго висѣло у него на стѣнѣ. Такимъ образомъ одинъ видъ высоко нравственной личности пробуждалъ уже угрызенія совѣсти въ душѣ черстваго ростовщика; какое же вліяніе должны оказывать портреты замѣчательныхъ своими дѣяніями людей на болѣе честныя натуры, въ особенности на дѣтей?

Повторяемъ, что для картины вовсе не требуется, чтобы она была дорого заплачена, если она сама по себѣ хороша. Намъ случалось видѣть такія, за которыя платили по нѣсколько сотъ гиней, и все-таки онѣ не имѣли сотой доли красокъ рафаэлевской Мадонны, рѣзанной на деревѣ Линтономъ, которую можно пріобрѣсти за два пенни. Гласлитъ сказалъ о ней однажды, что въ ея головкѣ такъ много чистаго, святаго выраженія, что при ней совѣстно сдѣлать что-нибудь нехорошее. Это небесный лучъ, заглянувшій въ домъ человѣка.

Охотники до картинъ не столько цѣнятъ достоинства ихъ, сколько древность; для бѣдныхъ же людей важнѣе смыслъ картины, нежели ея цѣнность, и они, конечно, болѣе наслаждаются какой-нибудь дешевой Мадонной, чѣмъ иной милліонеръ тысячнымъ произведеніемъ стариннаго живописца.

Если простенькая по содержанію картина, которую вы пріобрѣли въ нынѣшнемъ году, черезъ нѣсколько лѣтъ надоѣстъ вамъ, купите себѣ другую, лучшую; это хорошій знакъ, показывающій, что вашъ изящный вкусъ развивается. Вотъ въ томъ-то и состоитъ польза украшеніе стѣнъ картинами.

Если у васъ есть средства вставлять ихъ въ рамки,—тѣмъ лучше; если нѣтъ, прибивайте ихъ просто къ стѣнѣ.

Правда, Оуенъ Джонсъ сказалъ однажды, что увѣшивать стѣны дешевыми гравюрами есть признакъ дурнаго вкуса; но мы возразимъ ему на это, что на голыя стѣны, при самой богатой меблировкѣ, непріятно смотрѣть.

Художникамъ должно быть въ высшей степени отрадно, что ихъ произведенія, въ видѣ фотографій и гравюръ, сдѣлались теперь общедоступными. Рѣзчики на мѣди, на деревѣ, фотографы служатъ проводниками искусства въ массы народа. Картины Тернера не составляютъ уже теперь исключительной собственности богачей; граверы перенесли ихъ въ формѣ литографій, въ хижины самыхъ скромныхъ поселянъ. Тоже случилось и съ картинами Ари Шеффера и Лэндсира.

Итакъ, умѣнье жить можетъ проявляться въ различныхъ формахъ; оно выражается въ немногихъ словахъ: умѣть пользоваться всѣмъ окружающимъ насъ, не пренебрегая даже мелочами. Развивъ въ себѣ эту способность, мы будемъ находить особую прелесть въ своемъ домашнемъ быту и съ такимъ же наслажденіемъ будемъ гулять въ лѣсахъ и паркахъ богача-сосѣда, какъ если бы они принадлежали намъ. Воздухъ, солнце, зелень луговъ, бѣгущія по небу прозрачныя облака, цвѣты—все должно составлять для насъ предметъ радости, мы должны любить землю, какъ нашу общую мать, должны сочувствовать природѣ въ каждомъ ея проявленіи. Всеобъемлющая любовь къ человѣчеству пробуждаетъ самыя высокія стремленія въ нашей душѣ, и подъ ея вліяніемъ мы не только сами себя дѣлаемъ счастливыми, но и другимъ даемъ счастіе. Просвѣтленные, очищенные этой любовью, мы становимся выше земнаго ничтожества и стремимся къ безконечному совершенству,—этому звену, соединяющему насъ съ загробнымъ міромъ, гдѣ, рано или поздно, всѣмъ намъ откроется великая тайна жизни.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Житейскія истины.

(Уашингтонъ, Ирвингъ, Смайльсъ и Миль).

Чтобы исполнить законы правды, человѣкъ не долженъ заботиться исключительно о самомъ себѣ, но исполнять и лежащія на немъ обязанности, относительно другихъ; пусть каждый человѣкъ пріучится смотрѣть на себя, какъ на высшее созданье, и не забываетъ никогда великаго назначенія въ жизни; пусть онъ чаще думаетъ о вѣчныхъ міровыхъ интересахъ, въ которыхъ каждый изъ насъ имѣетъ свою долю, о великихъ законахъ природы, о провидѣніи, объ интеллектуальныхъ способностяхъ, которыми оно его дарило; пусть онъ чаще себѣ напоминаетъ это, и тогда разовьется въ немъ чувство самоуваженія.

Поэтому каждый изъ насъ долженъ уважать самого себя, свой характеръ, свой умъ. Самоуваженіе, порождая самолюбіе, служитъ первой ступенью къ усовершенствованію; оно побуждаетъ человѣка идти впередъ, имѣть въ виду высшія цѣли, развивать свои умственныя способности и улучшать свое положеніе. Самоуваженіе есть корень большинства добродѣтелей, какъ-то: честности, трезвости, чистоплотности, цѣломудрія и бла-

гочестія. Нѣтъ ничего гибельнѣе для человѣка, какъ унизительное мнѣніе о самомъ себѣ; это первый признакъ нравственнаго паденія, шагъ къ пропасти, на днѣ которой—безчестіе. Болѣе или менѣе, каждый изъ насъ можетъ помогать себѣ. Мы, вѣдь, не соломенки, брошенныя въ потокъ, для указанія его теченія, мы одарены свободой воли, силой бороться съ волнами, плыть поверхъ ихъ; каждый изъ насъ слѣдуетъ своему теченію въ жизни. Одинъ выдвигается изъ толпы высокими нравственными качествами, другой—чистотою мыслей, третій—добрыми дѣлами, четвертый—трезвостью и умѣренностію въ пищѣ, пятый—бережливостью. Словомъ, мы можемъ, съ помощью полезныхъ книгъ и хорошихъ наставниковъ, находясь на землѣ, подчиняться духовному вліянію и жить для высшихъ цѣлей, для высшихъ стремленій.

Любовь къ самому себѣ и соціальная любовь—одно и тоже.

Человѣкъ, который старается усовершенствоваться, способствуетъ усовершенствованію всего человѣчества: личностью своей онъ увеличиваетъ количество хорошихъ людей въ массѣ; а такъ какъ масса составляется изъ отдѣльныхъ лицъ, то ясно, что усовершенствованіе одного человѣка неизбѣжно влечетъ за собою усовершенствованіе и цѣлаго общества. Значитъ, соціальное развитіе есть ничто иное, какъ результатъ развитія отдѣльныхъ личностей. Масса не можетъ быть нравственна, если составляющія ее личности безнравственны; общество есть зеркало въ которомъ отражается поведеніе частныхъ лицъ.

Человѣкъ, достигшій, болѣе или менѣе развитія, дѣлается способнымъ развивать тѣхъ, кто входитъ въ соприкосновеніе съ нимъ. Онъ пріобрѣтаетъ больше характера, кругозоръ его становится шире; онъ яснѣе видитъ недостатки другихъ людей и знаетъ, какъ ихъ исправить; онъ смѣлѣе можетъ подать людямъ руку помощи, потому что, выработанъ въ сознаніи долга, онъ обладаетъ авторитетомъ для убѣжденія другихъ въ необходимости исправленія себя.

Можетъ ли служить рычагомъ для поднятія нравственнаго уровня общества такой человѣкъ, который погрязъ въ тинѣ самоугожденія? Ему ли проповѣдывать о трезвости и чистоплотности, когда онъ самъ вѣчно пьянъ и грязенъ. «Врачъ, исцѣлися самъ,» сказали бы ему тогда люди.

Выводъ этихъ наставленій, говоритъ Смайльсъ; слѣдующій: желая ввести какія-нибудь частныя реформы или улучшенія, мы должны начать съ самихъ себя. Мы обязаны подавать примѣръ собственной своею жизнію, а потому намъ слѣдуетъ достигнуть прежде самоуваженія.

Мы часто слышимъ, какъ иные восклицаютъ: «Неужели намъ никто не поможетъ?» Это крикъ безнадежности, возмутительнаго малодушія, особенно когда онъ искупается людьми, которые, при небольшой дозѣ самоотверженія, умѣренности и бережливости, могли бы легко помочь сами себѣ.

Многимъ изъ насъ приходится напоминать, что знаніе, добродѣтель, свобода и благоденствіе должны вытекать сами изъ себя. Законодательство не въ силахъ сдѣлать многаго; оно не въ состояніи создать людей трезвыми, развитыми и достаточными.

Главныя бѣдствія большинства людей происходятъ отъ причинъ, вовсе не зависящихъ отъ законодательства.

Мотъ смѣется надъ законодательствомъ; пьяница и знать не хочетъ его и тратитъ деньги, не думая о будущемъ, и не стѣсняя себя ни въ чемъ, и, впослѣдствіи сваливая на другихъ причину своей нищеты.

«Неужели намъ никто не поможетъ?» Такой крикъ служитъ признакомъ малодушія; онъ свидѣтельствуетъ о совершенномъ отсутствіи понятія объ основныхъ началахъ личнаго благосостоянія. Человѣкъ долженъ искать помощи въ самомъ себѣ: мы рождены для самопомощи и самовоспитанія; мы обязаны сами заработывать себѣ свое благосостояніе. Сколько есть на свѣтѣ бѣдныхъ людей, которые достигли этого; почему-жъ бы каждому не слѣдовать ихъ примѣру? Мужество и энергія все побѣждаютъ.

Большинство людей, старыхъ и молодыхъ, принуждено заработывать свой насущный хлѣбъ. Но даже и тѣ люди, у которыхъ нѣтъ этой необходимости, по привычкѣ ли, по примѣру ли другихъ, или просто изъ чувства сознанія долга, стараются имѣть, болѣе или менѣе, постоянныя полезныя занятія. Однако люди современной эпохи, втянувшись въ трудъ, доставляющій имъ матеріальную пользу, бьются только изъ того, чтобы пріобрѣсти какъ можно больше выгодъ. Нельзя отрицать пользы устойчиваго труда, когда трудъ этотъ еще не доведенъ до конца; не должно также смотрѣть на себя, какъ на машину, добывающую деньги, такъ у насъ есть другія, болѣе возвышенныя потребности, которыя не могутъ быть удовлетворены однимъ матеріальнымъ трудомъ. Одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей бросилъ свое занятіе, приносившее ему громадный доходъ, на томъ основаніи, что онъ посредствомъ его, нажилъ достаточно денегъ для обезпеченія себя и ближнихъ ему отъ всякой нужды, и что онъ не видитъ причины, зачѣмъ ему посвящать остальную свою жизнь увеличенію капитала. Нѣкоторые люди находятъ, что они поступаютъ глупо; но можно быть увѣреннымъ, что упомянутый нами дѣятель никогда не раскаявался въ томъ, что сдѣлалъ.

Первый долгъ человѣка—заботиться о своемъ усовершенствованіи, постоянно развивать и воспитывать себя и стараться всѣми силами производить благотворное вліяніе на окружающихъ. Мы часто видимъ примѣры, какъ люди только силою воли, энергіей и твердостью характера съумѣли выдержать страшную борьбу съ жизнію, перенести нищету, оскорбленія, неудачи и, всплывъ наверхъ, доказали, что можетъ сдѣлать рѣшительный человѣкъ самъ собой.

Слѣдуетъ признать за фактъ, что человѣческое величіе, могущество націй, слава какихъ бы то ни было обществъ—все это пріобрѣтено не иначе, какъ рядомъ побѣдъ надъ испытаніями и препятствіями.

Пусть человѣкъ мысленно даетъ себѣ слово идти къ совершенствованію; это ужъ будетъ первымъ шагомъ къ прогрессу, а первый шагъ дѣло очень важное.

Совершенствуя себя, мы увлекаемъ впередъ и другихъ; очевидный примѣръ краснорѣчивѣе всякихъ словъ; видя нашъ успѣхъ, люди невольно будутъ стараться подражать намъ. Если бы большинство людей, имѣя передъ глазами дѣятельнаго, бережливаго, честнаго, энергиче-

скаго человѣка, стали дѣлать усилія, чтобы идти по его слѣдамъ,—какъ быстро усовершенствовалось бы наше общество! Оно составлено изъ единицъ и, чѣмъ болѣе счастливо развиты эти единицы, тѣмъ совершеннѣе общество.

Жалобы на неравность положеніе людей слышатся споконъ вѣка. Въ «Экономіи» Ксенофонта приводится разговоръ Сократа съ Изомакусомъ: «Отчего это происходитъ, что нѣкоторые люди живутъ въ изобиліи и могутъ даже откладывать излишекъ, а другимъ едва хватаетъ средствъ на удовлетвореніе первыхъ нуждъ и, кромѣ того, они еще входятъ въ долги?» спрашиваетъ Сократъ. «Причина кроется въ томъ, отвѣчаетъ Изомакусъ Сократу:—что одни тщательно занимаются своими дѣлами, а другіе относятся къ нимъ небрежно.»

Люди не всѣ одинаково развиты, не всѣ одинаково энергичны и способны къ дѣлу; во всякомъ случаѣ, основательный человѣкъ дѣйствуетъ осмотрительно, не рискуетъ послѣдними средствами и всегда поступаетъ честно, не увлекаясь быстрой наживой. Посмотрите внимательно вокругъ себя: съ кѣмъ случаются чаще всего неудачи? Съ человѣкомъ, который вѣчно ждетъ помощи отъ другихъ, вмѣто того, чтобы разсчитывать на самаго себя, съ неисправимымъ мотомъ, со скрягой, съ легкомысленнымъ и небережливымъ человѣкомъ. Да и могутъ ли эти люди надѣяться на успѣхъ, когда они выбрали себѣ ложный путь, и горькіе опыты жизни не служатъ имъ въ пользу. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что удача и счастіе вовсе не дѣло случая, какъ привыкли думать многіе изъ насъ: эти слова выражаютъ скорѣе умѣнье

человѣка ловко вести на практикѣ затѣянное имъ дѣло. Ришелье говорилъ обыкновенно, что не любитъ держать при себѣ людей, которымъ не везетъ, т. е. людей непрактическихъ, неспособныхъ почерпнуть для себя пользу въ прошедшихъ своихъ неудачахъ? неудачи въ прошломъ весьма часто служатъ предвѣстниками неудачъ въ будущемъ.

Есть очень много хорошихъ людей, способныхъ, но положительно лишенныхъ такта; они никогда не соображаются съ обстоятельствами и не примѣняютъ къ нимъ; они лѣзутъ на стѣну и летятъ оттуда внизъ головой, напоминая собою датчанина, описаннаго Уашингтономъ Ирвингомъ, который, собираясь перепрыгнуть черезъ ровъ, отошелъ отъ него на такое далекое разстояніе для того, чтобы лучше разбѣжаться, что когда достигъ рва, то принужденъ былъ сѣсть на его окраинѣ, чтобы перевести духъ.

Въ практической жизни требуется дѣло, а не слова; вотъ почему мы всегда болѣе дорожимъ людьми, имѣющими прямыя, ясныя цѣли и выбирающими къ нимъ самый краткій путь, чѣмъ тѣми, которые всѣмъ разсказываютъ о своихъ планахъ, толкуютъ, какъ лучше приступить къ дѣлу и сыплютъ фразами. Безъ дѣла, слова простое потрясеніе воздуха. Стремленіе къ успѣху и, въ особенности, къ наживѣ денегъ имѣетъ свою хорошую сторону; это свойство дано человѣку скорѣе для его пользы, чѣмъ для вреда, потому что жажда пріобрѣтенія служитъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій для обновленія общества; она дала столько энергіи и дѣятельности отдѣльныхъ личностей, положила начало море-

плаванію и торговлѣ, вызвала промышленность, сдѣлала человѣка независимымъ. Жажда пріобрѣтенія принудила людей трудиться, изобрѣтать и совершенствовать свои произведенія.

Изъ расточителей и лѣнтяевъ никогда не выходило знаменитостей; мы встрѣчаемъ ихъ только въ средѣ тѣхъ личностей, которыя не потеряли даромъ времени и содѣйствовали прогрессу человѣчества, или своей ученостью, или своими научными открытіями, или новыми изобрѣтеніями. Трудъ, отчасти, есть условіе нашего существованія; не даромъ еще у язычниковъ мы встрѣчаемъ слѣдующее изрѣченіе: «трудъ есть цѣна, назначенная богами всему прекрасному въ мірѣ.» Другими словами: трудомъ можно пріобрѣсти все прекрасное въ мірѣ. Мысль эта примѣнима и теперь.

Люди, при помощи благоразумныхъ распоряженій, всегда могутъ оградить себя отъ опасныхъ противниковъ, конкуренція съ которыми можетъ ихъ разорить. Если для этого недостаточно личныхъ условій труда и своихъ денежныхъ средствъ, то человѣкъ можетъ составить товарищество съ другими людьми, и тогда соединенныя силы ихъ могутъ развиться до громадныхъ размѣровъ.

Самая цивилизація есть ничто иное, какъ слѣдствіе союза образованныхъ людей. Миль говоритъ: «одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ человѣка надъ животнымъ заключается въ его способности дѣйствовать за одно съ другими людьми и достигать соединенными силами того, что не могло быть исполнено усиліями отдѣльныхъ личностей.

Удивительныя чудеса совершаетъ выправка! Подъ выправкой слѣдуетъ разумѣть дисциплину, нравственную дрессировку, воспитаніе. Самая лучшая выправка для простаго человѣка—это военная: она, такъ сказать, есть первоначальная воспитательная школа для всѣхъ націй. Долгъ повиновенія, единодушіе въ дѣйствіяхъ подъ предводительствомъ одного лица—все это входитъ въ воспитательный курсъ солдата. Всѣ наши солдаты, смѣло идущіе въ огонь, дружно аттакующіе крѣпости, сплошной массой двигающіеся противъ непріятельскихъ штыковъ, все это были портные, сапожники, земледѣльцы. Ходили они, бывало, сгорбившись, съ развальцемъ, махали руками или не знали, куда ихъ дѣвать, глядѣли на васъ разиня ротъ. А посмотрите на нихъ теперь! станъ выпрямленъ, плечи откинуты назадъ, лица веселыя, походка красивая, манеры сдержанныя. И дѣйствительно, выправка дѣлаетъ чудеса.

Націи, цивилизуясь, стали вводить различные методы дисциплины въ воспитательный кодексъ народа. Такъ родилась промышленная выправка; побѣды на поляхъ сраженій, опустошеніе непріятельской земли — уступили мѣсто конкуренціямъ въ произведеніяхъ. И сколько трофеевъ заслужила промышленность, сколько искусныхъ мастеровъ она создала, сколько работъ осуществила! Каждый промышленный процессъ совершается теперь отрядами строго выправленныхъ, дисциплинированныхъ ремесленниковъ.

Успѣхъ отдѣльныхъ личностей, равно какъ и цѣлыхъ обществъ, вполнѣ зависитъ отъ хорошей выправки и строгой дисциплины. Самый независимый человѣкъ непремѣнно подчиняется дисциплинѣ, и чѣмъ строже она,

тѣмъ человѣкъ лучше. Мы должны умѣть подчинять нравственной дисциплинѣ свои желанія, страсти, увлеченія. Монахъ всецѣло жертвуетъ собой дисциплинѣ и самоотверженію; дѣловой человѣкъ подчиненъ системѣ и порядкамъ своей службы; самая счастливая семья та, гдѣ дисциплина наиболѣе развита и наименѣе замѣтна; наконецъ, весь родъ человѣческій несомнѣнно подчиненъ законамъ природы, въ уздѣ, мы не чувствуемъ ея ярма. Сила привычки есть ничто иное, какъ сила нравственной выправки!

«Въ Англіи, говоритъ Смайльсъ, не смѣютъ и намекнуть о необходимости всеобщей военной повинности, и между тѣмъ, та страна, гдѣ весь народъ пройдетъ школу военной дисциплины, непремѣнно будетъ обладать сильной, трезвой, бережливой и смѣлой арміей. Бережливость, въ особенности, сдѣлается не рѣдкимъ примѣромъ, а вообще добродѣтелью.»

Подводная скала, о которую разбивается большинство людей, это — пренебреженіе мелочами. Вся наша жизнь есть, такъ сказать, сплетеніе мелочей; каждая изъ нихъ, сама по себѣ, сравнительно, ничтожна, а между тѣмъ, счастіе и успѣхъ человѣка зависятъ отъ того, какъ эти мелочи распредѣлены. Репутація наша созидается на мелочахъ, хорошо и добросовѣстно выполненныхъ: успѣхъ человѣка въ дѣлахъ зависитъ часто отъ того, что онъ не выпускаетъ изъ виду мелочей; домашній нашъ комфортъ есть чисто результатъ хорошо приспособленныхъ и кстати подготовительныхъ мелочей.

Большой запасъ знаній и опытности есть ничто иное, какъ слѣдствіе мелкихъ познаній и цѣлаго ряда маленькихъ опытовъ. Тотъ, кто въ жизни ни чему не учится и не набирается опытности, прямо стремится къ гибели, а все отъ того, что онъ пренебрегаетъ мелочами. Подобные люди жалуются, что имъ на свѣтѣ все идетъ наперекоръ, тогда какъ, въ сущности они сами себѣ злѣйшіе враги. Въ народѣ, въ старину, сильно вѣрили въ счастье и несчастье человѣка; но теперь распространяется убѣжденіе, что трудолюбіе есть мать счастья, другими словами, что успѣхъ человѣка въ жизни всегда соразмѣренъ его способностямъ, стараніямъ, трудолюбію и вниманію къ мелочамъ. Нерадивымъ, беззаботнымъ, лѣнивымъ людямъ никогда ни въ чемъ не везетъ, потому что плодами трудолюбія пользуется только тотъ, кто хлопочетъ объ этомъ.

И такъ, не счастье, а трудолюбіе даетъ все человѣку. Счастье, по выраженію одного американскаго писателя, всегда ждетъ, что дѣло само повернется въ его пользу; трудолюбивый же, всегда дальновидный и энергичный, не ждетъ, а самъ поварачиваетъ къ себѣ дѣло. Счастье лежитъ въ постели и мечтаетъ, не придетъ ли почтальонъ съ повѣсткой о полученномъ наслѣдствѣ; а трудолюбіе встаетъ въ шесть часовъ утра и, съ перомъ или молоткомъ въ рукѣ, кладетъ начало своему будущему благосостоянію. Счастье разсчитываетъ на удачу, а трудолюбіе—на силу своего характера; счастье опускается, поблажая себѣ во всемъ, а трудолюбіе паритъ вверхъ и жаждетъ независимости.

Такъ въ домашнемъ быту много мелочей, на которыя необходимо обращать вниманіе ради здоровья и благосостоянія семьи. Чистоплотность заключается въ соблю-

деніи цѣлаго ряда кажущихся мелочей; натереть полъ, смахнуть пыль со стульевъ, вымыть чисто чайную чашку—все это, повидимому, пустяки, но общій результатъ этихъ пустяковъ образуетъ въ домѣ здоровую атмосферу нравственнаго и физическаго благосостоянія, — лучшаго условія для развитія характера человѣка. На воздухъ, которымъ мы дышемъ въ своихъ домахъ, мы мало обращаемъ вниманія, потому что не видимъ его; есть даже люди, не подозрѣвающіе его существованія, а между тѣмъ, ежели мы не будемъ постоянно правильно освѣжать его, то дорого поплатимся за свою небрежность. Ноги въ грязи, плохо притворенное окно или дверь часто почитаются мелочами, тогда какъ, сколько людей платились за это горячкой; значитъ, и грязь, и сквозной вѣтеръ—далеко не мелочи. Всѣ подробности домашняго хозяйства, сами по себѣ, мелочи, не мелочи, ведущія къ серьезнымъ результатамъ.

Пренебреженіе мелочами раззорило многія состоянія и разрушило не одно предпріятіе. Корабль, который везъ все богатство купца, погибъ вслѣдствіе того, что вышелъ изъ порта съ маленькой щелью на днѣ. Отъ недостатка одного только гвоздя, адъютанская лошадь потеряла подкову; отъ потери подковы, погибла лошадь, отъ гибели лошади, погибъ самъ адъютантъ: непріятель настигъ его и убилъ; отъ того, что адъютантъ не привезъ нужнаго извѣстія, погибла армія его генерала. А вся причина въ томъ, что не большой гвоздикъ былъ плохо вбитъ въ подкову.

«Ничего — сойдетъ!» вотъ общая фраза всѣхъ тѣхъ, кто пренебрегаетъ мелочами. Эти два слова погубили не одного человѣка, раззорили не одно состояніе, потопили не одинъ корабль, сожгли не мало домовъ и безвозвратно разбили тысячи человѣческихъ предпріятій. Стоитъ только человѣку усвоить себѣ правило: «ничего — сойдетъ!» —и онъ отдался въ руки двухъ враговъ: необстоятельности и легкомыслія; на исправленіе его трудно уже разсчитывать.

Методъ есть рычагъ всякаго дѣла; но методъ не можетъ существовать безъ точности; послѣдняя необходима потому, что она поддерживаетъ порядокъ въ семьѣ. Отъ недостатка точности человѣкъ не только нарушаетъ иногда свой долгъ, но даже забываетъ о немъ. Спокойный характеръ есть всегда результатъ точности, потому что люди безпорядочные вѣчно суетятся. Имъ нѣкогда поговорить съ вами, какъ слѣдуетъ, они все куда-то спѣшатъ; на службу они опаздываютъ; не докончивъ дѣла, опять куда нибудь бѣгутъ. Точность составляетъ прочную репутацію; если такой человѣкъ взялся исполнить какое нибудь дѣло, то навѣрное онъ его исполнитъ. Пусть точность вкоренится въ человѣкѣ, тогда она, подобно другимъ добродѣтелямъ, принесетъ большіе плоды. Слуги и дѣти будутъ всегда аккуратны, если глава семейства точенъ. Взаимныя условія хозяина и слугъ равносильны долгу. Хозяинъ долженъ быть точенъ относительно слугъ, если онѣ имъ наняты, и не имѣетъ права отнимать у нихъ напрасно время, если онѣ исполнили все то, что слѣдовало.

Природа поучаетъ насъ, что ни одно хорошее дѣло, когда либо совершенное, не проходитъ безслѣдно. Все, что окружаетъ человѣка, должно безпрестанно напоми-

нать ему о милліонахъ людей, которые трудились и наживались до него, а теперь покоятся въ землѣ. Мастерство и искусство, выказанныя въ постройкахъ и скульптурныхъ произведеніяхъ давно исчезнувшихъ городовъ, какъ-то: Ниневія, Вавилонъ и Троя—оставили слѣды до нашихъ временъ. Въ экономіи природы никакой трудъ человѣческій не пропадаетъ даромъ. Если отъ какого нибудь изящнаго или полезнаго произведенія остались хотя бы обломки, то и тѣ продолжаютъ приносить пользу цѣлымъ поколѣніямъ, не только отдѣльнымъ личностямъ. Частое матеріальное богатство, завѣщанное намъ нашими предками, составляетъ незначительную единицу въ суммѣ полученнаго нами отъ нихъ наслѣдства. Мы унаслѣдовали отъ нихъ нѣчто гораздо болѣе прочное, а именно, всю сумму полезныхъ дѣйствій ихъ по части искусствъ и труда, и не посредствомъ науки, а съ помощью изустнаго обученія и примѣра. Одно поколѣніе поучаетъ другое, и вотъ такимъ-то образомъ искусства и мастерства, примѣненіе къ дѣлу механики и умѣнье употреблять матеріалы передаются изъ рода въ родъ.

Труды и усилія предшествующихъ поколѣній переходятъ отъ отца къ сыну и продолжаютъ составлять естественное наслѣдство человѣческой расы, равно какъ одно изъ важнѣйшихъ орудій цивилизаціи.

Итакъ, наслѣдство наше состоитъ въ правѣ пользоваться результатами трудовъ нашихъ родителей и праотцевъ, но мы не иначе можемъ пользоваться ими, какъ принимая живое участіе въ начатомъ уже дѣлѣ.

Каждый изъ насъ обязанъ самъ работать или руками, или головой. Безъ труда жизнь не имѣетъ цѣны; она

становится ничѣмъ инымъ, какъ нравственной спячкой. Мы, разумѣется, говоримъ не о физическомъ только трудѣ; есть трудъ гораздо болѣе возвышенный, это — умственная дѣятельность, выносливость, умѣнье терпѣливо переносить испытанія, духъ предпріимчивости, филантропія, распространеніе свѣта истины и цивилизаціи, готовность помогать страждущимъ и бѣднымъ, поддерживать слабаго духомъ и поучать его самопомощи. Вотъ обширное поле для такого рода труда.

Человѣкъ съ благородной душой никогда не согласится жить трутнемъ на счетъ чужаго труда, быть червякомъ, питающимся общественными зернами, или акулой, пожирающей мелкую рыбу; напротивъ, онъ старается значительными услугами и благотворительностью вознаградить общество за тѣ жизненныя удобства, которыми онъ пользуется, благодаря работамъ и трудамъ другихъ людей. Нѣтъ такого званія, начиная съ вѣнценосца до земледѣльца, которое не требовало бы усиленнаго умственнаго или ручнаго труда, а иногда и того и другаго, чтобы человѣкъ могъ бы съ успѣхомъ и пользою исполнить свои обязанности. Трудъ есть не только необходимость, но и удовольствіе. Вмѣсто того, чтобы быть тяжкимъ бременемъ, онъ вслѣдствіе нашего физическаго сложенія, дѣлается для насъ истиннымъ благодѣяніемъ.

Жизнь наша, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, борется съ природой, а въ другихъ, онѣ помогаютъ другъ другу. Солнце, воздухъ, земля постоянно поглощаетъ у насъ жизненныя силы; вотъ почему мы ѣдимъ и пьемъ, чтобы питать себя и одѣваемся, чтобы предохранить себя отъ холода. За то природа работаетъ вмѣстѣ съ нами. Она

снабжаетъ нужными соками землю, которую мы пашемъ; она выращиваетъ сѣмена, которыя мы сѣемъ и собираемъ; она, при помощи человѣческаго труда, доставляетъ намъ шерсть, которую мы прядемъ, и мясо, которое мы ѣдимъ. Мы никогда не должны забывать—всѣ мы, какъ богатые, такъ и бѣдные,—что наша пища, одежда, жилище—дворецъ или хижина—все это результатъ труда.

Люди взаимнымъ сотрудничествомъ помогаютъ другъ другу. Земледѣлецъ обрабатываетъ землю и доставляетъ намъ хлѣбъ; фабрикантъ прядетъ нитки и шерсть и выдѣлываетъ изъ нихъ ткани, которые портные и бѣлошвейки обращаютъ въ одежды; каменьщикъ и плотникъ строятъ дома, гдѣ мы живемъ. Громадное число рабочихъ способствуетъ созиданію общихъ результатовъ.

Искусство и трудъ, примѣненные къ самымъ незначительнымъ вещамъ, сразу придаютъ имъ громадную цѣнность. По настоящему, трудъ есть жизнь человѣчества; отнимите его, изгоните—и человѣчество прекратится. Трудъ есть въ одно и тоже время наказаніе, бремя, честь и удовольствіе. Онъ тождественъ съ бѣдностью, но и имъ можно гордиться. Онъ доказываетъ, сколько у человѣка естественныхъ нуждъ и какъ разнообразны его потребности. Чѣмъ былъ бы человѣкъ, его жизнь, цивилизація, безъ труда?

Все великое въ человѣкѣ есть результатъ труда; великіе художники, великіе писатели, великіе ученые—всѣ они труженики.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Благотворительность.

(Миль, Тайлоръ и Смайльсъ).

Помогать безпомощнымъ—первая и главная обязанность каждаго человѣка, особенно же людей, проникнутыхъ христіанской любовью къ ближнему. Мы должны быть покровителями вдовъ и сиротъ, по человѣчеству и по своимъ отношеніямъ къ обществу, потому что отъ энергіи, съ которой частныя лица занимаются благотворительностью, зависятъ прогрессъ и благосостояніе общества.

Почти у каждаго человѣка проявляется желаніе помочь ближнему. Очень часто случается, что нищій, бѣдный поденщикъ, горемыка — оборванецъ, и тѣ оказываютъ благодѣяніе въ томъ или другомъ видѣ.

Сдѣлать добро другому — не менѣе отрадное чувство для того, кто его дѣлаетъ, какъ и для того, кто его принимаетъ.

Но чтобы имѣть возможность помогать ближнимъ, нужно быть бережливымъ. Не только самому себѣ бе-

режливость приноситъ пользу, но ея благодѣянія распространяются и на другихъ, бережливый человѣкъ имѣетъ возможность основывать больницы, благотворительныя учрежденія, училища и разныя школы. Благотворительность, въ обширномъ смыслѣ этого слова, присуща только людямъ съ развитымъ умомъ и горячимъ сердцемъ. Ея божественный огонь возвелъ многихъ извѣстныхъ филантроповъ на высшій пьедесталъ нравственнаго генія, и люди съ благоговѣніемъ вспоминаютъ объ ихъ полезной дѣятельности.

Богатые люди одними своими капиталами не могутъ оказать большаго добра человѣчеству. Развѣ мало собирается денегъ по подпискѣ на учрежденіе всевозможныхъ исправительныхъ заведеній, а что же изъ этого толку? Великія соціальныя реформы никогда не совершатся посредствомъ капитала. Чтобы пріучить людей къ трезвости, предусмотрительности, чтобы сдѣлать ихъ религіозными и научить ихъ искать счастія въ стремленіи къ хорошимъ, благороднымъ цѣлямъ,—для этого требуются не столько деньги, сколько личныя заботы, честное самоотверженіе и неутомимая дѣятельность.

Апостолъ Павелъ обратилъ въ христіанство половину Римской Имперіи, а себя самаго содержалъ приготовленіемъ палатокъ, ни прибѣгая ни къ какимъ коллективнымъ подпискамъ.

Люди энергическіе, честно и серьезно относящіеся къ своему призванію, несравненно нужнѣе для филантропическихъ дѣлъ, чѣмъ богачи, готовые только сыпать деньгами.

Приписывая чрезмѣрное могущество деньгамъ мы сильно

заблуждаемся. Люди высшаго круга, которые смотрятъ на все съ высоты своего величія, думаютъ, что вся сила въ деньгахъ. Они щедры но ничего почти не стоющія благодѣянія, но въ то же время невыносимо горды. Многіе изъ богачей—лицемѣры филантропы; они дѣлаютъ добро, съ цѣлью заслужить репутацію благодѣтелей человѣчества, но сердце ихъ тутъ не причемъ.

Искони вѣковъ люди были поклонниками золота; у израильтянъ былъ золотой телецъ, у грековъ—золотой Юпитеръ; въ нашъ вѣкъ повторяется то же самое, только подъ другой формой.

Въ человѣкѣ гдѣ то глубоко засѣла слабость къ деньгамъ, къ цѣннымъ вещамъ, къ собственности. «Что онъ имѣетъ?» «Какой у него доходъ?» спрашиваютъ обыкновенно люди при видѣ новаго лица. «Ахъ, это превосходный, добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ!» отвѣчаете вы. Никто не обратитъ на него вниманія. А попробуйте прибавить: «У него милліонъ годоваго дохода!» «Непремѣнно всѣ такъ и вытаращатъ на него глаза.

Когда страна поклоняется только величію и богатству, то всѣ скромныя личности, составляющія собственно націю, должны уже считать себя ничѣмъ.

Увлекаясь блескомъ золота, народы постоянно теряютъ свои высокія, характеристическія свойства; въ настоящемъ вѣкѣ, желѣзныя дороги, различныя спекуляціи, быстрая нажива денегъ совершенно заглушили всѣ хорошія стремленія. Любовь къ золоту заставила умолкнуть прочія привязанности. Жажда къ деньгамъ сдѣлалась всеобщей страстью; многіе до того увлечены ею, что, повидимому, забыли обо всемъ прочемъ. Поклонники золотаго тельца

ищутъ въ дѣлахъ благотворительности средствъ, чтобы поднять свою нравственную сторону; горы золота точно давятъ имъ душу. Тотъ, кто подъ бременемъ своихъ капиталовъ остается трудолюбивымъ, дѣятельнымъ, умнымъ и сердечнымъ человѣкомъ, тотъ положительно феноменъ, одаренный необыкновенными физическими и нравственными силами. Другаго и предположить нельзя, потому что чрезмѣрное богатство располагаетъ къ лѣни, роскоши и распущенности.

Если бы деньги не заставляли людей забывать ближняго, половины существующаго зла на свѣтѣ не существовало бы.

Когда богачи будутъ стараться отвлекать народъ отъ трактировъ, устраивая для него, при помощи своихъ доходовъ, библіотеки, читальни, концерты и разныя игры; когда они воздвигнутъ удобные дома для дешевыхъ квартиръ, вымостятъ улицы, разведутъ сады, гдѣ бы могли гулять рабочіе съ своими семействами послѣ дневныхъ трудовъ,—тогда у нихъ прекратятся и забастовки работъ, и стачки.

Люди суетятся, и мечутся, добывая себѣ все больше и больше денегъ; они бьются изъ-за нихъ, какъ будто имъ угрожаетъ нищета, а между тѣмъ сами живутъ въ роскоши и довольствѣ. Они копятъ, копятъ, откладываютъ копѣйку за копѣйкой, иногда прибѣгаютъ даже къ неблаговиднымъ мѣрамъ лишь бы только побольше нажить барыша, и нерѣдко составляютъ себѣ такой капиталъ, процентовъ съ котораго имъ никогда не прожить; но они продолжаютъ копить деньги, находя, что имъ все мало и мало. Культурныя наслажденія имъ недоступны;

между многими капиталистами существуютъ даже такія личности, которыя съ трудомъ умѣютъ подписать свое имя. У нихъ одна цѣль—деньги, одна мысль откуда бы ихъ больше нажить. Ихъ религія—вѣра въ золото. Дѣтямъ своимъ они не даютъ никакого воспитанія и держатъ ихъ, какъ крѣпостныхъ людей.

Наконецъ, родители умираютъ и капиталы переходятъ въ руки дѣтей; съ малолѣтства пріученные къ лишенію, молодые наслѣдники впадаютъ въ другую крайность; они ни въ чемъ себѣ не отказываютъ, бросаютъ горстями золото. «Мы вовсе не намѣрены коптѣть надъ дѣлами, какъ нашъ отецъ,» говорятъ они и продолжаютъ тратить деньги. Дѣйствительно, деньги у нихъ такъ и летятъ.

Сколько мы знаемъ богатѣйшихъ фирмъ, гдѣ первое поколѣніе нажило деньги, второе прожило ихъ, а третье превратилось въ нищихъ.

Купцы очень часто бываютъ сегодня королями, а завтра нищими, и пока спекулятивный духъ, способствующій обогащенію, не испарится въ семьѣ капиталиста, до тѣхъ поръ невозможно ручаться, чтобы эта же самая причина не пустила его по міру.

Чтобы обезпечить себя подъ старость, когда ужъ нѣтъ силъ работать и добывать деньги, человѣкъ долженъ съ молоду пріучаться къ дѣятельности, учиться какъ можно болѣе и принимать живое участіе во всемъ, что дѣлалось и дѣлается въ просвѣщенномъ мірѣ. Однѣ удовольствія ни къ чему не приведутъ; онѣ никогда не доставятъ полнаго счастія въ жизни, а только разовьютъ въ насъ пустоту и легкомысліе.

Нѣтъ ничего противнѣе старика или старухи, весь свой вѣкъ вертѣвшихся въ свѣтѣ; точно также непріятенъ и богачъ, посвятившій большую часть своей жизни копленію денегъ; онъ подъ старость становится положительно невыносимымъ, трясется надъ каждой копѣйкой. И на что ему деньги? ѣсть золото нельзя, а купить себѣ что нибудь онъ никогда не рѣшится; словомъ человѣкъ превращается въ мѣшокъ съ деньгами, жадничаетъ, ворчитъ на всѣхъ, становится придирчивъ, подозрителенъ и, наконецъ, теряетъ общее уваженіе.

Какъ страшна была смерть того богача, который за нѣсколько минутъ до смерти велѣлъ принести себѣ изъ банка груду новенькихъ золотыхъ и началъ перебирать ихъ холодѣющими пальцами. Въ глазахъ у него уже потемнѣло, онъ судорожно хватался за золото, ощупью пересыпалъ монеты, прислушиваясь къ ихъ звону, гладилъ ихъ, прикрывалъ пальцами и въ этомъ занятіи испустилъ духъ. Одинъ ростовщикъ, умирая, кричалъ: «Деньги, мои! я никому ихъ не отдамъ.»

Скупые богачи несчастнѣе послѣдняго бѣдняка, потому что имъ кажется, что они ежедневно бѣднѣютъ, и смерть ихъ хуже смерти нищаго.

Одинъ богатый негоціантъ долгое время жилъ самымъ скареднымъ образомъ; наконецъ онъ уѣхалъ въ ту деревню, гдѣ родился, записался въ свой приходъ и подалъ просьбу директорамъ комитета о бѣдныхъ, чтобы его приняли въ число приходскихъ пенсіонеровъ. Обладая милліонами, онъ постоянно мучился страхомъ, какъ бы не обѣднѣть; ему стали выдавать пособіе и онъ умеръ, какъ нищій. Его примѣру послѣдовалъ другой

богачъ, умершій также пенсіонеромъ приходской церкви. Само собою разумѣется, что вся сумма, выданная этимъ нищимъ - богачамъ приходскими кассами, вернулась къ нимъ сторицею по распоряженію душеприкащиковъ.

Какую же память о себѣ оставляютъ такого сорта люди? Что они умерли милліонерами? Но вѣдь богатство не есть родовой знакъ отличія; только толпа покланяется богачу за то, что онъ богатъ. На биржѣ деньги—это мелочной товаръ; наконецъ, большинство богачей—положительно люди ничтожные; между ними есть даже безграмотныя, грубыя, неразвитыя личности.

Недавно кто-то составилъ списокъ англійскихъ милліонеровъ; ихъ оказалось 224 человѣка. Одни изъ нихъ были извѣстные всѣмъ скряги; другіе—кулаки по части спекуляцій; третьи—моряки, торговцы углемъ и фабриканты; о богатствѣ однихъ знали только въ ихъ кругу; другіе считались чуть ли не нищими, самая незначительная ихъ часть принадлежала къ людямъ хорошаго тона.

Что же получитъ въ награду богачъ скряга за свои хлопоты, чтобы больше нажить денегъ? говоритъ Іеремія Тайлоръ. То, что сосѣди и знакомые скажутъ о немъ послѣ его кончины: онъ умеръ богатымъ человѣкомъ!»

Демократы питаютъ точно такую же слабость къ богатству, какъ и аристократы; многіе строгіе республиканцы страстно желали бы сдѣлаться милліонерами. Формы государственнаго правленія вовсе не оказываютъ вліянія на стремленія къ наживѣ. Катонъ старшій былъ ростов-

щикъ; главнымъ источникомъ его богатства служили полуголодные молодые невольники, которыхъ онъ покупалъ по низкой цѣнѣ, затѣмъ откармливалъ, училъ какому-нибудь ремеслу и продавалъ чрезвычайно дорого. Брутъ, находясь на островѣ Кипрѣ, давалъ деньги въ ростъ по 48 процентовъ на сто, никто и не думалъ осуждать его за это. Вашингтонъ, герой американской свободы, завѣщалъ своихъ рабовъ женѣ; ему и въ голову не приходила мысль отпустить ихъ на волю.

Муниципальный подкупъ, говорятъ, не рѣдкость въ Нью-Іоркѣ, гдѣ самые вліятельные гражданѣ по уши деморализованы. Миль пишетъ въ своихъ «Правилахъ Политической Экономіи,» что населеніе сѣверо-восточныхъ штатовъ Америки, вѣроятно, избавлено теперь отъ соціальныхъ несправедливостей и неравенства положеній потому, что пропорція между народонаселеніемъ, капиталомъ и землей въ этихъ штатахъ соразмѣрна и что каждый способный человѣкъ можетъ найти себѣ вдоволь пропитанія; что они пользуются шестью пунктами хартіи и не должны никогда жаловаться на бѣдность; но не смотря на всѣ эти преимущества, жизнь тамошняго мужскаго поколѣнія посвящена охотѣ за долларами, а жизнь женскаго—произведенію на свѣтъ охотниковъ за долларами.

«Это такого рода порядокъ вещей, прибавляетъ Миль, что ни одинъ изъ будущихъ филантроповъ не почувствуетъ пламеннаго желанія способствовать возстановленію его.»

Саладинъ великій завоевалъ Сирію, Аравію, Персію и

Мессопотамію. Онъ былъ знаменитѣйшій полководецъ своего времени, былъ всемогущъ и необыкновенно богатъ, и при всемъ томъ сознавалъ полное ничтожество богатства. Онъ завѣщалъ раздать послѣ своей смерти значительныя суммы денегъ мусульманамъ, евреямъ и христіанамъ, съ тѣмъ, чтобы служители церкви всѣхъ этихъ религій, молили Бога о прощеніи его грѣховъ. Тунику, въ которой онъ умиралъ, онъ велѣлъ носить на концѣ копья по всему лагерю своей арміи, причемъ, чтобы солдатъ, несшій копье, останавливался отъ времени до времени и громко произносилъ: «Смотрите, вотъ что осталось отъ императора Саладина! Онъ завоевалъ цѣлыя государства, покорилъ много народовъ, собралъ безчисленныя сокровища, сдѣлался обладателемъ громаднаго богатства, а когда умиралъ, то на немъ была только эта туника.»

Знаменый строитель желѣзныхъ дорогъ въ Испаніи донъ Жозе Саламанскій въ молодости былъ студентомъ гренадскаго университета. Онъ самъ разсказывалъ, что его одежда состояла изъ стараго, очень поношеннаго полукафтанья. Учился онъ прилежно и, окончивъ курсъ въ университетѣ, сдѣлался членомъ испанской прессы; отсюда его перевели на должность секретаря при королевѣ Христинѣ, которая вскорѣ назначила его министромъ финансовъ. Этотъ постъ развилъ въ немъ коммерческія способности, побудившія его заняться спекуляціями; онъ построилъ желѣзныя дороги въ Испаніи, Италіи и сдѣлался основателемъ различныхъ пароходныхъ компаній. Но, занимаясь коммерціей, онъ не забывалъ и литературы; разъ въ недѣлю у него бывалъ

открытый столъ, къ которому приглашались передовые люди литературы и прессы; гости отплатили за это гостепріимство, пригласивъ, въ свою очередь дона Жозѣ къ себѣ на обѣдъ, отличавшійся необыкновенною скромностью. Бюсты Шекспира, Сервантеса, Данте, Шиллера и другихъ литераторовъ украшали столовую залу.

Благодаря за тостъ, предложенный за его здоровье, донъ Жозе произнесъ рѣчь, въ которой упомянулъ о своей университетской жизни и своемъ участіи въ трудахъ прессы и заключилъ слѣдующими словами; «Тогда моей душой овладѣла страсть къ золоту; въ Мадритѣ я нашелъ предметъ моего обожанія, но, къ несчастію, не безъ потери моихъ юношескихъ иллюзій. Повѣрьте мнѣ, господа, что человѣкъ имѣющій возможность удовлетворять своимъ желаніямъ, теряетъ способность наслаждаться. Совѣтую вамъ продолжать держаться той системы жизни, которой вы придерживаетесь теперь. Слава Ротшильда померкнетъ въ день его смерти; безсмертіе зарабатывается, а не покупается. Передъ нами изображенія людей, которые прославили себя на поприщѣ свободныхъ искусствъ; ихъ бюсты я встрѣчалъ во всѣхъ концахъ Европы, но нигдѣ я не видѣлъ статуи, которая была бы воздвигнута въ честь человѣка, посвятившаго всю свою жизнь пріобрѣтенію денегъ.

Богатство и счастіе кака будто назначены между собою; во многихъ случаяхъ можно даже сказать, что счастіе находится въ обратномъ отношеніи къ богатству. Большинство счастливцевъ состоитъ изъ людей, которые борятся съ бѣдностью и постепенно поправляютъ свои

обстоятельства. Эти люди способны на самопожертвованіе для пользы ближняго, научаются бережливости, чтобы обезпечить свою будущую независимость; они расширяютъ кругъ своего образованія; работая изъ-за насущнаго хлѣба, стараются развивать свой умъ и усовершенствовать характеръ. Эти люди наслаждаются счастіемъ дома и приносятъ большую пользу обществу.

Одинъ публицистъ, вспоминая о своей трудовой жизни въ молодости, говоритъ: «Я оглядываюсь на прошлую эпоху съ большимъ удовольствіемъ и отъ души сожалѣю, что не могу еще разъ пережить времени, потому что я несравненно болѣе наслаждался, когда не имѣлъ ни гроша въ карманѣ и жилъ на чердакѣ, учась въ здѣшнемъ университетѣ, чѣмъ теперь, сидя на изящной мебели, въ роскошной гостиной.

Каждое положеніе человѣка имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны. Различіе въ судьбѣ между богатыми и бѣдными далеко не такъ велико, какъ мы привыкли думать. Богачъ иногда дорого поплачивается за преимущества, которыми пользуется; онъ боится потерять то, что имѣетъ; онъ—жертва эксплоататоровъ; его легко обмануть; онъ колетъ всѣмъ глаза; его окружаетъ толпа кліентовъ, высасывающихъ изъ него постоянно деньги.

Существуетъ въ народѣ поговорка, что, когда человѣкъ разбогатѣетъ, то деньги у него скоро просачиваются.

Если богачъ спекулянтъ, его положеніе еще хуже: онъ ежеминутно мучится, имъ овладѣваетъ безсонница, по ночамъ онъ думаетъ о своихъ выгодахъ и потеряхъ, онъ ни днемъ, ни ночью не знаетъ покоя.

Богатый человѣкъ хорошо ѣстъ и много пьетъ, и слѣдствіемъ этого бываетъ подагра. Представьте себѣ человѣка, въ большой палецъ ноги котораго ввинтили бы винтъ, и этотъ винтъ винтилъ бы, винтилъ, винтилъ безъ конца; потомъ онъ перешелъ бы въ другой суставъ и продолжалъ бы тоже самое. Вѣдь это просто агонія! Вотъ вамъ подагра, о которой говорятъ, что она не такъ, какъ другія болѣзни, но убиваетъ болѣе богатыхъ, чѣмъ бѣдныхъ, болѣе великихъ, чѣмъ малыхъ.

Сколько императоровъ, королей, генераловъ, адмираловъ и философовъ умерло отъ подагры; это можетъ служить доказательствомъ безпристрастія природы; балуя людей въ одномъ отношеніи, она наказываетъ ихъ въ другомъ.

Отъ пресыщенія богачъ теряетъ аппетитъ, между тѣмъ какъ бѣднякъ находитъ вкуснымъ все, и желудокъ его перевариваетъ все превосходно.

Однажды нищій попросилъ милостыню у милліонера, говоря, что онъ очень голоденъ. «Ты голоденъ? спросилъ богачъ,—какъ завидую тебѣ!» Одному богачу докторъ предписалъ слѣдующій образъ жизни: «Живите на десять копѣекъ въ день, и заработайте ихъ.»

Рабочій мало думаетъ, мало чувствуетъ, и его желудокъ варитъ не хуже желудка страуса, между тѣмъ какъ праздно проводящій время богачъ ни на одну минуту не можетъ забыть, что у него есть желудокъ и долженъ обращать вниманіе на каждый кусокъ, который проглатываетъ. Трудолюбіе и дурное пищевареніе рѣдко живутъ вмѣстѣ.

Многіе люди завидуютъ богатымъ, а не подумаютъ о

томъ, съ какимъ рискомъ, опасностями и непріятностями сопряжено пріобрѣтеніе богатства. Разсказываютъ про Лефебра герцога Данцигскаго, что его старый товарищъ, съ которымъ онъ не видался нѣсколько лѣтъ, пріѣхалъ къ нему съ визитомъ въ его отель въ Парижѣ и былъ видимо пораженъ роскошью его обстановки и великолѣпіемъ сада. Лефебръ замѣтилъ на лицѣ товарища чувство зависти и сказалъ, обращаясь прямо къ нему: «Не желаешь ли получить все это? но съ условіемъ.» «Съ какимъ спросилъ удивленный другъ.» «Съ тѣмъ, чтобы ты сталъ въ двадцати шагахъ отъ меня и позволилъ мнѣ выстрѣлить въ тебя изъ ружья сто разъ.» «Ну, нѣтъ! на это я не согласенъ,» отвѣчалъ пріятель. «Вотъ видишь ли, продолжалъ маршалъ, чтобы пріобрѣсти все то, чѣмъ я обладаю въ настующую минуту, мнѣ приходилось въ теченіи моей жизни тысячи разъ стоять передъ ружейными стволами, на самомъ близкомъ розстояніи.»

Герцогу Марльборо также нерѣдко приходилось стоять лицомъ къ лицу со смертью. Впослѣдствіи онъ очень разбогатѣлъ и оставилъ полтора милліона своимъ наслѣдникамъ. Герцогъ былъ страшный скряга; онъ, говорятъ, разбранилъ свою прислугу за то, что у него въ палаткѣ зажгли четыре свѣчи, когда къ нему пріѣхалъ для совѣщанія принцъ Евгеній, передъ сраженіемъ подъ Бленгеймомъ.

«Пари держу, сказалъ о немъ Свифтъ, что герцогъ во время своихъ походовъ ни разу не потерялъ обоза. «Но это только доказываетъ то, какой онъ былъ опытный и предусмотрительный военачальникъ. Когда онъ лежалъ въ Батѣ, о немъ говорили, что онъ всегда ходилъ

изъ ваннъ пѣшкомъ въ свою квартиру, чтобы не издержать шести пенсовъ. Но и въ этомъ случаѣ можно допустить, что онъ ходилъ ради маціона. Извѣстно, что онъ подарилъ тысячу фунтовъ молодому исправному солдату на покупку офицерскаго патента.

Когда Болинброку напомнили о какой-то слабости Марльборо, онъ отвѣчалъ: «Это былъ такой великій человѣкъ, что я забылъ о томъ, имѣетъ ли онъ недостатки.»

Бѣдность не составляетъ позора; даже поэты воспѣвали честную бѣдность. Если человѣкъ не хочетъ гнуть спины, чтобы достать себѣ мѣсто кривымъ путемъ, если онъ не хочетъ продать себя за деньги и сдѣлать безчестный поступокъ, то его бѣдность заслуживаетъ уваженія. Тотъ не бѣденъ, кто можетъ содержать себя и еще откладывать; онъ даже счастливѣе другаго лѣниваго, который долженъ кругомъ, одѣтъ, обутъ и накормленъ на счетъ портнаго, сапожника и мясника.

Не тотъ бѣденъ, кто ничего не имѣетъ, а тотъ, кто не хочетъ или не можетъ работать. Человѣку, который любитъ трудъ и способенъ трудиться, живется, несравненно лучше, чѣмъ тому, у котораго карманъ полонъ и нѣтъ надобности искать работы.

Ничто такъ не способствуетъ развитію человѣческаго ума, какъ бѣдность; вотъ отчего большинство великихъ людей вышло изъ среды бѣдняковъ. Ничто такъ не способствуетъ нравственной чистотѣ, какъ бѣдность; для умныхъ людей трудное дѣло самое пріятное. Мы видимъ изъ исторіи, что мужество, правдивость, великодушіе — всѣ эти свойства развивались въ людяхъ пропорціонально ихъ скромнымъ средствамъ, а вовсе не богатству.

Лучшіе люди часто бываютъ самые бѣдные и всегда довольные тѣмъ, что имѣютъ. Кто-то изъ духовныхъ лицъ сказалъ, что Богъ создалъ бѣдность, но не создалъ нищеты; между ними огромная разница. Честная бѣдность достойна уваженія, нищета—презрѣнія, такъ какъ она большею частью бываетъ слѣдствіемъ безпутства, лѣни и пьянства. Бѣдность не позоритъ человѣка; но если онъ привыкнетъ жить милостыней, тогда отъ него нельзя ожидать ничего хорошаго.

Положительно можно сказать, что истинное счастье среди бѣдности, среди бѣдняковъ, которые ни за что не согласятся промѣнять свою участь на участь богачей, болѣе или менѣе все-таки возбуждающихъ зависть въ людяхъ.

Муръ разсказываетъ исторію одного восточнаго деспота, пресытившагося благами міра сего, который послалъ гонца по всему свѣту искать счастливѣйшаго смертнаго; встрѣтивъ такого, гонецъ долженъ былъ тотчасъ схватить его, снять съ него рубашку и немедленно доставить ее калифу. Въ Ирландіи отыскали наконецъ человѣка, вполнѣ счастливаго, который вѣчно пѣлъ и плясалъ; но когда гонецъ бросился на него и раздѣлъ, то оказалось, что на немъ не было рубашки.

Англія въ особенности извѣстна своими дѣлами благотворительности. Гизо говоритъ, что ничто не поражаетъ такъ иностранца, пріѣхавшаго туда и ничто не дастъ ему такого яснаго понятія о громадныхъ средствахъ страны и ея умѣньи употреблять ихъ съ пользой для общества, какъ множество величественныхъ, гигантскихъ зданій, воздвигнутыхъ съ цѣлью дать убѣжище

страждущему человѣчеству. Разумный филантропъ, не такъ легко увлекающійся, какъ иностранный посѣтитель, нѣсколько иначе смотритъ на такую щедрую трату денегъ.

Что милосердіе также имѣетъ свои слабыя стороны, это вопросъ, никѣмъ еще не опровергнутый; милосердіе иногда напоминаетъ слѣпаго, у котораго плохой вожатый; неосмотрительно раздаваемыя деньги могутъ надѣлать гораздо больше зла, чѣмъ добра. Если бы милосердіе, въ такой формѣ, въ какой оно проявляется въ Англіи, могло возвысить нравственный уровень бѣдняковъ и вывести ихъ изъ горькаго положенія, Лондонъ превратился бы въ счастливѣйшій городъ въ мірѣ, потому что тамъ истрачивается ежегодно болѣе трехъ милліоновъ фунтовъ на дѣла благотворятельности, и одинъ бѣднякъ изъ трехъ принятъ въ какое-нибудь благотворительное заведеніе.

Собирать деньги на доброе дѣло въ Англіи легко. Подписные листы лучшее тому свидѣтельство; какое-нибудь влiятельное лице проситъ, напримѣръ, капиталиста подписаться въ пользу бѣдныхъ; нѣтъ ничего легче, какъ взять перо и расчеркнуться; чѣмъ больше дашь, тѣмъ болѣе заслужишь одобренія отъ свѣта; наконецъ, тутъ и хлопотъ нѣтъ никакихъ: вынулъ деньги и кончено. Но именно это-то равнодушное подаяніе и есть начало всему злу; истинная благотворительность состоитъ не въ томъ только, чтобы давать деньги; напротивъ, бѣдныхъ чрезвычайно балуетъ даровая и частая помощь; они смотрятъ на эти пособія, какъ на что-то обязательное, почти требуютъ ихъ, и, конечно, все болѣе и болѣе предаются

лѣни, скучаютъ, когда имъ придется поработать для себя и незамѣтно деморализируются.

Съ перваго взгляда кажется, что трехъ милліоновъ въ годъ вполнѣ достаточно для уничтоженія пауперизма такого города, какъ напримѣръ, Лондонъ, а между тѣмъ при всѣхъ этихъ огромныхъ затратахъ, язва нищеты все сильнѣе и сильнѣе разъѣдаетъ населеніе. Ужъ не способствуетъ ли, въ этомъ случаѣ, увеличенію бѣдности сама же благотворительность? Неразвитые, лѣнивые люди всегда будутъ сидѣть сложа руки, когда у нихъ есть надежда получать пособія безъ всякаго труда. Кто изъ нихъ станетъ заботиться о насущномъ хлѣбѣ, о воспитаніи своихъ дѣтей, когда общество беретъ на себя и кормитъ ихъ, и учитъ ихъ дѣтей?

Нѣтъ, даровое пособіе положительно подтачиваетъ основу нравственности и энергію народа. Излишняя опека, излишняя заботливость о бѣдныхъ, а главное деньги, раздаваемыя въ видѣ пособій, располагаютъ ихъ только къ безпечности, лѣни и баловству.

Прежде всѣхъ требуютъ помощи люди старые, калѣки, неспособные сыскать себѣ пропитанія безъ посторонней поддержки; затѣмъ, люди, обремененные семействами, трудолюбивые, скромные, совѣстящіеся просить пособія. По большей же части дѣлается наоборотъ: попрошаи, нахальные лѣнтяи, которымъ не надоѣдаетъ бѣгать изъ дома въ домъ съ просительными письмами, тѣмъ-то именно общество чаще и помогаетъ вѣря на слово, что они несчастны.

По нашему мнѣнію, благотворительность есть безраз-

судное зло, а не добро. Одними деньгами не совершить филантропическаго дѣла.

Недавно какой-то писатель привелъ слѣдующую мысль: «Изъ описанія преступленій людей добродѣтельныхъ, кощунства людей благочестивыхъ и глупостей людей умныхъ, можно было бы составить такую же толстую книгу, какъ и изъ описанія жестокостей человѣческихъ. Большая часть занятій людей умныхъ на бѣломъ свѣтѣ состояла въ усиліяхъ заглушить проявленіе добра.»

Дѣла общественной благотворительности часто служатъ въ видѣ преміи общественной лѣни и пороку. Это горькая, но несомнѣнная истина!

Магометъ доказалъ свое глубокое знаніе человѣческой натуры, сказавъ, что изъ всѣхъ пороковъ самый трудный для обузданія — это половой развратъ и назвалъ благотворительность легчайшей добродѣтелью.

Нѣкоторые священники увѣряютъ, что благотворительность очень помогаетъ укрѣпленію религіознаго чувства въ народѣ. «Бѣдные, говоритъ Стоунъ, неблагосклонно встрѣчаютъ того посѣтителя, который приходитъ къ нимъ съ библіей въ одной рукѣ, а въ другой не держитъ хлѣба, бѣлья и денегъ. И нѣтъ ничего удивительнаго: общепринятая система помогать бѣднымъ состоитъ только въ удовлетвореніи ихъ животныхъ потребностей, т. е., въ снабженіи ихъ пищей, одеждой и удобной квартирой; сами благотворители развили въ нихъ эгоистическія побужденія. Никто и не думаетъ задаться мыслію объяснять имъ, что они обязаны зарабатывать себѣ хлѣбъ, что даровая помощь—пальятивное средство, что положеніе человѣка зависитъ отъ сего образа жизни. А бѣдные

искренно убѣждены, что нищета, сама по себѣ, уже даетъ право требовать помощи, и, опираясь на это заключеніе лѣнятся, притворяются больными и немощными, лгутъ и обманываютъ.»

Истинный филантропъ тотъ, кто старается предупредить нищету, развить въ бѣдномъ человѣкѣ чувство самоуваженія и любовь къ независимости, пріучить его помогать самому себѣ.

Въ послѣднее время образовалось безчисленное множество благотворительныхъ обществъ, которыя энергически занимаются дѣлами благотворительности. Одно общество хлопочетъ о пріисканіи удобныхъ квартиръ для рабочаго класса; другое — строитъ бани и прачечныя; третье — учреждаетъ пріюты для больныхъ рабочихъ, матросовъ и прислуги; четвертое — пріучаетъ рабочихъ къ бережливости и предусмотрительности и, наконецъ, распространяетъ въ средѣ ихъ образованіе. Вотъ что называется истинною благотворительностью, не подрывающею общественнаго строя, а напротивъ, возвышающимъ уровень нравственнаго состоянія массъ. Это филантропія въ высшемъ смыслѣ слова, приносящая всегда прекрасные плоды.

Богатые люди, чувствуя приближеніе смерти, часто тревожатся по поводу своихъ денежныхъ дѣлъ, если они не женаты и не имѣютъ наслѣдниковъ, то находятся въ большомъ затрудненіи, какъ распорядиться съ накопленными въ теченіе ихъ жизни капиталами. Завѣщаніе надо сдѣлать; надо кому-нибудь оставить свое состояніе; въ старинныя времена нѣкоторые богачи завѣщали свои милліоны церквамъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ служили еже-

дневныя обѣдни объ упокоеніи ихъ душъ; быть-можетъ, и теперь многіе такъ дѣлаютъ; другіе основывали больницы, богадѣльни назначали пожизненныя пенсіи бѣднымъ, передавали все свое состояніе лицамъ одной съ ними фамиліи или тѣмъ, которые занимались такого же рода торговлей, какъ и они. Но послѣднее распоряженіе нерѣдко приносило вредъ вмѣсто пользы.

Когда одному богачу пришлось умирать, онъ не зналъ, что ему дѣлать съ своимъ состояніемъ; съ своимъ полумилліономъ онъ не могъ продлить свое существованіе не только на одинъ часъ, но даже на одну минуту. Онъ позвалъ двухъ священниковъ для составленія духовнаго завѣщанія. Когда онъ умеръ и вскрыли завѣщаніе, то оказалось, что одну часть процентовъ съ капитала, покойникъ приказалъ раздѣлить между своими родственниками, какого бы ни были колѣна, а другую часть между священниками тѣхъ приходовъ, гдѣ жалованья не полагалось. На золотую приманку набросилось множество родственниковъ умершаго; всѣ они оказались людьми совершенно бѣдными. Получивъ свою долю наслѣдства, одни тотчасъ же перестали работать и начали пьянствовать, такъ что многіе изъ нихъ совсѣмъ спились; другіе, хотя не пили, но также перестали трудиться и поживали себѣ сложа руки. Такимъ образомъ завѣщаніе покойнаго капиталиста принесло много зла его роднымъ; но когда пьяницы-наслѣдники всѣ повымерли, то душеприкащики приняли въ свое распоряженіе доставшіяся по завѣщанію деньги и употребили ихъ на учрежденіе трехъ стипендій въ годъ; благодаря ихъ

хлопотамъ, завѣщаніе милліонера, принесло, наконецъ, пользу.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ было сдѣлано завѣщаніе богатаго американскаго купца Стефана Жирара. Этотъ купецъ родился въ Бордо; оставшись сиротой еще въ дѣтствѣ, онъ поступилъ юнгой на корабль и, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, совершилъ свое первое путешествіе въ Сѣверную Америку. Воспитаніе онъ получилъ очень посредственное и даже плохо читалъ и писалъ; ему пришлось много работать, но, благодаря своему неусыпному трудолюбію, онъ нажилъ себѣ небольшія средства, на которыя открылъ маленькую лавченку въ Нью-Іоркѣ, гдѣ вскорѣ влюбился въ дочь конопатчика Полли Лёмъ. Отецъ невѣсты не соглашался на этотъ бракъ, но Жираръ настоялъ на своемъ и, наконецъ, женился на Полли. Супружество его было самое несчастное; жена не питала къ нему ни малѣйшей симпатіи, вслѣдствіе чего Жираръ сдѣлался угрюмымъ, сварливымъ и придирчивымъ. Домъ опротивѣлъ ему, онъ ушелъ опять въ море и въ 30 лѣтъ онъ имѣлъ уже свое собственное трехмачтовое судно, на которомъ онъ занимался береговой торговлей между Нью-Іоркомъ, Филадельфіей и Новымъ Орлеаномъ.

Впослѣдствіи Жираръ поселился въ Филадельфіи и сдѣлался купцомъ; онъ посвятилъ всю свою энергію торговому дѣлу, давъ себѣ слово непремѣнно разбогатѣть. Имѣя въ виду эту цѣль, онъ началъ соблюдать строжайшую экономію и торговалъ всѣмъ, что только могло принести ему выгоду; соблазны свѣта для него не существовали; жажда къ пріобрѣтенію всецѣло по-

глотила его умъ и душу; страсть его была нескончаемымъ трудомъ. Главную причину такого страннаго настроенія надо искать въ его несчастной женитьбѣ; еслибы Жирару судьба послала добрую, хорошую жену, характеръ его сдѣлался бы, навѣрно, совсѣмъ другимъ. Послѣ десяти лѣтъ ужасной супружеской жизни, жена его сошла съ ума; онъ помѣстилъ ее въ пенсильванскую больницу, гдѣ она прожила еще 20 лѣтъ.

При всей своей суровой наружности, Жираръ, въ сущности, былъ человѣкъ вполнѣ гуманный. Прекрасныя свойства его сердца обнаружились въ 1793 году, когда желтая лихорадка разразилась эпидеміей въ Филадельфіи. Люди умирали тысячами. Нельзя было набрать сидѣлокъ для ухаживанія за больными въ госпиталяхъ. Походить за больнымъ, зараженнымъ такою болѣзнью, значило обречь себя на вѣрную смерть.

Въ самый разгаръ эпидеміи Жираръ оставилъ свои торговыя занятія и принялъ на себя званіе инспектора общественнаго госпиталя, взявъ къ себѣ въ помощники Питера Гельма. Способность его вести такого рода дѣло скоро обнаружилась; его умѣнье распоряжаться и неусыпная дѣятельность принесла благодѣтельные результаты. До него въ больницѣ царствовалъ ужаснѣйшій безпорядокъ; при немъ грязь исчезла, всюду блестѣла чистота, вмѣсто прежнихъ неразсчетливыхъ затратъ, во всемъ соблюдалась строгая экономія, каждый служащій при больницѣ относился добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ. Жираръ слѣдилъ затѣмъ, чтобы всѣ его приказанія исполнялись точно; за больными, въ сильной степени зараженія, онъ ухаживалъ самъ, напутствовалъ ихъ

передъ смертію словомъ Божіимъ и хоронилъ всѣхъ на свой счетъ. Наконецъ, эпидемія прекратилась и Жираръ, вмѣстѣ съ Гельмомъ, вернулись къ обычнымъ своимъ занятіямъ.

Общество посѣщенія бѣдныхъ въ Филадельфіи внесло слѣдующую отмѣтку въ свои книги: «Члены нашего комитета Стефанъ Жираръ и Питеръ Гельмъ, соболѣзнуя о несчастномъ положеніи страждущихъ отъ эпидеміи, которые лежали въ госпиталѣ почти безъ всякаго присмотра, добровольно предложили услуги въ этомъ благотворительномъ дѣлѣ и возбудили удивленіе и глубокую благотворность въ своихъ согражданахъ.»

Результаты трудолюбія и бережливости Жирара проявились въ постройкѣ цѣлаго ряда домовъ въ Филадельфіи на его капиталы для помѣщенія бѣдныхъ и, кромѣ того, въ великолѣпнѣйшемъ мраморномъ зданіи «Жираровскаго училища.»

Покойный завѣщалъ большую часть своего состоянія на общественныя учрежденія, преимущественно на публичную библіотеку и заведеніе для воспитанія сиротъ. Очень можетъ быть, что собственная горькая судьба, какъ сироты-мальчика, выросшаго на чужой сторонѣ среди иностранцевъ, была главной причиной, побудившей его обратить свою благотворительность на несчастныхъ, оставленныхъ на произволъ судьбы сиротъ-дѣтей Одна изъ комнатъ этого училища очень странно меблирована. Жираръ завѣщалъ, чтобы въ ней хранились всѣ книги и бумаги, какія остаются послѣ него. Граждане Филадельфіи, изъ чуства ли особеннаго уваженія къ памяти великаго филантропа, или изъ опасенія, чтобы за движи-

мымъ имуществомъ покойнаго не явились какіе-нибудь его наслѣдники, перенесли въ эту комнату всѣ вещи, которыя были въ употребленіи покойнаго. Тутъ глазамъ посѣтителя представляются: сундуки, шкапъ для книгъ кабріолетокъ, гетры, картины, посуда, и мало того, въ пустомъ книжномъ шкапѣ красиво развѣшаны простыя, вязанныя подтяжки, какъ доказательство скромныхъ привычекъ ихъ обладателя.

Одна изъ самыхъ роскошныхъ богадѣленъ Лондона основана книгопрадавцемъ Томасомъ Бэй. Говорятъ, что онъ занимался ростовщичествомъ; какъ бы то ни было, но вѣрно то, что онъ былъ очень бережливый и заботливый человѣкъ, потому что надо умѣть во многомъ себѣ отказывать, чтобы скопить капиталъ и устроить такое благодѣтельное заведеніе для ближняго. По всей вѣроятности, Томасъ Бэй съ ранняго возраста задумалъ великія дѣла благотворительности. Онъ началъ съ того, что выстроилъ въ Тэмвертѣ богадѣльню для четырнадцати мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ каждый, кромѣ того, получалъ еще небольшую пенсію. При богадѣльнѣ находилась библіотека для пенсіонеровъ заведенія. Бэй, будучи ребенкомъ, учился въ Тэмвертѣ и, вѣроятно, видалъ тамъ картины бѣдности въ самой печальной ихъ наготѣ; это, безъ сомнѣнія, и побудило его основать свою богадѣльню. Мы сказали уже, что Бэй былъ книгопродавецъ; дѣла его шли съ большимъ успѣхомъ, но главный доходъ давали ему обороты съ акціями Южнаго Океана, которыя онъ постоянно покупалъ и продавалъ. Когда обнаружилось мошенничество этой компаніи, у него на рукахъ не оказалось уже ни одной этой

акціи; онъ успѣлъ всѣ ихъ реализировать, съ громаднымъ барышемъ, и эту то сумму употребилъ на постройку богадѣльни въ Лондонѣ, носящей его имя. Зданіе подведено подъ крышу передъ самой его смертью, 1724 г.

Между главными благотворителями нельзя не вспомнить объ американскомъ банкирѣ Пибоди. Можно было бы наполнить цѣлый томъ описаніями его достоинствъ и тѣхъ благодѣяній, которыми онъ увѣковѣчилъ свое имя; но мы можемъ посвятить ему только нѣсколько строкъ.

Пибоди первый обратилъ вниманіе на бездомное житье людей рабочаго сословія въ Лондонѣ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ по улицамъ и подъ землей, съ расширеніемъ городскихъ кварталовъ, съ открытіемъ новыхъ улицъ, съ возведеніемъ новыхъ общественныхъ зданій, всѣ подвальныя квартиры бѣдняковъ были уничтожены, а обитатели ихъ исчезли неизвѣстно куда: по всему вѣроятію, они сосредоточились въ какой-нибудь отдаленной части города и дышали тамъ міазмами. Тотчасъ же образовались общества и компаніи для устраненія, по возможности, этого зла. Сидней Уатерлоу первый сдѣлалъ починъ этому благому предпріятію, и его примѣру послѣдовали другіе. Однако, только при помощи капиталовъ Пибоди, можно было дать сильный толчекъ начатому дѣлу и вести его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Душеприкащики, строго исполняя завѣщаніе богача-филантропа, настроили въ разныхъ частяхъ столицы цѣлые ряды домовъ подъ дешевыя помѣщенія для рабочихъ. Современемъ эти дома, навѣрно разрастутся.

Квартиры Пибоди представляютъ образецъ чистоты и

удобства; уютныя, сухія помѣщенія благодѣтельно повліяли не только на здоровье, но и на нравственность рабочихъ; страсть къ пьянству въ этихъ кварталахъ значительно уменьшилась. Время доказало, что цѣль завѣщателя—поднять уровень нравственнаго состоянія рабочихъ—вполнѣ достигнута его душеприкащиками.

Всѣ нами перечисленные благодѣтели бѣдныхъ, начали свою жизнь въ самой скромной обстановкѣ; нѣкоторые изъ нихъ были даже совершенные бѣдняки. Добрыя дѣла всѣхъ этихъ лицъ были слѣдствіемъ ихъ самоотверженія, трудолюбія, трезвости и бережливости,

Впрочемъ, иногда благотворительность производитъ и пустоцвѣтъ безъ плодовъ, по теоріи, филантропическія предпріятія всегда бываютъ легки, но примѣненіе ихъ къ практикѣ несравненно труднѣе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

Стремленіе къ величію.

(Гербертъ, Паскаль и Прудонъ).

Текущее столѣтіе отличается характеромъ гораздо менѣе опредѣленнымъ, чѣмъ всѣ предъидущія; очень немногое успѣло установиться прочно, и потому трудно сдѣлать общій очеркъ нашего времени. Мы идемъ скачками то впередъ, то назадъ, что вообще свойственно переходной эпохѣ.

Движеніе, овладѣвшее нами, обширно и всеобъемлюще; наша исторія и литература перешла въ массы; характеръ вѣка опредѣляется этими массами гораздо вѣрнѣе, чѣмъ исключительнымъ явленіемъ отдѣльныхъ личностей, выступающихъ изъ общаго уровня. Посредственность беретъ перевѣсъ: времена аристократіи прошли; даже аристократія ума играетъ скорѣе роль пассивную, чѣмъ преобладающую. Индивидуальное явленіе все болѣе отступаетъ на задній планъ; вслѣдствіе чего величіе вообще рѣже. Мы видимъ доказательство этому во всѣхъ сторонахъ жизни. Напрасно стали бы мы искать творческаго

генія; зато изобрѣтательная способность развита несравненно сильнѣе прежняго. Такимъ образомъ нашъ вѣкъ пріобрѣтаетъ высокій общечеловѣческій интересъ, но теряетъ величіе.

Явленія настоящаго времени поражаютъ насъ своей пестротой и причудливостью; отзывы о нихъ и объ ихъ руководителяхъ шатки и противорѣчивы. Не отъ личнаго взгляда и не отъ случая зависитъ разногласіе въ сужденіяхъ самыхъ серьезныхъ умовъ, которые, замѣчая уже десятки лѣтъ, что настоящее время похоже насумерки, предсказываютъ намъ въ будущемъ, одни—день, а другіе ночь. Вѣрно лишь то, что странныя и встрѣчаемыя публикой съ такимъ недовѣріемъ литературныя произведенія суть непосредственный плодъ трудныхъ задачъ и колебаній современной жизни общества и столько же обусловливаютъ ее, сколько и сами обусловливаются ею. Несомнѣнно и то, что причины явленій, повидимому, совершенно противорѣчивы, — каковы напримѣръ невѣріе и суевѣріе, мистицизмъ и скептицизмъ, матеріализмъ и спиритуализмъ, ультрамонтанская реакція и смѣлое стремленіе къ независимости—родственнѣе другъ другу и гораздо тѣснѣе связаны между собой, чѣмъ кажется на первый взглядъ поверхностному наблюдателю.

Мы видимъ вообще сильную воспріимчивость и многостороннее развитіе; удивляющее насъ богатство содержанія и, при этомъ, отсутствіе цѣльнаго, яснаго пониманія и взгляда, вѣру въ безконечное, процессъ движенія впередъ, но безъ всякой сознательной гармоніи или какой бы то ни было опредѣленной цѣли. Основная черта современнаго общества состоитъ въ его разрозненности, въ отсутствіи всякаго прочнаго единства.

Во всѣхъ слояхъ общества мы замѣчаемъ необыкновенную тревожность, какое-то болѣзненное волненіе и исканіе чего-то. Мы дѣлаемъ опыты, гоняемся по всему свѣту за лѣкарствами отъ болѣзни, которая точитъ насъ; мы очень ясно и убѣдительно разсуждаемъ о своей гнили и порчѣ, но не видимъ ни одного вѣрнаго средства избавиться отъ нихъ; создаемъ самые смѣлые планы и не осуществляемъ ихъ, по недостатку не ума, а готовности на самопожертвованіе: мы носимся съ идеями, которыя перестроили бы міръ, и тотчасъ спотыкаемся, какъ скоро возьмемся за дѣло; размышляемъ за все человѣчество и не можемъ управиться съ самими собою; сегодня создаемъ, а завтра разрушаемъ; торопимся жить и живемъ нетерпѣливо лихорадочной, мучительной жизнью. Мы жаждемъ безконечнаго и не можемъ овладѣть текущей минутой: оттого въ насъ вѣчно бродитъ чувство недовольства собою и окружающимъ, доводящее до изнеможенія. Мы имѣемъ полное право сказать о себѣ словами Паскаля,—что человѣкъ бѣжитъ отъ самого себя. Таковъ недугъ нашей эпохи, и симптомы его такъ же очевидны для человѣка мыслящаго, какъ физическое ощущеніе приближающейся грозы. Еслибы, въ насъ было болѣе инерціи или болѣе дѣятельной силы, мы не знали бы ни потрясеній, ни болѣзненныхъ ощущеній, которыя насъ мучатъ.

Основное направленіе нашего вѣка все еще состоитъ въ рѣшительномъ отрицаніи. Нашъ творческій духъ посвященъ преимущественно критикѣ. Мы наслѣдовали отъ второй половины прошлаго столѣтія въ теоріи—это отри-

цаніе, а на практикѣ—преобразованія и перевороты; но въ нынѣшней критикѣ больше теплоты и глубины. Вся Европа и сѣверная Америка продолжаютъ, но на болѣе обширномъ поприщѣ, французскую революцію, привлекая въ свой кругъ дѣйствій все большія массы и обобщая это движеніе. Правы ли тѣ, кто полагаетъ, что перевороты предвѣщаютъ и ускоряютъ конецъ цѣлаго періода всемірной исторіи.

Критика субъективна; одна дала намъ индивидуализмъ, освобождающій въ политическомъ отношеніи и, подъ видомъ эгоизма, приковывающій насъ къ обществу; онъ уединяетъ личность, и это составляетъ самую рѣзкую, замѣтную его форму, которая возбуждаетъ особенно громкія жалобы. Вслѣдствіе этого мы и стремимся такъ тревожно къ органическому единству, котораго до сихъ поръ не находимъ; а найти его—главная задача нашего времени: когда она будетъ разрѣшена, переходъ къ новымъ общественнымъ формамъ можно будетъ считать совершившимся и нынѣшній періодъ—законченнымъ.

Въ государственномъ отношеніи съ одной стороны мы видимъ племенную независимость и разъединеніе провинціальное и общинное; съ другой—общее стремленіе къ образованію великаго органическаго единства; въ обществѣ царитъ рѣзкій, самому себѣ враждебный индивидуализмъ въ видѣ конкуренціи, а между тѣмъ каждый слой общества стремится къ перестройству и новому корпоративному порядку. Вслѣдствіе этого въ рабочемъ сословіи уже возникла великая мысль общаго корпоротивнаго братства; мысль эта, частью уже осуществленная, предупредила много кровопролитій и—что гораздо важнѣе—создала тысячи учрежденій, при посредствѣ которыхъ сословіе предполагаетъ жить и воспитываться самостоятельно. Великое дѣло это совершилось почти неслышно. Далѣе, на очереди стоитъ вопросъ сильнаго соединенія капиталовъ,—что должно сдѣлаться могущественнымъ двигателемъ промышленнаго прогресса въ массахъ. На него негодуютъ за то, что оно грозитъ уничтожить драгоцѣнную буржуазію. Ассоціаціи рабочихъ и капиталовъ охватываютъ, какъ громадная сѣть, своими петлями весь цивилизованный міръ, и обѣ враждующія стороны тянутъ къ себѣ эти петли, стараясь задушить въ нихъ другъ друга. Зальсфильдъ въ своемъ «Кругосвѣтномъ путешествіи,» Е. Сю въ «Вѣчномъ Жидѣ» и А. Дюма въ Монте-Кристо» даютъ намъ нѣкоторое понятіе объ этомъ. Отсутствіе внутренняго единства въ обществѣ, распадающемся на свои составныя части, замѣняется при этихъ новыхъ началахъ распространеніемъ разнаго рода учрежденій для взаимнаго вспомоществованія. Неоднократно возвращались къ мысли—искать спасенія во всемірномъ тайномъ союзѣ съ цѣлью міроваго преобразованія; но несостоятельность этой теоріи обнаруживается вездѣ, равно какъ и безплодность ея практики въ видѣ безпрестанно возобновляемыхъ заговоровъ и военныхъ мятежей. Такимъ образомъ индивидуализація и централизація, космополитическое влеченіе къ единству и строго-субъективное обособленіе имѣютъ одинаковые результаты, и мы видимъ, что трудъ и машины, наука и искусство, религія и церковь подчиняются вліянію самыхъ противоположныхъ другъ другу началъ. Наиболѣе развитъ космополитизмъ въ своихъ различныхъ нерѣдко

фантастическихъ проявленіяхъ; онъ является то какъ міровая религія (Кантъ, новое нѣмецкое философское богословіе), то какъ всемірное искусство, обнимающее всѣ вѣка (новая музыка, соціальная живопись, ваяніе, архитектура всевозможныхъ историческихъ стилей), то какъ міровая наука во всѣхъ ея отрасляхъ, какъ философія природы—Космосъ. Для будущаго времени всемірной наукой, которой суждено практически освободить человѣка, будетъ соціальная экономія.

Самопознаніе, сильно развитое индивидуализмомъ новѣйшаго времени, выражается съ двухъ точекъ зрѣнія рѣшительнымъ и самымъ противоположнымъ образомъ: 1) какъ чисто идеальное, являющееся въ высшихъ сферахъ германской науки, которая принимаетъ всемірный духъ безусловнымъ, а духъ личности моментомъ его, и 2) какъ совершенно практическое, фактически устрояющее жизнь и проявляющееся въ сознательно свободной, творческой дѣятельности янки. Съ одной стороны мы видимъ старую, медленно размышляющую Европу; съ другой—смѣлую, юную Сѣверную Америку, поддерживаемую свободной, творческой енергіей ея гражданъ. Она уже потому выше Европы, что не страдаетъ язвой вредныхъ воспоминаній и пагубныхъ вліяній, отравляющихъ нашу цивилизацію. Удивительно, что старая Европа до сихъ поръ не исцѣлилась отъ маніи навязывать народамъ благоденствіе обязательнымъ догматизмомъ: такое вопіющее заблужденіе погубило результаты первой французской революціи; недостатокъ этотъ обнаруживается во всѣхъ совершившихся съ тѣхъ поръ преобразованіяхъ и есть главное зло, лежащее въ

основаніи новѣйшихъ проэктовъ соціальной реформы. Можно почти сказать, что нашъ вѣкъ болѣе хлопочетъ о начертаніи прозрачнаго изображенія фиктивнаго равенства, чѣмъ о достиженіи осязательной свободы.

Гдѣ мы и куда идемъ? Кто отвѣтитъ на это?

Обсуждаютъ наше положеніе и оптимисты, все видящіе въ розовомъ цвѣтѣ, и мрачные пессимисты; обсуждаютъ его самымъ разнорѣчивымъ образомъ и со всевозможными оттѣнками мнѣній. Оптимисты, владыки биржи и хлопчатобумажнаго рынка, болтаютъ о всемірномъ благоденствіи и хотятъ мира, во чтобы то ни стало; число счастливыхъ спекуляторовъ, составляющихъ эту партію, не всегда впрочемъ одинаково; оно зависитъ отъ случая, колеблется страхомъ, и случай не рѣдко значительно убавлялъ его. Ничто такъ вѣрно не характеризуетъ буржуа и воплощеннаго въ немъ матеріализма, какъ эта потребность покоя, часто доходящая въ немъ до рѣшительнаго отвращенія ко всякой политикѣ или патріотической идеѣ. Пессимисты встрѣчаются въ литературномъ мірѣ и среди массъ; массы ропщутъ, писатели предрекаютъ неотразимое паденіе дряхлой, изнеможенной Европы; и тѣ, и другіе хотятъ во чтобы то ни стало движенія.

Улучшеніе быта всѣхъ сословій общества зависитъ отъ слѣдующихъ началъ: отъ болѣе общаго, болѣе равномѣрнаго образованія, а главное, отъ лучшаго и болѣе дѣльнаго образованія рабочаго сословія; отъ усиленнаго перевѣса машинной работы надъ ручной, одинаково механической; со временемъ это доставитъ обществу неисчеслимыя выгоды; selfactor'у Роберта истинная сво-

бода человѣка будетъ болѣе обязана, чѣмъ любой политической революціи нашего вѣка; далѣе,—отъ возвышенія нравственной оцѣнки труда и его духовнаго облагороженія, что всегда служитъ признакомъ развитыхъ обществъ; отъ распространенія взаимныхъ сношеній, обусловливаемаго развитіемъ потребностей рабочаго сословія и именно потребностей болѣе утонченныхъ и умственныхъ, а это развитіе можетъ имѣть причиной только возвышеніе образованности; отъ установленія прочности цѣнъ вообще и особенно цѣны на землю, для которой естественнымъ мѣриломъ цѣнности можетъ быть цѣна на хлѣбъ; отъ увеличенія заработной платы и поземельной ренты; отъ возвышенія средняго періода жизни и болѣе быстраго умноженія населенія; отъ болѣе утонченнаго развитія и комфорта, особенно опрятности, какъ вѣрныхъ признаковъ значительной степени образованности; въ настоящее время этотъ признакъ всего замѣтнѣе въ Англіи (по количеству потребленія мяса, бѣлаго хлѣба, пряныхъ кореньевъ, мыла и пр.); отъ обогащенія новыми экономическими матеріалами, каковы: благородные и не благородные металлы, новыя основныя вещества, открытіе которыхъ совершенствуетъ металлургію (усовершенствованный способъ добыванія золота); — химическіе продукты и разнаго рода химическія произведенія (добыванія солей и пр.); — слоистый известнякъ, со времени изобрѣтенія литографіи;—кости, съ тѣхъ поръ какъ нашли возможнымъ примѣнять ихъ къ удобренію полей, и всѣ вообще нынѣ употребляемые естественные и искусственные способы удобренія почвы,—каучукъ, съ 1825 г., гуттаперча,

съ 1844 г., растительная кость (coroso) и пр.;—новые освѣтительные матеріалы, новыя машинныя силы (паръ, сжатый воздухъ) и, наконецъ, главнымъ образомъ, новыя средства сообщенія.

Оборотная сторона медали показываетъ слѣдующее: громадное развитіе торговли и промышленности оказывается пріобрѣтеніемъ весьма сомнительной выгоды: оно усиливается въ ущербъ болѣе существеннымъ сторонамъ умственнаго развитія и оказывается источникомъ многихъ важныхъ общественныхъ золъ. Можно даже сказать, что такое развитіе свидѣтельствуетъ о дряхлости цивилизаціи нашихъ государствъ: отличаясь крайне исключительнымъ матеріализмомъ, оно наноситъ вредъ гуманитарнымъ наукамъ и вообще гуманизму, что бросается въ глаза самому поверхностному наблюдателю. Промышленный духъ такъ глубоко проникаетъ въ умственную область, что овладѣваетъ даже методами преподаванія: ланкастерскій методъ—родъ промышленнаго вколачиванія науки. И вообще, хотя въ болѣе утонченныхъ формахъ, механизмъ совершенно усвоился пріемамъ преподаванія и воспитанія; этотъ механизмъ одно изъ главныхъ и существенныхъ золъ настоящаго времени, преобладаетъ не только въ англійскихъ народныхъ школахъ, но и въ американскихъ, имѣющихъ притязаніе на мнимо-практическій энциклопедизмъ. Вслѣдствіе этого люди болѣе идеальнаго направленія горько жалуются и рѣзко порицаютъ настоящую эпоху. Еще важнѣе то обстоятельство, что на ряду съ государственными переворотами, производимыми революціями и контръ-революціями,—ничто такъ не содѣйствуетъ распространенію ком-

мунистическихъ идей, какъ контрастъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разительный, между богачемъ и бѣднымъ въ средѣ промышленнаго класса и среди падающаго средняго сословія. Національное богатство возрастаетъ не въ одной Англіи; во Франціи капиталъ также преобладаетъ, и земля поднимается въ цѣнѣ вслѣдствіе банковыхъ операцій; въ послѣднее время іюльской монархіи годовое приращеніе капиталовъ значительно увеличилось. Мы видимъ, какъ постепенно уничтожается среднее сословіе и какъ расширяется пропасть между колоссальными богатствами и величайшей нищетой; у насъ, какъ въ Китаѣ и въ Остъ-Индіи, заработная плата ничтожна, а общепринятый процентъ непомѣрно высокъ, а громадные капиталы сталкиваются съ неслыханной нищетой. Вражда между трудомъ и капиталомъ возникаетъ изъ разногласія относительно ихъ взаимной оцѣнки. Поэтому, вполнѣ раціонально и справедливо стремленіе возвысить заработанную плату, какъ необходимое лекарство противъ столь пагубныхъ вліяній. Высшая степень образованности, которой мы пользуемся, и выработавшійся у насъ взглядъ на народное хозяйство только ожесточаетъ сословную борьбу; крайне нераціонально различіе между источниками доходовъ различныхъ сословій. Злоупотребленія кредита, ажіотажъ и биржевая игра, безумная страсть къ спекуляціи, погоня за пріобрѣтеніемъ,—таковыя явленія, развращающія современное общество: они подтачиваютъ нравственность и приводятъ къ гибельнымъ торговымъ кризисамъ, какіе мы такъ часто видимъ въ настоящее время. Движимый кредитъ, напоминающій предпріятія Ло, шатокъ и непроченъ.

Что въ нашей жизни и стремленіяхъ наиболѣе занимало людей мыслящихъ,—то развилось вполнѣ естественно и съ изумительной быстротой. Нельзя не замѣтить неоспоримаго сходства между нашими спеціально-демократическими стремленіями и тѣми, развитіе которыхъ въ свое время предупредила реформація: мы говоримъ объ идеѣ царства разума и равенства всѣхъ съ христіанской точки зрѣнія, о религіозныхъ и крестьянскихъ войнахъ, о взглядѣ Мильтона на революцію въ Англіи.

Вокругъ насъ все въ безпорядкѣ, въ неустройствѣ, все насильственно, непонятно и непонятно, предназначено жить торопливо и скоро умереть. Мы видимъ лишь попытки придти къ одностороннему рѣшенію вопросовъ безъ всякаго примиренія противорѣчій.

Пока политическая экономія будетъ судить о современномъ движеніи, лишь оправдывая его вычисленіями и параллелями, доказывающими превосходство нашего положенія, до тѣхъ поръ она не рѣшитъ кореннаго вопроса даже касательно собственнаго своего существованія. Со стороны удовлетворенныхъ также глупо ссылаться на улучшеніе общественнаго быта сравнительно съ прошлыми временами, какъ со стороны недовольныхъ добросовѣстно отрицать это улучшеніе и указывать придирчиво на мелкія пятна его. Такимъ путемъ обѣ стороны не рѣшатъ ничего: мнѣнія объ абсолютномъ благоденствіи и о бѣдственномъ строѣ общества стоять попрежнему, каждое само за себя. Вопросъ гораздо сложнѣе: спрашивается, каково отношеніе между изумительно быстрымъ, современнымъ движеніемъ впередъ общественнаго смысла и развитіемъ потребностей массъ, съ одной

стороны, и всѣми ретроградными, задерживающими началами — съ другой между успѣхами и гнилью, порчей, страданіями общества? Какъ вліяютъ другъ на друга эти добрыя и злыя условія общественной жизни? Отъ этого зависитъ участь борьбы и развязка. Скажемъ яснѣе: всѣ соціальныя теоріи основаны на двухъ неправильныхъ исходныхъ точкахъ: 1) будто бѣдность въ общей сложности увеличивается и низшія сословія страдаютъ въ наше время болѣе прежняго; 2) будто развитіе пролетаріата есть главнымъ образомъ слѣдствіе развитія современной промышленности. Но столько же неправы и консервативные политико-экономы, которые высокомѣрно отвергаютъ необходимость сдѣлать выводъ изъ двухъ поставленныхъ такимъ образомъ положеній и отрицаютъ опасность, грозящую съ этой стороны обществу.

Нормально ли это отношеніе возбужденныхъ въ народныхъ массахъ потребностей и умноженныхъ средствъ удовлетворенія ихъ къ соціальному положенію низшихъ классовъ, къ попыткамъ внутреннимъ и внѣшнимъ возвысить его матеріально и умственно?

Нѣтъ.

Обезпечиваетъ ли насъ общественный порядокъ противъ развитія пролетаріата въ средѣ самаго средняго сословія въ мѣстностяхъ, относительно слишкомъ населенныхъ, противъ захватовъ и могущества капитализма, противъ скопленія капиталовъ въ небольшомъ числѣ рукъ, грозящаго рабочему новыми цѣпями?

Нѣтъ.

Найдено ли, не мѣстное и не временное, средство, для раціональнаго огражденія насъ отъ нищеты?

Нѣтъ.

Лучшая изъ политико-экономическихъ системъ (Ад. Смита), и та требуетъ пополненія ея нравственными началами, и пока мы не проникнемъ далѣе въ эту науку, до тѣхъ поръ намъ нельзя сдѣлать ни шага. Таблицы и вычисленія также мало могутъ помочь здѣсь, какъ математическая психологія Герберта—опредѣленію движеній души. Наука уже начинаетъ понимать эту истину.

Литература соціальна. Церковь побуждаютъ сдѣлаться соціальной или уступить. Строгая наука становится общедоступной, популяризуется для служенія обществу. Чистая отвлеченность изгоняется какъ изъ жизни, такъ и изъ искусства. Таковы главныя черты вѣка, который однимъ словомъ всего вѣрнѣе охарактеризовать — назвавъ его промышленнымъ вѣкомъ. Ему приходится въ одно время пѣть и Miserere и Hosanuh.

Благодаря цѣлому ряду быстро слѣдующихъ одно за другимъ чудныхъ открытій, личность все болѣе и болѣе освобождается отъ всего, что налагаетъ человѣческую дѣятельность механической, машинный характеръ; промышленность слѣдовательно одухотворяется, и вслѣдствіе этого умственное вмѣшательство отдѣльнаго лица въ жизнь общества пріобрѣтаетъ больше вѣса: — вотъ въ чемъ состоитъ конечный результатъ машинной работы. Это составляетъ самую замѣчательную черту современнаго движенія, которое, поощряемое исполинскими успѣхами естествознанія и механико-техническихъ изобрѣтеній, ведетъ прямо къ освобожденію человѣка изъ-подъ власти слѣпыхъ силъ природы. Но пока труду еще приходится бороться за болѣе справедливую оцѣнку его, за

болѣе высокое положеніе въ обществѣ; личность еще уединена въ своихъ интересахъ, вслѣдствіе чего въ промышленности и торговлѣ свирѣпствуетъ необузданная конкурренція, налагающая на всю нашу эпоху отпечатокъ дикаго эгоизма; мы еще тщетно ищемъ такой новой связи, которая бы могла замѣнить для общества спадающія съ него сгнившія узы насильственныхъ отношеній.

Машины, все болѣе и болѣе освобождая человѣка отъ механической работы, способствуютъ его нравственному развитію. Но съ другой стороны, въ тоже время принципъ раздѣленія труда, на которомъ основано совершенство продуктовъ, дѣйствуетъ въ этомъ же отношеніи губительно на работающихъ помощью машинъ, часто низводя ихъ на ту же степень, которую занимаютъ въ нихъ винты и колеса. Система раздѣленія труда проводится съ особенной строгостью и послѣдовательностью въ Англіи, гдѣ поэтому она и приводитъ къ такимъ и удивительнымъ результатамъ; кромѣ того въ Англіи въ тѣсной связи съ нею находится особенно развитое тамъ также фермерство, составляющее одно изъ главныхъ условій экономическаго процвѣтанія этой страны. Но, на ряду съ этими блестящими результатами того и другаго, въ Англіи на работающей массѣ отзываются и вредныя послѣдствія ихъ: раздѣленіе труда при машинной работѣ влечетъ за собой механическій атомизмъ работы лишая ее въ глазахъ работника всякаго смысла, превращаетъ его самого въ машину. Съ другой стороны, поденная наемная работа, разрушая артельное начало, вліяетъ этимъ на освобожденіе личности. Что же касается до платежа рабочимъ натурой,

то эта система заслуживаетъ осужденія, какъ возвратъ къ устарѣвшимъ экономическимъ началамъ.

Такимъ образомъ уже около столѣтія совершается громадный переворотъ во всемірной исторіи; главныя черты его состоятъ въ замѣнѣ, въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, ручной работы машинною и, вслѣдствіе этого, въ переходѣ отъ прежнихъ патріархальныхъ узкихъ условій жизни, отъ прежней зависимости и обезпеченности къ полной свободѣ познанія, риска и нищеты.

Работа дошла до неслыханнаго прежде совершенства и утонченности; вслѣдствіе этого цѣна обработанныхъ матеріаловъ необыкновенно возвысилась по отношенію къ сырымъ. Но громадное количество обработываемыхъ продуктовъ такъ понижаетъ ихъ стоимость, что они дѣлаются доступными несравненно большему кругу потребителей; потребленіе ихъ распространяется все болѣе и болѣе, въ постоянно возрастающей прогрессіи. Чрезвычайное усиленіе производительныхъ средствъ, при неисчислимомъ сбереженіи времени и человѣческихъ силъ, обусловливаетъ собой умноженіе и усовершенствованіе продуктовъ, что въ свою очередь, влечетъ за собою дешевизну ихъ, а дешевизна усиливаетъ потребленіе. Торговыя операціи и обращеніе капиталовъ, кредитъ и банки принимаютъ громадные размѣры. Отсюда необходимо слѣдуютъ высшая оцѣнка труда, возвышеніе заработной платы по отношенію къ жизненнымъ потребностямъ и болѣе обширное пользованіе человѣческой силою, для которой безпрестанно открываются новыя приложенія. Если машины вытѣсняютъ въ иныхъ случаяхъ человѣческую силу изъ употребленія, за то онѣ съ избыткомъ

вознаграждаютъ ее за это, открывая ей новыя, прежде неизвѣстныя сферы дѣятельности: машины не только не ограничиваютъ человѣческаго труда, но, наоборотъ, увеличиваютъ запросъ на него; притомъ онѣ все болѣе и болѣе облагораживаютъ, одухотворяютъ, возвышаютъ его и въ теоріи, и въ дѣйствительности.

Земледѣльческое движеніе далеко отстало отъ промышленнаго, которое шло такими исполинскими шагами; это объясняется тѣмъ, что тѣ слои общества, въ средѣ которыхъ ему предназначено развиваться, отличаются вообще нѣкоторой свойственной имъ косностью. Наука указываетъ на необходимость возвращать почвѣ заимствованныя изъ нея вещества; она доказываетъ, что земледѣліе, изнуряющее почву, безвозмездно похищающее у нея матеріалы, всегда было причиною или симптомомъ упадка отжившихъ націй. Но практическое земледѣліе до сихъ поръ еще не поняло грознаго значенія этихъ простыхъ истинъ. Даже образцовое сельское хозяйство Англіи, которое ведется такъ раціонально при самомъ обширномъ примѣненіи земледѣльческихъ орудій, поступаетъ самымъ безразсуднымъ, неразсчетливымъ образомъ съ богатыми запасами удобренія, доставляемаго ему и съ береговъ Перу, и съ полей европейскихъ битвъ и представляющаго собою огромную цѣнность. Опасность грозитъ съ этой стороны старой Европѣ, но вовсе не отъ избытка населенія.

Возбужденіе всѣхъ сторонъ общественной жизни (промышленности, мореходства, торговли), развитіе путей сообщенія, расширеніе области европейской торговли, умноженіе флотовъ, сокращеніе пространства и времени

въ передачѣ сношеній (желѣзныя дороги и телеграфы), громадные размѣры производства и потребленія, распространеніе свободныхъ ассоціацій—вотъ внѣшнія явленія, сопровождающія общее народное движеніе, подготовляюще, во-первыхъ, космополитическое сближеніе всѣхъ расъ и націй — міровое единство гуманизма, — а во-вторыхъ, неизбѣжное возвышеніе рабочихъ массъ въ отношеніи умственнаго развитія и самостоятельности.

Развитіе торговли ведетъ къ тому, чтобы изъять международныя сношенія изъ-подъ исключительнаго господства одного или нѣсколькихъ государствъ, давъ всему цивилизованному міру активное участіе въ нихъ и въ доставляемыхъ ими выгодахъ. Въ послѣднее время даже самыя отсталыя государства, какъ Испанія, сдѣлались дѣятельными участниками въ этихъ сношеніяхъ. Всюду въ Европѣ обнаруживается стремленіе усилить производительную способность и возвысить уровень общественнаго благосостоянія помощью свободы, получившаго практическое значеніе.

Научность составляетъ основную черту нашего вѣка. Все, что мы производимъ, отличается болѣе трудностью и силою мысли, чѣмъ художественностью формы. Научныя работы приняли столь огромные размѣры, что обыкновеннымъ умамъ стало едва возможно овладѣть даже отраслью или частью великаго цѣлаго, и ученый почти съ сожалѣніемъ оглядывается на доброе старое время, когда онъ могъ однимъ взглядомъ обнять всѣ направленія движенія мысли, всѣ стороны своей науки, не теряясь въ подавляющей массѣ матеріаловъ. Раздѣленіе труда развилось въ наукѣ совершенно также и съ со-

вершенно аналогичными послѣдствіями, какъ въ физическомъ трудѣ. Общая черта научныхъ работъ нашего времени состоитъ въ обширномъ примѣненіи опытнаго метода, въ тщательномъ изученіи матеріала, въ наведеніи, въ самомъ широкомъ смыслѣ, вмѣсто отвлеченной дедукціи; эта черта дала великіе результаты нынѣшняго естествознанія, преобразовала исторію и филологію, составляетъ ядро критическаго богословія и участвуетъ въ современномъ искусствѣ.

Главныхъ поприща открывается два. Мы выскажемъ о нихъ лишь немногое существенное: 1) естественныя науки во всѣхъ ихъ отрасляхъ, изъ коихъ нѣкоторые совершенно новы, обязаны своимъ развитіемъ нашему столѣтію. Масса работающихъ на различныхъ отдѣльныхъ пунктахъ этого поля и количество собраннаго матеріала превосходятъ всякое воображеніе. Исторія естествознанія въ XIX вѣкѣ, трудъ гигантскій, едва ли по силамъ одному человѣку, становится съ каждымъ днемъ все болѣе необходимой и должна сдѣлаться основаніемъ излѣдованій исторіографа культуры, который ни въ чемъ другомъ не найдетъ для себя болѣе прочнаго основанія. Точно также необходимо какъ можно скорѣе возвратиться къ философскимъ выводамъ изъ опытныхъ частностей, потому что иначе вся наука безплодно потеряется въ хаосѣ фактовъ. Впрочемъ такое движеніе уже началось. Подобно тому, какъ духъ создалъ себѣ новые органы, такъ естествознаніе создало себѣ новые члены. Припомнимъ органическую химію, которая не старѣе трехъ, четырехъ десятилѣтій. Положенія ея, основанныя французами, какъ результатъ строгаго разбора

матеріала, все болѣе и болѣе признаются и германскими изслѣдователями; она такъ быстро идетъ впередъ, что растетъ и крѣпнетъ не по днямъ, а по часамъ. Нельзя не удивляться, вспоминая, что наука, столь молодая, произвела уже милліоны опытовъ, сдѣлала массу выводовъ, что каждая строка ея увѣсистыхъ учебниковъ есть плодъ стократно возобновляемой борьбы съ матеріей. Астрономія сдѣлала удивительныя открытія, соотвѣтственно нынѣшнимъ средствамъ своимъ. Увлекательная географія растеній есть новое созданіе великаго Гумбольдта. Обширны магнетическія изысканія, новы и глубоки изслѣдованія метерологическія. Безконечно расширилось вліяніе этихъ наукъ на жизнь земли (земледѣліе) и человѣка (право). Судебная медицина дошла до поразительной вѣрности остроумія, и всѣ медицинскія науки вообще совершенно преобразовались (напримѣръ, оправданіе теоріи зараженія). Теорія и практика всюду стараются раскрыть методы и работу природы, чтобы помочь ей на ея собственныхъ путяхъ. Попытка подвести массу наблюденныхъ фактовъ подъ немногіе общіе законы приняла рѣшительный характеръ. Физика въ связи съ химіей претерпѣла совершенное преобразованіе. Только въ области чистой систематики движеніе медленнѣе и уже: укажемъ на зоологію (исключая низшихъ животныхъ, познаніе которыхъ стало возможно только въ новѣйшее время), въ ботаникѣ—на отдѣлъ явнобрачныхъ и на ученіе о видахъ минераловъ (ориктогнозія). За то, въ области зоологіи и ботаники, истинно великіе періоды пережили: исторія развитія, сравнительная анатомія; ботаника тайнобрачныхъ и палеонтологія, а также кристаллографія и

геологія въ изученіи подробностей строенія почвы различныхъ мѣстностей. Анатомическія вскрытія постепенно пріобрѣтаютъ все большее техническое значеніе—микроскопическія изслѣдованія тканей для практическихъ цѣлей. И здѣсь также первое мѣсто въ работѣ принадлежитъ нѣмцамъ, послѣ которыхъ больше всѣхъ дѣлаютъ французы. Обширныя средства Англіи даютъ ей возможность приносить большую пользу изученію внѣ европейской природы. Сѣверная Америка участвуетъ въ общемъ дѣлѣ путешествіями и учеными учрежденіями; Россія—путешествіями въ Азіи. Югъ отсталъ и въ этомъ отношеніи.

Сравнительное изученіе въ исторіи и филологіи такъ важно, что отъ него можно ожидать полнаго преобразованія нашего историческаго знанія. Оно обнимаетъ почти въ совершенно новомъ видѣ все развитіе человѣчества. Конечная цѣль ихъ—исторія духа человѣчества, какъ конеченная цѣль естествознанія—исторія духа природы. Изученіе классическаго оріентализма всего болѣе занимало въ наше время умы изслѣдователей. Исторія вступила теперь въ совершенно новый періодъ своего существованія, стремясь обратиться въ народную исторію. Политическая экономія опредѣляетъ жизнь будущаго, и даровитѣйшій дѣятель его отъ Адама Смита до Рикардо есть человѣкъ съ громаднымъ умомъ—Стюартъ Миль; Риль, въ практическомъ пониманіи народной жизни и Рошеръ, со стороны строго-научной обработки предмета, также представили труды не лишенные достоинствъ.

Въ послѣднія десятилѣтія въ научныхъ сочиненіяхъ,

при обширной учености, замѣчается почти общее стремленіе быть доступными большинству, достигшему общаго уровня современной образованности; они желаютъ достичь этого или тономъ и языкомъ, или расположеніемъ матеріала такъ, чтобы чисто ученый грузъ былъ удаленъ въ особый отдѣлъ. Это стремленіе къ популярности, впрочемъ далеко не въ низкомъ смыслѣ этого слова, есть, быть-можетъ, реакція противъ надутаго ученаго языка недавней философіи. Однимъ изъ значительнѣйшихъ результатовъ историческаго движенія должно считаться то, что оно извлекло окостенѣвшую было филологію изъ ея безплоднаго буквоѣдства и произвело животворныя послѣдствія въ воззрѣніи на древнюю жизнь съ ея различныхъ сторонъ. Правда, наше время несклонно къ созданію монументальныхъ произведеній въ области этихъ наукъ, какъ и къ возведенію монументальныхъ построекъ. Но мы имѣемъ цѣлый рядъ теорій, составляющихъ эпоху въ наукѣ и открывающихъ ей новые пути. Нашъ вѣкъ прославленъ исторіей языка, заложеніемъ исторической основы для политической и народной экономіи и права, глубокимъ проникновеніемъ въ жизнь отдѣльныхъ эпохъ и народовъ и т. д.; во всемъ этомъ по преимуществу отличались германскіе умы, дѣйствующіе свободнѣе англійскихъ, которыхъ все еще держатъ въ узахъ теологическія традиціи.

Для изученія Востока положено основаніе учеными наполеоновской экспедиціи описаніемъ Египта съ великолѣпными картинами. Новыя изслѣдованія надъ монументами, папирусами и гвоздеобразными письменами (Ролинсонъ), относящіяся къ двадцатымъ, а главное, къ

тридцатымъ годамъ, совершенно преобразовали наши свѣдѣнія объ исторіи Востока; ими мы обязаны англійскимъ деньгамъ, раскопавшимъ громадныя развалины Вавилона и Ниневіи, а также и англійскимъ ученымъ, и особенно, настойчивому прилежанію нѣмецкихъ ученыхъ. Но все еще остается сдѣлать чрезвычайно много на поприщѣ изученія странъ древней культуры, что доказываетъ, напримѣръ, столь недавнее еще открытіе verde и rosso antico относительно Греціи. Національная и провинціальная исторія распространяется всюду. Даже Россія имѣетъ своихъ національныхъ историковъ.

Чѣмъ сильнѣе развивается чисто историческое направленіе, тѣмъ болѣе стушевывается отвлеченна философія, которая произвела очень мало дѣльнаго со времени эпохи своего блеска, совпавшей далеко не случайно съ временемъ романтизма. Философія исторіи, какіе бы остроумные выводы она ни дѣлала, представляется весьма рискованнымъ поприщемъ и не безъ основанія возбуждаетъ недовѣріе. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, къ какимъ диковиннымъ соображеніямъ, совершенно чуждымъ исторіи, приходитъ всегда философія, когда примется строить исторію метафизически, не обращая вниманія на историческій матеріалъ. Примѣромъ можетъ служить Фихте въ построеніи своихъ періодовъ всемірной исторіи. Наше положительное поколѣніе чуждается этой замашки.

Глубокая и общая критика дала великіе результаты какъ въ историческихъ, такъ и въ естественно-научныхъ трудахъ. Важнѣйшими изъ этихъ результатовъ могутъ считаться: разрѣшеніе мертвой природы въ движеніе, при-

веденіе по аналогіи простыхъ основныхъ силъ природы къ одной, подведеніе подъ математическіе законы и членныя опредѣленія всѣхъ космическихъ явленій (даже до паденія звѣздъ и до часовыхъ колебаній магнитной иглы). Поэзія этой науки величественно возвышается въ небесныя сферы до отдаленнѣйшихъ туманныхъ пятенъ или, подобно чудной, упоительной идилліи, распространяется по лицу земли въ географіи растеній.

Общее современное стремленіе науки къ популярности и практичности ни въ чемъ такъ сильно не обнаруживается, какъ въ открытіяхъ и изображеніяхъ, ежедневно слѣдующихъ другъ за другомъ съ изумительною быстротою на пользу промышленности и искусства. Всѣ они имѣютъ въ виду великую цѣль замѣнить человѣческую силу механическою. Средства передвиженія, тканье и пряжа, всѣ техническія искусства, земледѣліе, даже военное дѣло служатъ предметами, на которые обращена изобрѣтательность. Военныя открытія имѣютъ поистинѣ гуманизирующее значеніе: чѣмъ совершеннѣе средства разрушенія, тѣмъ скорѣе прекращаются войны.

Весь длинный рядъ усовершенствованныхъ двигательныхъ силъ дѣйствуетъ одухотворяющимъ образомъ уже тѣмъ, что низводитъ до минимума всѣ матеріальныя препятствія; имъ постоянно побѣждается сила сцѣпленія. Изумительная скорость телеграфа въ его необыкновенныхъ размѣрахъ, обнимающихъ всю землю, есть явленіе весьма характеристичное для нашего времени и ему одному доступное. Вспомнимъ электрическіе часы. Обнаруживается сильное стремленіе поработить человѣческому уму тѣ естественныя силы, которыя можно назвать духов-

ными (какъ электромагнитическую силу). Столь же великіе успѣхи обѣщаютъ примѣненіе химіи къ земледѣлію и употребленіе машинъ, которыя почти всѣ открыты или вполнѣ преобразованы и усовершенствованы въ наше столѣтіе. И въ этомъ отношеніи Англія ушла дальше всѣхъ, чему обязана совершенствомъ своего земледѣлія. Третье важное обстоятельство есть земледѣльческое хозяйство, усовершенствованное въ Англіи. Въ собственно техническихъ работахъ, требующихъ особеннаго искусства, Сѣверная Америка стоитъ на ряду съ Англіей, но далеко уступаетъ ей въ промышленномъ развитіи. Недавно возникшая нѣмецкая промышленность доказала на всемірныхъ выставкахъ, что успѣла уже значительно уйти впередъ. Современная техника прямо и косвенно поддерживаетъ искусство изобрѣтеніемъ новыхъ красокъ. хрусталя, усовершенствованіемъ литейнаго мастерства, употребленіемъ чугуна, какъ строительнаго матеріала (элементъ новаго архитектоническаго стиля), популяризаціей искусства посредствомъ гальванопластики, литографіи и фотографіи. Раціональное усовершенствованіе сельскаго хозяйства должно очевидно возвысить крестьянское сословіе и поднять его общественное значеніе. Возникли сельско-хозяйственныя школы и общества. Правда, при этомъ движеніи выдѣляется земледѣльческій пролетаріатъ точно также, какъ при движеніи ремесленникомъ—пролетаріатъ промышленный. Но въ томъ-то и дѣло, что и здѣсь и тамъ пролетаріатъ лишь выдѣляется, а не возникаетъ.

Если наше время, идущее такъ быстро, поглощаетъ громадное количество матеріальныхъ и духовныхъ силъ, то за то оно и производитъ ихъ въ такомъ же изобиліи.

Кромѣ того были открыты новые металлы, важные не сами по себѣ, а для добыванія соединенія и разложенія другихъ веществъ (аллюминій). Создаются новыя, чисто научныя средства и орудія, имѣющія истинное культурно-историческое значеніе, какъ-то: хроноскопъ, стереоскопъ спектральный анализъ (разложеніе солнечной атмосферы, открытіе новыхъ простыхъ тѣлъ), ученіе о сохраненіи и превращеніи силъ, вполнѣ опредѣлившее физико-химическія воззрѣнія. Каждое открытіе новаго доселѣ мертваго естественнаго средства, вліяетъ точно также, какъ всякое новое техническое изобрѣтеніе. Тѣ же силы воскрешаютъ поэзію жизни, объ исчезновеніи которой скорбятъ чувствительныя сердца: такъ напримѣръ, гальванопластическія произведенія распространяютъ творенія искусства. Даже на самой нисшей ступени этой поэзіи мы видимъ родъ романтизма въ игрѣ цвѣтовъ и въ свѣтописи, составляющихъ открытія недавняго времени.

Не трудно сдѣлать математическій разсчетъ. Нашему вѣку принадлежитъ по крайней мѣрѣ $^1/_9$ всѣхъ существеннѣйшихъ изобрѣтеній, т. е. такихъ, на которыхъ дѣйствительно основана культура, не говоря уже о крайне важныхъ улучшеніяхъ и примѣненіяхъ прежнихъ открытій. Отношеніе это окажется еще благопріятнѣе, если принять въ разсчетъ два послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка. Съ тѣхъ поръ до послѣдней минуты ежедневно возникаетъ новая, часто совершенно неожиданная задача, и каждый день рѣшается одна изъ такихъ задачъ.

Открытія также обширны, какъ и изобрѣтенія. Всѣ они сопровождаются характеромъ одушевленнаго само-

пожертвованія для великихъ цѣлей науки. Героическія личности смѣло бросаются въ ужасныя опасности арктическихъ и антарктическихъ областей и во внутреннія страны Африки, грозныя и недоступныя, какъ по причинѣ природы своей, такъ и народовъ, населяющихъ ихъ; и здѣсь-то слагаютъ свои головы безстрашные герои науки. Это святое рвеніе не имѣетъ ничего общаго съ обыкновенной страстью къ путешествіямъ, которая безполезно развилась, что также заслуживаютъ вниманія, какъ признакъ времени критическаго.

Согласно общему направленію эпохи, которое, само по себѣ, имѣетъ самые счастливые результаты, но отражается въ искусствѣ вреднымъ смѣшеніемъ родовъ, мы видимъ въ литературѣ цѣлый рядъ строго научныхъ произведеній, даже принадлежащихъ къ строгимъ спеціальностямъ, но написанныхъ такъ художественно и ясно, что могутъ смѣло занять мѣсто въ изящной словесности. Нельзя не признать въ этомъ плодотворнаго вліянія удивительнаго искусства Форстера и Гумбольдта. Такимъ образомъ понятіе изящной словесности расширилось. Вообще она принадлежитъ къ одному изъ сильнѣйшихъ рычаговъ соціальнаго движенія. Соотвѣтственно увеличенію массы сочиненій, самое чтеніе до такой степени усилилось, что обратилось въ страсть и проникло во всѣ слои общества; если и можно согласиться признать существованій особое патриціанской литературы въ противоположность плебейской, то различіе это во всякомъ случаѣ ничтожно. Главный интересъ литературы массъ зависитъ отъ колоссальности занимающихъ ее вопросовъ; собственно литературное достоинство то-

ступаетъ въ ней на второй планъ. Нашъ вѣкъ блестящая эпоха для литературы, рѣшенія которой имѣютъ огромный вѣсъ даже тогда, когда содержаніе ихъ ничтожно. Письменность и жизнь тѣсно охватили другъ друга, вслѣдствіе чего первая сдѣлалась особенно тенденціозна. Прослѣдить каждое изъ ея направленій въ каждомъ его періодѣ со всѣмъ его характеромъ и метаморфозами есть главная сущность основной задачи историка культуры. Въ произведеніяхъ нашей литературы заключается весь духъ нашего времени.

Отношеніе четырехъ литературъ, о которыхъ слѣдуетъ говорить въ общемъ очеркѣ развитія, состоитъ въ слѣдующемъ: нѣмецкая и французская рѣшительно занимаютъ первое мѣсто и соперничаютъ между собой въ томъ смыслѣ, что французская въ послѣднія десятилѣтія пользуется благотворнымъ или вреднымъ господствомъ въ области романа и въ то же время быстро преуспѣваетъ и въ серьезной сторонѣ (въ исторіи). Черты ея слишкомъ разнообразны; онѣ развиваются слишкомъ богато и слишкомъ часто измѣняютъ свой характеръ по времени, чтобы можно было изобразить ихъ въ общихъ словахъ. Начертать ихъ можно, только разсматривая литературу эту по переводамъ. Англійская литература рѣдко выдвигаетъ блестящихъ и глубокихъ первокласныхъ писателей, какъ будто духъ этой націи пробуждается лишь по временамъ, чтобы доказать, что онъ еще не совсѣмъ поглащенъ промышленно-общественнымъ движеніемъ; за то слишкомъ многочисленны шаткія второстепенныя школы, произведенія неопредѣленнаго содержанія на поприщѣ романа и періодической прессы. Для

англійской литературы три первыя десятилѣтія были гораздо блистательнѣе, чѣмъ послѣдующее время, что замѣчается и въ политической исторіи этой страны. Итальянская литература напоминаетъ лишь весьма немногими именами о своемъ прежнемъ величіи. До сихъ поръ эта страна шла во всѣхъ сторонахъ жизни назадъ. Небольшое число вполнѣ развитыхъ писателей чувствовало униженіе своей націи, но не могло сдѣлать, чтобы противодѣйствовать ему, потому что массы стояли слишкомъ низко въ нравственномъ отношеніи, чтобы поддерживать ихъ.

Наше время оказываетъ преимущественную склонность къ нѣкоторымъ родамъ литературы, а къ инымъ относится рѣшительно неблагосклонно. Эпосъ всюду окончательно упалъ, не потому только, что его вытѣснилъ прозаическій преемникъ его, романъ, но главнымъ образомъ потому, что жизнь и занятія не позволяютъ намъ погружаться въ эпическое спокойствіе. Судьба драмы немногимъ лучше; она страдаетъ самыми противоположными заблужденіями. У насъ нѣтъ комедіи. Ея нѣтъ у насъ, но не по недостатку свободно и народно развивающейся жизни и живаго общественнаго языка, а потому, что она не въ духѣ времени. Одна Франція еще удержала самые легкіе виды комедіи, придерживаясь въ нихъ жизни и почерпая типы изъ наблюденія. Французы вообще способны изображать интриги, которыхъ нѣмецъ не могъ бы даже и придумать. Но главное дѣло въ томъ, что наше поколѣніе слишкомъ предано скептицизму, рефлексіи, что интересы его слишкомъ настойчивы, такъ что ему не до смѣху. Въ комическомъ родѣ всего замѣчательнѣе

мѣстныя шутки водевильнаго тона. Траги-комедія, мѣщанская драма и прочія порожденія современнаго вкуса къ смѣшаннымъ видамъ, рѣдко имѣютъ художественную цѣну. Большею частью это все слабыя, блѣдныя произведенія, которыя ни то, ни се, какъ будто въ нихъ нѣтъ силы быть чѣмъ-нибудь однимъ, или комедіей, или трагедіей, какъ будто авторъ не могъ ни создать трагическихъ мотивовъ, ни понять комическихъ. Порчѣ вкуса много способствуетъ антистетическое господство балета и оперы. Очень полезно было бы новое изученіе законовъ поэзіи и стиля съ тѣхъ высшихъ точекъ зрѣнія, съ какихъ, напримѣръ, разсматриваетъ ихъ Вильгельмъ Гумбольтъ въ разборѣ «Германа и Доротеи» Гете, гдѣ онъ даетъ классически образцовый анализъ идиллическаго эпоса. Сочетаніе стилей, подобное этому, не имѣютъ ничего общаго съ безпорядочнымъ смѣшеніемъ современныхъ писателей. Художественно-литературная драма также полна злоупотребленіями, отличаясь, слезливостью и натянутыми эффектами. Возмездіе за уклоненіе отъ вѣчнаго и истинно-высокаго всегда чувствуется особенно сильно въ великихъ художественныхъ формахъ, которыя непремѣнно извращаются и гибнутъ, какъ скоро, вмѣсто вѣчной истины и красоты, ихъ подчиняютъ мимолетнымъ потребностямъ настоящаго. Ихъ постигаетъ разрушеніе формы и паденіе принциповъ; жалкая характеристика, которая не можетъ быть иной уже потому, что эпоха вообще неблагопріятна образованію рѣзкихъ характеровъ; отсутствіе пониманія силы страсти, злоупотребленіе и неловкость въ выборѣ средствъ; неумѣніе пользоваться историческими основами; недостатокъ изобразительной способно-

сти во всемъ. Упадокъ драмы ясенъ уже изъ того, что драматическія произведенія предназначаются преимущественно для чтенія, а не для сцены. Съ одной стороны мы видимъ въ ней безсодержательный идеализмъ, а съ другой, грубый реализмъ безъ мѣры и цѣли. Нѣмецкая литература глубже всѣхъ чувствуетъ упадокъ драмы по сравненію съ недавнимъ процвѣтаніемъ въ ней этого рода поэзіи. По отсутствію у насъ общественной жизни мы не можемъ создавать естественныхъ драматическихъ разговоровъ и даже не имѣемъ настоящей сатиры, существующихъ у насъ только въ юмористическихъ листкахъ, такимъ образомъ, при неспособности къ общественной дѣятельности, мы потеряли способность и понимать ее. Любимое дитя нашего времени—романъ; въ его неопредѣленно обширномъ развитіи вмѣщаются всѣ наши жалобы и мечты, радости и тревоги, слезы и смѣхъ. Первое мѣсто по значенію занимаетъ общественный романъ или историческій. Юмористическій романъ удается рѣдко по отсутствію для него элементовъ въ жизни и по общей неспособности нашей къ свободному юмору. Лирика занимаетъ высокое мѣсто и прочно коренится въ условіяхъ нашего времени, хотя обыкновенно не пользуется справедливой оцѣнкой. Весьма немногіе признаютъ, что у насъ лирика достигла высшей чистоты и соединяетъ въ себѣ удивительную глубину чувства съ очаровательнымъ богатствомъ взглядовъ. Въ ней преобладаетъ лирическій эпосъ; чувство погружается въ предметъ, а предметъ въ чувство, вызывая самые нѣжные и давно говорящіе сердцу звуки. Періодическая литература всякаго рода приняла громадные размѣры, особенно въ Англіи и Сѣ-

верной Америкѣ, гдѣ, кромѣ обыкновенныхъ журналовъ, огромное вліяніе имѣютъ недавно возникшія «обозрѣнія» и «магазины,» въ которыхъ множество идей предоставляется въ общее пользованіе. Въ Англіи подобнымъ уже образомъ изслѣдуются философскіе вопросы (въ «опытахъ»), которымъ тамъ рѣдко посвящаются болѣе обширные труды. Эта Англійская философія занимается преимущественно разборомъ частныхъ вопросовъ. Изъ писателей ея замѣчательны Дюгальдъ-Стюартъ, Броунъ, Миль, Спенсеръ, Гамильтонъ, Бентамъ своею идеею пользы составляютъ совершенно особенное направленіе, примыкая непосредственно къ прошлому вѣку. Важнѣйшій изъ остроумныхъ періодическихъ писателей Англіи—Фрэнсисъ Джефри.

Искусство, слѣдующее за всѣми колебаніями духа времени, находится совершенно въ иномъ положеніи, чѣмъ литература. Наше поколѣніе вполнѣ анти-художественно; въ насъ нѣтъ ни увлеченія искусствомъ, ни пониманія его. Жалуются, что промышленность и критика наносятъ ущербъ поэзіи; тѣмъ менѣе могутъ имѣть успѣхъ великія творенія ваянія и живописи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ отраслей послѣдней, нѣтъ ни одного искусства, произведеніями котораго мы наслаждались бы съ полнымъ пониманіемъ гармонической красоты. Искусство обращается въ слугу насущныхъ потребностей или умственныхъ требованій. Чѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ оно техническихъ средствъ, чѣмъ болѣе совершенствуются его инструменты и орудія для популяризаціи и размноженія его произведеній, тѣмъ ниже оно падаетъ; оно превращается въ механическую ловкость, наконецъ про-

сто—въ ремесло. Теперь время науки, а не искусства (фотографія научна). Идеалисты въ искусствѣ ищутъ спасенія въ противоположныхъ крайностяхъ: они пренебрегаютъ техникой и пріобрѣтеніемъ извѣстной ремесленной снаровки, необходимой, какъ основаніе художественнаго творчества. Впрочемъ движеніе въ искусствѣ дѣятельно. Быть можетъ, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о творчествѣ по общимъ законамъ, намъ больше всего вредитъ наша субъективность. Лиризмъ, затмѣвая эпосъ и драму, водворяется и въ музыкѣ, какъ начало расплывающейся туманности; онъ даже захватываетъ и пластику. Но всегда вреднѣе вліяніе крайняго диллетантизма. Вслѣдствіе его преобладанія, судъ въ области искусства зависитъ отъ пристрастія, а не отъ принципа. Мы слишкомъ гоняемся за изобразительными искусствами и слишкомъ пренебрегаемъ пластическими: и то, и другое вредно. Изобразительныя искусства унижаются, вовлекаемыя вслѣдствіе этого въ житейскія пошлости, а пластическое искусство вытѣсняется отовсюду. Фактъ, что нынѣ искусство находится въ упадкѣ, вовсе не теряетъ своей силы отъ общихъ увѣреній, что въ послѣднее время оно снова возвысилось сравнительно съ мертвымъ классицизмомъ послѣднихъ десятилѣтій прошлаго и первыхъ нынѣшняго вѣка. Въ общемъ очеркѣ не стоитъ вдаваться въ подробности и слѣдить за развитіемъ, которое во всякомъ случаѣ ничтожно.

Окончательный упадокъ театральнаго искусства признанъ всѣми. Кромѣ матеріалистическаго образа мыслей нашего времени этому способствуютъ другія обстоятельства: зависимость придворныхъ театровъ отъ капризовъ

высокихъ покровителей, городскихъ — отъ плебейскихъ склонностей массъ, милость и деньги; всегда и вездѣ отсутствіе чистаго интереса къ искусству и пониманія его, лишенное принциповъ подчиненіе соображеніямъ и требованіямъ политики; продажная и жалкая театральная критика; страсть публики къ новизнѣ. Другая глубокая причина этого заключается въ стушеваніи современной личности, вслѣдствіе однообразія въ воспитаніи и образованіи и отсутствія вообще всего односторонняго и оригинальнаго въ жизни. Наши психологическіе вопросы и болѣе утонченный видъ нравственной и умственной борьбы представляютъ поэтому трудную задачу и даютъ писателю скудный матеріалъ для драматическаго изображенія. Пока Германія не возвратитъ себѣ своего утраченнаго національнаго сознанія, до тѣхъ поръ она едва ли можетъ мечтать о народной сценѣ. Вѣдь у нея нѣтъ жизненной комики. Все, что она пока можетъ создать лучшаго—это мѣстная шутка. Классическія сцены Друри-Лена и Коветъ-Гардена падаютъ уже пятьдесятъ лѣтъ. Въ англійскихъ провинціяхъ даже огромные фабричные города вовсе не имѣютъ постоянныхъ театровъ, которые кромѣ Лондона, существуетъ только въ Дублинѣ. Англійскій театръ въ теченіе уже нѣсколькихъ десятилѣтій пользуется безъ смысла и выбора французскимъ матеріаломъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, классическія отечественныя произведенія изгнаны со сцены, потому что тупая масса актеровъ и зрителей боится касаться этихъ колосовъ. Парижъ и его газеты занимаются театромъ, но ищутъ въ немъ единственно пикантнаго удовольствія и возбужденія; вѣрное изображеніе ужасовъ общественной порчи

не находитъ себѣ мѣста на сценѣ. Однако столица эта до нашего времени имѣетъ лучшій театръ въ мірѣ. Легкій комическій жанръ выражается въ водевилѣ; въ комической оперѣ (opera buffa) онъ отличается удивительной живостью и французской изящною легкостью, тогда какъ большая опера и ея музыка страдаютъ классическою скукою и истощеніемъ. Вообще на французской сценѣ музыка, пантомима и танцы много способствуютъ успѣху пьесъ. Знаменитые актеры почти всюду вымерли или состарились и не нашли себѣ преемниковъ. Общій упадокъ не могли остановить нѣсколько великихъ личностей, подобныхъ Кину, Макреди и Кемблю, которые въ первыя десятилѣтія нашего вѣка возвышались надъ общимъ опошленіемъ театровъ; Тальмѣ, который служилъ на сценѣ съ историческимъ сознаніемъ представителемъ величія императорской эпохи; несравненной, незамѣнимой Рашели, умершей въ 1858 г., которая играла такъ строго, просто и спокойно; даже преемницѣ ея, Ристори. Не могли предупредить его также Каталани (1814 — 18), Паста, Пикарони, Малибранъ (1827 — 35), Зонтагъ, возвышавшія своимъ классическимъ пѣніемъ итальянскую сцену. Германскій театръ хотя и стоитъ также низко, но можетъ назвать нѣсколько первокласныхъ именъ.

Такой же упадокъ потерпѣла и музыка. На ней болѣе, чѣмъ на другихъ искусствахъ, отзываются колебанія нашей эпохи. Начало нашего вѣка еще украшается великой музыкой Моцарта и Бетховена. Какъ бы мы ни судили о нерѣшенномъ еще спорѣ касательно достоинства такъ называемой музыки будущаго, во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что она производитъ впечатлѣніе аффектаціи и причудливости. Вся новая опера есть самый несчастный продуктъ искусства. Чтобы судить о степени упадка пониманія и смысла, должно обратиться къ классической странѣ музыки и пѣнія, Италіи. Тамъ не только совершенно не понимаютъ богатой содержаніемъ нѣмецкой музыки (слушаютъ развѣ одного Мейербера), но даже отрицаютъ собственную классическую музыку, считаютъ устарѣвшимъ даже Россини и обращаютъ всю свою благосклонность на нынѣшній пошлый трезвонъ Верди съ его турецкими барабанами. Понятно, что такое направленіе музыки совершенно искажаетъ искусство пѣнія. Иногда становится жутко за голосъ пѣвца при выдѣлываніи отчаянныхъ трелей и фіоретуръ, но другаго чувства они не возбуждаютъ. Какъ жаждущій путникъ по пустынѣ—въ оазисѣ, такъ не испорченный вкусъ, ошеломленный и оглушенный нашей концертной музыкой, отдыхаетъ на тѣхъ вѣчныхъ мелодіяхъ, въ которыхъ поразительно звучатъ отголоски земныхъ радостей и страданій. Пѣсни рыбаковъ (въ «Нѣмой»), пѣсня плѣнниковъ въ глубокомысленно задуманной (въ «Фиделіо») мелодіи Крейцера и Зильхера и нѣкоторыя другія—вотъ незабвенные звуки, которые съ каждымъ днемъ слышатся все рѣже и рѣже. Наше время произвело великихъ художниковъ, но искусственность убиваетъ искусство. Техника и въ музыкѣ получила главное значеніе. И здѣсь, какъ въ литературѣ, первое мѣсто занимаетъ стремленіе поразить эффектомъ массу, страсть къ реалистической внѣшности и крайній психологическій анализъ.

Искаженіе оперы началось вскорѣ послѣ Моцарта. То, что великій художникъ обобщилъ своимъ необъемлющимъ геніемъ, снова распалось и пошло по разнымъ путямъ. Лиризмъ и здѣсь получилъ преобладаніе; драматическій элементъ совершенно исчезъ, дѣйствіе, ничтожно и не подвигается впередъ. Вслѣдствіе этого, недостатокъ этой стороны стараются пополнить крайней искусственностью, хитросплетенными аріями, бравурными пѣснями и натянутыми эффектами. Художественныя средства расточаются безъ смысла. Другая причина упадка заключается въ безобразныхъ и безсодержательныхъ текстахъ, которые представляютъ верхъ ничтожества, а между тѣмъ музыка совершенно подчиняется этимъ выродкамъ драмы. Скрибъ оказалъ значительныя услуги французской оперѣ; онъ проводитъ въ текстѣ то самое, что желаетъ провести сама музыка. Всего болѣе музыкальнаго смысла заключается безспорно въ нѣмецкой и въ нѣмецко-французской операхъ; итальянско французская и собственно итальянская занимаютъ послѣднее мѣсто.

Послѣ оперы изъ музыкальныхъ формъ наиболѣе развиты симфонія и квартетъ. Въ первой Гайденъ и Моцартъ представляютъ еще классическій періодъ наивнаго наслажденія жизнью, Бетховенъ и Шубертъ составляютъ въ ней новый періодъ, соотвѣтствующій великимъ міровымъ событіямъ, отразившимся въ нихъ выраженіемъ великой скорби, и это выраженіе достигло высшей степени въ Шуманѣ. Церковная музыка падала еще въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка, что, конечно, соотвѣтствовало застою самой церкви и прекращенію въ ней всякой жизни. Даже когда въ концѣ прошлаго вѣка

великіе артисты положили конецъ господствующей слезливости и пошлости, древняя строгая церковная музыка не воскресла: если она и ожила, за то сдѣлалась свѣтской. Въ ней значителенъ только Керубини, личность сильная, всеобъемлющая, воспитанная въ духѣ древности, полная глубокой страсти и серьезной энергіи.

Изъ числа графическихъ искусствъ одна живопись имѣла въ наше время частые тріумфы, потому что она болѣе сродни нашему духу и легче подчиняется разнообразнымъ требованіямъ современной эпохи, чѣмъ чисто пластическія искусства. Ближе всего къ намъ ландшафтная живопись; историческая возникла главнымъ образомъ изъ научныхъ побужденій. Она безспорно обработана превосходно и многосторонне, отличается даже отчасти величіемъ и идеальной поэзіей, и все болѣе и болѣе развиваетъ поэтическую вѣрность.

Изъ нѣмецкихъ художниковъ самые замѣчательные: Овербекъ съ его нѣжнымъ, душевнымъ, проникнутымъ религіозностью выраженіемъ; Шноръ фонъ-Каросфельдъ, художникъ вполнѣ назарейскаго направленія; Каульбахъ, историческія картины котораго полны жизни и страсти, иногда неисчерпаемаго юмора, иногда въ смѣшеніи историческаго съ аллегорическимъ, недовольно характерны. Изъ ландшафтныхъ живописцевъ выше всѣхъ Ротманъ, поэтическій, прекрасный и благородный, исполненный глубоко потрясающей истины. К. Ф. Лессингъ соединяетъ въ себѣ силу, творческую фантазію, зрѣлое развитіе, основательное изученіе, тонкую наблюдательность и мастерскую характеристику. Религіозная живопись имѣетъ Гесса, портретная—Винтергальтера.

Французская школа образуетъ множество различныхъ направленій, но натурализмъ преобладаетъ. Въ ней замѣтно истинно великое развитіе, хотя она не имѣетъ такого богатаго содержанія мысли, какъ нѣмецкая; впрочемъ это содержаніе не соотвѣтствовало бы ея реалистическому характеру. Начиная съ Энгра, котораго холодный и аллегорическій классицизмъ, завѣщанный Давидомъ, развивается многостороннимъ образомъ, всѣ французскіе художники свободны отъ идеалистической односторонности; они обнаруживаютъ много силы и пониманія въ разработкѣ жизни природы и человѣка. У нихъ счастливая наблюдательность соединяется съ энергически смѣлой, часто увлекательной изобрѣтательностью и глубоко проведенной идеализаціей. Леопольдъ Роберъ, пишущій народныя сцены изъ жизни юга, обнаруживаетъ въ произведеніяхъ своихъ особенную задушевность. Его поэзія глубока и полна ясной истины, теплоты, жизни и стилическаго совершенства. Поль Деларошъ, совершенный реалистъ, въ своей исторической живописи отличается особенной психологической пытливостью, не рѣдко впадающей въ патологическую (сцены смерти), но дѣйствующую всегда духовными средствами. Въ произведеніяхъ его господствуетъ лирическое настроеніе, не препятствующее индивидуальной характеристикѣ. Вызываемыя внутренно созерцаемымъ впечатлѣніемъ картины производятъ такое же впечатлѣніе и на зрителей. Совершенно иное представляетъ Орасъ Верне, знаменитый батальный живописецъ. Онъ смѣло изображаетъ жизнь въ высшемъ возбужденіи страсти и размашистыми штрихами накладываетъ на нее оригинальный, энергическій

отпечатокъ. Въ библейскихъ сценахъ онъ счастливо воспользовался знакомыми ему арабскими типами и этимъ оживилъ эту живопись, заблудившуюся въ извращенномъ идеализмѣ. Делакруа обладаетъ богатой и сильной фантазіей и отличается рѣзко выраженнымъ романтизмомъ. Ландшафтная живопись французовъ вышла изъ прежнихъ холодныхъ, мнимо классическихъ отвлеченій, но не сравнялась съ нѣмецкой. Первое мѣсто въ ней принадлежитъ Каламу съ его альпійскими видами.

Англійская живопись поднялась съ начала нынѣшняго столѣтія, но имѣетъ прочное значеніе только въ жанрѣ и портретѣ, которыми, да еще ландшафтами, ограничивается ея дѣятельность. Впрочемъ она не имѣетъ ни традиціи, ни школы и заимствуетъ свои сюжеты преимущественно изъ поэзіи. Самый блестящій ландшафтный живописецъ въ Англіи – Торнеръ. Превосходно изображаетъ животныхъ, Ландсиръ, подмѣчающій психологическій элементъ въ индивидуальной характеристикѣ живой жизни.

Бельгія только въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ (со времени Вапперса (пріобрѣла значеніе въ живописи, благодаря изученію старыхъ нидерландскихъ мастеровъ; важнѣйшій художникъ – Галле, который отличается въ историческомъ и жанровомъ родѣ и приближается въ немъ къ стариннымъ образцамъ.

Наше столѣтіе испытало еще вліяніе холоднаго классицизма въ римско-греческомъ вкусѣ; его знаменитѣйшій представитель былъ Давидъ, передававшій его въ манерномъ, театральномъ духѣ французовъ; но впослѣдствіи вліяніе это было побѣждено, и, въ противопо-

ложность классицизму, развился, особенно между германскими художниками, романтизмъ съ притязаніями на глубокое чувство; наконецъ рядомъ съ нимъ возникъ реализмъ, дошедшій до вопіющей крайности; переходы эти существовали во всѣхъ искусствахъ и представляютъ явленіе параллельное развитію нашего мышленія. Техника и блескъ колорита достигли полнаго совершенства.

Величайшій художникъ нашего вѣка безспорно Корнеліусъ: онъ глубокъ, энергиченъ отличается геніально-высокимъ взглядомъ, философскими соображеніями и всегда производитъ сильное впечатлѣніе. Его драматическія творенія, хотя неразсчитанныя на эффектъ красокъ, замѣчательны рѣзкими чертами и удивительной выразительностью; они всегда задуманы въ гигантскихъ размѣрахъ. Никто не сравнится съ нимъ въ величіи и въ высотѣ духовнаго содержанія.

Пластическое искусство не достигло единства и общепризнанныхъ формъ и вслѣдствіе этого не могло воспроизвести новаго оригинальнаго стиля; архитектурныя средства удивительно усовершенствовались.

Въ Берлинѣ современное искусство, а именно архитектура, слѣдуетъ или совершенно античному вкусу (Шинкель), или подчиняется романтическимъ вліяніямъ, но все-таки сохраняя пристрастіе къ античному; она придерживается романтическаго и готическаго стиля въ оригинальной обработкѣ. Лучшія произведенія ея стремятся къ чистотѣ стиля. Знаменитѣйшіе скульпторы: Канова, Даннекеръ и особенно Торвальдсенъ, глубоко и весьма успѣшно изучавшій античные образцы. Въ мюнхенской школѣ заняла важное мѣсто вновь открытая жи-

вопись на стеклѣ. Англійская архитектура предпочитаетъ готическій стиль въ древне-англійскомъ вкусѣ. Франція пробуетъ всѣ направленія: античное, готическое, а преимущественно стиль возрожденія. Вообще преобладаетъ декоративное направленіе, которое господствуетъ и въ Англіи, отразившись даже на величественномъ произведеніи вполнѣ національнаго англо-готическаго стиля, новомъ зданіи парламента. Въ большинствѣ же случаевъ, начиная съ очень важныхъ построекъ и кончая многочисленными частными зданіями, владычествуетъ стиль возрожденія, но съ особеннымъ промышленнымъ отпечаткомъ, лишающимъ его чистоты; романскій стиль пользуется столь же обширнымъ примѣненіемъ.

Иное видимъ мы въ скульптурѣ. Здѣсь величественныя античныя произведенія Торвальдсена единственны въ своемъ родѣ. Берлинская школа отличается заимствованной у древнихъ обработкой формъ, эллински образованнымъ благородствомъ стиля, чрезвычайнымъ разнообразіемъ жизни, глубокой характеристикой, замѣчательной вѣрностью природѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ свободой идеализаціи. Она достигаетъ высшаго совершенства въ Раухѣ, соединяющемъ съ этими достоинствами очаровательную грацію. Мюнхенская школа болѣе декоративна, хотя и предана античнымъ образцамъ, но придерживается также романтизма по пристрастію къ средневѣковымъ матеріаламъ. Швантахлеръ обладаетъ богатой фантазіей и творческимъ духомъ, но далеко отъ характеристической силы и проницательности Рауха. Школа Канова, пользующаяся сильнымъ вліяніемъ въ Англіи, оставила послѣ себя въ Италіи особенную чистоту въ

обработкѣ формы и нѣсколько женственный характеръ. Ей вредитъ искусственность и аффектація. За то искусство обработки мрамора передается въ Италии изъ поколѣнія въ поколѣніе. Важнѣйшій представитель итальянской школы Тенерани. Англія и въ ваяніи имѣетъ успѣхъ только въ жанровомъ и портретномъ родѣ.

Во всякомъ случаѣ успѣхи послѣднихъ десятилѣтій оказываются значительными, если сравнить ихъ съ театральнымъ пафосомъ, господствовавшимъ въ архитектурѣ и ваяніи первой имперіи или съ изнѣженными формами послѣдующаго времени, когда искусство отличалось далеко не прекрасной страстностью, лишенной всякой идеализаціи.

Особенный успѣхъ имѣютъ въ наше время искусства низшаго порядка, приближающіяся къ простой техникѣ и ремесламъ; вообще цѣнится то, что служитъ потребностямъ настоящей минуты. Безполезно упоминать о всѣхъ мелкихъ искусствахъ, составляющихъ отрасли живописи и служащихъ къ безконечному размноженію ея произведеній. Изъ нихъ большое значеніе имѣетъ только гравированіе на стали, особенно процвѣтающее въ Англіи, вслѣдствіе совершенства какъ самаго искусства, такъ и матеріала. Упомянемъ еще объ особенномъ развитіи вкуса въ искусствѣ разведенія садовъ, которое приняло въ основаніе англійскую простоту и наблюденіе естественныхъ законовъ.

Великій путь къ истинѣ, есть наука.

О ЛИТЕРАТУРѢ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Умственные дѣятели.

(Прудонъ, Мишле и Смитъ).

Въ такое время, какъ наше, для идеальнаго направленія ума открыты только одинъ путь—путь науки, которая одна можетъ дать путеводную нить для выхода изъ лабиринта сомнѣній. Одна наука идетъ безошибочно по великому пути своему. Она даетъ заблудившимся умамъ свѣточъ, поддерживаетъ нарушенные интересы чести свободы, возвращаетъ къ свѣтлой и сильной дѣятельности поколѣніе, усыпленное индустріализмомъ, апатіей и ханжествомъ. Но въ области науки многое, что прежде принадлежало ей, уже не находитъ себѣ мѣста. Такъ богословіе не имѣетъ теперь научнаго значенія. Философія стоитъ на весьма низкой ступени, и ей еще не пришло время снова подняться. За то высоко процвѣта-

ютъ и успѣваютъ естествознаніе, по преимуществу матеріалистическое, и механика. Изъ прочихъ отраслей науки въ наше время только одна дѣятельно работаетъ надъ собственнымъ преобразованіемъ и надъ свободнымъ развитіемъ умовъ, создавая истинно великое и глубже всякой другой проникая въ жизнь,—это исторіографія, творенія которой отличаются не только научнымъ вѣсомъ, но и художественнымъ достоинствомъ; она равно преуспѣваетъ въ Германіи, Франціи, и Англіи, идя безошибочно впередъ и постоянно обновляя себя. Имена Вайца, Дункера, Дройзена, Гейсера, Гервинуса, Момсена, Бокля и другихъ напоминаютъ ея высокое развитіе. Обширный кругъ трудовъ нѣмецкихъ ученыхъ глубоко и серьезно проникаетъ въ древній міръ. Кромѣ того, нашему столѣтію предстоитъ выполнить великое предпріятіе—создать исторію естествознанія. Начало этому положено исторіей ботаники Мейера. Рядомъ съ исторіей все болѣе и болѣе значенія получаетъ наука соціальной экономіи. Это двѣ спасительныя науки будущаго.

Положеніе искусства въ наше время довольно оригинально. Въ немъ имѣютъ значеніе только музыка и живопись. Въ музыкѣ новѣйшее движеніе возбуждено Вагнеромъ, который вызвалъ столько же похвалъ, сколько и порицаній. Главныя черты его состоятъ въ теоретическомъ и практическомъ стремленіи къ объективности, отчасти исторической; въ исканіи точки опоры въ національности, а главное, въ требованіи снова соединить искусства, дѣйствующія теперь врознь. Будемъ ли мы за, или противъ него, но нельзя отрицать величіе мысли о великомъ единомъ искусствѣ, тѣмъ болѣе, что

она обѣщаетъ освѣжить и оживить искусство, обѣднѣвшее идеями, новыми современными и историческими мыслями. Искусство должно и намѣрено служить выраженіемъ идей своего времени. Но оно идетъ и далѣе, желая изображать также внѣшній міръ, передаваемый ему въ идеѣ. Несомнѣнно, что Вагнеровское направленіе внесло полный и сильный элементъ въ оперу, бывшую столько лѣтъ въ упадкѣ. Но ему представляется два вопроса: не будетъ ли то геніальное созданіе искусства, которое должно явиться въ будущемъ, вслѣдствіе уничтоженія границъ между разными областями искусства, съ цѣлью соединить всѣ искусства воедино,—не будетъ ли это ожидаемое твореніе просто сбродомъ, романтическимъ ералашемъ, который унизитъ всѣ искусства, не создавъ новаго единаго и никогда не достигнувъ цѣльнаго, чистаго выраженія? И во-вторыхъ, свойственно ли музыкѣ, можетъ ли она избрать себѣ задачей выразить въ своемъ мірѣ звуковъ тяжелыя идеи и загадки дѣйствительной современной жизни? Или, другими словами, представляетъ ли живопись идей, какъ можно назвать это новое замышляемое искусство, представляетъ ли она дѣйствительно возрожденіе искусства или мимолетную переходную попытку? Еще не настало время рѣшить эти вопросы, потому что произведенія, созданныя по новому принципу, не представляютъ достаточно моментовъ для рѣшенія.

Первая область изящной литературы, на которой взглядъ останавливается съ невозмущаемымъ удовольствіемъ,—лирика, получившая новое значеніе, обратясь къ жизни и исторіи. Въ нѣмецкой литературѣ она яв-

ляется раньше, чѣмъ въ другихъ. Свѣтлыми и звучными пѣснями войны и свободы открывается въ Германіи короткій, но блестящій періодъ лирики. Вообще это десятилѣтіе представляетъ болѣе простора для игры воображенія въ романѣ, драмѣ и лирикѣ, чѣмъ первое.

Драма не выходитъ изъ своего жалкаго положенія, потому что духъ романтизма не благопріятенъ ея развитію. Въ ней ощущается недостатокъ реальности и психической правды. Въ это время полнаго развитія достигла только трагедія рока; будучи по всему настоящимъ порожденіемъ романтизма, она внесла въ жизнь какой-то мистически-мечтательный фатализмъ, а къ психическимъ основамъ относилась совершенно безразлично и видѣла драматическіе мотивы только во внѣшности. Поэтому она представляла смѣсь монотонныхъ ужасовъ, мрачныхъ страшилищъ, привидѣній, сновидѣній, предсказаній, появленій духовъ и волшебства; главное же въ ней—нелѣпое слѣпое чудовище, выдаваемое за судьбу, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно могло бы скорѣе служить воплощеннымъ искаженіемъ всего нравственнаго міроваго порядка. Это чудовище не походило на фатумъ древнихъ, а скорѣе на какое-то автоматное чучело, которое бьетъ въ потьмахъ своей дубиной на право и налѣво уничтожая все вокругъ себя; спасенія нѣтъ.—Удивительно, что нѣкоторыя изъ этихъ произведеній, при такомъ полномъ пренебрежіи всѣми законами природы, отличаются простымъ, даже спокойнымъ языкомъ, нѣкотораго рода достоинствомъ и, наконецъ, композиціей, обнаруживающей вѣрное пониманіе искусства. Иногда даже въ волѣ и рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ есть спокойствіе и холодная

ясность. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній производятъ сильное впечатлѣніе, отъ котораго также трудно освободиться, какъ отъ впечатлѣнія французскихъ романовъ. Здѣсь фантазія охотно разыгрывается какими-нибудь демоническими ужасами или сверхъ-естественными столкновеніями. Драматическаго развитія судьбы и характера совершенно не существуетъ; все зависитъ отъ мрачныхъ духовъ, которые дѣйствуютъ отъ начала до конца по неизвѣстнымъ основаніямъ. Вообще во всей тогдашней литературѣ нѣтъ ни малѣйшаго пониманія драматическихъ мотивовъ, такъ что, кромѣ трагедіи рока, мы видимъ еще только, такъ-называемую, романтическую трагедію съ ужасами, древними проклятіями, неестественнымъ развитіемъ дѣйствія. И все это не должно удивлять насъ въ эпоху, когда самая наука представляла нелѣпую смѣсь одухотворенія матеріи и овеществленія духа, когда самые серьезные ученые трактовали о ясновидѣніи и магнетизированіи, считая ихъ ключемъ высшей мудрости. Вездѣ въ то время мы видимъ тотъ же контрастъ между средствами и цѣлью, формой и матеріаломъ, языкомъ и мыслью.

Романъ гораздо болѣе чуждъ этого сумасбродства. Правда, и въ области романа существуетъ подобное направленіе, посвященное случайному и загадочному. Оно имѣетъ много общаго съ мистическими выводами натурфилософіи, выражаетъ реакціонныя стремленія или впадаетъ въ сантиментальность, но въ немъ больше искренняго пониманія природы. Съ натурфилософіей это направленіе соединяется въ Стеффенсѣ. Въ основахъ его мы находимъ также нѣчто демоническое и таинствен-

ное, нѣчто въ родѣ католическихъ мистификацій; въ идеяхъ и манерѣ господствуетъ не вѣрный индивидуализмъ, и вообще все это направленіе представляетъ неясную, неопредѣленную и слабую связь поэтическихъ бредней и произвольныхъ натурфилософскихъ построеній. Все это особенно замѣтно въ Стеффенсѣ, хотя возвышенное глубокомысленнымъ и величественнымъ спокойствіемъ сѣвернаго характера (Малькольмъ). Стеффенсъ самая замѣчательная личность изъ числа тѣхъ, которыя отражаютъ въ себѣ почти всѣ черты своей эпохи, не исключая и самыхъ мелочныхъ.

Никто не пользовался демоническимъ элементомъ въ такой мѣрѣ, какъ Гофманъ. Замѣчательна разница между изображеніями адскихъ силъ этой эпохи и подобными же изображеніями эпохи тридцатыхъ годовъ, которая также часто и охотно прибѣгала къ нимъ. Въ первыхъ, демоническія силы въ самой неестественности своей изображаются естественнѣе; характеръ ихъ чисто демонскій; они увлекаютъ самаго автора и повергаютъ его, если не въ безуміе, то въ сумасбродство и въ вѣру въ адскія силы; вторыя, напротивъ, болѣе искусственны; они такъ же странны, но произвольнѣе, рефлективнѣе, придуманнѣе, какъ будто поблѣднѣвъ и полуразсѣявшись въ лучахъ дневнаго свѣта. Въ первыхъ дѣйствіе также чуждо разсудка и также подавляетъ духъ, какъ дѣйствіе въ трагедіи рока. Это направленіе вполнѣ предано созерцанію непримиримаго, до такой степени, что даже гармоническое само-по-себѣ воззрѣніе Гофмана выражается самыми рѣзкими диссонансами. Это чудовищная игра автоматовъ и привидѣній, освѣщенная красноватымъ блескомъ блуждающихъ огней; духъ сгущенъ, воплощенъ въ неестественные образы. Но какъ бы ни возставалъ разсудокъ противъ этихъ изображеній, въ нихъ есть какая-то неотразимая сила: Гофманъ создаетъ ихъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, и у него мы видимъ въ нихъ кипучую жизнь, пылъ, даже твердое спокойствіе; причудливые образы кружатся въ дикомъ вихрѣ, но надъ ними носится духъ, владычествуя надъ чудесными областями фантазіи. Здѣсь нелѣпое, противоестественное вліяетъ не такъ разрушительно, какъ на строгій строй драмы.

Въ области романа важнѣйшее явленіе есть историческій романъ. Онъ подвергался частымъ и сильнымъ нападеніямъ за то, что не желаетъ и не можетъ быть исторіей. Тѣмъ не менѣе онъ требуетъ способности къ воспроизведенію реальнаго. Вальтеръ Скоттъ, создавшій его, остается до сихъ поръ величайшимъ его представителемъ; онъ обладаетъ поразительной оригинальностью, до которой послѣ него никто не могъ возвыситься, и вліяніе его далеко не объясняется единственно свойствами его матеріала. Можно не сочувствовать ограниченному торійскому непониманію его нашей современности, но этотъ неблагопріятный взглядъ не долженъ доходить до отрицанія сильнаго таланта въ этомъ страстномъ знатокѣ и поэтѣ фантастическаго и сумрачнаго средневѣковаго быта шотландскаго нагорья. Это также романтизмъ, но романтизмъ наивной и очаровательной легенды. В. Скоттъ въ своихъ романахъ совершенно чуждъ всякихъ тенденцій, какимъ преданы нѣмецкіе писатели въ этомъ родѣ; все, что можно сказать объ немъ, это то, что взглядъ постоянно устремленный на средневѣковое вре-

мя, мѣшаетъ ему видѣть настоящее, что глазъ, пріученный смотрѣть въ минувшую даль, отвыкъ видѣть вблизи. Романтическій средневѣковый міръ занимаетъ его только какъ матеріалъ, но онъ цѣнитъ также и гражданскую жизнь, изъ круга которой представилъ совершенно законченные типы. Его изображенія эпохъ и нравовъ блестящи, одушевленны, чрезвычайно живописны, хотя мишурны, какъ все романтическое, однако могутъ служить зеркаломъ для настоящей исторіи, въ пользу которой они возбуждаютъ и оживляютъ интересъ читателей. Въ нихъ мы видимъ изображенную съ поразительною вѣрностью, роскошными красками жизнь племени таинственнаго, какъ его заливы и ущелья, полнаго оригинальнаго юмора и дикаго трагизма. При томъ В. Скоттъ отличается такимъ вѣрнымъ историческимъ чутьемъ, какимъ обладаютъ весьма немногіе историки. Сочиненія его всегда тщательно продуманы и столь же тщательно выполнены. Онъ рисуетъ ландшафты и характеры съ драматическимъ богатствомъ красокъ и глубокою психологическою опредѣленностью. Длинная обставленная множествомъ частныхъ подробностей нить интриги всегда искуссно запутана, и по ней разыгрывается сильное, живое дѣйствіе съ безпорно глубокими моментами; оно производитъ вѣрное впечатлѣніе возбуждаемое искусcно и непринужденно; характеристика съ художественною цѣльностью вытекаетъ изъ массы подробностей. Эти подробности, отмѣченныя всегда такъ рѣзко, представляютъ обширное поле воображенію. Его романъ похожъ на древній замокъ съ темными, таинственными, скрытыми закоулками и проходами, гдѣ разыгрываются страш-

ныя происшествія; въ немъ господствуетъ средневѣковой полусвѣтъ, при невѣрномъ, трепетномъ блескѣ котораго всегда звучитъ какая-нибудь струна нашего сердца, какъ бы ни была она твердо укрѣплена. Словомъ, В. Скоттъ—великій художникъ романтизма. Его раннія эпическія стихотворенія также отличаются увлекательной красотой.

Сильный протестъ въ духѣ Шиллера и Фихте противъ мечтательнаго забвенія міра, свойственнаго романтизму, выразился въ поэтахъ, воспѣвавшихъ свободу, хотя большею частію они далеко не могли возвыситься до настоящей высоты своего предмета. Но и въ развитіи этой лирики участвовалъ романтизмъ. Ее можно назвать сильною; она имѣетъ болѣе въ виду дѣянія народа, чѣмъ его духъ, прямо касается жизни въ настоящемъ; она обусловлена силою событій, ознаменовавшихъ эпоху національнаго возстанія, и въ свою очередь сама имѣетъ вліяніе на дѣло. Основываясь такимъ образомъ на требованіяхъ великой исторической минуты, она заимствуетъ отъ нея свое значеніе и содержаніе. Преданная кипучимъ интересамъ настоящаго, она не касается вѣчно истиннаго; но она возстала въ народѣ и шла съ народомъ, наполняя его духъ боевымъ пыломъ; то былъ союзъ лиры съ мечемъ; внѣшнее освобожденіе и внутреннее духовное развитіе величественно идутъ въ ней рядомъ. Она гораздо выше тѣхъ искусственныхъ произведеній, въ которыхъ позднѣе Делавинь говорилъ французамъ объ ихъ національномъ униженіи и о великихъ обидахъ, нанесенныхъ имъ. Поэты этого періода сильно и сознательно вникали въ жизнь; это люди дѣла, характеры

цѣльные, которые пишутъ, все равно, что дѣйствуютъ. Въ звукахъ ихъ мужественная твердость соединяется съ юношескимъ жаромъ. Громовая военная пѣсня ихъ имѣетъ ту общую черту съ покойной, нѣжной поэзіей природы, что и въ ней господствуетъ религіозный элементъ. Страшныя испытанія, ниспровергнувшія всѣ земныя опоры, возбудили потребность опереться на что-нибудь вѣчное, стоящее выше всѣхъ случайностей и колебаній. Вслѣдствіе этого патріотическая пѣсня естественно получила религіозный оттѣнокъ.

Съ основнымъ соціальнымъ вопросомъ связаны всѣ характеристическія черты нашего времени: убѣжденіе въ непрочности того, во что до сихъ поръ вѣрили, и въ нелѣпости существующаго; лихорадочное безпокойство и тщетная погоня за новымъ всеобщимъ идеаломъ; анализъ и сомнѣніе даже въ сомнѣніи; пессимизмъ и міровая скорбь; поэзія противорѣчія. У насъ порокъ—добродѣтель, а добродѣтель—порокъ,—такова основная идея новой поэзіи, и, въ виду нашего соціальнаго положенія, въ этомъ есть своя доля истины. Поэтому англійскіе и французскіе общественные романы съ ихъ тенденціями и образами, съ ихъ незрѣлостью и слабостью, служатъ такимъ удачнымъ выраженіемъ нашего времени, какое трудно найти для другой эпохи. Революція и революціонная литература должны отличаться пессимистическимъ характеромъ,—того требуетъ ихъ сущность. И ошибочно было бы видѣть вліяніе этой демократической литературы только на низшемъ слоѣ народа. Въ самомъ существѣ ея есть нѣчто аристократическое; притомъ она до такой степени заразила своими идеями высшіе классы, что

тутъ невольно вспоминаешь обманъ, въ который мстительная исторія ввела ихъ во второй половинѣ прошедшаго вѣка, когда они, какъ опьянѣлые, бросились въ водоворотъ революціонныхъ реформъ. Всѣ условія соединялись, чтобы обезпечить этой молодой литературѣ большее вліяніе на жизнь, чѣмъ когда-либо. Безусловное отрицаніе прошлаго вѣка въ политической и религіозной области достигло своего апогея непосредственно передъ революціей; точно такимъ образомъ въ послѣднія десятилѣтія оно выступаетъ на французской, англійской и нѣмецкой почвѣ противъ соціальнаго и религіознаго порядка, но теперь на его сторонѣ неоспоримая зрѣлость и поддержка всей современной критической учености.

Впрочемъ въ это время все установилось еще весьма непрочно; это видно уже изъ того, что романъ пользовался незаслуженнымъ предпочтеніемъ и громаднымъ вліяніемъ. Въ 1831 г. онъ одновременно появился на французской и на нѣмецкой почвѣ, затѣмъ овладѣлъ и Англіей, и въ половинѣ десятилѣтія достигъ наибольшаго развитія и въ этомъ видѣ засталъ февральскую революцію. Въ своихъ низшихъ ступеняхъ онъ составляетъ предметъ промышленной спекуляціи. Романъ, въ популярности и фантастической пылкости котораго заключаются задатки всѣхъ характеристическихъ чертъ, приписываемыхъ промышленной и въ то же время тенденціозной литературѣ, является какимъ-то лабиринтомъ, куда, зажмуря глаза, бросается большинство писателей, и вліяетъ онъ съ одуряющей силой. Характеръ его поразительно однообразенъ въ 600—700 произведеніяхъ, считающихся первоклассными въ этомъ родѣ. Рядомъ съ

этой литературой стоитъ, безъ сомнѣнія, на второмъ планѣ, исторія въ связи съ историческимъ романомъ; она взвѣшиваетъ великія событія и въ такой же мѣрѣ способствуетъ серьезному умственному труду, въ какой романъ тяготѣетъ надъ массами своимъ многообразнымъ вліяніемъ. Французская литература достаточно ясно свидѣтельствуетъ о силѣ ея вліянія. Историческое воззрѣніе проникаетъ во всѣ области жизни. Французская лирика достигаетъ вершины своего блеска, нѣмецкая развѣтвляется на самые разнообразные лады и получаетъ политическій характеръ. Драма, имѣющая своихъ представителей только въ произведеніяхъ низшаго сорта, можетъ выставить такой же рядъ борзописцевъ, какъ и романъ. Въ нашемъ столѣтіи она ни разу не достигла значительнаго вліянія и силы, и рѣдко возвышалась надъ посредственностью. Опера падаетъ окончательно въ лицѣ плохихъ представителей своихъ, и только впослѣдствіи появляются попытки возрожденія ея. Французскій романъ, молодая Германія, соціалистическія сочиненія, историческія лекціи и развившееся около 1840 г. безусловное отрицаніе представляютъ замѣчательнѣйшія явленія, вліяющія на ходъ движенія. Сюда же относятся и величавые результаты строгонаучнаго изслѣдованія; сравнительное языкознаніе показываетъ, какіе глубокіе и прочные слѣды оно оставило. Но филологія и другія гуманитарныя науки, не смотря на расширеніе ихъ кругозора, не смотря на высокое достоинство ихъ изслѣдованій, остаются, какъ движущія силы, по отношенію къ всеобщему образованію, на заднемъ планѣ. Сообразно реалистическимъ стремленіямъ времени, впередъ выдвигаются

естественныя науки съ ихъ практическими приложеніями въ обширномъ смыслѣ. Великою задачею становится побѣда ума надъ природой. Такъ наука захватываетъ все большее пространство, которому только въ нѣкоторыхъ отрасляхъ соотвѣтствуетъ внутренняя глубина. Философія съ теченіемъ втораго періода не подвигается ни на волосъ и остается безъ всякаго значенія. Искусство съ своими идеалами все быстрѣе идетъ къ упадку, за исключеніемъ одной живописи, пока и она не понижается до техники. Идеальныя силы постепенно теряютъ свое значеніе; жизнь своими насущными вопросами и вопіющею потребностью преобразованія всѣхъ соціальныхъ отношеній пожираетъ всѣ дѣятельныя силы; матеріализмъ возстаетъ въ новой формѣ и съ новымъ содержаніемъ. Направленіе это тамъ, гдѣ оно дѣлается маніей, стоитъ гораздо ближе къ романтизму, чѣмъ можно думать.

Послѣ величавыхъ, но пустыхъ философскихъ построеній, которыя въ Шеллингѣ повели окончательно къ слѣпому служенію реакціи, а въ системѣ Гегеля сдѣлались защитою чего угодно, — мракобѣсія и консерватизма, какъ и полнѣйшей свободы мысли, начинается та громадная работа во всѣхъ отрасляхъ науки, основныя черты которой состоятъ въ широкомъ приложеніи анализа и въ разработкѣ частностей. Эта работа началась одновременно съ паденіемъ романтизма, съ послѣдними днями реакціи, и рука объ руку съ нею шелъ новый и революціонный періодъ. Глубочайшія творенія науки и легкая беллетристика или журналистика раздѣлили между собою вліяніе на умы—ясное указаніе на крайности, въ которыхъ мы вращаемся.

Дѣятельность всего этого періода представляетъ новыя отношенія, доказывающія лихорадочную возбужденность умовъ. Французская литература вторично рѣшительно овладѣваетъ первенствомъ. Она превосходитъ всѣ прочія не только внутреннимъ достоинствомъ, но и плодовитостью, такъ что отношеніе ея къ нѣмецкой литературѣ выражается формулой 5 : 4; притомъ она имѣетъ представителей на всѣхъ ступеняхъ таланта и достоинства. Каково бы ни было наше мнѣніе о ея содержаніи, во всякомъ случаѣ она мало того, что наводила міръ своими произведеніями, но и увлекла умы. Число сочиненій въ обѣихъ литературахъ возросло такъ непомѣрно сравнительно съ прежними періодами, что уже одно это явно свидѣтельствуетъ объ общемъ броженіи умовъ, которое оно въ свою очередь вызываетъ. Это порывистое движеніе коснулось и Англіи; въ числѣ ея литературныхъ дѣятелей мы видимъ цѣлый рядъ романистовъ съ тѣми же общими писательскими пріемами; но замѣчательныхъ изъ нихъ немного. Италія отступила совершенно назадъ, оказавъ вообще неспособность къ мышленію, она была въ это время глубоко взволнована новыми стремленіями и именно потому отрѣшилась отъ всякой созерцательной дѣятельности и исключительно замкнулась въ свои заговоры и революціонные проекты, которые неожиданно скоро принесли горькіе плоды.

Французскій романъ трехъ послѣднихъ десятилѣтій можно назвать беллетристической иллюстраціей того бурнаго времени; онъ не разъ подвергался оцѣнкѣ и осужденію, жадно читался и признавался силою, какъ врагами своими, такъ и поклонниками. Онъ представляетъ

явленіе переходное; ему предстоитъ еще быстрѣе лишиться значенія движущей силы, нежели множеству другихъ порожденій нашей эпохи, которая сама представляетъ время переходно и тщетно-безсильно отворачивается отъ предстоящей ей печальной участи. Все, что есть великаго въ ея стремленіяхъ и идеяхъ, завѣщано ей первою революціею; все ничтожное и жалкое—непосредственный продуктъ такъ называемой мѣщанской монархіи, того гнилаго восьмнадцатилѣтняго правленія, мудрость котораго пошла прахомъ отъ одного удара, осыпаемая насмѣшками всей Европы. Исходныхъ точекъ литературы этого періода должно искать въ началѣ столѣтія, въ Шатобріанѣ и г-жѣ Сталь, въ этихъ двухъ умахъ, столь противоположныхъ, но равносильныхъ по вліянію. На ряду съ этимъ ощущается и англійское вліяніе, средоточіе котораго въ Вальтеръ-Скоттѣ и Байронѣ; одинъ преимущественно вліялъ на пріемы; у другаго отчасти заимствовали психологію разочарованій; этимъ великанамъ часто подражали, но рѣдко возвышались до нихъ. Странные, фантастическіе образы Амедея Гофмана, явившіеся лѣтъ за 15—20 до этого, и безсвязныя, капризно-юмористическія выходки Жанъ-Поля наплодили во Франціи потомство, подчасъ еще болѣе каррикатурное, чѣмъ родоначальники его. Ограничиваясь легкимъ образомъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, мы увидимъ слѣдующее: у англичанъ Боцъ въ жанровыхъ изображеніяхъ современности; у нѣмцевъ Тикъ въ прежнихъ повѣстяхъ во вкусѣ Гофмана; Шеферъ въ парадоксальныхъ образахъ, порожденныхъ его воображеніемъ; Гуцковъ, Лаубе, Вундтъ, графиня Ганъ-Ганъ и Фанни Левальдъ

въ отголоскахъ соціально-революціонныхъ тенденцій, Шпиндлеръ въ поверхностной промышленной, гуртовой работѣ и др. Италія, страна невольнаго страданія и развалинъ, не могла и здѣсь ни дѣйствовать опредѣленно, ни сдѣлать шага въ ту или другую сторону. Большинство этихъ романовъ относится къ романтической школѣ. Французскій романъ, въ одно и тоже время и навѣянный извнѣ, и оригинальный, національный и космополитическій, походитъ на голову Януса: въ немъ отражаются всѣ стороны жизни. Самая характерная основная черта времени—безсвязное творчество безпокойно пытливыхъ умовъ. Нѣмецко-англійское вліяніе снабдило цехъ романистовъ цѣлымъ рядомъ существенно-нѣмецкихъ чертъ; оно дало ему юморъ, научный элементъ, творчество эпизодическое, любящее контрасты и аналогіи, классически обработанный романтизмъ и рефлектирующую фантазію, иронію, направленную противъ самого себя, и причудливость. Было бы, между прочимъ, очень интересно сравнить Шарля Нодье съ Жанъ-Полемъ.

Въ воззрѣніяхъ своихъ на своевременное общество всѣ эти писатели обнаруживаютъ много общаго между собой. Вездѣ видны рѣзкій протестъ противъ сокрушительнаго реакціоннаго періода двадцатыхъ годовъ и ожесточенная ненависть къ буржуазному правленію Луи-Филиппа. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній, какъ напр. А. де-Мюссе, представляютъ печальную исторію поколѣнія, полнаго великихъ юношескихъ воспоминаній, жажды дѣятельности и дикой силы, но осужденнаго на растрату своихъ жизненныхъ силъ въ гнилой средѣ. Не безъ основанія считаешь тогда безсильною и непотребною среду, кото-

рая тысячами давитъ широкія стремленія, извращаетъ чувства и основанія жизни, уединяетъ личность и бросаетъ ее, беззащитную, въ водоворотъ броженія, котораго ни срокъ, ни цѣль неизвѣстны. Въ ней довольно пустаго случая, чтобы уничтожить личность, которой трудно найти опору въ самой себѣ. Полная неопредѣленность извнѣ и внутри получаетъ здѣсь иногда такіе размѣры, что отвращеніе и состраданіе овладѣваютъ какъ обществомъ, которое служитъ какъ основаніемъ, такъ и литературой, которая изъ его жизни выводитъ свои положенія. Когда случай и безхарактерность господствуетъ въ произведеніяхъ, послѣднія глубоко падаютъ (какъ у Жанена, Карра, Дельфины Гэ, какъ во всемъ періодѣ развитія и упадка первыхъ писателей этой категоріи). Въ важнѣйшихъ изъ этихъ отрицательныхъ произведеній мы находимъ убѣжденіе въ полной безнадежности, ужасающую наготу выводовъ, мрачное предвидѣніе паденія, полемическій задоръ, ослѣпляющую и страшную силу мрачныхъ красокъ. А въ концѣ неизбѣжно стоитъ всепожирающее слово—*тоска*. Опять vanitas.

Всего безотраднѣе взгляды на положеніе общества. Народъ вездѣ является безнадежно страдающимъ рабомъ возвратныхъ силъ абсолютизма и іерархіи, феодальныхъ господъ и царьковъ промышленности. Въ этой судьбѣ силы, управляющія движеніемъ, получаютъ преимущественно характеръ роковой и демоническій. Преступленіе въ нашемъ обществѣ нормально (какъ у Сю и Бальзака, художника, мысль котораго въ этомъ отношеніи особенно смѣла), положеніе общества—мрачная загадка, разрѣшеніе которой принадлежитъ только необузданной

активной волѣ: это гордіевъ узелъ. Нищета всегда родитъ преступленіе и потому осыпается проклятіями. Не смотря на всю эксцентричность и односторонность этого воззрѣнія, трудно отрицать его доводы, часто подкрѣпленные статистическими данными, представляющими соціальное зло въ ужасающемъ видѣ. Изъ сотни фактовъ напомнимъ только одинъ: заработную плату женщинъ.

Жоржъ Зандъ одушевленная негодованіемъ направила богатую идеями сатиру противъ нашего времени во всѣхъ его сторонахъ, во всѣхъ его учрежденіяхъ. Особенно сильно выразила она свой протестъ въ «Лиліи» произведеніи, которое подвергалось самымъ ожесточеннымъ нападкамъ. Въ протестѣ ея мы видимъ борьбу геніальной натуры съ достопочтенно-филистерскимъ лавочничествомъ, которое считаетъ подозрительнымъ все, что не вмѣщается въ его узкомъ кругозорѣ, все геніальное—преступнымъ, и допускаетъ только пошлое. Это протестъ противъ презрѣннаго ничтожества общественнаго мнѣнія, забрасывающаго грязью всѣхъ слабыхъ и униженныхъ. Словомъ, это возстаніе противъ усилившагося господства буржуазіи въ мѣщанской монархіи. Ея характеристическія картины изъ жизни различныхъ классовъ общества цвѣтущи, свѣжи, наглядны и оживленны.

Какъ продуктъ этихъ воззрѣній на современную эпоху являются столь любимыя нами изображенія нравовъ или, вѣрнѣе, скандаловъ изъ парижской жизни, рисуемыя во всей своей наготѣ. Парижъ изображается въ нихъ не иначе, какъ безнадежно погибшимъ новымъ Вавилономъ. Главное мѣсто въ нихъ занимаютъ описанія безобразныхъ супружескихъ отношеній въ высшемъ свѣтѣ; на нихъ

обращается легкомысленная насмѣшка, или на нихъ строитъ свои мрачныя картины мизантропія, или наконецъ (Жоржъ Зандъ) на нихъ изслѣдуются тяжелые вопросы времени. Это тысячекратные варіанты на старый аффоризмъ: женщина, твое имя—слабость. Тему эту съ особенно вѣрнымъ реализмомъ развиваетъ Ш. Бернаръ.

Насквозь проникнутая революціоннымъ духомъ задача безпокойнаго и ощупью идущаго времени, состоящая въ обнаруженіи всей безотрадности и безнадежности общественнаго положенія, съ виду величественна; но существованіе ея болѣзненно, результаты печальны, вліяніе въ высшей степени разрушительно; она только ускоряетъ процессъ разложенія. Якорь вырванъ, и въ этихъ сильныхъ изображеніяхъ болѣзненныхъ положеній не находится противовѣса этой лишенной основанія жизни.

Въ виду этихъ взглядовъ на современное положеніе, основныя стремленія сосредоточиваются на двухъ простыхъ, но все-таки, темныхъ и роковыхъ вопросахъ: освобожденіи рабочихъ классовъ и эмансипаціи женщины. Естественно, что главнымъ представителемъ послѣдней прославленной и обезславленной мысли явилась женщина. Этотъ, и всякій другой соціальный вопросъ можетъ разсматриваться съ двухъ точекъ зрѣнія, или писатель будетъ искать средствъ согласовать счастіе и значеніе подавленныхъ обществомъ личностей и классовъ съ общественными условіями, не уничтожая, однако, послѣднихъ. На эту точку зрѣнія стали очень немногіе писатели, и эти немногіе ранѣ оставили ее, по необходимости сознавъ несостоятельность своихъ идей въ виду соціальнаго сфинкса. Затѣмъ они переходятъ къ понятію о болѣе

или менѣе бурномъ, полномъ преобразованіи общественныхъ отношеній, какъ объ sine qua non наступленія лучшаго состоянія. Переходъ этотъ совершился въ Жоржъ-Зандъ очень рано. На этомъ пунктѣ она тѣсно примыкаетъ къ историкамъ-соціалистамъ. Основныя идеи ихъ, особенно когда онѣ опираются на соціальное христіанство и вполнѣ выяснены, противорѣчатъ не раціональнымъ взглядамъ, а только пошлой дѣйствительности нашихъ промышленныхъ государствъ. Но большинство писателей, какъ Сю и Дюма, не знаютъ иного средства разрѣшенія, кромѣ громадныхъ скопленій капиталовъ и колосальныхъ ассоціацій: клинъ выбивается клиномъ! Въ концѣ концовъ всѣ планы будущей организаціи общества сходятся къ одному изъ двухъ; или къ неосуществимымъ системамъ, или къ чуднымъ дѣйствительности поэтическимъ видѣніямъ, въ которыхъ притомъ больше мрака, чѣмъ свѣта.

Чтобы познакомить съ сущностью выводимыхъ въ литературѣ характеровъ и личностей, возьмемъ у когонибудь изъ корифеевъ ея любимые его образцы. Я беру наудачу личность Сцаффи въ «La Salamandre» Сю: это противъ цивилизаціи, обратившейся въ проклятіе, недовѣряющей самой себѣ, не вѣрящей ни въ Бога, ни въ адъ, не представляющей никакого спасенія отъ страшнаго очерствѣнія сердецъ, ни противовѣса развращающему вліянію условій порчи, прикрытыхъ наружнымъ лоскомъ, ни ударамъ всесокрушающей силы случая. Это одна изъ тѣхъ личностей, богато одаренныхъ физически и духовно, которыя растрачиваютъ всѣ чувства въ одинъ день, топятъ всѣ силы ума въ безумномъ

пьянствѣ и, не зная ничего, кромѣ механическаго гнета матеріи, изнуряются ненавистью и развратомъ, чтобы кончить, наконецъ, ничѣмъ. Словомъ, это глубочайшее истощеніе. Низвергая всѣ нравственныя и идеальныя понятія, оставляя вездѣ на своемъ пути горе и кровь, они спокойно и изящно разрушаютъ счастіе семействъ и миръ сердецъ и тѣмъ сильнѣе торжествуютъ, чѣмъ больше причиненное ими зло. Это демоническіе, исполненные лжи образцы, возможность созданія которыхъ обусловливается всѣмъ ходомъ французской философіи восемнадцатаго вѣка; они изломаны въ своихъ духовныхъ основныхъ и въ дѣйствительности возможны только въ отдѣльныхъ чертахъ. Кто не узнаетъ въ этомъ несравненнаго, великаго Байрона? Въ этой литературѣ вообще замѣтна наклонность къ дикимъ чертамъ минутныхъ страстей, пылкимъ, иногда страшно прекраснымъ (Мериме), большею частью ужасающимъ и отталкивающимъ.

Второстепенные таланты, какъ Сулье — слабая смѣсь Сю и Бальзака—довели до крайности эти болѣзненныя изображенія въ черномъ цвѣтѣ. У нихъ ужасы громоздятся на ужасы и перепутываются, и этимъ они надѣятся вознаградить за скудность своего вымысла. Принципъ, изъ котораго исходитъ вся эта литература, высказался въ 1829 г. въ «Мертвомъ Ослѣ» Жюль Женена съ наивною и весьма сознательною откровенностью: простота и наивность не могутъ имѣть вліяніе на современные умы; поколѣніе страдающее пресыщеніемъ и крайностью образованности, которыя губятъ его, требуетъ ужаснаго, кроваваго, мрачнаго и зловѣщаго, даже прямо оригиналь-

но безобразнаго, чтобы возбудить свою истощенную нервную чувствительность; страшное и уродливое болѣе доступно его пониманію и воображенію; наше поколѣніе похоже на племя падающаго Рима, когда окровавленный гладіаторъ подъ взорами красавицъ старался умереть съ театральной торжественностью.—Вслѣдствіе этого у насъ являются таинственныя и запутанныя произведенія во вкусѣ Гофмана, порожденія ночи и двусмысленныхъ сумерекъ. Наши писатели дерзко играютъ циклопическими образами и исключительными, необъяснимыми, неслыханными созданіями. Этотъ культъ безобразія, эта страсть къ противорѣчивому и негармоническому зависитъ отъ матеріальныхъ пристрастій, которыя не удовлетворяются духовнымъ; поэтому въ современныхъ произведеніяхъ краски нестерпимо рѣзки, изображеніе жестко и грубо. Мы видимъ въ нихъ всевозможныя уродства: карликовъ и великановъ, гномовъ, полулюдей и первобытныхъ человѣковъ, гермафродитовъ, истерическія твари съ неестественными страстями, непорочныхъ развратницъ, невинныхъ преступниковъ, словомъ, аномалію, а не природу.

Рядомъ съ этими выродками воображенія простая естественность снова вступаетъ въ свои права у разсказщиковъ собственно; она представляетъ двѣ стороны: у однихъ она совершенно пошлая и обыденная, у другихъ идеализованная. Поль-де-Кокъ нисходитъ до самой низкой обыденности, но такъ собираетъ и располагаетъ ея событія, что въ его фиктивномъ изображеніи дѣйствительности не остается ничего, кромѣ жалкаго и суетнаго. Его болтливый разсказъ въ откровенномъ тонѣ, вызывающемъ симпатію читателя, предпочитаетъ всему болотную грязь и все сальное и отвратительное въ жизни. Онъ поразительно вѣрно и мѣтко передаетъ дѣйствительность; но это исключительно дѣйствительность пошлости; онъ вѣренъ природѣ; но знаетъ только природу грязи. Онъ занимателенъ и завлекателенъ, но такъ легкомысленъ и безстыденъ, что только наивное простосердечіе его позволяетъ переносить его.—Тёпферъ, характеръ болѣе чистый, даетъ болѣе здоровыя и невинныя изображенія. Иногда онъ идеализуетъ, но идеализація его всегда естественна. Вообще въ маленькихъ повѣстяхъ и въ водевиляхъ больше дѣйствительной жизни, чѣмъ въ романахъ. Въ небольшихъ разсказахъ особенно поразительна вѣрность дѣйствительности у Шарля Бернара. Но вообще, даже самые главные представители этой школы ограничиваются фотографической вѣрностью.

Воззрѣніе на духовную жизнь, господствующее въ этомъ направленіи, чрезвычайно замѣчательно и характеристично. Во французскихъ романахъ мы находимъ въ высшей степени курьезную физіологическую психологію. Они представляютъ намъ матеріалистическое анатомированіе души, завлекательное, но нелѣпое, капризное, натянутое, чуждое спокойствія и явности, полное пучинъ и пропастей—словомъ, ухищренія весьма опасныя и легко увлекающія въ заблужденія.—Мы видимъ здѣсь безутѣшное стремленіе къ неразрѣшимому и нелѣпому, какое-то тщетное отыскиваніе почвы въ бездонномъ морѣ, вполнѣ соотвѣтствующее современной политической и соціальтой оппозиціи, бредущей на-ощупь невѣрными шагами; эти писатели находятъ себѣ отраду въ измышленіи самой утонченной порочности, доходящей до неестественности.

Все это началось еще съ Делатуша, и образы, созданные по Рене, принадлежатъ еще къ числу самыхъ лучшихъ. За ними послѣдовали другіе, невообразимо уродливыя, необъяснимыя существа, полулюди, полудемоны, полубоги, полудьяволы, управляемые тяжелымъ рокомъ. Въ психологическихъ очеркахъ преобладаетъ противоестественное; характеры съ одной исключительно преобладающей, поглащающей всю духовную жизнь страстью выдаются за человѣческіе типы; обольщеніе, наслажденіе и уничтоженіе — таково всегдашнее теченіе, изображаемое въ безконечныхъ варіаціяхъ. Ужасающая плотская любовь всегда приводитъ къ медленному, мучительному и таинственному умиранію сердца, которое писатель разсматриваетъ въ увеличительное стекло, чтобы не оставить въ немъ цѣлою ни одной нити; это производитъ болѣзненное, безпощадное, но привлекательное впечатлѣніе. У глубочайшихъ умовъ этого направленія мы находимъ соединеніе странной, полуфилософской, даже полурелигіозней психологіи съ такой же странной, полуспиритуалистической, полуматеріалистической физіологіей. Дальнозоркія идеи глубокихъ мыслителей идутъ рука объ руку, тѣсно сочетаются съ ассоціаціями идей необузданнаго воображенія. Необъяснимое считается высочайшимъ, самое безуміе признается чѣмъ-то въ родѣ откровенія—совершенно въ нѣмецкомъ духѣ. Всѣ обычные законы разума ниспровергнуты, и мѣсто ихъ занимаютъ предчувствія, видѣнія, сны, воспоминанія какого-то до-міроваго бытія, гаданія и предсказанія. Все это обольстительно и кажется глубокомысленнымъ, потому что по природѣ своей не подлежитъ опроверженію. Мистическая фантазія го-

сподствуетъ надъ умомъ; но именно этотъ дерзкій полетъ ея приводитъ ее къ крайнему опошленію и пустотѣ; духовныя силы матеріализуются. Все это отзывается какою-то незрѣлостью, неспособностью; вся эта умственная работа сама себя разрушаетъ своимъ пристрастіемъ къ невозможнымъ состояніямъ души. Выводы ея ни на чемъ не основаны; въ основаніе психологическихъ явленій и событій жизни берется что-нибудь въ родѣ бѣлой ручки, звука голоса, бѣглаго взгляда, изгиба или цвѣта рѣсницъ, округлости шеи и тому подобнаго безконечнаго вздора. Въ этой смѣси изображенія души и тѣла нѣкоторые писатели поражаютъ прозрачными, обольстительными формами, которыя трепещутъ отъ малѣйшаго прикосновенія: такъ Виньи и Мюссе отличаются удивительнымъ изяществомъ, равно какъ и самый страстный психологическій живописецъ, пылкій Бальзакъ. Мысль всего глубже и пытливѣе у Жоржъ Зандъ. Наиболѣе потрясенные изъ этихъ умовъ отличаются въ мысли и выраженіи наибольшимъ матеріализмомъ, часто насмѣшливымъ, часто грубымъ. За то среди безотрадныхъ и погибшихъ образовъ у нихъ является иногда какъ-бы непроизвольно-созданный идеальный характеръ, и даже фантастическіе, причудливые образы нерѣдко изумляютъ какой-нибудь чертой, удивительно вѣрно подмѣченной въ человѣческомъ сердцѣ и переданной съ поразительной правдой. Но всѣ эти писатели пессимисты; жизнь и душа кажутся имъ мрачными пропастями. Они приводятъ насъ въ недоумѣніе и содроганіе; подъ вліяніемъ ихъ мы не знаемъ, окружаютъ ли насъ насмѣшливыя привидѣнія или сочувствующія души; мы перестаемъ довѣрять собственному уму. Весь

этотъ описательный родъ есть лишь перенесеніе валтерскоттовскихъ пріемовъ изъ изображенія образовъ ландшафтовъ на предметы, которые въ сущности изображать невозможно. Поэтому удачи здѣсь быть не можетъ. Мы не знаемъ жалѣть ли намъ эти загадочные характеры или удивляться имъ, любить ихъ или ненавидѣть. Мы находимся точно подъ гнетомъ кошмара, безъ сознанія и воли. Пылкое, цвѣтущее описаніе опьяняетъ насъ, но за опьяненіемъ слѣдуетъ непріятное отрезвленіе. Остается спросить себя лишь о томъ, насколько это безсодержательное неразрѣшимое колебаніе между матеріализмомъ и спиритуализмомъ, между шарлатанствомъ и высокимъ одушевленнымъ мышленіемъ, между холоднымъ, разсудочнымъ сомнѣніемъ и робкимъ трепетаніемъ подъ сверхъестественными силами, насколько зависитъ оно отъ общихъ условій нашей эпохи?

Въ средѣ этого романа возникла церковная оппозиція противъ всего основаннаго имъ направленія; но она соотвѣтствуетъ только худшимъ его продуктамъ. Она безсмысленна, какъ самыя дикія соціальныя бредни, обыкновенно выдаваемыя за самыя крайнія фантазіи нашего вѣка; она нагла и цинична, какъ самыя легкомысленныя произведенія свѣтскаго романа, на грѣховность которыхъ она негодуетъ; она также заражена всѣми недугами нашей эпохи, какъ самые легкомысленные скептики. Все это тривіально напыщенное направленіе разрѣшается необузданнымъ, но безсильнымъ мистицизмомъ. Эта безсильная новокатолическая партія, доходящая, вслѣдствіе сознанія своего ничтожества, до кокетничанья съ соціализмомъ: отличается тѣмъ, что идетъ наперекоръ всей

современной цивилизаціи, спекулируя этимъ на популярность и вліяніе въ средѣ немыслящихъ массъ.

Средства, пріемы и тонъ этихъ произведеній обличаютъ въ нихъ настоящую поэзію противорѣчія, раздробленную, идущую скачками, переворачивающую и извращающую природу до безобразія. До такой степени она исполнена сомнѣнія и невѣрности, показываетъ слѣдующее обстоятельство: она, литература эпохи, все анализирующей и ничему не вѣрящей, всегда беретъ въ основаніе своего дѣйствія какой-нибудь чудесный, сверхъестественный элементъ (мы видимъ это даже у Эженя Сю); она постоянно возвращается въ области призрачнаго міра въ область тайныхъ мистическихъ силъ, теряясь наконецъ въ видѣніяхъ Сведенборга и месмеровскомъ магнетизмѣ (особенно замѣтно у Бальзака). Вообще вся психологія этой школы имѣетъ рѣшительно мистическій характеръ. —Важнѣйшіе представители ея охотно прибѣгаютъ къ обширнымъ композиціямъ, разработываютъ свою мысль въ большихъ размѣрахъ, употребляютъ для этого историко-романическій родъ, особенно въ романахъ съ тенденціями. Такъ напр. «Тайны народа» Эженя Сю представляютъ попытку представить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ фиктивную исторію общества во всѣхъ вѣкахъ. Въ подобныхъ произведеніяхъ постоянство тенденціи, которая желаетъ и умѣетъ пользоваться для своей цѣли всѣми средствами, во всякомъ случаѣ оказываетъ выгодное вліяніе на художественную сторону. Большая часть ихъ возвышаетъ надъ чисто историческимъ основаніемъ художественные романическіе образы, заимствованные изъ самыхъ характерныхъ чертъ нашей эпохи.

Интрига искусна, чрезвычайно запутана, почти необозрима; Сю владѣетъ ею превосходно, другіе ведутъ ее небрежно. Нѣкоторые, особенно Жоржъ Зандъ, расточаютъ въ своихъ произведеніяхъ необыкновенное богатство внутренней жизни; они расточительно разбрасываютъ сокровища силы, искусства и ума, но далеко неудовлетворяя, не разрѣшая ни одного вопроса, не успокоивая ни въ какомъ отношеніи. Всѣ они находятся постоянно въ непрерывномъ безпокойствѣ, въ лихорадочной торопливости. Самые лучшіе писатели всего немилосерднѣе гоняютъ читателя, не давая ему ни остановки, ни отдыха; ихъ дикое воображеніе несется, какъ испуганный конь, мимо сценъ, положеній, характеровъ и образовъ, которые мелькаютъ, громоздясь и путаясь. Они съ удивительной силой выводятъ на сцену все необыкновенное и таинственное, почти мучительно напрягаютъ вниманіе читателя внезапностью, постоянной новизной, перерывами нити, громаднымъ накопленіемъ событій. Принципъ романа, по Вильгельму Гумбольдту—законъ постоянства—извращенъ и отчуждаетъ его отъ естественнаго его происхожденія—эпоса.—Неисчерпаема изобрѣтательность въ измышленіи разрушительныхъ страстей, въ сплетеніи страшныхъ интригъ. Даются самыя сильныя дозы нервовозбудительныхъ пріемовъ, и причудливый произволъ незнаетъ никакихъ предѣловъ. У Эженя Сю и другихъ близкихъ къ нему, фактъ преобладаетъ въ романахъ надъ духомъ, у Дюма духъ совершенно отсутствуетъ, а у Жоржъ Зандъ господствуетъ, вслѣдствіе чего она далеко выше всѣхъ прочихъ. У лучшихъ романистовъ колоритъ такой цвѣтущій, изображеніе такъ живо, контрасты такъ могущественны, что самая смерть получаетъ краски, что самый эгоизмъ, этотъ безкровный и безнервный скелетъ, такъ часто выводимый ими на сцену, обращается въ призрачное видѣніе, одушевленное таинственной жизнью. — Увлекательное теченіе повѣствованія, могущественная жизненность дѣйствія, богатая окраска изображеній, неисчерпаемая изобрѣтательность, изумительная полнота предметовъ, поразительная роскошь изображенія, всегда готовая ловкость языка — таковы отличительныя черты этихъ романистовъ. Но тамъ, гдѣ всѣ эти качества составляютъ высшее и даже единственное достоинство, какъ напр. у Дюма, ихъ недостаточно, чтобы поддержать и вознести подобныя произведенія, которыя дерзко и рѣшительно противорѣчатъ высшимъ законамъ цѣльнаго умственнаго творчества. Это таланты обольстительные и очаровательные, но сомнительные, и призрачные.

Вильямъ Чаннингъ и Наполеонъ 1-й.

Вотъ что говоритъ Вильямъ Чаннингъ, этотъ славный мужъ великой Американской республики о Наполеонѣ 1-мъ, этомъ поработителѣ всего свѣта.

Насталъ 1810 годъ; слухи о военныхъ дѣйствіяхъ Наполеона, о возрастающемъ могуществѣ Франціи и о ея стремленіи покорить весь міръ своей власти, не могли не возбудить опасенія американцевъ; ихъ независимость также могла подвергнуться опасности; съ цѣлью предотвращенія ея, въ Америкѣ былъ наложенъ общественный постъ и всѣ граждане молили Бога о сохраненіи имъ свободы. Чаннингъ, какъ хорошій гражданинъ, не замедлилъ коснуться съ каѳедры волнующаго всѣ умы вопроса и въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ взывалъ къ патріотическому чувству своихъ слушателей. Онъ яркими красками обрисовалъ мишурность военной славы, которою пользовалась Франція, принужденная жертвовать лучшими сынами своими, ради удовлетворенія честолюбія своего властителя; онъ указалъ на упадокъ ея торговли, земледѣлія, промышленности, на отягощеніе народа налогами, на недостатокъ въ ней рабочихъ рукъ, на горе и слезы ея гражданъ, оплакивающихъ незамѣнимыя утраты. Онъ закончилъ рѣчь

взрывомъ негодованія противъ намѣренія Франціи найти себѣ союзницу въ Америкѣ. «Союзницею Франціи, восклицаетъ онъ,—кто не задрожитъ при одной мысли объ этомъ! кто не пожелаетъ скорѣе погибнуть въ борьбѣ съ нею, чѣмъ быть задушеннымъ въ ея дружескихъ объятіяхъ! Я дрожу за свою родину, за свою вѣру! побѣдитель не пощадитъ и души нашей!»

Гроза однако миновала; русскій походъ достойно завершилъ собою кровопролитные подвиги «властелина міра». Пробилъ часъ возмездія и покрытый военною славою герой осужденъ проводить остатокъ дней своихъ на пустынномъ островѣ. Быстро разнеслась по свѣту вѣсть о паденіи Наполеона. Радостно забились сердца американцевъ. Въ Бостонѣ, по этому случаю, былъ созванъ митингъ, для обсужденія вопроса о томъ, какимъ образомъ отпраздновать великое событіе. Рѣшено было придать празднику исключительно религіозный характеръ. Всѣ присутствовавшіе на митингѣ обратились съ просьбою къ Чиннингу произнести на томъ праздникѣ рѣчь

Чиннингъ согласился на просьбу.

Огромная толпа народа стекалась въ день торжества въ только-что отстроенную капеллу общества «feberal-street.» Мѣсто прежняго страха и опасенія за независимость родины заняла въ сердцѣ каждаго свѣтлая радость о паденіи военнаго деспотизма Франціи. Надвигавшіяся на политическомъ горизонтѣ тучи изчезли. Небо прояснилось, все болѣе тихо и спокойно. Рѣчь Чаннинга вполнѣ согласовалась съ настроеніемъ слушателей, «вы, началъ онъ обращаясь къ нимъ, явились сюда для того, чтобы присоединить вашъ голосъ къ хвалебнымъ гим-

намъ, возсылаемымъ къ Творцу, всѣми освобожденными народами. Мы не принадлежимъ къ числу европейскихъ народовъ, но насъ связываетъ съ ними имя человѣка и гражданина; насъ связываетъ съ ними общность интересовъ человѣчества. Мы должны сочувствовать ихъ горю и радостямъ. Отбросимъ холодный, варварскій эгоизмъ! религія и природа одинаково отрицаютъ его; они учатъ насъ, что мы всѣ братья, дѣти общаго Отца. Вспомните съ какимъ сожалѣніемъ взирали мы на прошедшія уже теперь бѣдствія народовъ Европы. Казалось свѣтъ міра долженъ былъ погаснуть, Европа — земля нашихъ предковъ, страна христіанъ, центръ цивилизаціи, страна, изобилующая великолѣпными городами, старинными храмами, убѣжищами науки, мѣстами облегченія человѣческихъ страданій многочисленными учрежденіями для развитія общественности, — эта цвѣтущая, полная надеждъ Европа была предана мечу завоевателя!»

«Но Богъ не далъ погибнуть ей! роковой деспотизмъ завоевателя палъ! Онъ палъ въ ту самую минуту, когда основы его казалась наиболѣе ослѣпительною, когда основы его казались всѣмъ прочнѣе скалы, вершины которой готовы были коснуться небесъ! Громъ небесный поразилъ его и онъ палъ. Слава этого дѣла принадлежитъ тебѣ, о Боже милостивый и правосудный! Кто нерадуется теперь! Чьи уста не повторяютъ крика, раздающагося во всѣхъ концахъ земли: притѣснитель палъ, міръ свободенъ!»

При этихъ словахъ, всѣ слушатели разразились рукоплесканіями.

Ченнингъ поспѣшилъ напомнить имъ святость мѣста,

въ которомъ находились они и неумѣстность выраженія ихъ одобренія.

«Познайте, друзья, такъ закончилъ онъ свою рѣчь, что только одна добродѣтель достойна уваженія и долговѣчна... Происшествія, по поводу которыхъ возникло настоящее торжество, научаютъ насъ довѣрію къ Творцу и твердой вѣрѣ въ свѣтлую будущность человѣчества.»

Взглядъ Ченнинга на войну и на ея нравственное значеніе еще полнѣе выразился въ его позднѣйшей статьѣ о Наполеонѣ первомъ *). Война, по его мнѣнію, — одна изъ величайшихъ бѣдствій человѣчества; она обусловливается чувствомъ ложнаго патріотизма, несовершенствомъ нынѣшняго нравственнаго воспитанія и недостаточнымъ пониманіемъ интересовъ человѣчества. Патріотизмъ есть самолюбіе народа; оно, какъ и въ отдѣльной личности, законно и разумно лишь тогда, когда покоится на сознаніи собственнаго достоинства и непрестанномъ стремленіи освобождаться отъ своихъ недостатковъ. Разумно-самолюбивый человѣкъ требуетъ къ себѣ уваженія окружающихъ, желаетъ, чтобъ его качества были оцѣнены ими, но онъ не старается *«казаться»*, а употребляетъ всѣ свои силы на то, чтобъ *«быть»* дѣйствительно хорошимъ человѣкомъ. Чѣмъ болѣе человѣка увлекаетъ желаніе «казаться,» тѣмъ болѣе онъ забываетъ свою обязанность «быть» дѣйствительно заслуживающимъ о себѣ хорошее мнѣніе другихъ. Напротивъ, человѣкъ, желающій чтобъ мнѣнію о немъ другихъ дѣйствительно соотвѣтствовали извѣстнаго рода хорошія качества, такой человѣкъ всег-

*) Появилась въ 1827 году.

да хорошо помнить предѣлъ своихъ требованій. Уваженіе, внушаемое силою оружія, есть уваженіе физически слабаго къ болѣе сильному, но вѣдь и Геркулесъ былъ сильнѣе Прометея, любой англійскій боксеръ поборолъ бы Ньютона. Военная слава есть слава отживающая, она—послѣдніе остатки дани, воздаваемой нами грубой физической силѣ.

«Величіе воина, говоритъ Чаннингъ въ своемъ этюдѣ о Наполеонѣ, кажется намъ весьма жалкимъ въ сравненіи съ величіемъ добродѣтели. Военная слава меркнетъ передъ величіемъ долга. Мученикъ за человѣчество, за свободу, за религію, неустанный боецъ за непризнанную и гонимую всѣми истину,—тотъ, наконецъ, который одинъ, покинутый всѣми, безъ сочувствія и поддержки, безъ развлеченій и облегченій, не имѣетъ даже случая вступить въ борьбу—дать исходъ наболѣвшимъ силамъ души, проявить свою энергію, который покорно и рѣшительно несетъ на себѣ бремя этого продолжительнаго и болѣзненнаго страданія,—тотъ столь же превосходитъ воина, насколько ясное, безконечное небо, растилающееся надъ нами, превосходитъ попираемую нами землю.»

«Самый крупный военный геній занимаетъ далеко не первое мѣсто среди другихъ человѣческихъ способностей; онъ—одна изъ низшихъ проявленій генія, такъ какъ онъ не связанъ ни съ чѣмъ плодотворнымъ или возвышеннымъ.»

Ни договоры, ни международныя судилища, никогда не будутъ въ состояніи, по мнѣнію Чаннинга, уничтожить взаимную вражду народовъ и войны. Война уступитъ только нашему нравственному усовершенствованію и христіанской пропагандѣ. Много вѣковъ раздается уже

кроткая проповѣдь любви и всепрощенія, но духъ ея еще не проникъ во всѣ изгибы человѣческаго сердца; національная обособленность не пала еще предъ ученіемъ о братствѣ человѣчества.

Чаннингъ весьма строго относится ко всей дѣятельности Наполеона; въ его оцѣнкѣ преобладаетъ преимущественно нравственная точка зрѣнія; только въ немногихъ мѣстахъ слышится негодованіе свободнаго гражданина Америки.

«Его душу, говоритъ онъ, пожиралъ огонь властолюбія; никакая иная страсть, никакая привязанность,— ни чувство дружбы, ни любовь къ удовольствіямъ, ни наклонность къ искусству или наукѣ, ни симпатія къ человѣчеству,—ничто не находило доступа къ его сердцу; одна жажда власти безраздѣльно царила въ немъ. Передъ этой страстью меркла и дружба, и чувство чести, и любовь, и человѣчество. Говорятъ, ему дорога была Жозефина. Но что же? эта преданная женщина, остававшаяся ему вѣрною даже въ дни неудачь, была отвергнута имъ въ дни его славы и могущества и принуждена была дать мѣсто иностранкѣ, оказавшейся болѣе полезною для его честолюбивыхъ замысловъ. Увѣряли, будто онъ любилъ своихъ братьевъ и мать; но братья лишились его милостей, лишь только оказались ему болѣе не нужными; мать же не смѣла никогда сѣсть въ присутствіи своего императора-сына. Онъ, какъ говорили, былъ иногда тронутъ видомъ поля сраженія, усѣяннаго мертвыми тѣлами, но если геній честолюбія требовалъ завтра новыхъ жертвъ, то онъ, не задумываясь, приносилъ ихъ ему; эта мнимая чувствительность не препятствовала ему предавать мечу милліоны людей, съ такимъ же равноду-

шіемъ, какъ будто то былъ рой насѣкомыхъ, заграждающій ему путь. Всѣ должны были уступать его волѣ. Никто не дерзалъ оспаривать его превосходства. Онъ безнаказанно наносилъ оскорбленія павшимъ врагамъ и даже достоинство женщины не находило у него пощады.

«Союзники были явными его вассалами. Высокомѣрный, гордый, жестокій, ненасытный—онъ посѣялъ по всей Европѣ сѣмена недовѣрія, страха, лести и ненависти.»

«Таковъ былъ Наполеонъ. Многіе все-таки скажутъ мнѣ, что онъ былъ великій человѣкъ. Я и не думаю отрицать этого. Существуетъ нѣсколько родовъ величія и высочайшее не принадлежитъ ему. Первое мѣсто неоспоримо принадлежитъ величію нравственному, той дивной проникнутой любовью къ добродѣтели, силѣ, которая неразрывно, на жизнь и на смерть, связываетъ насъ съ истиной и долгомъ; силѣ, которая пріобщаетъ насъ интересамъ человѣчества, внушаетъ намъ отвращеніе къ подлости, заставляетъ насъ внимать голосу, болѣе сильному и могучему, чѣмъ всѣ громы и угрозы, — голосу собственной совѣсти, которая въ самыя трудныя минуты жизни сохраняетъ въ насъ вѣру во все доброе и дѣлаетъ насъ всегда готовыми принести себя въ жертву на алтарѣ родины или человѣчества. Это величіе было чуждо Наполеону. Мысль о посвященіи себя на споспѣшествованіе наступленію новой эры, улучшенію характера и поведенія людей, никогда не коснулась его; безкорыстіе и преданность никогда не боролись въ его сердцѣ съ эгоизмомъ и честолюбіемъ. Его страсти не имѣли ничего общаго съ добродѣтелью. Нравственное величіе слишкомъ просто, слишкомъ занято интересами

человѣчества, оно не могло получить какое-либо значеніе въ жизни Наполеона, занятаго совершенно инымъ. Вся цѣль его жизни заключалась въ ослѣпленіи и удивленіи всего міра. За нравственнымъ величіемъ слѣдуетъ величіе умственное или геніальность: эта способность всецѣло проникаетъ насъ любовью къ истинѣ, заставляетъ насъ однимъ взглядомъ обнимать всю вселенную, проникать въ самую глубь земли и въ самые сокровенные изгибы человѣческаго сердца: она поднимаетъ насъ надъ міромъ, познаетъ сама себя, углубляется въ прошедшее, угадываетъ будущее, открываетъ намъ всеобщіе законы природы, обнаруживаетъ всѣ отношенія, существующія между явленіями, ведетъ насъ отъ конечнаго къ безконечному, указываетъ намъ на вѣчную гармонію между нашимъ внутреннимъ міромъ и внѣшнимъ и вездѣ старается познать неизвѣданное. Подобнаго рода величіемъ обладаютъ всѣ первостепенные умы въ мірѣ искусства и науки. Наполеонъ, какъ видно, не былъ великъ ни нравственно, ни умственно...»

Основной темою всѣхъ размышленій Чаннинга было величіе человѣка и его способность къ безконечному усовершенствованію. Онъ хотѣлъ пробудить въ каждомъ сознаніе этого величія, сдѣлать каждаго достойнымъ носителемъ истины и справедливости, хотѣлъ, чтобъ каждый шелъ впередъ съ открытыми глазами, ясно сознавалъ поставленную ему цѣль и не уклонялся отъ возложенныхъ на него обществомъ обязанностей. Этой мыслію проникнуты всѣ его сочиненія, всѣ его дѣла — въ его заботахъ о бѣдныхъ, въ его борьбѣ съ рабствомъ, въ его негодованіи на пьянство, убивающее въ рабочемъ

всякое чувство собственнаго достоинства, точно такъ же, какъ и въ его стремленіи возвысить нравственный уровень рабочаго класса — повсюду видна его горячая любовь къ человѣку и желаніе постоянно видѣть его улучшающимся. Людскіе пороки не смущали его; онъ вѣрилъ въ близкую побѣду нравственности и правды и употребилъ всю свою жизнь на приближеніе этого момента. Любимѣйшею мыслью Чаннинга былъ человѣкъ и его судьба. Онъ въ теченіе всей своей жизни набиралъ матеріалъ для обширнаго сочиненія о человѣкѣ, которое, къ несчастью, не было доведено имъ до конца. Желаніе его довести это сочиненіе поскорѣе до конца не сбылось, и отъ него сохранилось только множество отрывочныхъ размышленій и замѣчаній, не лишенныхъ однако глубокаго интереса.

Одинъ изъ біографовъ Чаннинга дѣлитъ всѣ его сочиненія на четыре группы: собственно проповѣди, поученія рабочему классу, сочиненія, имѣющія политическій характеръ, и наконецъ рѣчи надъ могилами умершихъ.

Изъ первыхъ наиболѣе замѣчательны: *проповѣдь о цѣли христіанства* и *о доказательствахъ въ пользу величія христіанской религіи.*

Ко второй категоріи принадлежатъ его рѣчь «*о самовоспитаніи*» и «*о возвышеніи рабочаго класса.*»

Къ третьей—сочиненіе «*о рабствѣ*» этюдъ «*о Наполеонѣ*» и мн. др. *).

---

*) *Либеральное христіанство.—О всемірной церкви.—О трезвости.—Объ обязанностяхъ муниципалитета.*

Вильямъ Чаннингъ и отрывки его писемъ.

Переписка его, изданная вмѣстѣ съ мемуарами, также имѣетъ не мало значенія. Она служитъ какъ бы дополненіемъ къ его сочиненіямъ и, кромѣ того, богатымъ матеріаломъ для нравственной характеристики Чаннинга.

Мы приведемъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ этой переписки; причемъ будемъ обращать наше вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе освѣщаютъ намъ личность Чаннинга.

«Я часто упрекаю себя, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (мартъ 1842 года), въ слабомъ участіи, принимаемомъ мною въ совершающихся реформахъ. Это участіе должно выражаться въ борьбѣ со всѣми пороками и укоренившимися заблужденіями, я же скорѣе способенъ отвратить свои глаза отъ господствующаго въ настоящее время зла. Душа моя стремится ко всему прекрасному, доброму и истинному; изученіе всѣхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ, по собственной винѣ, человѣкъ, составляетъ для меня своего рода нравственное мученіе. Никакія усилія искусства не заставятъ меня остановиться на чемъ либо чисто трагическомъ или ужасномъ; я читаю разсказы о различныхъ преступленіяхъ и другихъ

ужасныхъ случаяхъ только по чувству обязанности. Я чувствую при чтеніи подобнаго рода происшествій извѣстнаго рода облегченіе только тогда, когда мрачный фонъ картины сглаживается нравственною красотою или величіемъ нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ; тогда только я чувствую радость о не совсѣмъ еще уснувшемъ сознаніи долга и справедливости въ человѣкѣ.—Вы видите, что я весьма мало способенъ на роль реформатора. Но я обязанъ сдѣлаться имъ, не ради личной воспріимчивости,—я и безъ того уже достаточно впечатлителенъ ко всему происходящему вокругъ меня — а для того, чтобы избавиться отъ утонченнаго эгоизма, еще крѣпче и тѣснѣе связать себя съ интересами человѣчества. Я не имѣю права отказаться отъ этого креста; я обязанъ взять его на себя съ покорностью и съ твердою увѣренностью донести его до конца моего жизненнаго пути. Не даромъ сердце мое проникнуто глубокою скорбью при видѣ униженія, нищеты, притѣсненія и преступленій моихъ братьевъ. Не даромъ я такъ страстно жажду ихъ обновленія! Преслѣдованія, которымъ такъ часто подвергаются всѣ благодѣтели человѣчества,—ничто въ сравненіи съ горькой необходимостью останавливать наши взоры и мысли на царствующемъ злѣ съ сознаніемъ личнаго безсилія въ дѣлѣ его искорененія. Отрадно было бы дѣло реформатора, еслибъ онъ былъ въ состояніи однимъ личнымъ усиліемъ увеличить счастіе и благосостояніе своихъ ближнихъ! но увы! область нашего дѣйствія весьма ограничена, безсиліе наше слишкомъ велико и, не смотря на всѣ наши старанія, темныя тучи невзгодъ будутъ долго висѣть надъ землею. Иногда даже намъ кажется

что зло увеличивается, не смотря на всѣ мѣры, принимаемыя нами. Кто былъ бы въ состояніи долго продолжать борьбу, еслибъ не вѣра? Съ этою вѣрою соединяется въ насъ тайная радость—то немногое, что намъ удается сдѣлать на благо людей служитъ намъ залогомъ будущихъ, неизмѣримо большихъ, успѣховъ. Я желалъ бы соединить въ одно всѣхъ реформаторовъ; но мы должны быть больше нежели реформаторы. Нужно всесторонне развить нашу природу—дать полный ходъ нашимъ способностямъ. Пусть геній нашъ развивается шире; чѣмъ яснѣе будетъ нашъ умъ, чѣмъ обширнѣе обнимаемые имъ горизонты, чѣмъ разумнѣе наши привязанности, вкусы и привычки, тѣмъ больше намъ удастся совершить. Мы должны, въ борьбѣ со зломъ, сохранять ровность и спокойствіе духа, иначе мы легко можемъ сдѣлаться раздражительными и придирчивыми.»

Въ другомъ письмѣ—къ Бланко-Вайту, мы находимъ весьма интересныя подробности о томъ, какъ Чаннингъ умѣрялъ свою излишнюю впечатлительность. Письмо это было написано по поводу возникшаго между ними вопроса о нравственныхъ и физическихъ страданіяхъ. Вначалѣ его Чаннингъ благодаритъ судьбу за то, что ему не пришлось испытывать особенно сильныхъ страданій.

«Разсматривая страданіе вообще, продолжаетъ онъ, я убѣдился въ возможности находить въ немъ иногда нѣкоторые элементы счастья; напряженность страданія уменьшается, если смотрѣть ему прямо въ глаза и стараться уразумѣть его. Ясное пониманіе зла уменьшаетъ его. Я понялъ это при чтеніи описанія нѣкоторыхъ ужасныхъ происшествій, которыя вначалѣ производили на ме-

ня потрясающее впечатлѣніе, анализируя ихъ, вникая въ малѣйшія ихъ подробности, я достигъ того, что могъ хладнокровно отнестись къ нимъ и даже былъ бы въ состояніи самъ перенести такія же страданія. Подобнаго рода пріемъ увеличиваетъ нашу симпатію, но не страхъ. Симпатія сама подавляетъ его, но это еще не вполнѣ объясняетъ все: душа наша, оказавъ сопротивленіе первому впечатлѣнію ужаса и перенесясь, не безъ усилій правда, на мѣсто событія, развиваетъ въ себѣ энергію, проникается сознаніемъ чего-то, болѣе могущественнаго, нежели само страданіе. Я много разъ повторялъ эти опыты и вполнѣ убѣжденъ, что точная оцѣнка какой-либо опасности или зла увеличиваетъ наше мужество. Насъ устрашаетъ мракъ, неизвѣстность,—все что неопредѣленно дѣйствуетъ на наше воображеніе. Все это равно приложимо и къ нравственнымъ страданіямъ.»

Глубокое знаніе человѣческой души и условій общественности придаетъ нѣкоторымъ письмамъ Чаннинга чисто практическій интересъ. Невольно удивляешься какъ человѣкъ, вѣчно погруженный въ глубокіе вопросы религіи и политики, могъ до такой тонкости изучить всѣ малѣйшія струнки человѣческаго сердца, всѣ оттѣнки человѣческой души.

«Ваши благородныя стремленія, пишетъ онъ, *) одному знакомому, заставляютъ меня думать, что вы рождены для великихъ дѣлъ, что жизнь ваша не будетъ слѣпымъ и безсознательнымъ повтореніемъ понятій и мнѣній окружающихъ васъ людей. Въ тоже время я замѣчаю въ васъ

*) 3-го сентября 1838 года.

нѣкоторыя наклонности, которыхъ слѣдуетъ осмотрительно избѣгать каждому. Не слѣдуетъ слѣпо покоряться всѣмъ обычаямъ и привычкамъ свѣта, точно также какъ и безполезно безъ всякой видимой причины бороться съ ними. Эксцентричность, въ особенности же, если она притворна и стремится проявить извѣстнаго рода независимость тамъ, гдѣ должно господствовать полнѣйшее равнодушіе, если она заставляетъ человѣка пренебрегать или противиться самымъ невиннымъ обычаямъ, такая эксцентричность можетъ вполнѣ назваться глупостью,—она служитъ только доказательствомъ нашего упрямства и тщеславія; она заставляетъ насъ совершенно безполезно тратить наши силы, которыя могли бы быть употреблены съ большею пользою на сравнительно болѣе важное дѣло. Общество во многихъ отношеніяхъ просвѣщеннѣе индивида; духъ истиннаго доброжелательства долженъ заставлять насъ подчиняться его — даже и не совсѣмъ основательнымъ, требованіямъ. Человѣкъ, уважающій невинные обычаи, установленные обществомъ, можетъ скорѣе сдѣлаться адвокатомъ какой-либо великой идеи, противъ которой вооружено то же самое общество. Я желаю въ васъ видѣть человѣка съ твердыми убѣжденіями, съ справедвымъ и любящимъ сердцемъ; эти качества нерѣдко будутъ заставлять васъ расходиться во многомъ съ толпой. Но я не желалъ бы видѣть васъ заявляющимъ безполезные протесты, обращающимъ на себя вниманіе толпы безполезными эксцентричностями. Не всегда бываетъ нужно пролагать себѣ собственную тропинку тогда, когда существуетъ большая дорога, по которой никому не воспрещается ходить.»

«Избѣгайте въ вашемъ туалетѣ излишней оригинальности. Берегитесь тщеславія, которое одинаково скрывается какъ въ пренебреженіи къ нѣкоторымъ приличіямъ, такъ и въ поклоненіи модѣ; никогда не одѣвайтесь съ цѣлью быть замѣченнымъ. Пусть въ тоже время одежда ваша будетъ сдѣлана со вкусомъ, точно также какъ и ваше жилище. Лучшій туалетъ — внутренняя красота и достоинство. Задача будущихъ вѣковъ будетъ искать средствъ согласованія между внутреннимъ и внѣшнимъ. Однако письмо это невольно заставляетъ меня улыбаться. Мнѣ кажется не подъ стать дѣлаться профессоромъ грацій. Каждый имѣетъ право отвѣтить мнѣ: врачъ—исцѣлися самъ!»

О самовоспитаніи.

Настоящее не удовлетворяетъ насъ: движеніе впередъ — первое условіе единственно-возможнаго для насъ счастія. Какъ бы ни была хороша жизнь «сегодня,» но вѣдь «завтра» неминуемо и мы привыкли окрашивать это завтра лучшимъ, что можетъ дать намъ жизнь—надеждами. Чѣмъ сознательнѣе была наша жизнь сегодня, чѣмъ напряженнѣе наши усилія и честнѣе наши стремленія, тѣмъ вѣроятнѣе для насъ возможность достичь завтра счастія, хотя бы оно даже заключалось въ томъ, что мы прожили жизнь съ открытыми глазами, твердо вѣровали въ искренность и честность нашихъ стремленій и безжалостно относились къ мелкимъ побужденьицамъ нашего я. Это «завтра» обнимаетъ собою пору нашей юности и воспитанія «пору золотыхъ грезъ и розовыхъ надеждъ,» «завтра» же — это сознательная пора нашей возмужалости, пора дѣйствія и борьбы. Лучше воспитаніе—больше вѣроятности счастія. Больше энергіи, ума и знанія—больше шансовъ выйти побѣдителемъ изъ борьбы за существованіе, больше сознательной любви къ людямъ, меньше разрушенныхъ надеждъ и попранныхъ вѣрованій.

Всѣ мы являемся въ жизнь какъ на пиръ, всѣ жаждемъ вкусить ея прелестей, выпить до дна искрометную чашу наслажденія. Мы забываемъ только, что много званныхъ,

но мало избранныхъ. Зала пиршества не можетъ вмѣстить въ себѣ болѣе опредѣленнаго числа гостей, не каждый находитъ себѣ приборъ и мѣсто....... Мечты о счастіи составляютъ драгоцѣннѣйшую принадлежность нашей юности. Но эти мечты, по большей части такъ и остаются мечтами, такъ какъ никто не далъ намъ права надѣяться на него, и мы ищемъ его не тамъ гдѣ слѣдуетъ. Зданіе счастія не можетъ быть воздвигнуто единичными усиліями, потому то оно и можетъ теперь пріютить въ себѣ только извѣстную часть избранныхъ, оно должно быть дѣломъ всего человѣчества, которое одно въ состояніи воздвигнуть храмъ, достойный, по своему великолѣпію, всѣхъ потраченныхъ на него силъ. Его величественный куполъ долженъ поддерживаться тремя колоннами, имя которымъ *истина, человѣколюбіе и справедливость.* Пройдетъ еще много лѣтъ, много поколѣній сойдутъ въ могилу, много прольется еще крови и слезъ прежде, нежели стройная громада будетъ закончена, но это еще не даетъ никому права отказаться отъ содѣйствія — не заложить свой камень въ одну изъ колоннъ. Безумны тѣ, которые въ пылу самообольщенія думаютъ уклониться отъ своей обязанности и строятъ себѣ отдѣльное зданіе! Что значитъ ихъ убогая постройка въ сравненіи съ грандіозностью и великолѣпіемъ начатаго общими усиліями?! Смерть застигнетъ ихъ на половинѣ начатаго дѣла и вѣтеръ развѣетъ обломки—трудъ ихъ пропадетъ: не сдѣлавъ ничего для общаго дѣла, они ничего не успѣютъ сдѣлать и для самихъ себя; они каждый день томятся обманчивой надеждой видѣть зданіе свое отстроеннымъ и каждый день съ ужасомъ разубѣждаются въ этомъ; каждое усиліе влечетъ за собой нескончаемую вереницу новыхъ усилій, каждый шагъ приближаетъ ихъ къ могилѣ и удаляетъ отъ желанной цѣли, они какъ Танталъ, вѣчно мучимы обманчивой надеждой...

Увѣнчанный плющемъ Трималкіонъ видитъ свое счастіе въ амфорѣ фалернскаго вина, переходящей изъ рукъ въ руки гостей богато разукрашеннаго и наполненнаго благоуханіями триклиніума; счастіе скандинавскаго героя заключается въ чашѣ изъ черепа убитаго врага, до краевъ наполненной его дымящейся кровью; счастіе завоевателя—поле сраженія, усѣянное мертвыми тѣлами и громкая слава, которой окружаютъ его всѣ поклонники грубой силы; индусскій отшельникъ видитъ счастіе въ распятіи себя на фиговомъ деревѣ въ надеждѣ быть поглощеннымъ душою Брамы или же въ экстатическомъ созерцаніи кончика своего носа; бамбуковый чубукъ, черезъ который китаецъ вдыхаетъ сладострастно-одуряющіе пары опіума, служитъ для него величайшимъ источникомъ счастія; счастіе влюбленнаго — обладаніе предметомъ своей страсти; счастье честолюбца — колѣнопреклоненія толпы и фиміамъ, воскуриваемый его часто сомнительнымъ доблестямъ; счастіе ученаго—необъятная область науки, изученіе вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ вселенной; счастіе тѣхъ, которыхъ люди привыкли называть утопистами, — мечты о счастіи человѣчества, страстное ожиданіе скораго наступленія золотаго вѣка. Сколько различныхъ понятій о счастіи! Еслибъ я былъ королемъ, говорилъ одинъ пастухъ, то я пасъ бы стадо верхомъ...... Понятіе о счастіи опредѣляетъ въ большинствѣ случаевъ судьбу человѣка, оно служитъ мѣриломъ

его нравственнаго достоинства и общественнаго значенія. Одного, счастіе приводитъ къ брачному ложу—въ объятія любимой женщины, другаго въ темницу, третьяго въ ссылку, четвертаго на костеръ и наконецъ пятаго въ сумасшедшій домъ или въ великую успокоительницу всего живущаго—землю. Кого винить въ томъ, что одинъ выбралъ одно, а другой другое? Почему одного манитъ любовь къ женщинѣ, а другаго любовь къ человѣчеству?

То, что считалось за счастіе Сократомъ привело его къ чашѣ съ цикутой, Галилея—въ темницу, Джіорджано Бруно—на костеръ; оно заставило христіанскихъ мучениковъ служить факелами на безумныхъ оргіяхъ римскихъ императоровъ; жажда счастія слышалась въ крикахъ римской черни — *хлѣба и зрѣлищъ!* и въ крикахъ французскихъ пролетаріевъ: *жить работая или умереть сражаясь!..*

Откуда такая разнородность понятій и стремленій? Не потому ли, что мы часто пренебрегаемъ скромной ролью каменьщика и всѣ желаемъ быть архитекторами, что мы не хотимъ работать на пользу общую и желаемъ только личнаго . . . .

. . . .

Жизнь каждаго общества, государства, точно также какъ и всего человѣчества, имѣетъ свое «сегодня» и свое «завтра». Настоящее завершило собою прошедшее. Будущее же, желанное «завтра,» принадлежитъ намъ; оно логическій результатъ нашихъ дѣйствій; оно стоитъ въ тѣсной связи съ «сегодня» — времени, въ которомъ мы живемъ, дѣйствуемъ, страдаемъ и наслаждаемся. Намъ необходимо пониманіе настоящаго и это пониманіе дается намъ наукой. Въ каждый вѣкъ нарождается извѣстное число людей, посвящающихъ всю свою жизнь раскрытію тайнъ природы. Одни изъ нихъ берутъ природу и человѣка, каковы они есть на самомъ дѣлѣ, изучаютъ ихъ настоящее въ связи съ прошедшимъ; другіе же стремятся проникнуть въ будущее, изслѣдуютъ настоящее въ виду будущаго, — берутъ современнаго человѣка и показываютъ намъ какимъ образомъ, видоизмѣняя его воспитаніе, его отношенія къ окружающимъ и его среду, можно достичь иной, лучшей формы общежитія. Первые разъясняютъ намъ *что* дѣлается, вокругъ насъ, вторые же *какъ* должно дѣлаться въ виду извѣстнаго рода цѣли. Первые— люди науки, вторые же — люди идеала. Теоріи послѣднихъ служатъ какъ бы факелами, освѣщающими прогрессивный ходъ человѣчества. Оно, въ своемъ шествіи, похоже на человѣка, путешествующаго ночью по незнакомой ему дорогѣ. Кругомъ темнота, не видно ни зги, но вотъ блеснула молнія и ея мимолетный блескъ даетъ ему возможность сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ. Но вотъ она блеснула еще разъ, еще и еще, и человѣкъ, хотя медленно, но все-таки подвигается впередъ. Люди идеала часто ошибаются, но что такое и сама исторія какъ не цѣлый рядъ ошибокъ, искупаемый горькимъ опытомъ и страданіями. Они ошибаются, но ихъ ошибки исправляются послѣдующими поколѣніями; они не да-

ють уснуть человѣческому уму, рисують ему картину счастія, часто призрачную, но тѣмъ не менѣе благородную и достойную достиженія. Идеальныя стремленія лучше дѣйствительнаго застоя. Люди часто находятъ истину, гоняясь за призраками: вспомните алхимію и астрологію. Мечта, лишь бы она побуждала насъ къ честной дѣятельности, всегда найдетъ себѣ дань уваженія и сочувствія. Поэтъ совершенно справедливо сказалъ, что

Если къ правдѣ святой
Міръ дороги найти не умѣетъ,
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой.
По безумнымъ дорогамъ блуждая,
Намъ безумецъ открылъ новый свѣтъ.
. . . .
. . . .
Еслибъ завтра земли нашей путь
Освѣтить наше солнце забыло,
Завтра жъ цѣлый бы міръ освѣтила,
Мысль безумца какого-нибудь!

Всѣ честные люди прошедшаго и настоящаго принадлежатъ къ числу работниковъ созидаемаго человѣчествомъ храма. Не достаетъ только архитектора. Его и не можетъ еще быть въ настоящее время. Все выше и выше поднимаются колонны, долженствующія поддерживать сводъ; все радостнѣе и радостнѣе бьются сердца работниковъ. Что за дѣло, что не намъ придется положить послѣдній камень, что не намъ любоваться его цѣльностью и гармоніей. Мы заслужили благодарность будущаго, мы исполнили нашъ долгъ, мы видѣли въ немъ счастіе всей нашей жизни, мы цѣлую жизнь прожили надеждами, не пустыми надеждами на что-либо личное и непорочное, а разумною надеждою на скорое осуществленіе начатаго нами дѣла, мы въ продолженіи цѣлой жизни не видѣли эту надежду разрушенной — съ насъ довольно. Мы ежедневно, ежечасно предвкушали счастіе будущихъ поколѣній, передъ нашими глазами рисовалась картина, передъ которой блекнутъ лучшія картины знаменитѣйшихъ художниковъ—неужели человѣкъ, испытывающій подобнаго рода сладостное чувство можетъ завидовать юности съ ея золотыми, но скоро облетающими, надеждами, или эгоисту, мечтающему только объ удовлетвореніи своего личнаго я. Неужели мы, зная куда мы идемъ и на что надѣемся, можемъ поколебаться между какимъ-то жалкимъ счастьемъ и благородными, но еще не осуществившимися мечтами!

Чѣмъ просвѣщеннѣе, здоровѣе и солидарнѣе работники, тѣмъ успѣшнѣе идетъ работа. Распространите повсюду знаніе, сдѣлайте человѣка физически и нравственно здоровымъ, посѣйте въ сердцахъ всѣхъ сѣмена человѣколюбія, горячую любовь ко всему человѣчеству и будьте увѣрены въ скоромъ наступленіи того, о чемъ теперь дерзаютъ мечтать только немногіе! Невѣжество, нищета и пороки служатъ величайшими тормазами человѣка въ его стремленіи къ дѣйствительному счастью. Они замедляютъ работу, они часто даже совсѣмъ не позволяютъ приступить къ ней.

На свѣтѣ существуютъ, какъ извѣстно, двоякаго рода люди: одни, въ силу воспитанія и вліянія среды, всецѣло проникнуты чувствомъ эгоизма. Вся жизнь этихъ людей—непрестанная сдѣлка съ самими собою и со всѣми требованіями нравственности и справедливости. Жизнь

для нихъ—своего рода Калифорнія; они постоянно копаются въ грязи и, найдя кусокъ золота, отходятъ на время въ сторону, для пожранія своей добычи; стоимость ближняго никогда не превышаетъ въ ихъ глазахъ тридцати сребренниковъ; цѣль ихъ стремленій—животное наслажденіе; они любятъ мракъ и бѣгутъ свѣта; наука для нихъ расколъ, они проклинаютъ всякое открытіе, которое не можетъ принести имъ непосредственной пользы; они всегда готовы посадить Галилея въ темницу и поднять гоненіе на служителей истины; право заключается для нихъ въ силѣ; они не разбирая средствъ идутъ къ достиженію своихъ цѣлей; поютъ гимны прошедшему,—готовы вернуть времена рабства и невѣжества, лишь бы они представили имъ достаточную наживу. «Страдай и плачь, говорятъ эти люди своимъ младшимъ братьямъ, мы не знаемъ и не хотимъ знать тебя; твои мольбы о спасеніи, твои стоны, вызываемыя мнимымъ страданіемъ нарушаютъ спокойствіе нашей души и препятствуютъ правильности пищеваренія; умолкни! твои жалобы безполезны; ты обреченъ страдать цѣлую вѣчность. Великій распредѣлитель справедливости и права провелъ неизгладимую черту между тобой и мной, между моей породой и твоей породой: тебѣ—страданія, мнѣ—наслажденія; тебѣ пукъ соломы для ложа и кусокъ чернаго хлѣба, омоченнаго слезами на обѣдъ; мнѣ—изысканнѣйшіе дары природы; ты не въ правѣ искать благороднаго чувства любви, я же не ищу его потому, что пресыщенъ *женщинами;* ты на всю жизнь обреченъ воловьему труду, я же предаюсь аристократической праздности; ты гибнешь отъ изнуренія, я — отъ излишествъ, ты влачишь свое

жалкое существованіе только благодаря мнѣ, такъ какъ я даю тебѣ работу и я оплачиваю ее; ты питаешься крохами со стола моего; тогда какъ я покупаю твоихъ женъ и дочерей...

Другіе представляютъ прямую противоположность первымъ, — ими держится міръ, на нихъ покоятся надежды всѣхъ страждущихъ. Сердце ихъ — жертвенникъ, на которомъ неизгладимыми буквами вырѣзаны слова Спасителя: *люби ближняго какъ самого себя и не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь.* Имъ не чужды страданія ближняго, они чувствуютъ свое родство съ нимъ. Каждый стонъ болѣзненно отдается въ ихъ сердцѣ, на каждую мольбу они отзываются посильною помощью. Они всѣми силами своего ума и своего любящаго сердца отдались дѣлу тѣхъ,

Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ,
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятія о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи. *)

Люди эти сѣютъ повсюду плодотворныя сѣмена значенія, ихъ жизнь — вѣчность: они живутъ мыслью въ прошедшемъ, сердцемъ и дѣломъ въ настоящемъ, надеждами въ будущемъ. Они — современники всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ; они боролись за одно съ Гракхами, бесѣдовали съ Платономъ, присутствовали въ древнемъ Капитоліи,

*) Некрасовъ.

терпѣли гоненія вмѣстѣ съ первыми христіанами, вмѣстѣ съ Маріей Магдалиной молились на Распятаго и сдѣлали Его символомъ своей многотрудной жизни, они были вмѣстѣ со всѣми честными искателями истины, всѣми мучениками за свободу, всѣми бойцами за право и справедливость; откуда бы не раздался призывный крикъ—тотчасъ раздается ихъ могучій голосъ: здѣсь!

Результаты дѣятельности послѣднихъ стали теперь очевидными каждому, мало-мальски просвѣщенному, человѣку: они отмѣнили смертную казнь, они ограничили число рабочихъ часовъ для женщинъ и дѣтей, они покровительствуютъ животнымъ, они вводятъ обязательное обученіе для всѣхъ и устраиваютъ крестьянскія школы, сельскіе банки и различнаго рода ассоціаціи, они очистили смрадную атмосферу тюрьмы и нашли доступъ къ сердцу преступника, они покрыли всю землю сѣтью желѣзныхъ дорогъ, изобрѣли паровыя машины, они научили міръ справедливости и нравственности, они выстроили богадѣльни, пріюты, больницы и воспитательные дома, они ввели суды присяжныхъ и всеобщую воинскую повинность, они освѣщаютъ нашъ путь свѣтомъ науки, даютъ пищу воображенію и облагораживаютъ насъ произведеніями искусства, они залѣчиваютъ раны болящихъ словами христіанскаго утѣшенія и надежды.

Длинной вереницей тянутся эти герои труда и самоотверженія черезъ всѣ времена; вы найдете ихъ имена на каждой страницѣ всемірной исторіи и дѣла ихъ умрутъ только съ нею.

Мы найдемъ среди нихъ и имя Чаннинга, который и словомъ и дѣломъ старался облегчить тяжелую ношу бѣдняка, сдѣлать его болѣе нравственнымъ, просвѣтить его сердце и умъ. Мы сказали уже, что главною заботою Чаннинга было нравственное возвышеніе рабочаго; мы познакомимъ теперь читателя съ однимъ наиболѣе важнымъ изъ его трудовъ по этому вопросу, именно съ его сочиненіемъ о самовоспитаніи.

Рѣчь «о самовоспитаніи» была произведена Чаннингомъ въ Бостонѣ, въ 1838 году, по случаю открытія публичныхъ чтеній для рабочаго класа и пользуется весьма заслуженною извѣстностью не въ одной только Америкѣ, благодаря своему глубокому практическому смыслу и тономъ искренняго расположенія къ духовнымъ нуждамъ рабочаго класса.

Физическое, нравственное и умственное развитіе каждаго человѣка подраздѣляется на двѣ, довольно рѣзко разграниченныя эпохи—эпоху воспитанія и эпоху самовоспитанія; трудъ перваго принимаетъ на себя общество или родные, трудъ втораго лежитъ на обязанности самого человѣка. Первое ставитъ насъ вровень съ нашимъ временемъ, съ современнымъ состояніемъ цивилизаціи, второе обусловливаетъ движеніе впередъ... Посмотримъ теперь, въ чемъ состоитъ, по мнѣнію Чаннинга, задача самовоспитанія, но прежде скажемъ нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ было въ его глазахъ воспитаніе.

«Многіе, воображаютъ, говоритъ онъ *), что воспитаніе ребенка состоитъ въ обремененіи его памяти извѣстнымъ количествомъ знаній, въ обремененіи его чтенію и письму и въ пріученіи его къ какому либо ремеслу. Не-

*) Мемуары.

удивительно, послѣ этого, что всякій считаетъ себя способнымъ на трудное дѣло воспитанія...»

Дѣло воспитанія — одно изъ труднѣйшихъ дѣлъ нашей жизни: оно состоитъ, по мнѣнію Чаннинга, въ полномъ и всестороннемъ развитіи всѣхъ способностей человѣка: воспитаніе должно научить его господству надъ всѣми его страстями и влеченіями, въ особенности же надъ дурными, оно должно научить его управлять своими инстинктами,—извлекать наибольшую пользу изъ хорошихъ и подавать вредные. Воспитаніе ума должно заключаться въ ознакомленіи его со всѣми пріемами изслѣдованія, могущими привести его къ истинѣ. Истина — средство достиженія счастія; стремясь къ достиженію втораго, человѣкъ поневолѣ долженъ бдительно искать первую: онъ долженъ проникнуться любовью къ ней, долженъ избѣгать заблужденій и безпрекословно преклоняться передъ всѣми выводами знанія; онъ долженъ знать какимъ путемъ достигло человѣчество современнаго своего состоянія, долженъ предвидѣть тотъ путь, который приведетъ его со временемъ къ болѣе полному состоянію совершенства. Онъ долженъ научиться познавать самого себя, свою связь съ природою и съ обществомъ.

Воспитывая въ ребенкѣ нравственную сторону, нужно прежде всего научить его обязанностямъ—права же его выяснятся ему со временемъ, когда онъ уже будетъ въ состояніи строго разграничивать первыя отъ вторыхъ. Нужно всѣми силами стараться указать ему его дѣйствительное значеніе, воспитать въ немъ волю, облегчить ему трудное дѣло освященія жизни разумною цѣлью; нужно

съ раннихъ лѣтъ внушить ему твердую вѣру во все хорошее, въ огромное значеніе единичной личной силы, въ торжество правды и добра на землѣ; нужно показать ему, что слава—ничтожная награда за совершенный подвигъ, что темная жизнь безвѣстнаго труженика составляетъ не малый подвигъ и что самоотреченіе — одна изъ главнѣйшихъ добродѣтелей въ настоящее время.

Каждый изъ насъ не только человѣкъ, но также и гражданинъ,—гражданинъ извѣстной страны;это не должно быть упускаемо изъ виду при воспитаніи. Каждый долженъ знать исторію человѣчества вообще и также исторію своей родины: принципы общественной науки, исторіи законодательства, хода просвѣщенія и общественной жизни не должны оставаться въ пренебреженіи. Любить отечество значитъ, во первыхъ знать его, во вторыхъ же стремиться, какимъ бы то ни было путемъ, принести ему пользу.

Въ концѣ-концовъ Чаннингъ требуетъ отъ воспитателя умѣнья развить въ ребенкѣ эстетическій вкусъ, сдѣлать его чувствительнымъ къ красотамъ природы, человѣка и... искусства. Онъ желаетъ, чтобъ каждый пріучилъ себя съ раннихъ лѣтъ къ ясному и точному выраженію своихъ мыслей—что, по его мнѣнію, много способствуетъ развитію общественности.

Научите ребенка самопомощи — такова сущность воспитательной теоріи Чаннинга. Воспитывайте умъ, а не память, желаніе, а не чувство обязанности, дѣйствительное стремленіе ко всему прекрасному, а не искусственную наклонность къ различнаго рода утонченностямъ.

Нужно помогать, а не навязывать,—дать возможность самому достичь, а не предрѣшать.

«Не нужно, говоритъ Чаннингъ, научать юношество многому—обременять его умъ излишними подробностями и фактами, но пусть то немногое, которое будетъ внушено ребенку, оставитъ въ немъ глубокій слѣдъ и познакомитъ его со способомъ достичь со временемъ *личными усиліями*, гораздо большаго. Не нужно, напримѣръ, знакомить его съ раннихъ лѣтъ со всей исторіей человѣчества: съ потопа и до нашихъ дней. Пусть ребенокъ прочтетъ толкомъ хоть одинъ эпизодъ ея, пусть хорошенько усвоитъ причинную связь событій, познакомится съ источниками и со способомъ провѣрки ихъ, пусть проникнетъ въ мотивы дѣйствія нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ, пусть оцѣнитъ поступки и характеры, пусть онъ почувствуетъ симпатію къ хорошей сторонѣ лицъ и событій, и онъ научится современемъ понимать всю исторію.»

Разсуждая о воспитаніи, Чаннингъ обходилъ молчаніемъ высшій классъ общества и имѣлъ преимущественно въ виду пользу, приносимую имъ низшему—народу.

Народъ—великое слово! имъ, и только имъ упрочивается будущее! Слово это неизвѣстно многимъ, но съ нимъ сроднились всѣ тѣ, которые, или трудомъ, или симпатіями, или извѣстнаго рода страданіями, купили себѣ честь принадлежать къ нему. Съ именемъ народа связано понятіе о чемъ-то темномъ, безвѣстномъ, лишенномъ значенія, блеска, величія. «Можно ли ожидать чего либо добраго отъ Назарета?» спрашивали фарисеи... Однако будущее безспорно принадлежитъ этой темной массѣ

и исторія, какъ справедливо замѣтилъ одинъ французскій писатель, есть исторія постепеннаго возвышенія трудящейся части населенія, т. е. того же народа. . .
. . . .

Многихъ поддерживаетъ, по крайней мѣрѣ, сознаніе приносимой пользы; судьба лишила его и этого утѣшенія. Что значитъ его скромная, серенькая дѣятельность въ сравненіи съ нашими блестящими подвигами? Когда пройдена жизнь, тѣла эти сваливаютъ въ общую яму и ставятъ деревянный крестъ—символъ ихъ темнаго служенія. Могила обвалится, заростетъ травой, вѣтеръ растаетъ убогій крестъ, дождь и солнце сгноятъ его, кормилица земля всосетъ въ себя ихъ разложившіеся остатки и не останется ничего.... ничего, кромѣ дѣла, значеніе котораго ускользаетъ отъ многихъ.

«Положеніе народа, говоритъ Чаннингъ *), темно и безвѣстно, но значеніе его оттого не уменьшается. Толпа, по природѣ своей, безразлична, ибо самое понятіе объ отличіи предполагаетъ уже отдѣленіе отъ толпы; народъ производитъ мало шуму, мало привлекаетъ вниманія къ своей узкой сферѣ, но тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ свою долю личнаго достоинства и даже величія. Каждый человѣкъ великъ, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ; лишь слабость нашего зрѣнія дѣлаетъ его иногда малымъ въ нашихъ глазахъ. Человѣкъ великъ, потому что онъ—человѣкъ, каково бы ни было его мѣсто и званіе. Всякое внѣшнее различіе теряетъ значеніе передъ величіемъ его природы. Способнось мыслить, потребность

*) О самовоспитаніи, стр. 4.

любви, пониманіе справедливости, умѣніе дѣйствовать на самого себя, на внѣшнюю природу и на подобныхъ себѣ — вотъ его главныя преимущества; только дурная привычка не цѣнить свойствъ общихъ всѣмъ, причиною того, что мы не обращаемъ вниманія на эти преимущества; въ душѣ же какъ и во внѣшней природѣ, всего драгоцѣннѣе то, что всего обыкновеннѣе. Наука и искусство могутъ изобрѣтать блистательные снаряды для освѣщенія жилищъ богатыхъ людей, но всѣ они бѣдны и ничтожны въ сравненіи съ обыкновеннымъ свѣтомъ, который входитъ къ намъ чрезъ каждое окно,—съ тѣмъ свѣтомъ, который солнце щедро и безъ лицепріятія изливаетъ ежедневно на горы и долы, которымъ оно охватываетъ востокъ и западъ. Такъ-то бываетъ и съ общимъ свѣтомъ разума, совѣсти и любви, которые, конечно, драгоцѣннѣе, нежели необыкновенныя качества, прославившія нѣкоторыхъ людей. И такъ существо, обладающее божественными способностями души, есть существо великое, каково бы ни было занимаемое имъ мѣсто. Вы можете покрыть его лохмотьями, заключить его въ тюрьму, приковать его къ невольничьему труду, оно все-таки будетъ велико».

«Я думаю, что это величіе скорѣе всего можно найти посреди толпы, у тѣхъ, чье имя никогда не имѣло извѣстности. Гдѣ найдете вы болѣе страданій, перенесеннымъ терпѣніемъ, болѣе неприкрашенной правды, болѣе религіознаго упованія, болѣе того великодушія, которое готово отдать ближнему послѣдній кусокъ, наконецъ болѣе здравый взглядъ на жизнь и на смерть,—у счастливцевъ міра сего, или у простаго народа? И даже

въ томъ, что касается вліянія на подобныхъ себѣ, вліянія, которое считается также привиллегіей высшихъ сословій, я думаю, что различіе, существующее между темнымъ человѣкомъ и человѣкомъ, находящимся на видномъ мѣстѣ, весьма незначительно. Вліяніе должно измѣряться не обширностью, а своимъ свойствомъ. Человѣкъ можетъ простирать далеко вокругъ себя вліяніе своего ума, своихъ чувствъ и мнѣній; но если умъ его низокъ, во всемъ этомъ не будетъ никакого величія. Бездарный живописецъ можетъ заводнить цѣлый городъ своими дрянными картинами, и своей блестящей но ложной манерой достигнуть извѣстности; но геніальный художникъ, оставившій по себѣ одну дивную картину, въ которой безсмертная красота, такъ сказать воплощается и доставляетъ торжество истинному вкусу, такой художникъ имѣетъ вліяніе несравненно высшаго разряда. Спрашивается, есть ли на свѣтѣ вліяніе благороднѣе того, которое дѣйствуетъ на характеръ окружающихъ, и человѣкъ, имѣющій такое вліяніе не совершаетъ ли великаго дѣла, въ какомъ бы тѣсномъ и темномъ кругу ни протекала жизнь его? Отецъ и мать, которые, въ тѣсныхъ стѣнахъ своего убогаго жилища, пробуждаютъ въ душѣ ребенка идею любви и совершеннаго добра, зарождаютъ въ немъ силу воли, способную противустоять всякимъ искушеніямъ, и научаютъ его извлекать пользу изъ жизненныхъ бореній,— эти два существа превосходятъ во вліяніи Наполеона, заставлявшаго весь свѣтъ преклоняться предъ его владычествомъ. Мало того, что дѣло ихъ возвышеннѣе по самой природѣ своей; кто знаетъ, не превзойдетъ ли оно величіемъ дѣла завоевателя даже и въ отношеніи къ об-

ширности? Кто можетъ сказать, что этотъ ребенокъ, которому они внушаютъ святыя и безкорыстныя правила, не сообщить ихъ въ свою очередь еще кому-нибудь, и что его вліяніе, котораго невидимою причиною были они, не расширится до того, что послужитъ къ улучшенію цѣлой націи, можетъ быть, цѣлаго свѣта?»

Къ этой то части человѣчества и обратился Чаннингъ съ своей рѣчью о воспитаніи.

Самовоспитаніе говоритъ онъ, основывается на самой природѣ человѣка—на его способности самонаблюденія и самоисправленія. «Мы имѣемъ способность обращать свой духъ на самого себя, припоминать его прошедшія дѣйствія, наблюдать дѣйствія настоящія, оцѣнивать различныя его движенія и состоянія, что онъ можетъ сдѣлать и что можетъ перенести; можемъ знать мѣру нашихъ удовольствій и страданій, пріобрѣсти ясное понятіе о своей природѣ и о своемъ назначеніи, мы можемъ видѣть задатки безконечнаго усовершенствованія, можемъ мѣтить далѣе того, чего мы достигли, стремиться къ улучшенію, какъ къ цѣли нашего бытія.» Самовоспитаніе основывается еще на нашей способности самоуправленія—способности, дающей намъ возможность сознательно дѣйствовать въ желанномъ направленіи, сдерживать наши страсти, подавлять дурные инстинкты и управлять желаніями.

«Воспитывать или обработывать что нибудь, напримѣръ растеніе животное или умъ, значитъ способствовать его росту; возвращеніе, развитіе—вотъ цѣль. Итакъ, тотъ, кто дѣлаетъ все отъ него зависящее для развитія своихъ способностей и дарованій, — тотъ воспитываетъ самого себя.»

«Во первыхъ самовоспитаніе состоитъ въ развитіи въ себѣ нравственнаго начала; эта отрасль заключаетъ въ себѣ особенную важность. Когда человѣкъ углубляется въ самаго себя, онъ открываетъ въ себѣ два отдѣльные порядка или два рода началъ, на которые ему въ особенности полезно обратить вниманіе. Онъ замѣчаетъ въ себѣ желанія, стремленія, страсти, которыхъ цѣлію служитъ онъ самъ, которыя требуютъ, ищутъ лишь его собственнаго удовольствія, собственной корысти; потомъ онъ замѣчаетъ начало совершенно противоположное, — начало безпристрастное, безкорыстное, всеобщее, которое требуетъ, чтобы онъ принималъ въ разсчетъ права другихъ людей, счастіе другихъ людей, и налагаетъ на него обязанности, которыя онъ долженъ выполнить, во что бы то ни стало, даже тогда, когда они находятся въ противорѣчіи съ его удовольствіемъ или пользой. Ни одинъ человѣкъ какъ бы ни былъ онъ ослѣпленъ собственнымъ интересомъ, какъ бы ни зачерствѣлъ отъ эгоизма, не можетъ отрицать, что внутри его существуетъ великая идея, находящаяся въ противорѣчіи съ собственнымъ интересомъ; это идея долга, это внутренній голосъ, который болѣе или менѣе внятно требуетъ отъ него нелицепріятной правды и любви къ ближнимъ.»

«Такое безкорыстное начало, лежащее на основаніи человѣческой природы, мы называемъ иногда разумомъ, иногда совѣстью, иногда нравственнымъ чувствомъ; но какое бы имя не давали ему, дѣло въ томъ, что это начало дѣйствительно существуетъ въ каждомъ изъ насъ; это главная наша способность, которую мы обязаны прежде всего обработать въ себѣ, ибо отъ ея обработки за-

виситъ правильное развитіе всѣхъ другихъ нашихъ способностей. Страсти, правда, могутъ быть иногда сильнѣе совѣсти, или, по крайней мѣрѣ, вопить громче ея, но ихъ вопли весьма различны отъ повелительнаго тона, какимъ говоритъ совѣсть. Онѣ не облечены, подобно ей, властію; онѣ не имѣютъ того, связывающаго насъ, могущества. Даже посреди самаго торжества своего онѣ бываютъ иногда осуждены нравственнымъ чувствомъ и преклоняются предъ его спокойнымъ, таинственнымъ, грознымъ голосомъ. И такъ, при изученіи самого себя, нѣтъ ничего важнѣе, какъ ясное различеніе этихъ двухъ великихъ началъ: одного эгоистическаго, другаго безкорыстнаго, и самое важное въ воспитаніи—унизить первое и возвысить послѣднее, или другими словами, воспитать въ насъ главнымъ образомъ чувство долга. Нѣтъ предѣловъ развитію этой нравственной силы въ человѣкѣ, если онъ любитъ ее искренно. Были люди, которыхъ никакая власть въ мірѣ не могла отвратить отъ правды, и которые меньше боялись смерти, въ самыхъ ужасныхъ ея видахъ, нежели преступленія внутренняго закона правды и всемірной любви.»

«Во вторыхъ, самовоспитаніе состоитъ въ развитіи въ себѣ начала религіознаго. Когда мы углубляемся въ самихъ себя, то отрываемъ въ себѣ способности, связывающія насъ съ міромъ внѣшнимъ, видимымъ, конечнымъ и вѣчно-измѣняющимся. Мы имѣемъ зрѣніе и другія чувства для различенія внѣшнихъ предметовъ, надлежащіе органы и природную способносъ достигать и усвоивать себѣ эти предметы. Но мы имѣемъ еще другую способность, которая не можетъ остановиться на томъ, что мы видимъ, къ чему прикасаемся, на томъ, что существуетъ въ предѣлахъ времени и пространства,—способность, которая ищетъ безконечнаго, причины всѣхъ причинъ, и не можетъ успокоиться, пока не вознесется до вѣчнаго Духа, наполняющаго собою все, и все заключающаго въ себѣ. Это есть то, что мы называемъ религіознымъ началомъ; и языкъ человѣческій не можетъ преувеличить его значенія, ибо это есть отличительный признакъ существа, которому суждено входить въ сношеніе съ міромъ выше видимаго міра. Развивать въ себѣ эту силу значитъ воспитывать себя въ высшемъ значеніи этого слова. Питать въ себѣ идею ясную и правдивую, которая влечетъ насъ къ поклоненію Ему, — въ этомъ состоитъ благороднѣйшая принадлежность человѣческой природы, можно прибавить, и небесныхъ натуръ. И замѣтьте, что начало нравственное и религіозное тѣсно связаны между собою и идутъ рядомъ. Второе есть ни что иное, какъ довершеніе и высшее проявленіе перваго. Оба они безкорыстны. Сущность истинной религіи состоитъ въ томъ, чтобы признавать въ Богѣ свойства вѣчной правды и всемірной любви, поклоняться Ему, и слушать Его голосъ, когда въ тайникѣ нашего сердца Онъ повелѣваетъ намъ подражать тому, что мы боготворимъ.»

«Сверхъ того, самовоспитаніе состоитъ въ развитіи въ себѣ мыслящей способности. Мы не можемъ углубиться въ самихъ себя безъ того, чтобы не открыть въ насъ начала разумнаго, способности мыслить, судить, разсуждать, стремиться къ истинѣ и достигать ее. Эта способность меньше всѣхъ подвергается опасности быть

пренебреженной. Такъ какъ умъ есть то великое орудіе, посредствомъ котораго люди достигаютъ цѣли своихъ желаній, то онъ привлекаетъ къ себѣ больше ихъ вниманіе, чѣмъ всякая другая способность. Когда мы совѣтуемъ людямъ образовать себя, первая мысль, которая представляется имъ при этомъ, есть та, что они должны обработывать свой умъ, пріобрѣтать познанія и таланты. Подъ именемъ образованія люди почти исключительно понимаютъ образованіе умственное. Для него устраиваются школы и гимназіи, ему приносятъ въ жертву нравственное и религіозное воспитаніе юношества. Я, конечно, не меньше кого другаго, уважаю умъ; но не слѣдуетъ никогда ставить его выше нравственнаго чувства: они тѣсно связаны между собою. Образованіе нравственное служитъ основаніемъ образованію ума, и конечная цѣль его—возвышеніе этого ума. Кто желаетъ чтобы умъ его росъ, укрѣплялся и былъ всегда здоровъ, долженъ начать съ образованія нравственнаго. Ученія недостаточно для усовершенствованія ума. Есть качество гораздо необходимѣйшее всѣхъ прочихъ, это— безкорыстіе, истинная душа добродѣтели. Чтобы дойти до истины, составляющей собою важнѣйшій предметъ для ума, надобно искать ее безкорыстно. Это первое и великое условіе умственнаго успѣха. Я обязанъ подчиниться истинѣ, въ какомъ бы отношеніи она ни касалась меня, я долженъ слѣдовать ей, куда бы она ни вела, какимъ бы интересамъ она ни противорѣчила, какому бы преслѣдованію, какому бы лишенію я изъ за нея ни подвергался, отъ какой бы партіи она ни отдѣляла меня и къ какой бы ни присоединяла.»

«Безъ этой прямоты ума, которая, другими словами, есть ни что иное, какъ безкорыстная любовь къ истинѣ, многія великія природныя способности развращаются и заблуждаются, геній гибнетъ и свѣтъ, который мы носимъ въ себѣ, превращается въ тьму. Самые искусные мыслители, когда имъ не достаетъ этой силы, обманываютъ себя, вводятъ въ заблужденіе другихъ, и сами уловляются сѣтями собственныхъ софизмовъ. Фактъ, весьма извѣстный въ исторіи, науки и философіи, что люди одаренные необыкновеннымъ умомъ, распространяли самыя грубыя заблужденія и даже пытались разрушить тѣ первоначальныя истины, на которыхъ основывается добродѣтель, достоинство и надежды человѣка. Съ другой стороны, я знаю людей, надѣленныхъ отъ природы умомъ обыкновеннымъ, которые между тѣмъ чрезъ безкорыстную любовь къ истинѣ и ближнимъ нечувствительно возвысились до замѣчательной силы и развитія мысли. Нѣкоторые изъ самыхъ полезныхъ проповѣдниковъ и учителей были обязаны своимъ даромъ просвѣщать другихъ, не столько природному превосходству своего ума, сколько своей простотѣ, безпристрастію и безкорыстію, и своей рѣшимости жить для истины и умереть за нее. Человѣкъ, возвышающійся надъ самимъ собою, лучше видитъ съ этой высоты и природу, и Провидѣніе, и общество, и жизнь. Мысль расширяется какъ бы въ силу естественной упругости, когда устранено отъ нея давленіе эгоизма. Нравственное и религіозное начала благородно развитыя, оплодотворяютъ умъ. Вѣрно исполненный долгъ открываетъ ему истину; потому что

долгъ, и истина принадлежатъ къ одному семейству; тотъ и другая равно неизмѣнны, всемірны и вѣчны».

«Я распространился объ этомъ предметѣ потому, что часто забывается связь, существующая между образованіемъ нравственнымъ и образованіемъ умственнымъ, и что первое приносится въ жертву послѣднему. Возвеличеніе таланта надъ добродѣтелью и религіей есть проклятіе, тяготѣющее надъ нашимъ вѣкомъ. Теперь воспитаніе имѣетъ главною цѣлью пріобрѣтеніе познаній, и человѣкъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ силу безъ тѣхъ началъ, которыя одни дѣлаютъ эту силу благомъ. Люди поклоняются таланту; но если существуетъ разрывъ между талантомъ и правдой, то это скорѣе—даръ злаго духа, нежели даръ неба».

«Умственное образованіе не состоитъ главнымъ образомъ, какъ многіе расположены думать, въ накопленіи познаній, хотя это также довольно важно; оно состоитъ въ особенности въ пріобрѣтеніи силы мышленія, такъ, чтобы мы могли по произволу направлять мысль на всякій предметъ, какой намъ слѣдуетъ обсудить. Признакъ этой силы—способность сосредоточивать на чемъ угодно наше вниманіе, тщательная и проницательная наблюдательность, умѣнье разлагать умомъ сложные предметы на ихъ составныя части, восходить отъ дѣйствія къ причинѣ, схватывать малѣйшія различія, также какъ и малѣйшее сходство вещей между собою, читать будущее въ прошедшемъ и въ особенности, всходить отъ частныхъ явленій къ общимъ законамъ или ко всемірнымъ истинамъ. Это послѣднее усиліе ума, возносящагося до обширныхъ воззрѣній и великихъ началъ, составляетъ то, что называется умомъ философскимъ и заслуживаетъ, чтобы къ нему наиболѣе стремился человѣкъ. Какая цѣль этого усилія? Вы должны знать это изъ собственнаго наблюденія.»

«Вы вѣрно замѣчали, что есть два рода людей: одни вѣчно заняты подробностями, а другіе дѣлаютъ изъ этихъ частныхъ наблюденій основаніе для болѣе высокихъ и болѣе обширныхъ истинъ. Вотъ это-то и есть философы. Напримѣръ: въ продолженіи многихъ вѣковъ люди видѣли, какъ на землю падали камни, куски дерева и металловъ.—Ньютонъ взялъ эти частные факты и, основавшись на нихъ возвысился до идеи, что всякое вещество стремится или тяготѣетъ ко всякому веществу, и потомъ опредѣлилъ законъ, по которому это тяготѣніе или стремленіе дѣйствуетъ на различныхъ разстояніяхъ, и далъ намъ, такимъ образомъ, великое правило, которое, имѣемъ основаніе думать, простирается на все видимое твореніе и управляетъ имъ. Одинъ человѣкъ читаетъ исторію и можетъ потомъ разсказать вамъ всѣ заключающіяся въ ней событія, но и только; другой сопоставляетъ эти событія, дѣлаетъ изъ нихъ выводы, приводитъ ихъ къ одной точкѣ зрѣнія и узнаетъ, подъ какимъ вліяніемъ живетъ такой-то народъ, выработалъ ли онъ потребность свободы или способенъ еще подчиняться деспотизму, требуетъ ли онъ одной формы гражданственности или другой. Одинъ будетъ постоянно заниматься отдѣльными поступками такого то или такого то сосѣда, между тѣмъ какъ другой будетъ смотрѣть дальше этихъ поступковъ, и дойдя до внутренняго начала, отъ котораго они происходятъ, выведетъ изъ него болѣе широкое воззрѣніе

на человѣческую природу. Словомъ, одинъ видитъ вещи по частямъ, отрывками, между тѣмъ какъ другой усиливается открыть гармонію, связь, единство цѣлаго. Одно изъ величайшихъ бѣдствій общества состоитъ въ томъ, что людямъ, постоянно занятымъ мелочными подробностями жизни, недостаетъ общихъ понятій, началъ широкихъ и твердыхъ въ основаніи. Поэтому многіе люди, не совсѣмъ дурные, бываютъ не рѣшительны и непостоянны, какъ будто они скорѣе взрослыя дѣти, нежели люди. Придать уму эту силу схватывать всемірныя истины и прилѣпляться къ нимъ, вотъ самое благородное умственное образованіе; и я прошу васъ обратить вниманіе на то, какъ оно согласуется съ развитіемъ началъ нравственнаго и религіознаго. Въ послѣднемъ случаѣ развитіе души состоитъ также въ томъ, чтобы возвышаться надъ всѣмъ узкимъ, частнымъ, личнымъ, эгоистическимъ до того, что всемірно и безконечно. Усовершенствовать человѣка значитъ *освободить* его, расширить его мысль, чувства и волю. Узкость ума и сердца, вотъ то рабство, изъ котораго всякое образованіе стремится вывести человѣка».

«Сверхъ того, самовоспитаніе должно развивать насъ въ отношеніи *общественности*, такъ какъ одно изъ главныхъ его дѣйствій есть возвышеніе и очищеніе тѣхъ чувствъ, которыя инстинктивно зарождаются въ сердцѣ человѣческомъ,— чувствъ соединяющихъ мужа съ женой, отца съ дѣтьми, брата съ сестрой, связывающихъ человѣка съ его друзьями, сосѣдями, родиной, и съ тѣми, которые страдаютъ въ его глазахъ, кто бы они ни были. Обработка этихъ чувствъ есть не маловажная часть нашего труда въ дѣлѣ самовоспитанія, она состоитъ въ превращеніи инстинкта въ правило, естественной наклонности въ истинную симпатію, посредствомъ сообщенія ей характера разумности, нравственности и святости. Напримѣръ, наша любовь къ собственнымъ дѣтямъ бываетъ сначала инстинктивная; если она и останется такою, то будетъ стоять почти не выше привязанности животнаго къ своимъ дѣтенышамъ. Но когда отецъ вводитъ въ свою естественную любовь къ дѣтямъ начала религіозное и нравственное, когда онъ начинаетъ смотрѣть на своего ребенка какъ на существо разумное, духовное, безсмертное, когда вслѣдствіе всего этого онъ уважаетъ его, какъ человѣка, и желаетъ больше всего сдѣлать изъ него благороднаго, и безкорыстнаго гражданина, друга своихъ ближнихъ,—тогда инстинктъ облагораживается и становится чувствомъ возвышеннымъ и святымъ, которое уподобляется отеческой любви Бога къ своему духовному семейству. Такую-то чистоту, такое-то достоинство, мы должны стараться придать всѣмъ чувствамъ, связывающимъ насъ съ подобными себѣ.»

«Кромѣ того, самовоспитаніе заключается въ развитіи практическомъ; такъ какъ одна изъ главныхъ задачъ его—расположить насъ къ дѣйствію, поставить насъ въ уровень съ нашими предпріятіями, пріучить къ постоянству въ нашихъ намѣреніяхъ и дать намъ сильную поддержку въ жизни обыкновенной, но въ особенности въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, во время затрудненій, опасностей и испытаній.»

Разсмотрѣвъ затѣмъ всѣ трудности, сопряженныя съ самовоспитаніемъ для рабочаго, Чаннингъ заканчиваетъ

свою рѣчь воззваніемъ къ народу, ради побужденія его къ непрестанному самоусовершенствованію.

«Возблагодаримъ Бога за то, что мы пріобрѣли, но не станемъ думать, будто все уже кончено. Сколько еще предстоитъ дѣла! Сколько невѣжества, невоздержанія, грубости, чувственности находится въ нашемъ обществѣ! Сколько ума гибнетъ даромъ! Когда мы подумаемъ, что каждый годъ могъ бы быть оживотворенъ разумностью, безкорыстіемъ и образованіемъ, и вспомнимъ, въ сколькихъ жилищахъ благороднѣйшіе дары человѣческой души погребены какъ въ могилахъ, то какой мрачный оттѣнокъ принимаетъ въ глазахъ нашихъ общество? И сколь немногихъ изъ насъ пугаетъ это нравственное запустѣніе! Сколь немногіе понимаютъ, что возводить меньшихъ братій своихъ, посредствомъ разумнаго воспитанія, въ достоинство человѣка, есть главная конечная цѣль общества? Стыдно намъ, что мы такъ мало чувствуемъ цѣну себѣ подобныхъ!»

«Я желалъ бы умѣть говорить съ народомъ о его потребностяхъ, правахъ и отвѣтственности такимъ голосомъ, который разбудилъ бы его. Я сказалъ бы ему: вы не можете безъ преступленія, безъ позора, остановиться на томъ, чего достигли. И прошедшее, и настоящее кричитъ вамъ: впередъ, впередъ! Пусть достигнутое вами будетъ для васъ побужденіемъ стремиться къ болѣе высокой цѣли. Ваша природа такъ велика, что ее нельзя подавить. Вы сотворены не для той жизни, какою живете, не для того только, чтобы работать, ѣсть, пить и спать, подобно животнымъ. Если вы захотите, то можете возвыситься. Никакая сила въ обществѣ, никакое препятствіе, свойственное вашему состоянію, не можетъ унизить васъ; если вы не подвигаетесь въ наукѣ, въ добродѣтели, въ общественномъ вліяніи, то вините самихъ себя. Вамъ не достаетъ еще многаго, и лѣкарство, въ которомъ вы нуждаетесь, лежитъ въ добросовѣстномъ воспитаніи самихъ себя и своихъ дѣтей. Вы часто слыхали эти истины, и послѣ того засыпали. Пробудитесь! Примите твердое рѣшеніе учиться! Сдѣлайтесь достойными своихъ учрежденій и упрочьте ихъ навѣки своимъ просвѣщеніемъ и гражданской доблестью!»

Изъ книги Чаннингъ его жизнь и соч. Переводъ Н. А. Путята.

Вращеніе въ обществѣ полезно тѣмъ, что увеличиваетъ наши средства къ достиженію цѣлей нашего ума и энергіи, научая многимъ практическимъ сноровкамъ. Общество помогаетъ намъ узнавать наши собственныя силы, нашихъ враговъ и друзей, помогаетъ нашему самоконтролю. Одинокій, чуждающійся общества, человѣкъ либо через-чуръ считаетъ себя не погрѣшимымъ и умнымъ, либо впадаетъ въ противоположную крайность. Общительность развиваетъ въ человѣкѣ отвагу, веселость, излѣчиваетъ ипохондрію и многія душевныя болѣзни.

Усиленная дѣятельность чувствъ: слуха, зрѣнія, обонянія, осязанія и вкуса—также способствуетъ усиленію ума и энергіи, потому что только путемъ разнообразія ощущеній развивается нашъ умъ, который самъ по себѣ есть нѣчто въ родѣ чувствъ чувствилища (sensum sensorium).

Крайнее уединеніе, посвященное полезному труду, болѣе развиваетъ умъ и энергію, чѣмъ крайняя общительность, которую трудно соединить съ трудолюбіемъ. Поэтому, когда предстоитъ ненормальный, усиленный трудъ ума и энергіи, тогда энергичному человѣку полезно уединиться, отрѣшиться отъ всякихъ впечатлѣній, прямо не связанныхъ съ задачею. Сверхъ этого, въ минуты проблесковъ ума и энергіи, надо отрѣзать себѣ пути уклоненія отъ работы; но для большинства обыкновенныхъ людей вредны и крайняя общительность, и крайнее уединеніе. Для людей обыкновенныхъ, общество людей даже необходимо для успѣшнаго труда, особенно если нѣтъ иныхъ принудительныхъ причинъ, кромѣ собственнаго желанія. Тогда примѣръ трудящагося общества или человѣка крайне необходимъ: самые трудные экзамены и работы легко и успѣшно переносятся группою тружениковъ — хотя бы задача казалась не по силамъ каждому изъ трудящихся порознь. Въ этомъ случаѣ умъ и энергія передается, сообщается и слабымъ людямъ, подобно тому какъ нѣкоторые физическіе предметы электризуются даже отъ присутствія вблизи тока дѣятельности (индукція). Единство силъ и веществъ въ природѣ и тутъ, повидимому, уподобляетъ вліяніе органическихъ тѣлъ вліянію неорганическихъ тѣлъ другъ на друга.

Если отдыхъ посредствомъ перемѣны занятій или упражненій, развлеченій, покоя и т. п. окажется неудобнымъ или не достигающимъ цѣли, тогда только однимъ изъ лучшихъ средствъ противъ утомленія и нервнаго изнуренія остается сонъ.

Позывъ ко сну, заслуживающій удовлетворенія, не

всегда можно отличить отъ болѣзненнаго позыва ко сну, когда человѣкъ не долженъ спать подъ страхомъ наказанія, по законамъ природы, болѣзнью или смертью (напр. сонъ замерзающаго). Въ этомъ случаѣ кромѣ охоты должно еще руководиться и знаніемъ. Такъ напр., дневной сонъ тогда только не разслабляетъ ума и энергіи вообще, если является вслѣдъ за тяжкимъ десяти-часовымъ трудомъ, умственнымъ или физическимъ, вслѣдъ за безсонною ночью. Надо предаваться сну только тогда и только до тѣхъ поръ, пока хочется спать глубокимъ спокойнымъ сномъ. Можно и должно совсѣмъ не ложиться спать даже ночью, если не хочется спать. Склонность ко сну не надо насиловать, какъ и аппетитъ къ пищѣ.

Молодымъ взрослымъ людямъ слѣдуетъ спать всего около 6—8 часовъ въ сутки. Малолѣтнимъ полезенъ болѣе долгій сонъ, а старцамъ болѣе короткій сонъ. Истощеннымъ, слабымъ людямъ полезно спать долѣе, а сильнымъ, полнокровнымъ людямъ—менѣе 6—8 часовъ. Всѣ снотворныя средства вредны для здоровыхъ людей.

Представители высшей степени развитія ума и энергіи, какъ и герои труда, обыкновенно спали очень мало; ихъ существенное отличіе состояло въ томъ, что они проспали около $^1/_4$ части всей своей славной жизни, тогда какъ обыкновенные представители большинства спятъ въ теченіе $^1/_2$ или $^3/_4$ всей своей жизни и умираютъ, изчезаютъ безслѣдно, такъ сказать, не успѣвши сдѣлать что нибудь.

Такъ напримѣръ, Ньютонъ, Кювье, Кеплеръ, Фридрихъ Великій, Петръ Великій,—спали по 4 или 5 часовъ, Мирабо спалъ всего часа 3 или 4 въ теченіе сутокъ.

Изнурительность крайне недостаточнаго сна видна изъ того, что человѣкъ безъ пищи и питья можетъ прожить около 9 дней; безъ пищи, но съ питьемъ, можетъ прожить около 6 недѣль, но безъ пищи, питья и сна можетъ прожить только около 3—5 сутокъ. Съ другой стороны, излишество въ снѣ ведетъ къ духовному усыпленію, къ слабохарактерности, лѣности, умственному безсилію, или точнѣе, къ умственной неподвижности, инертности.

Вообще трудящимся умственно совѣтуютъ спать немного менѣе тѣхъ людей, которые работаютъ физическою, мускульною силою. Сила тѣла, сила воли, израсходованная работою или сильными потрясеніями, несчастіями — для своего быстрѣйшаго возстановленія — требуютъ болѣе долгаго, глубокаго сна и покоя. Сила же ума, израсходованная на работу, требуетъ для возстановленія не столько сна, сколько перемѣны рода мышленій развлеченій и т. п. средствъ, возможныхъ и удобоисполнимыхъ во время бодрствованія.

Любовь и бракъ.

Строгая умѣренность въ удовлетвореніи половыхъ инстинктовъ есть главное и неизбѣжное психо-гигіеническое условіе, или условіе сохраненія и развитія духовнаго здоровья, ума и энергіи.

Умѣренностью въ этомъ случаѣ называютъ неудовлетвореніе своихъ желаній до пресыщенія, до степени вредности, до нежеланія и невозможности удовлетворять половыя вождѣленія.

Рекомендуя половую умѣренность, какъ самое могущественное изъ всѣхъ извѣстныхъ въ наукѣ средствъ для сохраненія и развитія ума и энергіи, мы думаемъ, что отъ исполненія этого совѣта вполнѣ зависитъ здоровье, веселое настроеніе и усиленное мышленіе.

Что здоровье и веселое настроеніе есть благо, есть наслажденіе, это болѣе или менѣе извѣстно. Что касается до мышленія, какъ величайшаго и продолжительнѣйшаго изъ сладостныхъ ощущеній и наслажденій, такъ это подтверждается стремленіемъ человѣчества къ средствамъ, возбуждающимъ стремленіе.

Къ испытыванію наслажденія, въ видѣ усиленнаго, восторженнаго мышленія, человѣчество давно уже стремилось. Въ сущности для наслажденія актами мышленія существуетъ даже особая наука—философія.

При полнотѣ или избыткѣ силъ отъ половаго воздержанія, не только мышленіе, но даже страданія, несчастія, труды, опасности, борьба и собственная смерть составляютъ невыразимо-сильное наслажденіе, продолжительность котораго и нравственная польза котораго далеко больше и выше, чѣмъ продолжительность минутнаго, скоротечнаго и вредно дѣйствующаго половаго наслажденія.

Только люди строгой нравственности (въ отношеніи половой дѣятельности) могутъ геройски посвящать свою жизнь, свое тѣло, свою карьеру и все свое на пользу общества, на жертву тому, что оно боготворитъ безъ всякой эгоистической пользы для самихъ себя, или довольствуясь пустою славою, благодарностью потомства и неблагодарностью современниковъ. Всякій бѣднякъ и всякій человѣкъ большинства, не раззоряясь, можетъ прославить, дать славу, какъ награду за подвиги и отличіе. Поэтому общество должно поддерживатъ высокую цѣнность этой безцѣнной награды, въ сущности не раззоряющей тѣхъ, кто щедро даетъ ее. Съ этою же цѣлью, то-есть съ цѣлью поддержанія нравственности, доблести и общественныхъ добродѣтелей, надо стараться увеличивать число людей, цѣнящихъ славу какъ высшую награду.

Развратный человѣкъ большею частію жестокосердъ, вялъ умственно, черезъ-чуръ эгоистиченъ, старается добиться житейскихъ благъ не силою ума и энергіи (пропавшихъ отъ истощенія развратомъ), не трудолюбіемъ (уменьшающимся отъ разврата), а лестью, униженіемъ, подлостями.

У людей, истощенныхъ развратомъ, прежде всего отказываются служить, или ослабляются, мускулы ногъ

и нервная система; поэтому эти жалкіе люди инстинктивно и охотно падаютъ на колѣни, валяются у чужихъ ногъ, любятъ умолять о чемъ-нибудь, плакать, трусить и дрожать отъ страха.

Ослабленіе памяти отъ разврата заставляетъ человѣка все забытое, все истинное замѣнять выдумками, сплетнями, ложью. Поэтому развратные люди плохіе друзья, плохіе люди и плохіе члены общества; поэтому мыслящее, развитое, цивилизованное общество и государство всегда инстинктивно преслѣдовало и должно неумолимо преслѣдовать людей, истощающихъ себя излишними половыми наслажденіями. Самый развратъ и всѣ виды его должны быть неумолимо преслѣдуемы, какъ способы, увеличивающіе возможность и удобность половой невоздержанности.

Представители высшей степени развитія ума, энергіи и цивилизаціи нашего вѣка, жители Великобританіи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, инстинктивно строже другихъ народовъ относятся къ разврату. Точно также были не развратны всѣ историческіе народы въ періодъ ихъ силы, энергіи, могущества. Быстро падали, уничтожались эти народы, когда могущество ихъ и богатства были дурно направлены на усиленіе разврата и другихъ привычекъ, убыточныхъ для матеріальныхъ интересовъ общества и большинства. Такъ пала древняя громадная, исполинская Римская Имперія подъ ударами толпы дикарей, менѣе развратныхъ, чѣмъ Римляне. Такъ пали древніе великіе народы Греціи, Египта, Персіи и Испаніи.

Точно также и отдѣльные люди проявляли умъ и энергію преимущественно тогда, когда были поставлены въ обстоятельства, благопріятствовавшія половой умѣренности

или даже воздержности. Такъ напримѣръ, благодаря невольной половой воздержности и умѣренности, проявлялась геніальность, ученость и талантливость.

Но намъ остается сказать о высшей роли женщины, о положеніи матери. Хотя мать и назначена природой быть кормилицей своего ребенка; но нянькою она рѣдко можетъ быть вслѣдствіе избытка нѣжности или высшихъ умственныхъ способностей, не всегда мирящихся съ этимъ трудомъ. Званіе няньки требуетъ, наконецъ, особаго приготовленія, навыка: лучшими няньками обыкновенно бываютъ тѣ, которыя имѣли на своихъ рукахъ не одно, а множество дѣтей. Предполагать же, чтобы всякая мать была непремѣнно хорошею нянькою своего ребенка невозможно и даже отчасти жестоко. Если мы утверждали, что присутствіе дѣтей въ семьѣ оказываетъ морализирующее вліяніе на взрослыхъ, то это въ такомъ только случаѣ, когда тягости домашняго труда не падаютъ на одну мать—иначе же дѣйствіе будетъ скорѣе отупляющее.

Нѣтъ, мать не нянька, не гувернантка и не учительница, а нѣчто высшее. Гегель называетъ мать геніемъ дитяти, пусть же она имъ и будетъ. Чѣмъ больше освободится она отъ низшихъ обиходныхъ обязанностей вокругъ своего ребенка, тѣмъ болѣе сосредоточитъ она свою нѣжность въ высшемъ на немъ вліяніи и тѣмъ скорѣе привлечетъ своего мужа къ этимъ святымъ обязанностямъ. Обязанность матери въ отношеніи будущаго потомства и состоитъ въ томъ, чтобы путемъ морализирующаго вліянія семьи и возможно большаго доступа къ общественнымъ занятіямъ научить мужчину, избѣгать

тѣхъ крутыхъ мѣръ, тѣхъ разрушительныхъ поворотовъ и захватовъ, отъ которыхъ міръ по временамъ вздрагиваетъ. Не о деспотизмѣ мужчины надъ женщиной должна поэтому идти рѣчь, а объ облегченіи для нея домашняго труда. Людямъ стоящимъ въ сторонѣ отъ семейнаго міра и не охотно рискующимъ въ него попасть (а эти-то у насъ болѣе всего и занимаются женскимъ вопросомъ), обыкновенно мало представляется та страшная зависимость, въ которую иногда бываетъ поставлена женщина.

Разберемъ же по порядку всѣ перипетіи этой такъ сказать колыбельной драмы, главнымъ дѣйствующимъ лицемъ которой является подрастающій ребенокъ. Самая большая трудность первоначальнаго ухода за младенцемъ заключается въ томъ, что ребенокъ не родится подобно дѣтенышамъ животныхъ, защищеннымъ болѣе или менѣе отъ вліянія внѣшней природы. Весь его наружный видъ бьётъ на возбужденіе участія и состраданія, а потому и на болѣе тѣсную связь съ своимъ родомъ: онъ голъ и беззащитенъ; ни одинъ изъ его органовъ и членовъ ему вначалѣ не служитъ, даже грудь матери, и ту сосетъ онъ тогда только, когда подноситъ ему мать. Внѣшнія вліянія дѣйствуютъ на него до того враждебнымъ образомъ, что человѣческій индивидуумъ никогда, можно сказать, не бываетъ такъ близокъ къ смерти какъ по своемъ рожденіи; половина младенцевъ не доживаетъ обыкновенно и одного года. Изъ этого уже одного легко можно понять какую страшную борьбу, въ интересѣ потомства, должна выдерживать женщина-мать не утратившая въ себѣ материнскіе инстинкты.

О любви и бракѣ.

(*Продолженіе*).

Умъ и энергія, преимущественно у людей, не отличавшихся особенною красотою, или даже имѣвшихъ тѣлѣсные недостатки, и у людей уединенныхъ, арестованныхъ. Такъ это было, напримѣръ, у Сократа, Вольтера, Байрона, Марата, Дантона, Наполеона, Пушкина, Галилея, Фрауэнгофера, Сильвіо-Пеллико и др.

Такимъ образомъ, развратъ, половое истощеніе—есть главный и сильнѣйшій гасильникъ просвѣщенія, ума, энергіи и главная преграда къ воспринятію познаній, къ прогрессу и цивилизаціи, простирающейся дальше усвоенія европейскаго моднаго платья и европейскихъ привычекъ.

Любовь, это одно изъ лучшихъ удовольствій въ человѣческой жизни, тогда только гигіенически полезна, когда она вполнѣ оканчивается, но не ограничивается дѣломъ любви, т. е. половымъ актомъ.

Слово любви, отвлеченная сторона любви, доставляетъ наибольшую, продолжительнѣйшую, безвреднѣйшую массу удовольствій и наслажденій, чѣмъ самое дѣло любви, которымъ обыкновенно кончается и доказывается взаимная любовь. Сильная любовь, доставляющая наибольшую массу пріятныхъ ощущеній—возможна только тогда, ко-

гда человѣкъ не развратничаетъ, соблюдаетъ половую умѣренность. Только при этомъ условіи любовь можетъ быть однимъ изъ полезныхъ или безвредныхъ удовольствій, даже необходимымъ удовольствіемъ, такъ какъ ощущеніе удовольствій болѣе полезно человѣку, чѣмъ ощущеніе неудовольствій. Любовь можетъ быть хорошимъ психо-гигіеническимъ дѣятелемъ тогда только, когда основаніемъ любви послужила не только красота и богатство предмета любви. Красота и богатство предмета любви легко доводятъ любовь до степени душевной болѣзни. Любовь къ красотѣ, какъ и любовь вообще, при ея сильной степени, производящей психическія болѣзни, умѣряется вслѣдствіе пребыванія въ веселомъ, шумномъ обществѣ, общественными удовольствіями, тяжелымъ трудомъ и соблюденіемъ вообще гигіеническихъ правилъ.

Умѣренность въ половой дѣятельности является однимъ изъ болѣе практическихъ и болѣе важныхъ психогигіеническихъ правилъ, не только вслѣдствіе физіологическаго вреда отъ половой неумѣренности, или разврата, но и потому, что 1) богатый и бѣдный человѣкъ легко могутъ исполнить этотъ совѣтъ гигіены, тогда какъ исполненіе многихъ другихъ совѣтовъ, даваемыхъ гигіеною, обыкновенно требуетъ зажиточности исполнителя, или требуетъ приложенія къ совѣтамъ болѣе или менѣе значительной суммы денегъ, для того, чтобы эти совѣты могли бы исполнять тѣ незажиточные, небогатые люди, изъ которыхъ, какъ извѣстно, состоитъ громадное большинство людей. 2) Умѣренность половой дѣятельности экономически выгодна, не только потому, что сокращаетъ наши расходы на удовлетвореніе этого

инстинкта, но и потому, что человѣкъ соблюдающій половую умѣренность, избѣгающій разврата и всѣхъ его видовъ, такимъ образомъ дѣлаетъ организмъ свой болѣе здоровымъ и сильнымъ. Организмъ воздержнаго человѣка, для поддержанія своего здоровья, силы тѣлесной, силы ума и энергіи и своихъ познаній,—требуетъ менѣе пищи, меньшей холи тѣла, менѣе возбудительныхъ средствъ, чѣмъ организмъ человѣка, истощеннаго половою неумѣренностью или предающагося неестественнымъ способамъ удовлетворенія этого инстинкта.

Къ числу видовъ половой невоздержности, къ числу видовъ разврата, принадлежитъ и онанизмъ, или рукоблудіе. Этотъ порокъ тѣмъ ужаснѣе, что жертвами его люди дѣлаются почти въ колыбели и остаются жертвами его иногда всю жизнь, не подозрѣвая того, что они одержимы этимъ порокомъ. Такъ доктора, Крафтъ, Камбеке, Маржоленъ и другіе видѣли онанистовъ дѣтей 11 мѣсяцевъ отъ роду, даже грудныхъ дѣтей! Это указываетъ, что онанизмъ получается и въ видѣ наслѣдственнаго порока. Къ пріобрѣтенію, или къ развитію этого порока, какъ и вообще къ разврату способствуетъ: присутствіе при безнравственныхъ сценахъ и разговорахъ, любострастныя мысли, игры, картины, статуи, книги, возбуждающія любострастіе, праздность. Всѣ эти причины получили даже названіе «духовной ананіи.» «Das ist eine Art. geistiger Onanie»—какъ выражаются изслѣдователи онанизма. Къ матеріальнымъ причинамъ онанизма относятся: сидячая жизнь, брюшное полнокровіе, гастрическія нечистоты, глисты, горячительная пища, одиночество, спанье на спинѣ, теплыя постели, треніе половыхъ органовъ одеждою или бѣльемъ, позднее вставаніе. Послѣдствія и признаки онанизма почти тѣ же, что у людей, предающихся половымъ излишествамъ болѣе естественнымъ способамъ, то есть ослабленіе сначала ногъ, потомъ зрѣнія, памяти, соображенія, энергіи, пищеваренія (но не аппетита), развитіе душевныхъ болѣзней (общество-боязни, ипохондріи и др.), лѣности, неспособности къ тяжелой и продолжительной работѣ. Особенности, свойственныя онанизму, состоятъ: въ излишней стыдливости и дикости, въ сыпяхъ на лбу, въ избѣганіи чужихъ взглядовъ, въ подозрительности, въ вспыльчивости, въ склонности къ полнѣйшей неподвижности. Далѣе, разница между этимъ порокомъ и естественнымъ способомъ удовлетворенія инстинкта заключается въ томъ, что воздержаться отъ этого порока труднѣе, чѣмъ отъ естественныхъ половыхъ излишествъ, потому что этотъ порокъ не требуетъ чужаго сочувствія и легко переходитъ изъ области сознательности половаго акта въ безсознательный, неудержимый порокъ, остановить который можетъ только одна смерть, или строгая чужая сила. Дѣйствительно замѣчено, что онанизмъ можетъ совершаться помимо воли и сознанія онаниста — днёмъ и ночью. Устраненіе этого порока состоитъ въ устраненіи упомянутыхъ причинъ этого порока. Спеціальное лѣченіе онанизма, развившагося до неудержимаго безсознательнаго онанизма, состоитъ въ употребленіи механическихъ аппаратовъ, одеждъ и другихъ средствъ, отнимающихъ физическую возможность совершать рукоблудія. Эти средства многочисленны и продаются обык-

новенно въ складахъ хирургическихъ и тому подобныхъ инструментовъ.

Самыя радикальныя средства для предупрежденія этого порока заключаются въ томъ, чтобы избѣгать праздности, особенно уединенія, любострастныхъ примѣровъ, разговоровъ и книгъ. Излѣченіе преимущественно зависитъ отъ механическихъ средствъ, отъ долгаго чужаго контроля; иногда оно достигалось вступленіемъ паціента въ бракъ.

Половая умѣренная дѣятельность поддерживаетъ веселое расположеніе духа, а это послѣднее, въ свою очередь, воспитываетъ энергію и поддерживаетъ ее во время житейскихъ несчастій. Крайняя половая невоздержность вреднѣе крайней половой воздержности, — хотя обѣ эти крайности довольно вредны сами по себѣ.

Эстерленъ, въ сочиненіи «Руководство частной и общественной гигіены,» говоритъ: «Сохраненіе половаго побужденія и чувственности, повидимому, необходимо мужчинамъ для хорошаго расположенія духа и любви къ обществу. Отъ половаго излишества происходитъ слабоуміе, слабохарактерность, уныніе, мизантропія и слабоумное сумасшествіе.» Бурдахъ въ своей «физіологіи» говоритъ, что любострастіе чаще происходитъ отъ того, что голова не занята ни чѣмъ инымъ, кромѣ сладострастія, нежели отъ избытка половаго выдѣлительнаго вещества.

Излишняя чувствительность, излишнее сладострастіе развиваются отъ привычки заниматься чувственными сладострастными актами и идеями, отъ чтенія и отъ общества, часто напоминающаго сладострастныя дѣла и мысли; отъ сидячей жизни, горячительной, сильно-

питательной, сладкой пищи; отъ всего, что производитъ треніе половыхъ частей и приливы крови къ нимъ; отъ сильныхъ приливовъ крови къ головѣ.

Льюисъ, Карпентеръ, Гербертъ, Спенсеръ и многіе біологи и физіологи замѣчаютъ, что умственно трудящійся человѣкъ дѣлается способнымъ къ половой дѣятельности позднѣе прочихъ людей и имѣетъ меньшую плодовитость.

Кэри въ своемъ руководствѣ къ соціальной наукѣ (изд. 1869 г., гл. XXXVII) полагаетъ, что степень плодородности, или плодовитости, организмовъ измѣняется обратно-пропорціонально степени развитія нервной системы. Люди, сильно занятые умственною дѣятельностью, говоритъ Кэри, какъ извѣстно, вообще не плодовиты въ дѣторожденіи; пресѣченіе семействъ, повидимому тѣсно связано съ высокимъ развитіемъ умственныхъ способностей. Наполеонъ, Виллингтонъ, Фоксъ, Питтъ и другіе замѣчательные люди не оставили послѣ себя дѣтей и не передали въ потомствѣ своихъ дарованій.

Народы, которые усиливали свою воспроизводительную дѣятельность или вслѣдствіе безнравственности, или вслѣдствіе многоженства — обыкновенно теряли умъ и энергію. Такъ многоженство магометанъ, изъ грозныхъ энергичныхъ завоевателей, покровителей и развивателей древней литературы и познаній — сдѣлало магометанъ жалкими и трусливыми народами.

Замѣчено также, что средній статистическій возрастъ нецивилизованныхъ странъ менѣе, чѣмъ статистическій возрастъ болѣе цивилизованныхъ странъ. Это вѣроятно происходитъ отъ увеличенія и болѣе равномѣрнаго рас-

предѣленія матеріальныхъ средствъ къ благоденствію людей, вмѣстѣ съ увеличеніемъ цивилизаціи; но этотъ фактъ наводитъ также на мысль, что народъ болѣе юный, молодой (въ статистическомъ смыслѣ), имѣя развитый, менѣе сформировавшійся (въ физіологическомъ смыслѣ) умъ, подобно отдѣльному несовершеннолѣтнему, недорослому человѣку успѣваетъ сдать своему потомству только тотъ умъ, ту энергію и ту степень практичности, которые свойственны несовершеннолѣтію, и затѣмъ принужденъ умирать. Народъ же цивилизованный, благодаря возможности пожить дольше, успѣваетъ оставить и воспитать даже тѣхъ дѣтей, которыя родятся въ періодъ наибольшаго развитія ума, энергіи, практичности и зажиточности родителей. Такія дѣти будутъ имѣть задатки ума и энергіи, соотвѣтствующія степени развитія родителей, и сверхъ того, благодаря зажиточности, погибнутъ въ меньшемъ числѣ, чѣмъ дѣти юныхъ, недоразвитыхъ родителей, большею частію неуспѣвшихъ добиться до матеріально-обезпеченнаго, безбѣднаго существованія. Другими словами очень юный, неразвитый народъ родитъ неразвитыхъ дѣтей, и только цивилизація и матеріальное благоденствіе даютъ возможность родить и воспитывать дѣтей въ періодъ полнаго развитія родителей.

Замѣчено также, что мелочныя заботы, дрязги, лишенія, безпокойства, неизбѣжныя для женатаго незажиточнаго впечатлительнаго человѣка, повидимому, ослабляютъ силы, или полетъ геніальности, таланта; съуживаютъ умственный кругозоръ и возвышенность міровоззрѣнія или чувствъ. Словомъ, бракъ въ бѣдности и въ

юности ускоряетъ развитіе эгоистическаго матеріализма; меркантильности и разочарованія; уменьшаетъ склонность къ проявленію общественныхъ гражданскихъ доблестей, сильнаго ума и сильной энергіи. Геніальными, талантливыми людьми были обыкновенно молодые холостые люди; даже бѣдность одинакого человѣка не мѣшала ему проявлять умъ и энергію. Но эти же люди, рано и бѣдно женившись, подъ игомъ половой невоздержности и увеличившихся безпокойствъ и нуждъ, часто дѣлались обыкновеннѣйшими людьми, филистерами, невидящими ничего дальше куска хлѣба, добытаго всѣми средствами дурными и хорошими. Эти люди, рано женившись и бѣдствуя, обыкновенно теряли ореолъ своей славной холостой молодости и переживали свою славу; если только были не въ силахъ бросить тотъ (теперь непосильный) трудъ, который далъ имъ славу, если были не въ силахъ молча пасть подъ ударами нужды и времени, молча, по-цезарски и во время прикрыться драпировкою, или тогою прежней славы.

По этимъ причинамъ, бракъ въ психо-гигіеническихъ видахъ полезенъ не ранѣе окончанія полнаго образованія, воспитанія и физіологическаго умственнаго и волеваго развитія – и при условіяхъ благопріятныхъ для развитія потомства—и не въ тѣ годы, когда умъ, энергія, познанія приближаются къ нулю. Другими словами, бракъ, спеціально для сохраненія и развитія своего личнаго ума и ума своего потомства, обыкновенно полезенъ въ періодъ отъ 24-хъ до 30-ти лѣтъ и никакъ не позднѣе 50 лѣтъ. При бракѣ, разумѣется, должно соблюдать и другія правила начистой общественной гигіены, т. е. напр. половую

умѣренность, избѣгать браковъ съ родственниками, съ особами лично страдающими неизлѣчимыми недостатками ума и энергіи, или которыхъ предки передавали другъ другу психическія болѣзни на всю жизнь, или на извѣстный періодъ его. Надо помнить при этомъ, что есть много психическихъ разстройствъ, которыя не только не препятствуютъ браку, но даже излѣчиваются только бракомъ. Такъ, напримѣръ, посредствомъ брака быстро излѣчиваются ослабленіе и болѣзни ума и энергіи, происходящія отъ разврата, отъ онанизма, отъ крайняго избытка крови, отъ крайняго воздержанія.

Есть научныя мнѣнія, доказывающія, что при бракѣ даже полезны физіологическіе или анатомическіе контрасты въ тѣлосложеніи и въ качествахъ ума, энергіи брачущихся. Все-таки нельзя признать пользу крайне сильныхъ противоположностей между брачущимися. Нельзя не признать, что одинъ изъ супруговъ, будучи крайне слабоуменъ, слабохарактеренъ, неразвитъ,—мало-по-малу дурно повліяетъ на другаго, хотя бы лучшій изъ супруговъ держалъ свою другую половину въ полномъ подчиненіи. Небольшая разность между умомъ, энергіею и познаніями супруговъ сглаживаются признаніемъ авторитета каждаго изъ супруговъ, по отношенію къ дѣламъ ему болѣе посильнымъ.

Бракъ полезенъ еще тѣмъ, что между брачущимися рѣже встрѣчаются болѣзни вообще, чѣмъ между живущеми внѣ брака, а большая часть болѣзней, крайне изнуряющихъ, разслабляющихъ тѣло, прежде всего разслабляетъ энергію, а затѣмъ память и силу сообразительности ума. Во всякомъ бракѣ, въ психо-гигіеническомъ

отношеніи, особенно опасенъ періодъ новобрачія, или такъ называемый медовой мѣсяцъ. Въ этотъ періодъ легко навсегда испортить свое здоровье, свой умъ и свою энергію,—если дозволить себѣ половую неумѣренность и рѣзкій переходъ отъ холостаго образа жизни къ образу жизни новобрачныхъ.

Спенсеръ.

Стараясь, чтобы дѣти во всѣхъ случаяхъ подвергались естественной реакціи ихъ поступковъ, вы съ пользою обуздаете и свой собственный характеръ. Методъ нравственнаго воспитанія, котораго придерживаются многіе и едва ли не большинство родителей, состоитъ въ томъ, что гнѣвъ выражается тѣмъ способомъ, какой внушается въ первую минуту. Удары, толчки и брань, которые ребенокъ получаетъ отъ матери за свои проступки (многіе изъ нихъ въ сущности вовсе и не проступки), обыкновенно показываютъ только необузданность ея чувствъ и происходятъ скорѣе отъ внушеній этихъ чувствъ, чѣмъ изъ желанія добра виновнику. Но остановившись при каждомъ проступкѣ для того, чтобы обсудить, каковы его нормальныя послѣдствія и какъ они лучше всего могутъ подѣйствовать на виновника, вы будете имѣть время овладѣть собою; первоначальный слѣпой гнѣвъ обратится въ менѣе раздраженное чувство, а слѣдовательно и заблужденіе будетъ менѣе вѣроятно.

Не старайтесь, однако, быть безстрастными орудіями. Не забывайте, что кромѣ естественныхъ противодѣйствій поступкамъ ребенка, навлекаемымъ на него самымъ порядкомъ вещей, ваше личное осужденіе или одобреніе

есть столь же естественное противодѣйствіе и узаконенное средство для руководства имъ. Мы возстаемъ противъ ошибочнаго *замѣщенія* опредѣляемыхъ природою наказаній родительскимъ неудовольствіемъ и наказаніями искусственными. Если же родительское неудовольствіе не будетъ *замѣщать* эти естественныя слѣдствія, то мы отнюдь не противъ, чтобы оно *сопровождало* ихъ. Если *второстепенный* родъ наказаній не завладѣваетъ областью *первостепеннаго*, онъ можетъ, въ нѣкоторой степени, справедливо дополнять его. Огорченіе или негодованіе, которое вы чувствуете, должны выражаться въ словахъ или обращеніи, подчиняясь, конечно, критикѣ разсудка. Родъ и степень нашихъ чувствъ будутъ необходимо зависѣть отъ вашего личнаго характера, и потому безполезно говорить, каковы они должны быть. Старайтесь, однако, измѣнять ваши чувства въ такія, которыя по вашему мнѣнію должны поддерживаться. Остерегайтесь преимущественно двухъ крайностей не только относительно степени, но и продолжительности вашего неудовольствія. Съ одной стороны избѣгайте той слабой впечатлительности, свойственной многимъ матерямъ, которыя бранятъ и забываютъ все почти въ одно мгновеніе. Съ другой стороны, не выказывайте слишкомъ продолжительно своихъ непріязненныхъ чувствъ, чтобы не пріучить ребенка обходиться безъ вашей дружбы и не утратить такимъ образомъ своего вліянія на него. Нравственная реакція, вызываемая въ васъ дѣйствіями ребенка, должна насколько возможно уподобляться той, какая, по вашему мнѣнію, произошла бы въ наиболѣе совершенномъ родителѣ.

Будьте умѣренны въ приказаніяхъ. Приказывайте только тогда, когда другія средства непримѣнимы или безуспѣшны. «Частыя приказанія направлены болѣе къ выгодѣ родителей, чѣмъ ребенка,» говоритъ Рихтеръ. Какъ въ первобытныхъ обществахъ нарушеніе закона наказывается не столько потому, что оно вредно, а потому, что оно доказываетъ неуваженіе къ власти правителя, возмущеніе противъ него, такъ и во многихъ семействахъ виновникъ наказывается менѣе вслѣдствіе негодности проступка, чѣмъ вслѣдствіе гнѣва за непослушаніе. Прислушайтесь къ обыкновеннымъ рѣчамъ—„Какъ ты *смѣешь* не слушаться меня?—Я говорю тебѣ, что я *заставлю* тебя это сдѣлать.—Ты узнаешь скоро, кто *господинъ*"—и затѣмъ разсмотрите, что подразумѣвается въ словахъ, голосѣ и манерахъ. Въ нихъ гораздо болѣе видна рѣшимость подчинить ребенка, чѣмъ забота о его благѣ. Въ настоящее время цѣль воспитателей мало отличается отъ цѣли деспота, рѣшающагося наказать непокорнаго. Справедливый родитель, однако, подобно человѣколюбивому законодателю, будетъ находить удовольствіе не въ понужденіи, а въ избѣжаніи его. Онъ будетъ обходиться безъ законовъ тамъ, гдѣ могутъ успѣшно употребляться другіе способы руководства; ему будетъ тяжело прибѣгать къ закону, когда законъ необходимъ. Рихтеръ замѣчаетъ: — «Говорятъ, что лучшее правило политики *не слишкомъ управлять*. Это правило столько же вѣрно и въ воспитаніи.» Родители, въ которыхъ страсть къ власти сдерживается мѣрнымъ пониманіемъ своей обязанности, добровольно сообразуясь съ этимъ правиломъ, будутъ добиваться, чтобы дѣти ихъ управляли на сколько возможно сами собою, а къ неограниченной власти будутъ прибѣгать какъ къ послѣднему средству.

Но когда вамъ приходится приказывать, приказывайте рѣшительно и настоятельно. Если условія дѣйствительно таковы, что иной образъ дѣйствія невозможенъ, объявите свое рѣшеніе и послѣ того уже не уклоняйтесь отъ него. Обсудите какъ слѣдуетъ то, къ чему вы приступаете; взвѣсьте всѣ послѣдствія; обдумайте, достаточно ли твердо ваше намѣреніе и издавъ послѣ этого законъ, требуйте повиновенія во чтобы то ни стало. Пусть наказанія ваши, подобно наказаніямъ, налагаемымъ неодушевленною природою, будутъ неизбѣжны. Горячій уголь обжигаетъ ребенка, когда онъ въ первый разъ его схватываетъ, точно также и во второй и третій, и каждый разъ, какъ онъ это дѣлаетъ, и ребенокъ вскорѣ научается не дотрогиваться до горячаго угля. Если вы точно также постоянны, если, послѣ того какъ вы сказали ребенку, что въ случаѣ извѣстныхъ поступковъ его ожидаютъ такія-то послѣдствія, и послѣдствія эти однообразны, ребенокъ скоро начинаетъ уважать ваши законы, какъ онъ уважаетъ законы природы. И уваженіе это, разъ установившись будетъ предупреждать безконечныя семейныя непріятности. Наихудшее изъ всѣхъ золъ въ воспитаніи это непослѣдовательность. Какъ въ обществѣ преступленія умножаются, когда не существуетъ извѣстнаго отправленія правосудія, такъ въ семействѣ значительное умноженіе проступковъ происходитъ отъ нерѣшительности или неправильнаго опредѣленія наказаній. Слабая мать, которая постоянно угрожаетъ и рѣдко приводитъ въ дѣй-

ствіе угрозы, которая установляетъ правила слишкомъ поспѣшно и впослѣдствіи отказывается отъ нихъ—къ одной и той же ошибкѣ одинъ разъ относится строго, а другой—снисходительно, смотря по расположенію духа, накопляетъ бѣдствія для себя и для своихъ дѣтей. Она заставляетъ ихъ смотрѣть на нее съ презрѣніемъ; она подаетъ имъ примѣръ необузданности чувствъ; она поощряетъ ихъ къ дурнымъ поступкамъ, подавая надежду на вѣроятную безнаказанность; она причиняетъ безконечныя ссоры и тѣмъ портитъ свой собственный характеръ и характеры своихъ дѣтей; она доводитъ ихъ чувства до нравственнаго хаоса, который впослѣдствіи съ трудомъ приводится въ порядокъ горькимъ опытомъ. Даже варварская форма домашняго управленія, если она послѣдовательна, благопріятнѣе болѣе мягкой, но непослѣдовательной. И такъ мы повторяемъ, избѣгайте, по возможности, насильственныхъ мѣръ; если же вы находите, что деспотизмъ дѣйствительно необходимъ, тогда будьте тверды и неуклонны.

Независимый англійскій мальчикъ—отецъ независимаго взрослаго англичанина, и безъ перваго не можетъ быть послѣдняго. Нѣмецкіе воспитатели говорятъ, что они предпочли бы имѣть подъ своимъ надзоромъ двѣнадцать нѣмецкихъ мальчиковъ, чѣмъ одного англійскаго. Должны ли поэтому желать, чтобы англійскіе мальчики обладали послушаніемъ нѣмецкихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подобострастіемъ и политическимъ рабствомъ взрослыхъ нѣмцевъ? Или намъ выгоднѣе допускать въ мальчикахъ тѣ чувства, которыя дѣлаютъ человѣка свободнымъ, и сообразно тому измѣнять наши методы?

Наконецъ, помните всегда, что правильное воспитаніе не простая и легкая задача, но весьма сложная и въ высшей степени трудная, самый тяжелый трудъ, достающійся взрослымъ. Только самые посредственные и неразвитые умы могутъ дѣйствительно прибѣгать къ грубому и неразборчивому способу домашняго управленія. Побои и ругательства суть наказанія, которыя подсказываются сами собою какъ наименѣе прирученному дикарю, такъ и самому тупоголовому мужику. Даже и животныя способны употреблять этотъ методъ дисциплины, что вы можете замѣтить въ ворчаніи и укушеніяхъ, которыми собака обуздываетъ слишкомъ требовательнаго щенка. Но если вы захотите съ успѣхомъ проводить раціональную, выработанную систему, вы должны быть подготовлены къ значительнымъ умственнымъ усиліямъ, къ нѣкоторому размышленію, остроумію, терпѣнію и самообладанію. Вамъ придется непрерывно обсуждать, каковы во взрослой жизни послѣдствія извѣстнаго образа дѣйствій и при этомъ вы должны будете придумывать способы, по которымъ одинакіе поступки вашихъ дѣтей могли бы всегда сопровождаться одинакими результатами. Ежедневно необходимо будетъ анализировать побужденія юношескаго поведенія, чтобы отличать дѣйствительно хорошіе поступки отъ тѣхъ, которые, хотя и подобны имъ, вытекаютъ однако же изъ низшихъ побужденій; въ то же время вамъ придется быть постоянно на сторожѣ противъ грубыхъ ошибокъ, въ которыя впадаютъ многіе и которыя состоятъ въ томъ, что безразличныя дѣйствія относятъ къ проступкамъ, приписывая ихъ худшимъ побужденіямъ чѣмъ тѣ, которыя мотивировали ихъ. Вы

должны болѣе или менѣе измѣнять вашъ методъ, чтобы приноравляться къ склонностямъ каждаго ребенка, и должны быть готовы дѣлать дальнѣйшія измѣненія со вступленіемъ способностей каждаго ребенка въ новый фазисъ. Ваша вѣра будетъ часто подвергаться испытанію, когда встрѣтится надобность упорно держаться той системы, которая повидимому мало или вовсе не производитъ никакого дѣйствія. Особенно если вамъ придется имѣть дѣло съ дѣтьми прежде дурно веденными, вы должны быть готовы къ продолжительному испытанію терпѣнія, прежде чѣмъ лучшіе методы будутъ имѣть успѣхъ, потому что это дѣло нелегкое даже тогда, когда чувства съ самаго начала получили правильное направленіе; оно становится гораздо труднѣе, когда приходится исправлять ложное направленіе. Вамъ придется постоянно анализировать не только побужденія вашихъ дѣтей, но и ваши собственныя чувства, чтобы различать тѣ внутреннія внушенія, которыя вытекаютъ изъ чисто родительской заботливости, отъ тѣхъ источниковъ, причиной которыхъ вашъ личный эгоизмъ, ваша любовь къ покою и ваша страсть къ власти. И тогда, продолжая испытывать себя, вы необходимо будете не только открывать, но и обуздывать эти низшія побужденія. Однимъ словомъ, воспитывая своихъ дѣтей, вы должны будете дать себѣ высшее образованіе. Въ умственномъ отношеніи, вы должны съ полезною цѣлью обработывать самый сложный изъ всѣхъ предметовъ—человѣческую природу и ея законы, проявляющіеся въ дѣтяхъ, въ васъ самихъ и во всемъ свѣтѣ. Въ нравственномъ—вы должны постоянно упражнять свои высшія чувства и обуздывать низшія. Намъ остается еще

признать истину, что послѣдняя степень умственнаго развитія каждаго мужчины и каждой женщины достигается только посредствомъ точнаго выполненія родительскихъ обязанностей. Когда же истина эта будетъ признана, люди увидятъ, какъ прекрасенъ порядокъ, который ведетъ человѣческія существа къ тому, что подростковъ своихъ сильнѣйшихъ привязанностей они подвергаютъ той дисциплинѣ, которая иначе миновала бы ихъ.

Между тѣмъ какъ нѣкоторые взглянутъ съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ на это понятіе о воспитаніи, какимъ оно должно быть, другіе, какъ мы думаемъ, замѣтятъ въ возвышенномъ идеалѣ, который оно представляетъ, доказательство его истинности. Изъ того, что понятіе это не можетъ осуществиться людьми необузданными, безчувственными и близорукими, но требуетъ высшихъ качествъ человѣческой природы, они убѣдятся, на сколько оно согласуется съ болѣе совершеннымъ состояніемъ человѣчества. Хотя оно требуетъ большаго труда и самопожертвованія, они поймутъ, что оно обѣщаетъ обильный возрастъ счастья и непосредственнаго, и отдаленнаго. Они увидятъ, какъ вдвойнѣ вредна дурная система въ своемъ вредномъ вліяніи на родителей и на дѣтей, и въ тоже время, какъ вдвойнѣ благодѣтельна хорошая система, которая осчастливливаетъ того, кто воспитываетъ, и того, кто воспитывается. (*По книги Спенсера о воспитаніи*).

О дружбѣ.

Безъ дружбы чѣмъ была-бы жизнь человѣка?

Наука безъ дружбы изсушаетъ и заставляетъ увядать, власть опьяняетъ и дѣлаетъ гордымъ; благочестіе, лишенное милосердія, есть только лицемѣріе. Богачъ внушаетъ мнѣ отвращеніе своимъ себялюбіемъ; я сожалѣю влюбленнаго за его безпечность; мнѣ противенъ сластолюбецъ — въ силу его распущенности. Но пусть божественная дружба начнетъ согрѣвать наши души и все тотчасъ же приметъ иной, болѣе блестящій видъ. Дружба придаетъ величіе всему — удовольствію и любви, власти и богатству, наукѣ и религіи; она всему съумѣетъ придать прелесть, красоту и величіе.

Дружба иногда заставляетъ прощать жестокія обиды и дѣлаетъ достойнымъ зависти несчастіе.

Священный долгъ каждаго гражданина стремиться воспитывать въ себѣ дружбу къ человѣчеству. Самъ же я смѣло могу похвастаться тѣмъ, что всегда имѣлъ друзей. Сердце мое всегда, во всѣ времена моей жизни, было переполнено нѣжною привязанностью и дружбою къ человѣчеству.

Въ святилищѣ науки, у подножья алтарей, въ объятіяхъ сладострастія и даже дружбы меня преслѣдуетъ и безпокоитъ сознаніе о тягостномъ положеніи человѣчества. Великодушные юноши, священный кругъ друзей—великъ и славно наше призваніе: мы должны стремиться къ искорененію порока и обоюдной тираніи. Мы не должны измѣнять нашему назначенію?

Что касается меня лично, то я уже давно поднялъ руку къ небу и далъ клятву: Жить и трудиться въ пользу этой цѣли.

Я живу ради осуществленія этого священнаго дѣла, дѣла дружбы.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВЕЛИКІЙ ПУТЬ КЪ ИСТИНѢ, А ВѢРНЫЯ ПРИЧИНЫ КЪ ТОМУ ЭТО ЕСТЬ НАУКА.

(О литературѣ).